

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Редакторъ

РАБОТНИКЪ

№ 5-6

№ № 5-6

НЕПЕРИОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Издание Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА

Типографія „Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ“
1899

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

П. Аксельродъ. Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соц.-демократовъ.	1
В. Сиверянинъ. Война. Историческая драма.	35
Товарищъ. Сельскіе рабочіе въ юго-восточн. губ. Европейской Россіи.	73
С—овъ. Послѣдній конгрессъ нѣмецкой соц.-демократіи.	85

10-15-64

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Литовское рабочее движеніе.	1
Кое-что о латышскомъ рабочемъ движеніи въ Прибалтійскомъ краѣ.	8
Златоустовскій казенный заводъ (Уфимской губ.).	13
Ярославль.	14
Стачка ткачей на фаб. Варвары Морозовой.	17
Открытое письмо къ Польской Соц. Партіи.	28
Г—вонъ. Рабочее движеніе въ Финляндіи.	35
П. Аксельродъ. Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и социалистической демократіи въ Россіи.	38
Борьба Польской Социалистической Партіи противъ Еврейскаго Рабочаго Союза.	72
Г. Плехановъ. В. Г. Вѣлинскій.	104

Д. Кольцовъ. Рабочіе и интеллигенція.	143
П. Аксельродъ. По поводу новаго народнаго бѣд- ствія.	159

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Д. Кольцовъ. Международный конгрессъ по зако- нодательству объ охранѣ рабочихъ (съ двумя приложеніями).	213
Д-ръ Карпелесъ. Борьба англійскихъ машинно- строителей.	244
Д-ръ Оливетти. Пролетаріатъ и послѣднія событія въ Италіи.	266
Нѣкоторыя черты рабочаго движенія въ Швеціи.	274
Антоновъ. Послѣдніе выборы во Франціи.	278
Виргилянъ. Выборы во Франціи.	289
Письмо изъ Австріи	294

ХРОНИКА АРЕСТОВЪ.

Смерть С. С. Костромина.	309
Изъ Одессы.	312
Арестъ и судъ надъ В. Бурцевымъ въ Лондонѣ.	313
Заявленіе „Группы Освобожденія Труда“.	315

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемыя Письма предназначались и написаны были первоначально, одно — для новогодняго сборника, изданіе котораго задумано было „Русскимъ Соціалъдемократическимъ Обществомъ“ въ Нью-Йоркѣ, другое — для № 2 „Рабочей Газеты“, издающейся въ Россіи. Но литературный проэктъ нашихъ нью-іоркскихъ товарищей не осуществился: — сборникъ ихъ не вышелъ въ свѣтъ. Второе Письмо также не появилось еще въ печати, хотя и по другой причинѣ. Когда оно попало въ руки редакціи „Рабочей Газеты“, № 2 этого соціалъдемократическаго органа былъ уже готовъ, а, можетъ быть, даже отпечатанъ.

Второе Письмо отчасти дополняетъ первое, и оба вмѣстѣ конкретнѣе развиваютъ и поясняютъ до извѣстной степени ту руководящую мысль и тѣ руководящія тенденціи, которыя лежатъ въ основѣ, но не формулированы, въ моемъ Послѣсловіи къ брошюрѣ „Объ Агитаціи“. Я пытаюсь, поэтому, надеждой, что Письма эти разсѣютъ нѣсколько тѣ недоразумѣнія, которыя „Послѣсловіе“ вызвало въ нѣкоторыхъ соц.-демократич. кружкахъ.

Въ первой изъ предлагаемыхъ статей я подчеркнулъ индифферентизмъ большинства марксистской молодежи въ прошломъ десятилѣтіи къ нѣкоторымъ изъ наиболѣе основныхъ отрицательныхъ сторонъ русской жизни. Этимъ я отнюдь не хотѣлъ набрасывать тѣни на первыхъ пионеровъ нашего движенія. Односторонности и теоретическія преувеличенія неизбежны для всякаго новаго направленія мысли на первыхъ стадіяхъ его развитія, когда ему приходится въ тяжелой борьбѣ завое-

вывать себѣ право на жизнь. А обстоятельства, при которыхъ зародилось марксистское теченіе въ Россіи, были особенно неблагоприятны и болѣе, чѣмъ достаточны для того, чтобы всецѣло оправдать первыхъ молодыхъ его представителей отъ всякихъ упрековъ въ „односторонности“, „узкости“ и т. п. Замѣчу кстати, что не народникамъ упрекать ихъ въ политическомъ индифферентизмѣ. Настоящимъ теоретикомъ этого индифферентизма явился никто иной, какъ г. Н. — онъ, а г. В. В. уже въ началѣ 80-хъ годовъ пропагандировалъ даже союзъ демократіи съ абсолютизмомъ.

Цюрихъ, мартъ 1898 г.

П. А.

Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

Ноябрь 1897 г.

ДОРОГІЕ ТОВАРИЩИ!

Скоро будетъ 15 лѣтъ, какъ родилась русская социаль-демократія. Но не въ самой Россіи, въ пылу героической борьбы революціонной партіи съ правительствомъ, а среди маленькой группы эмигрантовъ, спасшихся волею судебъ отъ участи, постигшей большинство ихъ друзей и товарищей. Борьбы въ настоящемъ смыслѣ слова уже не было, раздавалось только шумное ликование царевыхъ слугъ, размыскавшихъ и безпощадно добывавшихъ попавшіеся имъ въ руки остатки недавно еще столь грозныхъ отрядовъ русской революціонной партіи. Новое для Россіи революционное дѣтище появилось на свѣтъ въ самый разгаръ реакціи — реакціи не только правительственной, но и общественной. Либеральныя силы перепугались и съезжились, когда увидѣли, что за „Народной Волей“ нѣтъ никакой силы, что она представляетъ собою лишь авангардъ отважныхъ борцовъ, борцовъ, правда, неустрашимыхъ и полныхъ непоколебимой энергіи, но все же бессильныхъ одолѣть врага — за неизмѣнимъ арміи. Когда правитель-

ство пребывало въ вѣчномъ страхѣ и трепетѣ подъ ударами революціонеровъ, либеральное общество втихомолку, по крайней мѣрѣ, восторгалось ими и до извѣстной степени оказывало имъ поддержку. Но лишь только реакція одолѣла партію „Народной Воли“, симпатіи либераловъ къ революціонному движенію вдругъ испарились, уступивъ мѣсто полнѣйшему индифферентизму, чтобы не сказать больше. Учащаяся молодежь, съ своей стороны, была слишкомъ ошеломлена и разочарована трагическимъ исходомъ движенія, руководимаго „Исполнительнымъ Комитетомъ“, чтобы не усумниться въ самой цѣлесообразности революціонныхъ путей, а безъ активной поддержки этой молодежи и непрерывнаго притока бойцовъ изъ ея среды движеніе не могло возобновиться, такъ какъ рабочая масса оставалась тогда совсѣмъ еще не затронутой революціонной агитаціей. Программа „Группы Освобожденія Труда“ явилась именно отвѣтомъ на вопросъ: какъ выйти изъ этого тяжелаго положенія? Откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ и какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на побѣду?

„Возвышая голосъ во имя народа, они (демократическіе идеологи высшихъ классовъ) съ удивленіемъ видятъ, что народъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ; отсюда — неустойчивость политическихъ воззрѣній, а временами уныніе и полное разочарованіе нашей интеллигенціи*“). Вы сами знаете, какой выходъ изъ этого положенія былъ указанъ „Группой Освобожденія Труда“. „Образованіе революціонной рабочей партіи, первой задачей которой должно быть низверженіе абсолютизма“ — этими словами „Гр. Ос. Тр.“ формулировала тотъ путь, на который слѣдовало бы вступить революціонной интеллигенціи. Въ извѣстной брошюрѣ Плеханова „Соціализмъ и Политическая Борьба“ практическія задачи русской соціалдемократіи были впервые теоретически обоснованы. Но тѣ же обстоятельства, которыя

*) Проектъ программы.

вызвали къ жизни литературное социаль-демократическое течение, оказались большимъ тормазомъ для возникновенія живого социаль-демократическаго движенія въ *самой Россіи*. Можно сказать, что въ течение дѣлаго десятилѣтія оно оставалось въ состояніи зародыша; только въ послѣдніе годы оно начинаетъ проявлять жизнь и принимать формы, обѣщающія быстрый и здоровый ростъ.

Говоря, что движеніе наше до недавняго времени оставалось въ зародышевомъ состояніи, я имѣю въ виду не одни лишь непосредственно практическія проявленія его, не одну только практическую дѣятельность представителей его въ Россіи. Оно и въ теоріи, и по вопросамъ *программнымъ* только теперь начинаетъ становиться на почву социаль-демократіи. Дѣло въ томъ, что ученія послѣдней, будучи интернаціональными, охватывая общій ходъ и всемірноисторическія условія и задачи освободительнаго движенія пролетаріата, даютъ только теоретическую основу и указываютъ общее направленіе его, но отнюдь не опредѣляютъ еще апріорнымъ образомъ *національной* программы рабочихъ партій въ каждой отдѣльной странѣ.

Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать одну оговорку: социальная демократія возникла и окрѣпла въ странахъ, уже покончившихъ съ той эпохой развитія капитализма и буржуазнаго общества, которую переживаетъ современная Россія. Какъ ни сильно различаются онѣ по своимъ политическимъ учрежденіямъ, основныя условія существованія пролетаріата въ нихъ, если не тождественны, то *однородны*. Поэтому, и въ практическихъ задачахъ, въ программѣ и тактикѣ ихъ социаль-демократическихъ партій не можетъ быть существенной разницы. Разница тутъ можетъ быть только въ деталяхъ. Совершенно въ другомъ положеніи находится русская социаль-демократія. Россія, вступившая уже въ эпоху промышленнаго капитализма, вмѣстѣ съ тѣмъ живетъ и на примитивныхъ ступеняхъ его: она далеко еще не покончила съ эпохой первоначальнаго накопленія, и народу

русскому приходится одновременно переживать страдания, вызываемыя прогрессомъ крупной промышленности, и гнѣтъ экономическаго и политическаго варварства, соответствующаго періодамъ капиталистической эволюціи, давно уже пережитыми передовыми народами Запада. Русскому промышленному пролетариату приходится начинать свою историческую карьеру въ тискахъ бюрократическаго абсолютизма и подъ высокимъ давлениемъ *насильственной* экспроприаціи и дифференціаціи крестьянства, совершающихся совмѣстными силами государства и торгово-ростовщическаго капитала. Обездоленные и некультурныя сельскія массы бѣгутъ въ города и обезцѣниваютъ и безъ того болѣе чѣмъ дешевый трудъ уже сформированныхъ кадровъ городского рабочаго класса. Уже однѣ эти особенности историческаго положенія послѣдняго требуютъ иной постановки вопроса о *ближайшихъ* задачахъ его освободительнаго движенія, чѣмъ на Западѣ. Мысль эта очень опредѣленно и ясно выражена уже въ обнародованной „Группой Осв. Труда“ программѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Практическія задачи, а слѣдовательно, и программы социальдемократовъ естественно должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ, и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ такихъ странахъ социальдемократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ, и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи.

Россія находится именно въ такомъ положеніи.“

Эта точка зрѣнія на задачи русской социальдемократіи позволила представителямъ новаго теченія революціонной мысли отнести къ бунтарско-террористическому періоду нашего революціоннаго движенія не только какъ къ объекту отрицанія. Въ нихъ представленіи социальдемократизмъ долженъ былъ явиться лишь новой эволюціей движенія, уже начатаго и создавшаго

извѣстныя традиціи, эволюціей, имѣющей не выбросить за бортъ, а напротивъ, сохранить и, такъ сказать, оживотворить новой теоріей положительныя элементы революціоннаго народничества. Революціонеры 70-хъ годовъ принимали въ расчетъ интересы одного лишь крестьянства и строили свою программу на положительномъ и отрицательномъ отношеніи къ остаткамъ крѣпостной эпохи, почти-что игнорируя измѣненія, вносимыя въ русскую жизнь успѣхами крупной промышленности. Изъ новыхъ явленій этой жизни имъ больше всего бросались въ глаза растущій гнетъ рыцарей кулацко-торговаго капитала и порабощеніе ими себѣ все большихъ и большихъ массъ деревенскаго населенія. Эта односторонность, объясняющаяся зачаточнымъ состояніемъ промышленнаго капитализма въ періодъ возникновенія и выработки народническихъ ученій, гибельно отразилось на движеніи 70-хъ годовъ. Какъ бы то ни было, тѣ элементы русской дѣйствительности, которыми опредѣлялось содержаніе и направленіе народничества, образуютъ въ своей совокупности національно-историческія условія, въ которыхъ приходится выступать на историческое поприще нашему пролетариату. Они-то и обусловливаютъ и „болѣе сложный характеръ“ практическихъ задачъ русской социальдемократіи. И поскольку народничество было революціонно, т. е. выступало противъ сословно-бюрократическаго государства и поддерживаемыхъ имъ варварскихъ формъ эксплуатаціи и угнетенія народныхъ массъ, по стольку оно должно было войти, съ соотвѣтствующими измѣненіями, какъ составной элементъ въ программу русской социальдемократіи. Чтобы, ради экономіи, не входить въ пространныя разъясненія, приведу еще пару выдержекъ изъ программы „Гр. Осв. Тр.“

„Старая система натурального хлѣбства уступаетъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самымъ открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной промышленности. Патріархальныя, общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются, община превращается въ простое средство закрѣпощенія государ-

ству крестьянскаго населенія, а во многих мѣстностяхъ она служитъ также орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми.

„Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безправіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система.

„Такое положеніе дѣлъ было бы вполне безнадежно, если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Богѣе восприимчивый, подвижный и развитый, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое крестьянское населеніе.

„Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса оно и можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи, русскіе социаль-демократы считаютъ первой и главнѣйшею своею обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи“.

Въ этихъ выдержкахъ само собою бросается въ глаза не только отрицательное, но и положительное отношеніе новаго теченія русской революціонной мысли къ бунтарско-террористическому періоду нашего движенія. Характернѣе всего здѣсь заявленіе, что русская революція послужила бы „прежде всего на пользу крестьянства“. Далекое не лишено значенія также то замѣчаніе, въ которомъ косвеннымъ образомъ, какъ гдѣто само собою подразумевающееся, признается огромное революціонное значеніе за энергичной оппозиціей либеральныхъ слоевъ общества правительству, если бы у насъ таковая имѣлась. Въ этомъ пунктѣ заграничная группа русскихъ социальдемократовъ выразила тенденцію партіи „Нар. Воли“, которая, въ лицѣ Желябова напр., считала необходимымъ союзъ революціонеровъ съ ли-

берально-оппозиционными элементами „для завоеванія возможно болѣе демократической конституціи“. Наконецъ, если вникнуть въ *практическую* мотивировку идеи образованія „революціонной рабочей партіи“ въ современной Россіи, то увидимъ, что и на ней отразилась духовная связь социалъдемократическаго теченія съ предыдущимъ періодомъ нашего революціоннаго движенія. Политическая организація рабочихъ мотивируется здѣсь не самодовлѣющими интересами пролетаріата и не отдаленными цѣлями социализма, а настоятельной необходимостью такой организаціи для ближайшихъ общедемократическихъ цѣлей русскаго революціоннаго движенія, для обезпеченія революціонерамъ успѣха въ борьбѣ противъ современнаго государства за интересы трудящагося класса, класса вообще, т. е. и крестьянскихъ массъ, и городскихъ рабочихъ. Можно подумать, что въ представленіи первой русскои социалъдемократической группы рабочее движеніе рисовалось не какъ нѣчто само въ себѣ заключающее цѣль и оправданіе своего существованія, а лишь какъ средство или орудіе, предназначенное служить другимъ общественнымъ силамъ. Такое заключеніе было бы, разумѣется, невѣрно. Но несомнѣнно то, что для этой группы мысль объ организаціи рабочей партіи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ политическими и социальными тенденціями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими всѣ демократическіе элементы нашей интеллигенціи.

Въ самомъ дѣлѣ, пересматривая пункты программы, о которой здѣсь идетъ рѣчь, мы видимъ, что только одинъ изъ нихъ касается исключительно и всецѣло рабочихъ, именно тотъ, въ которомъ содержится требованіе серьезнаго фабричнаго законодательства и организаціи фабричной инспекціи „съ представительствомъ отъ рабочихъ“. Большая же часть остальныхъ пунктовъ направлена противъ сословной и общественной организаціи и противъ самодержавія; нѣкоторые изъ нихъ, по своему радикализму, идутъ дальше вождедѣвнй умѣренно

либеральных элементов, но за то охватывают интересы всей народной массы и всѣхъ слоевъ демократической интеллигенціи. Затѣмъ, изъ четырехъ такъ-наз. „экономическихъ требованій“, только одно вышеупомянутое имѣетъ въ виду исключительно рабочихъ („городскихъ и сельскихъ“), всѣ же другія направлены, главнымъ образомъ, на защиту крестьянъ и кустарей, и только отчасти промышленныхъ пролетаріевъ.

Читатель знаетъ, съ какимъ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, народники распространяли и распространяютъ легенду объ „узкости“ русскихъ социалъдемократовъ а ихъ крестьянофобіи. Читателю не безъинтересно будетъ, поэтому, сопоставить съ этой легендой слѣдующія строки, резюмирующія смыслъ и практическія тенденціи цитированной программы.

„Эти требованія — содержаніе которыхъ только-что перело — настолько же благоприятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный изъ деревни въ качествѣ обдѣлываемаго члена общины, пролетарій вернется въ нее социалъдемократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратимо лишь до тѣхъ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою явится рабочая партія и увлеченная ею обдѣлываемая часть крестьянства.“

Въ этой характеристикѣ практической программы первыхъ русскихъ социалъдемократовъ недостаетъ еще только одной черты — именно, указанія на то, что „требованія“, перечисленныя въ ней, „благопріятны“ и интересамъ прогрессивныхъ слоевъ высшихъ классовъ вообще, а демократической интеллигенціи въ особенности. Обще-демократическія тенденціи составляютъ органическій элементъ въ политической дѣятельности пролетаріата всѣхъ странъ. Но они играютъ или должны играть, въ извѣстномъ смыслѣ, еще гораздо большую роль въ Россіи, гдѣ промышленный капитализмъ

развивается еще въ социальнo-политической и культурной атмосферѣ эпохи первоначальнаго накопленія, гдѣ буржуазія еще не принимаетъ участія въ управленіи государствомъ, а промышленный пролетаріатъ, по своимъ составнымъ элементамъ и условіямъ существованія, въ высокой степени связанъ еще съ деревней. Къ сожалѣнію, тяжелыя обстоятельства, при которыхъ марксизмъ началъ приобрѣтать вліяніе среди нашей учащейся молодежи, помѣшали послѣдней усвоить его сразу въ примѣненіи къ конкретнымъ историческимъ условіямъ жизни и развитія пролетаріата въ современной Россіи. Истощеніе въ интеллигенціи активныхъ революціонныхъ силъ и полное разочарованіе въ старыхъ путяхъ сосредоточили мысль и вниманіе идейной молодежи на саморазвитіи и сѣзнили кругъ ея интересовъ и стремленій сферой теоретическихъ вопросовъ, главнымъ образомъ, конечно, „соціологическихъ“. Идейная же атмосфера народничества, изъ котораго все революціонное вывѣтрилось и которое обратилось въ либерально-реакціонную смѣсь, давало очень одностороннее направленіе этому „саморазвитію“ и работѣ рвавшейся впередъ революціонной мысли. Тѣ элементы учащейся молодежи, симпатія которыхъ тяготѣли къ социалдемократіи, невольно усваивали ученія послѣдней, какъ „соціологическую доктрину“, безусловно отрицающую все содержаніе народничества, ничего общаго не имѣющую не только съ его либерально-реакціонными вырожденками, но и съ бунтарско-террористическимъ періодомъ. Но порывая, такимъ образомъ, всякую идейную связь съ революціоннымъ народничествомъ и его традиціями, элементы эти тѣмъ самымъ вычеркнули изъ списка реальныхъ факторовъ, опредѣляющихъ современное историческое положеніе русскаго пролетаріата, тѣ элементы русской жизни, которые образуютъ собою реакціонную національно-историческую атмосферу, въ которой задыхается русскій народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочій классъ. Въ результатъ такой логической операціи, получилась абстрактная доктрина, объяснявшая историческую неиз-

бѣжность капиталистическаго прогресса и его революціонныя тенденціи въ болѣе или менѣе далекой перспективѣ, но оставлявшая въ тѣни жгучіе вопросы революціонной борьбы въ современной Россіи. Политическій индифферентизмъ и безразличное отношеніе къ страданіямъ и бѣдствіямъ народныхъ массъ, не непосредственно обусловливаемыхъ эксплуатаціей рабочаго промышленнымъ капиталистомъ, являлись характернѣйшей отличительной чертой чуть не большинства марксистской молодежи въ прошломъ десятилѣтіи. Но рассматривая экономическій антагонизмъ наемныхъ рабочихъ и капиталистовъ изолированно отъ окружающей ихъ соціально-политической и культурной среды, мы прямолинейнымъ образомъ приходимъ — въ теоріи — къ абстрактному понятію объ отношеніи труда и капитала, генезисъ и особенности котораго объясняетъ намъ ученіе Маркса о стоимости и прибавочной стоимости, а на практикѣ — къ такъ-называемой экономической борьбѣ, проще говоря, къ стачкамъ, какъ къ единственному, или по крайней мѣрѣ, главному освободительному средству пролетаріата. Въ 80-хъ годахъ, вслѣдствіе крайняго истощенія революціонныхъ силъ и необходимости усвоить основныя положенія марксизма, молодые адепты его не могли еще вступить на этотъ путь. Зато тѣмъ усерднѣе ломали они свои головы надъ теоріей стоимости. Многіе изъ нихъ попадали при этомъ въ схоластическіе дебри, серьезно воображая, однако, что они все-таки работаютъ на пользу революціи.

Впрочемъ, въ извѣстномъ смыслѣ, они были правы. Если не всѣ, то лучшіе изъ представителей молодежи, упивавшихся ученіями Маркса, понесли эти послѣднія въ рабочую среду, съ твердымъ намѣреніемъ подготовить тамъ элементы „для будущей русской рабочей партіи“.

Какъ ни абстрактно пропагандировались эти ученія, ихъ революціонное вліяніе на передовыхъ рабочихъ начали проявляться уже въ первые годы нашего десятилѣтія. А въ серединѣ его въ кругу марксистской моло-

дежи и спропагандированныхъ рабочихъ накопилося уже столько активныхъ силъ, что сама собою назрѣла потребность въ переходѣ къ живой, непосредственно революціонной дѣятельности. На первыхъ порахъ она приняла одностороннюю форму организацій и поддержки почти одиѣхъ только стачекъ. Эта эволюція въ нашемъ социальдемократическомъ движеніи была въ значительной мѣрѣ исторически необходима и (что особенно важно) не смотря на свою односторонность, несомнѣнно очень плодотворна съ точки зрѣнія политическаго развитія русскаго пролетаріата и его друзей въ интеллигенціи. Стачечное движеніе въ какіе-нибудь два года поставило зашевелившіеся рабочіе слои и ихъ организаціонный авангардъ лицомъ къ лицу съ абсолютизмомъ и успѣло уже выдвинуть передъ ними на очередь вопросъ о завоеваніи политической свободы. Этимъ самымъ социальдемократическое движеніе вступаетъ на такую почву, которая должна привлечь къ нему симпатіи всѣхъ истинныхъ друзей прогресса въ Россіи, какъ бы отрицательно они ни относились къ теоріямъ и окончательнымъ пѣлямъ социальной демократіи. Далѣе, агитація на почвѣ экономическихъ интересовъ неизбежно приведетъ социальдемократическіе кружки въ непосредственное столкновеніе съ фактами, наглядно показывающими тѣснѣйшую солидарность интересовъ нашего промышленнаго пролетаріата съ крестьянскими массами. Съ другой стороны, съ успѣхомъ и расширеніемъ поля агитаціи, прогрессивно будутъ расти и потребности социальдемократіи въ увеличеніи своихъ силъ и средствъ. Уже теперь массовая агитація поглощаетъ тѣкъ и другихъ такое количество, что должна ощущаться нужда въ обезпеченіи и расширеніи источника для ихъ непрерывнаго пополненія и обновленія. Еще настоятельнѣе она, конечно, станетъ тогда, когда русскіе социальдемократы раздвинутъ рамки своей дѣятельности въ указанномъ направленіи и поведутъ атаку противъ абсолютизма, хотя и подъ классовымъ знаменемъ пролетаріата, но во имя и въ защиту всѣхъ угнетенныхъ и обездо-

ленныхъ. Но это же расширеніе сферы классовой борьбы русскаго пролетаріата и послужить вѣрнымъ источникомъ для обезпеченія ей постоянного притока необходимыхъ силъ и средствъ.

Господствовавшій въ средѣ марксистовъ въ 80-хъ годахъ индифферентизмъ ко всѣмъ явленіямъ русской жизни, выходящимъ за сферу непосредственнаго антагонизма труда и капитала, представлялъ собою своеобразное отраженіе того тактическаго взгляда западной социалъдемократіи, по которому всѣ классы и партіи составляютъ по отношенію къ пролетаріату „одну сплошную реакціонную массу“. Этотъ тактический лозунгъ находится въ логической связи съ практическими стремленіями революціоннаго пролетаріата на Западѣ къ „политической эспроприаціи“ высшихъ классовъ и выражаетъ въ нѣсколько гиперболической формѣ тотъ фактъ, что въ силу своего господствующаго положенія въ государствѣ, классы эти не могутъ не выступать принципиальными антагонистами социалъ-демократовъ. Вообще, тактика рѣзко враждебнаго противопоставленія политической организаціи рабочихъ всѣмъ буржуазнымъ партіямъ не есть плодъ социалъдемократическаго или иного доктринерства. Она органически выросла на исторической почвѣ, характеризующейся, съ одной стороны, рѣзкимъ, окончательнымъ выдѣленіемъ городскихъ рабочихъ изъ общей народной массы въ экономически и культурно особый классъ, а съ другой стороны, полнымъ господствомъ крупнаго капиталистическаго производства и отсутствіемъ монархическаго абсолютизма въ управленіи государствомъ. Особенно важно при этомъ то, что историческое движеніе, создавшее эту почву, подняло вмѣстѣ съ тѣмъ пролетаріатъ и на интеллектуальную высоту, дѣлающую его *способнымъ* къ организованной защитѣ своихъ интересовъ и создало политическія условія, позволяющія ему, если не одерживать рѣшительныхъ побѣдъ надъ *соединенными* силами другихъ классовъ, то, по крайней мѣрѣ, бороться противъ нихъ и крѣпнуть въ этой борьбѣ.

Въ Россіи нѣтъ еще самаго главнаго условія для политической борьбы съ буржуазіей — нѣтъ политически господствующихъ классовъ, а за то имѣется царь съ чиновниками, самодержавно властвующими надъ всей націей. Промышленные рабочіе находятся въ непримиримомъ антагонизмѣ съ предпринимателями, т. е. съ однимъ слоемъ капиталистической буржуазіи. Но такъ какъ буржуазія вообще не стоитъ у кормила государственнаго корабля, то и антагонизмъ пролетаріата съ нею *непосредственно* имѣетъ лишь экономическій характеръ. И если онъ содержитъ въ себѣ неизсякаемый источникъ импульсовъ для развитія политическаго сознанія и политическихъ страстей въ нашемъ рабочемъ классѣ, то не въ силу политическаго господства капиталистическихъ слоевъ буржуазіи, а потому, что они находятся подъ особымъ *покровительствомъ* царской бюрократіи. Но это относительно привилегированное положеніе торгово-промышленной буржуазіи является однимъ изъ главныхъ источниковъ для антагонизма и разночинской интеллигенціи и образованныхъ слоевъ представителей частнаго землевладѣнія, противъ самодержавнаго строя государства. Наконецъ, въ лицѣ своихъ кулачко-ростовщическихъ слоевъ, наша капиталистическая буржуазія является спеціальнымъ угнетателемъ и врагомъ бѣднѣйшихъ массъ крестьянства, врагомъ, опять-таки поддерживаемымъ и покровительствуемымъ „соціальной политикой“ абсолютизма и его прислужниковъ. Однимъ словомъ, реальное изложеніе вещей отнюдь не обрекаетъ нашъ промышленный пролетаріатъ на соціально-политическую изолированность. И слава Богу, что не обрекаетъ. Начавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, мало-культурнаго крестьянства, онъ и теперь еще, въ массѣ, слишкомъ глубоко товетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состояніи — въ тискахъ абсолютизма — совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки, подняться на высоту сознательной революціонной силы. Еще меньше шансовъ

имѣла бы наша „революціонная рабочая партія“ расти и энергично проявлять себя въ жизни, еслибъ ей пришлось уже на современной низкой ступени интеллектуальнаго и культурнаго развитія народныхъ массъ въ Россіи, на почвѣ самодержавно-полицейскаго государства, вести борьбу противъ *всѣхъ* буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ классовъ, какъ противъ „одной сплошной реакціонной массы“. А между тѣмъ, марксистская молодежь 80-хъ годовъ какъ бы совершенно не сознавала значенія этихъ моментовъ и видѣла единственную гарантію успѣховъ нашего социалъдемократическаго движенія въ численномъ ростѣ фабрично-заводскаго пролетаріата. Эта точка зрѣнія могла уживаться кое-какъ съ чисто-пропагандистскою дѣятельностью въ маленькихъ кружкахъ изъ отборныхъ единицъ рабочаго класса. Но она становится несомвѣстной съ организаціонной и агитаціонной дѣятельностью въ массахъ. Боевой характеръ ея обуславливаетъ огромныя потери силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ значительнаго контингента инициативныхъ элементовъ и организаторовъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи крупныя литературныя силы и матеріальныя средства. Для непрерывной революціонной борьбы необходима, наконецъ, и сочувственная внѣшняя атмосфера, т. е. если не явное, то хоть скрытное благоволеніе широкихъ общественныхъ слоевъ, не стоящихъ цѣликомъ на точкѣ зрѣнія идеологовъ революціоннаго пролетаріата.

Такимъ образомъ, помимо даже широкихъ политическихъ соображеній, одни повседневныя нужды нашего движенія въ новомъ его фазисѣ выдвигаютъ на очередь вопросъ о возможно широкомъ воздѣйствіи русской социалъдемократіи на тѣ слои населенія, которые, хотя и не принадлежатъ къ рабочему классу, тѣмъ не менѣе, страдаютъ отъ современныхъ порядковъ. Но для воздѣйствія на эти слои отнюдь нѣтъ необходимости, чтобы социалъдемократы отправились дѣйствовать въ ихъ средѣ. Задача пріобрѣтенія русскими социалъдемократами приверженцевъ и прямыхъ или косвенныхъ со-

возниковъ среди не-пролетарскихъ классовъ рѣшается прежде всего и главнымъ образомъ характеромъ агитационно-пропагандистской дѣятельности въ средѣ *самого пролетаріата*. До сихъ поръ дѣятельность эта вращалась почти цѣлкомъ вокругъ непосредственно экономической эксплуатаціи рабочихъ нанимателями. Указанная же задача требуетъ расширенія объема агитаціи и пропаганды вопросами, представляющими собою узловые пункты, въ которыхъ сходятся и дереплетаются интересы какъ пролетаріата, такъ и другихъ классовъ, угнетаемыхъ или тѣснимыхъ абсолютизмомъ и покровительствуемой имъ капиталистической буржуазіей. Но эти вопросы оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, самыми важными и существенными въ настоящее время для нашего пролетаріата. Слѣдовательно, подчеркивая и выдвигая ихъ, наша пропаганда и агитація будутъ наиболѣе пѣлесобразны и съ точки зрѣнія, имѣющей въ виду исключительно развитіе политическаго сознанія рабочихъ.

Принимая во вниманіе социальную беспомощность крестьянскихъ массъ и политическое безсиліе нашихъ образованныхъ классовъ, можно напередъ сказать, что социалдемократическая тактика, построенная на только-что указанныхъ соображеніяхъ, будетъ на каждомъ шагѣ обнаруживать общенациональное значеніе нашего рабочаго движенія, какъ фактора, наиболѣе сильнаго и наиболѣе рѣшительно дѣйствующаго въ борьбѣ противъ отсталаго общественно-политическаго строя Россіи. А это, въ свою очередь, явится источникомъ воздѣйствія социалдемократіи въ крестьянствѣ и среди высшихъ классовъ, которымъ приходится терпѣть отъ этого строя. По мѣрѣ же роста ея значенія и популярности, какъ наиболѣе рѣшительнаго и передоваго борца за общенародные интересы и за прогрессъ, либеральнымъ слоямъ придется въ своей легальной дѣятельности все болѣе и болѣе считаться съ потребностями и стремленіями пролетаріата. Это значить, что легальныя усилія и средства, которыми прогрессивные элементы высшихъ клас-

совъ стараются упрочить и усилить свое вліаніе на общество и государство, будутъ непосредственно служить и на пользу созданія условий, благоприятствующихъ политическому развитію и организаціи рабочихъ въ оковахъ деспотическаго государства.

Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ дольше останавливаться на высказанныхъ здѣсь положеніяхъ. Онѣ лишь намѣчаютъ, но далеко не исчерпываютъ тактическихъ вопросовъ русской социальдемократіи. Намѣченную выше тактическую точку зрѣнія я отчасти примѣнилъ въ области литературной пропаганды среди рабочихъ — въ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ двухъ вышедшихъ книжкахъ соц.-демократическаго сборника „Работникъ“. Надѣюсь, въ скоромъ времени буду имѣть случай подробнѣе поговорить о современныхъ тактическихъ задачахъ русской социальдемократіи. Теперь же позвольте мнѣ ограничиться вышесказанными общими замѣчаніями.

Не могу не воспользоваться случаемъ, чтобы не выразить Вамъ*) и всему Вашему обществу искренней признательности за ту нравственную и матеріальную поддержку, которую русско-американскіе товарищи не переставали оказывать русской социальдемократіи почти съ перваго момента ея зарожденія вплоть до настоящей минуты. Крѣпко жму Вамъ руки и шлю социальдемократическій привѣтъ всѣмъ товарищамъ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

Декабрь 1897 г.

Дорогіе товарищи!

Русская социальдемократія переживаетъ теперь въ высшей степени важный моментъ. Стачечное движеніе послѣднихъ двухъ лѣтъ, охватившее промышленные центры Россіи и цѣлыя области, показало, что русскіе социаль-

*) Редакторомъ проектировавшагося сборника.

демократы пустили уже корни въ рабочую массу и являются организаторами и руководителями въ ея повседневныхъ столкновеніяхъ съ эксплуататорами. Такимъ образомъ, они въ какіе-нибудь два года изъ мирныхъ пропагандистовъ-просвѣтителей и саморазвивающихся приверженцевъ Маркса превратились въ живую, активную революціонную силу. Но эта сила находится еще въ первыхъ стадіяхъ своего развитія, и дальнѣйшій ростъ ея далеко еще не обезпеченъ.

Что наше рабочее движеніе не остановится и не замретъ — подъ гнетомъ царско-полицейскаго самовластия — въ этомъ нечего сомнѣваться, за это ручается все экономическое развитіе Россіи. Но будетъ-ли оно впередъ расти и крѣпнуть подъ знаменемъ социальдемократіи — это другой вопросъ. А между тѣмъ, отъ положительнаго или отрицательнаго его рѣшенія зависить историческое значеніе борьбы рабочихъ съ предпринимателями и ихъ политическая роль въ современной Россіи. Да не только классовые интересы пролетаріата, весь ходъ внутренняго политическаго развитія Россіи зависить въ значительной мѣрѣ отъ того или иного характера и направленія нашего рабочаго движенія. Въ настоящую минуту, быть можетъ, подготавливается это рѣшеніе, и потому-то я считаю ее весьма важнымъ моментомъ въ жизни русской социальдемократіи.

Двѣ перспективы рисуются мнѣ въ недалекомъ будущемъ:

Рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями, и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ же за политическую свободу передовые слои пролетаріата идутъ за революціонными кружками или фракціями изъ такъ-называемой интеллигенціи. Словомъ, освободительное движеніе идетъ, если не совсѣмъ, то въ одномъ, очень важномъ отношеніи, тѣмъ же путемъ, какъ и на Западѣ въ давно-прошедшія времена, когда и тамъ еще господствовалъ монархически-чиновничій произволъ: ра-

бочія массы не играютъ въ немъ самостоятельной революціонной роли, онѣ идутъ за буржуазной интеллигенціей и сражаются за свободу не подъ собственнымъ знаменемъ, а подъ чужимъ.

Другая перспектива: Соціалдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу, частью рядомъ и въ союзы съ буржуазными революціонными фракціями (поскольку таковыя будутъ въ наличности), а частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собою наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи. Очевидно, эта послѣдняя перспектива требуетъ отъ рабочихъ гораздо болѣе высокаго уровня политическаго сознанія и самосознанія, чѣмъ первая, при которой руководителями революціоннаго движенія были бы представители буржуазныхъ классовъ, а пролетаріатъ являлся бы лишь руководимой, слѣпо идущей за ними массой.

Имѣются-ли въ русской жизни средства, необходимыя для развитія въ русскихъ рабочихъ такой политической сознательности и самодѣятельности, которая сдѣлала бы ихъ способными организовать въ самостоятельную и отчасти руководящую революціонную партію? Таковъ, поэтому, первый, можно сказать, основной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ дальнѣйшая судьба русской соціалдемократіи. Если таковыхъ средствъ не имѣется, другими словами, если нѣтъ возможности доставить русскому пролетаріату самостоятельную, передовую роль въ борьбѣ противъ царско-полицейскаго самовластия и самоуправства, то русская соціалдемократія не имѣетъ историческаго права на существованіе. Она въ такомъ случаѣ лишена всякой жизнеспособности и своимъ существованіемъ скорѣе тормозила бы ростъ революціоннаго движенія, чѣмъ способствовала бы ему.

Къ счастью для нашего пролетаріата, русская жизнь отвѣчаетъ на поставленный выше вопросъ вполне утвердительно. Однимъ изъ основныхъ условій для раз-

вѣтія рабочихъ служатъ широкое распространеніе элементарнаго образованія въ ихъ средѣ, дающаго возможность, при посредствѣ газетъ и книгъ, расширять свой умственный кругозоръ, находиться въ умственномъ общеніи съ мировымъ историческимъ движеніемъ и получать толчки и возбужденіе для мысли отъ идей и событій, наполняющихъ жизнь образованнаго, мыслящаго и дѣйствующаго человечества. Народное образованіе стоитъ у насъ еще на низкой ступени; даже простая грамота далеко еще не всему населенію доступна. Но все-же Россія сдѣлала уже значительные успѣхи въ этомъ отношеніи и за дальнѣйшіе, еще болѣе быстрые успѣхи ручаются настоятельныя нужды высшихъ классовъ и самого правительства. Благодаря этимъ нуждамъ, у насъ уже получили значительное распространеніе и развитіе такія образовательныя средства, какъ народныя школы, народныя читальни и бібліотеки, общедоступныя популярныя чтенія, дешевая народная литература и періодическая печать. Конечно, все это далеко еще не соотвѣтствуетъ потребностямъ населенія, но движеніе на пользу общенароднаго просвѣщенія не можетъ остановиться, наоборотъ, оно будетъ дальше идти ускореннымъ шагомъ, расширяя и укрѣпляя умственную почву для дѣятельности социаль-демократовъ въ рабочей массѣ.

Но грамотность и даже образованіе становятся орудіемъ для пробужденія народныхъ массъ къ политической самодѣятельности лишь тамъ, гдѣ общественная жизнь бьетъ живымъ ключомъ, гдѣ происходитъ борьба между различными классами населенія въ органахъ общественаго самоуправленія, въ собраніяхъ и печати, гдѣ, наконецъ, существуетъ и проявляется подъ разными формами и разными путями недовольство правительствомъ и всѣмъ государственнымъ строемъ. Въ конституціонныхъ странахъ всѣхъ этихъ двигателей и орудій политическаго развитія рабочихъ массъ имѣется вдоволь, и государственный порядокъ самъ благопріятствуетъ кипучей общественно-политической жизни. У

насть, разумѣется, пока и рѣчи быть не можетъ о такой кипучей жизни. Наши земскія собранія и городскія думы, ихъ пренія и ходатайства передъ правительствомъ, наши разнообразныя сѣзды и общественныя собранія, наша либеральная печать и другіе легальныя органы общественной самодѣятельности представляютъ собою лишь частички конституціонной жизни, и притомъ частички, разведенныя бочками воды, наполненными враждебными микробами. Однако, какъ они ни слабы, и эти зародыши общественнаго самоуправленія и свободы могутъ послужить опорными точками и двигателями для пробужденія и воспитанія русскаго пролетаріата къ политической жизни. Не смотря на свою тѣлесную слабость, они заключаютъ въ себѣ огромную революціонную силу, находящуюся теперь еще въ скрытомъ, неразвитомъ состояніи, но легко могущую превратиться въ живую, дѣйствующую, подъ вліяніемъ энергичной работы социальдемократовъ среди рабочихъ. Можно даже сказать (съ извѣстными оговорками), что *зачаточные* элементы конституціонной жизни въ современной Россіи непосредственно заключаютъ въ себѣ больше революціоннаго духа, чѣмъ развитыя конституціонныя формы на Западѣ. Больше потому, что на Западѣ высшіе классы, начиная съ эксплуататорскихъ, и кончая тѣми слоями, которые у насъ называются „интеллигенціей“, склонны къ консерватизму и пользуются находящеюся въ ихъ рукахъ законодательною властью, даже наукой и печатью, для борьбы *противъ* революціонныхъ стремленій пролетаріата. Въ Россіи же значительная часть этихъ классовъ, и въ особенности наиболѣе политически развитые ихъ слои сами заражены „разрушительными стремленіями“ и не могутъ не пользоваться всѣми доступными имъ путями и средствами для скрытой или явной борьбы противъ царско-полицейскаго всевластія и противъ безправія народныхъ массъ, служащаго фундаментомъ для этого всевластія. Это, разумѣется, кладетъ соотвѣтствующій отпечатокъ, какъ на либеральную

прессу, такъ и на всю общественную дѣятельность нашихъ образованныхъ круговъ.

При такихъ условіяхъ, и такія, сами по себѣ невинныя, учрежденія, какъ наши органы общественного самоуправленія и наша печать, должны стать орудіями для революціонизированья народныхъ массъ. Но, разумѣется, безъ энергическаго воздѣйствія социальдемократовъ, условія эти могутъ, по отношенію къ политическому развитію нашего пролетаріата, остаться въ состояніи вяло дѣйствующей, дремлющей силы. Онѣ могутъ, пожалуй, и послужить въ рукахъ революціонеровъ изъ либерально-демократической интеллигенціи на пользу его революціонизированья, но далеко не въ томъ смыслѣ, какъ этого требуютъ настоящіе и будущіе его классовые интересы; интересы эти требуютъ, чтобы русскій рабочій классъ уже теперь началъ организовываться въ *самостоятельную* революціонную партію и выступать, какъ самостоятельная политическая сила.

Къ сожалѣнію, наши социальдемократическіе кружки чрезвычайно далеки еще отъ тактики, имѣющей цѣлью всестороннимъ образомъ пользоваться прогрессивными элементами русской жизни въ интересахъ только-что указанной задачи. Помимо вышнихъ, не зависящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, главной помѣхой къ выработкѣ такой тактики служитъ господствующая среди нихъ точка зрѣнія, служащая сферу дѣятельности русской социальдемократіи организаціей рабочихъ для борьбы съ предпринимателями и активнымъ участіемъ въ стачкахъ. Конечно, отнюдь не всѣ изъ Васъ, дорогие товарищи, такъ узко смотрятъ на дѣло, да и большинство на практикѣ отклоняется нѣсколько отъ этой точки зрѣнія. Но въ общемъ, она несомнѣнно гораздо больше господствуетъ въ русской социальдемократіи, чѣмъ бунтарскія воззрѣнія господствовали среди революціонной интеллигенціи 70-хъ годовъ.

Она, можно сказать, является своего рода возрожденіемъ бунтарства, только на новой социальной почвѣ и на другомъ теоретическомъ фундаментѣ. Бунтарство

ко многимъ фактамъ и явленіямъ русской жизни, обуславливающимъ историческое положеніе нашего пролетаріата, а слѣдовательно, и современныя задачи его социаль-демократическаго авангарда. Оно вредно уже тѣмъ, что, суживая умственный кругозоръ передовыхъ рабочихъ узко-классовыми интересами въ томъ грубомъ смыслѣ, какой вкладываютъ буржуа въ слѣдующія и отбѣнковъ въ ученія социальной демократіи, замедляетъ собственное политическое развитіе этихъ рабочихъ и мѣшаетъ имъ выйти изъ стадіи политическаго младенчества. А это, въ свою очередь, становится тормазомъ для пріобрѣтенія нашимъ пролетаріатомъ того центрального и передоваго политическаго значенія, которое онъ могъ бы пріобрѣсти въ современной Россіи, благодаря политическому безсилію *всѣхъ другихъ классовъ*.

Не смотря на свою социальную беспомощность и полную безкультурность, крестьянство наше являлось до сихъ поръ средоточіемъ заботъ и симпатій прогрессивныхъ и революціонныхъ слоевъ интеллигенціи. Почему? Между прочимъ и потому, что они лишь въ немъ видѣли и видятъ какъ бы социальное воплощеніе своихъ прогрессивныхъ стремленій и рычагъ для избавленія отъ скрывающаго русскую жизнь государственнаго строя. Односторонняя же практика русскихъ социаль-демократовъ замедляетъ развитіе въ интеллигенціи такого же отношенія къ рабочему классу, не смотря на то, что послѣдній исторически дѣйствительно призванъ къ роли главной революціонной силы въ освободительномъ движеніи противъ устарѣлыхъ политическихъ порядковъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній замѣчу, что я далеко отъ мысли умалить значеніе такъ-называемой „экономической борьбы“. Наоборотъ, она составляетъ для меня аксіому, истину, не требующую доказательствъ, и распространяться о которой значило бы оскорблять развитаго читателя. Предвидущія замѣчанія исходятъ, поэтому, изъ того предположенія, что первостепенная важность стачекъ и вообще частныхъ столкновеній рабо-

чихъ съ капиталистами для освободительнаго движенія пролетаріата признается всѣми русскими социальдемократами, какъ уже нѣчто само собой подразумѣвающееся, вошедшее въ ихъ общее сознание. Но у насъ при этомъ не замѣчаютъ обратной стороны медали. Многіе совершенно упускаютъ изъ виду, что нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ стачки не связаны съ такими препятствіями и съ такими жертвами, какъ въ Россіи. И въ то же время нѣтъ такой страны на Западѣ, гдѣ бы рабочій классъ былъ такъ обѣденъ интеллектуальными, организаціонными и матеріальными средствами, какъ у насъ. Слѣдовательно, есть полное основаніе опасаться, что дальнѣйшее одностороннее развитіе стачечнаго движенія можетъ отразиться временнымъ истощеніемъ нашихъ силъ и повлечь за собой періодъ разочарованія и реакціи въ рядахъ нашихъ и въ самой народной массѣ. Только постоянно возрастающій притокъ новыхъ силъ изъ интеллигенціи и сочувствіе нашему движенію со стороны прогрессивныхъ слоевъ высшихъ классовъ вообще могли бы обезпечить насъ противъ такой тягостной перспективы. А для созданія себѣ такой опоры въ этихъ классахъ, мы должны всею своею практической дѣятельностью, включая и сферу чисто экономической борьбы, наглядно и неустанно обнаруживать обще-демократическія задачи нашего движенія и такимъ путемъ популяризировать обще-національное революціонное его значеніе для современной Россіи.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду и перспективу затишья въ стачечныхъ волненіяхъ. Какъ уже справедливо замѣтилъ Петербуржецъ въ своей прекрасной статьѣ „По поводу с.-петербургской стачки“ (№№ 3-4 сборника „Работникъ“), — „такія событія, какъ петербургская стачка, не могутъ ни долго тянуться, ни часто повторяться“. Куда же дѣнется, на что будетъ затрачена энергія уцѣлѣвшихъ живыхъ революціонныхъ силъ пролетаріата? Въ концѣ 70-хъ годовъ такія силы уходили въ террористическое движеніе и затеривались въ общей массѣ революціонной интеллигенціи, ни на

волось не способствовавъ ни подъему политическаго сознанія въ рабочей массѣ, ни усилению тяготѣнія въ прогрессивныхъ слояхъ общества къ пролетариату, какъ къ новой народно-революціонной общественной силѣ. Отчего бы еще разъ не повториться такому явленію, разъ наиболѣе энергичные и интеллигентные представители нашего пролетариата не найдутъ примѣненія своимъ силамъ и исхода своимъ политическимъ стремленіямъ — подъ флагомъ социальдемократіи?

Пора, однако, остановиться. Я взялся за перо совсѣмъ не съ намѣреніемъ подробно разобрать недостатки нашей тактики и излагать свои положительные взгляды на нее. Для этого рамка газетнаго письма слишкомъ тѣсны. Затѣмъ, многое изъ того, что относится къ области тактическихъ вопросовъ, можетъ быть должнымъ образомъ обсуждено только путемъ коллективныхъ совѣщаній дѣйствующихъ товарищей на мѣстныхъ и общихъ съѣздахъ.

Быть можетъ, обсужденіе тактическихъ вопросовъ и выработка *общей программы дѣйствія* положить начало или дать, по крайней мѣрѣ, рѣшительный толчокъ дѣлу объединенія революціонныхъ рабочихъ кружковъ и союзовъ въ „русскую рабочую революціонную партію“. До тѣхъ же поръ, пока не состоится такое объединеніе на почвѣ общей тактики, русская социальдемократія будетъ все еще представлять собою только зародышъ, а отнюдь не живой, полный силъ организмъ, по праву носящій это названіе.

Резюмируя свои крайне бѣглыя и очень отрывочныя замѣчанія, я скажу, что наиболѣе насущные вопросы и задачи нашего движенія группируются теперь вокругъ одного вопроса или одной задачи, которая можетъ быть сформулирована слѣдующимъ образомъ: раздвинуть рамки и расширить содержаніе нашей пропагандистско-агитаціонной и организаторской дѣятельности.

Въ заключеніе прошу васъ, дорогіе товарищи, принять мой братскій привѣтъ и искреннее пожеланіе успѣха предпринятому вами изданію. Отъ всей души

желаю, чтобы „Равочая Газета“ достойно выполняла свое назначеніе — служить органомъ для всѣхъ нашихъ социальдемократическихъ группъ — и способствовала бы скорѣйшему переходу нашего движенія въ періодъ возмужалости.

II. Аксельродъ.

ПРОЭКТЪ ПРОГРАММЫ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ*).

Русскіе социаль-демократы, подобно социаль-демократамъ другихъ странъ, стремятся къ полному освобожденію труда отъ гнета капитала. Такое освобожденіе можетъ быть достигнуто путемъ перехода въ общественную собственность всѣхъ *средствъ и предметовъ* производства, перехода, который повлечетъ за собою:

а) Устраненіе современнаго товарнаго производства (т. е. купли и продажи продуктовъ на рынкѣ) и

б) Замѣну его новой системой общественнаго производства по плану, заранѣе составленному, въ виду удовлетворенія потребностей, какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго изъ его членовъ, въ предѣлахъ, допускаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ данное время.

Эта коммунистическая революція вызоветъ самыя коренныя измѣненія во всемъ складѣ общественныхъ и международныхъ отношеній.

Замѣняя современное господство продукта надъ производителемъ — господствомъ производителя надъ продуктомъ, она внесетъ сознательность туда, гдѣ господствуетъ нынѣ слѣпая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая всѣ общественныя отношенія, она, выѣстѣ съ тѣмъ, предоставитъ каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредствен-

*) Программа эта была издана въ 1896 г.

наго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ общественныхъ дѣлъ.

Это непосредственное участіе гражданъ въ завѣдываніи общественными дѣлами предполагаетъ устраненіе современной системы политическаго представительства и замѣну ея *прямымъ народнымъ законодательствомъ*.

Кромѣ того, теперь уже можно предвидѣть международный характеръ предстоящей экономической революціи. При современномъ развитіи международнаго объѣма, упроченіе этой революціи возможно лишь при участіи въ ней всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ цивилизованныхъ обществъ. Отсюда вытекаетъ *солидарность интересовъ производителей всѣхъ странъ*, признавая и провозглашая еще Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ.

Но такъ какъ освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, такъ какъ интересы труда въ общемъ діаметрально противоположны интересамъ эксплуататоровъ, и такъ какъ, поэтому, высшіе классы всегда будутъ препятствовать указанному переустройству общественныхъ отношеній, — то неизбежнымъ предварительнымъ его условіемъ является *захватъ рабочимъ классомъ политической власти въ каждой изъ соответствующихъ странъ*. Только это временное господство рабочаго класса можетъ парализовать усилія контръ-революціонеровъ и положить конецъ существованію классовъ и ихъ борьбѣ.

Эта политическая задача вноситъ элементъ разнообразія въ программы социаль-демократовъ различныхъ государствъ, сообразно общественнымъ условіямъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Практическія задачи, а слѣдовательно, и программы социаль-демократовъ естественно должны имѣть болѣе сложный характеръ въ тѣхъ странахъ, гдѣ современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующимъ, и гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства. Въ

такихъ странахъ социаль-демократамъ приходится добиваться, какъ переходныхъ ступеней, такихъ формъ общественнаго устройства, которыя уже теперь существуютъ въ передовыхъ странахъ, и необходимы для дальнѣйшаго развитія рабочей партіи. Россія находится именно въ такомъ положеніи. Капитализмъ сдѣлалъ въ ней громадныя успѣхи со времени отмены крѣпостного права. Старая система натурального хозяйства уступаетъ мѣсто товарному производству и тѣмъ самымъ открываетъ огромный внутренній рынокъ для крупной промышленности. Патріархальныя, общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются, община превращается въ простое средство закрѣпощенія государству крестьянскаго населенія, а во многихъ мѣстностяхъ она служитъ также орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Въ то же время, приурочивая къ землѣ интересы огромной части производителей, она препятствуетъ ихъ умственному и политическому развитію, ограничивая ихъ кругозоръ узкими предѣлами деревенскихъ традицій. Русское революціонное движеніе, торжество котораго послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встрѣчаетъ въ немъ ни поддержки, ни сочувствія, ни пониманія. Главнѣйшая опора абсолютизма заключается именно въ политическомъ безразличіи и умственной отсталости крестьянства. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является безсиліе и робость тѣхъ образованныхъ слоевъ высшихъ классовъ, матеріальнымъ, умственнымъ и нравственнымъ интересамъ которыхъ противорѣчитъ современная политическая система. Возвышая голосъ во имя народа, они съ удивленіемъ видятъ, что онъ равнодушенъ къ ихъ призывамъ. Отсюда — неустойчивость политическихъ возрѣвій, а временами — уныніе и полное разочарованіе нашей интеллигенціи.

Такое положеніе дѣлъ было бы вполне безнадежно, если бы указанное движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ интересовъ трудящагося класса. Разложе-

ніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспримчивый, подвижный и развитой, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе. Между тѣмъ какъ идеалъ общинника лежитъ назади, въ тѣхъ условіяхъ патріархальнаго хозяйства, необходимымъ политическимъ дополненіемъ которыхъ было царское самодержавіе, участь промышленнаго рабочаго можетъ быть улучшена лишь благодаря развитію повѣйшихъ, болѣе свободныхъ формъ общежитія. Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадаетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ, а потому только черезъ посредство этого класса онъ и можетъ принять участіе въ передовыхъ стремленіяхъ цивилизованнаго человѣчества. На этомъ основаніи, русскіе социаль-демократы считаютъ первую и главнѣйшую свою обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи. Ростъ и развитіе такой партіи встрѣтитъ, однако, въ современномъ русскомъ абсолютизмѣ очень сильное препятствіе.

Поэтому, борьба противъ него обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою теперь зачатки будущей русской рабочей партіи. Низверженіе абсолютизма должно быть ихъ первой политической задачей.

Главнымъ средствомъ политической борьбы рабочихъ кружковъ противъ абсолютизма русскіе социаль-демократы считаютъ агитацію въ средѣ рабочаго класса и дальнѣйшее распространеніе въ ней социалистическихъ идей и революціонныхъ организацій. Тѣсно связанныя между собою въ одно стройное цѣлое, организація эти, не довольствуясь частными столкновеніями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти, въ удобный моментъ, къ общему, рѣшительному на него нападенію, при чемъ не остановится и передъ такъ-называемыми террористическими фактами, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы.

Цѣлью борьбы рабочей партіи съ абсолютизмомъ

является завоеваніе демократической конституціи, обеспечивающей:

1) Право быть избирателемъ и избираемымъ какъ въ Законодательное Собраніе, такъ и въ провинціальныя и общинныя органы самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ, за вѣдѣныя, строго опредѣленныя закономъ, позорныя дѣйствія, къ потерѣ политической правоспособности.

2) Опредѣленную закономъ денежную плату народнымъ представителямъ, позволяющую выбирать ихъ изъ бѣдныхъ классовъ населенія.

3) Всеобщее, свѣтское, даровое и обязательное образованіе, при чемъ государство должно снабжать бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неурисковенность личности и жилища гражданъ.

5) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній и ассоціаций.

6) Свободу передвиженій и занятій.

7) Полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ религіи и племеннаго происхожденія.

8) Забвѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа.

9) Пересмотръ всего нашего гражданскаго и уголовнаго законодательства, уничтоженіе сословныхъ подраздѣленій и наказаній, несомвѣстныхъ съ достоинствомъ человѣка.

Опираясь на эти основныя политическія права, рабочая партія выдвинетъ рядъ ближайшихъ экономическихъ требованій, какъ напр.:

1) Радикальнаго пересмотра нашихъ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ея крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ, и т. п.

2) Устраненія современной податной системы и установленія прогрессивнаго подоходнаго налога.

3) Законодательнаго регулированія отношеній ра-

бочихъ (городскихъ и сельскихъ) къ предпринимателямъ и организаціи соответствующей инспекціи съ *представительствомъ отъ рабочихъ.*

4) Государственной помощи производительнымъ ассоціаціямъ, организующимся во всевозможныхъ отрасляхъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требованія настолько же благоприятны интересамъ крестьянства, какъ и интересамъ промышленныхъ рабочихъ; поэтому, добиваясь ихъ осуществленія, рабочая партія проложитъ себѣ широкій путь для сближенія съ земледѣльческимъ населеніемъ. Выброшенный изъ деревни въ качествѣ обѣднѣвшаго члена общины, пролетарій вернется въ нее социаль-демократическимъ агитаторомъ. Его появленіе въ этой роли измѣнитъ безнадежную теперь судьбу общины. Ея разложеніе неотвратно лишь до тѣлѣ поръ, пока само это разложеніе не создастъ новой народной силы, могущей положить конецъ царству капитализма. Такою силою явится рабочая партія и увлеченная ею обѣднѣвшая часть крестьянства.

Примѣчаніе. Какъ видно изъ вышесказаннаго, русскіе социаль-демократы полагаютъ, что работа интеллигенціи, въ особенности при современныхъ условіяхъ социаль-политической борьбы, должна быть прежде всего направлена на болѣе развитой слой трудящагося населенія, какимъ и являются промышленные рабочіе. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социаль-демократы могутъ, съ гораздо болѣею надеждою на успѣхъ, распространить свое содѣйствіе и на крестьянъ, въ особенности въ то время, когда они добьются свободы агитаціи и пропаганды. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ сопрякосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу социалистическому движенію въ Россіи. Социаль-демократы не только не оттолкнули отъ себя такихъ людей, но прилагаютъ все стараніе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и приѣмахъ своей дѣятельности.

В. СВЕРЯНИНЪ.

БОЙНЯ.

Историческая драма изъ временъ царствованія „царя-миротворца“, Александра III, въ 4 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ г. Якутскѣ. („Событіе 22 марта 1889 г.“)

ПОСВЯЩАЕТСЯ

незабвенной и славной памяти

**Льва Матвѣевича Коганъ-Вериштейна, Николая Львовича
Зотова и Альберта Львовича Гаусмана,**

казненныхъ черезъ повѣшеніе въ г. Якутскѣ 7-го августа 1889 г.

А В Т О Р Ъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Фабулой предлагаемой вниманію читателей драмы „Бойня“ послужилъ ужасный, на нашъ взглядъ наиболѣе характерный моментъ для безправной эпохи Александра III.

Пусть тѣни растрѣленныхъ и повѣшенныхъ Якутчанахъ еще разъ напомнятъ читателямъ тотъ высшій предѣлъ, до котораго можетъ доходить у насъ неистовство произвола.

Нашимъ читателямъ можетъ показаться невѣроятнымъ, преувеличеннымъ звѣрство солдатъ, на которое мы должны были указать въ драмѣ. Для подтвержденія того, что мы не отступали отъ исторической правды, приводимъ здѣсь частичныя выписки изъ показаній казненнаго Зотова объ этихъ звѣрствахъ:

«... Прямо передъ собою у перваго крыльца я увидѣлъ Подбѣльскаго; онъ лежалъ на боку и хрипѣлъ; раныше я его нигдѣ (ни въ квартирѣ, ни на дворѣ) не видѣлъ. Слышалъ, какъ одинъ солдатъ сказалъ: «а эготъ еще хрипить, я хватилъ его прямо въ ухо! Другой говорилъ, что его нужно добить; тоже говорили обо мнѣ и другихъ (здоровыхъ уже въ то время увели): «чего, молъ, на нихъ

смотрѣть» и говорили совершенно серьезно, такъ что я съ минуты на минуту ожидалъ, что меня приколютъ...»

«... Жена Бернштейна просила разрѣшить остаться около раненаго мужа. Когда она хотѣла войти, солдаты ее чуть не приколотили. Обратившись къ Карамзину, она получила отвѣтъ: «не бѣда если и тебя приколютъ!...»

«Я видѣлъ, какъ складывали трупы на сани и еще живого Подбѣльскаго бросили поперекъ саней, а Пика вытащили за ноги и бросили съ силою внизъ на нижнія тѣла. Я уже лежалъ въ саняхъ и сколько было силъ кричалъ, что Подбѣльскій живъ, обращался къ Олесову, но тотъ не обращалъ на это обстоятельство никакого вниманія, и лишь когда кто то изъ обывателей услышалъ мой крикъ и подошелъ къ трупамъ и потребовалъ, чтобы его отдѣлили отъ мертвыхъ, — это было сдѣлано. Когда насъ взяли въ больницу, то встрѣтившійся съ нами обратный конвой, уведшій товарищей (здоровыхъ), обратился къ нашимъ конвойнымъ со словами: «чего вы везете ихъ? Приколите ихъ!» А наши конвойные отвѣчали: «тамъ докторъ самъ ихъ зарѣжетъ!» и, повторяю, говорили это серьезно. Упоминаю объ этомъ, чтобы показать, каково было къ намъ отношеніе начальства и какъ его себѣ хорошо усвоили солдаты...»*)

Мы приводимъ здѣсь результатъ окончательнаго приговора надъ этими жертвами „отношенія начальства“: **Трое были повѣшены; сосланы на каторжныя работы въ рудники:** четверо — на вѣчныя времена, шестеро — на 20 лѣтъ, четверо (женщины) — на 15 лѣтъ, одинъ — на 10 лѣтъ, двое — на 8 лѣтъ, одна — на 6 лѣтъ, двѣ женщины — на 4 года; двое сосланы на Быковъ мысъ на Ледовитомъ Океанѣ; одинъ сосланъ въ отдаленныя мѣста Якутской области; одинъ — заключенъ въ тюрьму на 3 года.

Вотъ какіе чудовищные приговоры были приведены въ исполненіе по высочайшему повелѣнію. Надо замѣтить, что исправляющій должность губернатора, по распоряженію котораго произошли всѣ эти избиенія, былъ утвержденъ въ должности.

Отсылая читателя для болѣе подробнаго ознакомленія

*) См. брошюру «Убийство политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ 22 марта 1889 г.» стр. 15—16.

съ исторіей якутскихъ убійствъ къ брошюрѣ: „Убійство политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ 22-го марта 1889 года“, мы считаемъ своею обязанностью сказать нѣсколько словъ о „вооруженномъ сопротивленіи“ ссыльныхъ якутчанъ.

Намъ неоднократно приходилось слышать мнѣніе, что выстрѣлы, произведенные ссыльными, оттолкнули отъ нихъ многихъ, въ особенности иностранцевъ, заставивъ смотрѣть на это дѣло, какъ на перестрѣлку двухъ враждебныхъ сторонъ, гдѣ, какъ извѣстно, считается законнымъ „право сильного“.

Мы обязаны, поэтому, констатировать тотъ фактъ, что въ якутской исторіи политическими ссыльными не было оказано сознательнаго, напередъ рѣшеннаго, вооруженнаго сопротивленія.

Что изъ тридцати съ лишнимъ человекъ, собравшихся въ квартирѣ Ноткина, нѣсколько ссыльныхъ, давно уже проживающихъ въ дебряхъ Сибири и готовившихся въ отъѣздъ въ очень далекое, трудное и опасное путешествіе, имѣли револьверы, — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Далѣе, при нападеніи солдатъ, которые напали первыми и, какъ установило слѣдствіе, съ заранѣе заряженными ружьями и патронами въ патронташахъ, — вполне естественно, что люди, находившіеся въ одной комнатѣ, приняли мѣры, чтобы спастись отъ разстрѣла въ упоръ, на такомъ разстояніи, на какомъ даже и русскіе законы строго запрещаютъ употреблять горячее оружіе. Что касается выстрѣловъ, произведенныхъ ссыльными, то, какъ можно себѣ выяснитъ изъ рассказовъ и показаній производившаго выстрѣла Н. Л. Зотова, они были сдѣланы или въ моментъ аффекта, почти въ безсознательномъ состояніи, или въ моментъ страшно сильнаго возбужденія, при видѣ виновника всего происшедшаго — губернатора Осташкина.

О выстрѣлѣ Ника мы не можемъ говорить, потому что онъ немедленно былъ убитъ наповаль.

Зотовъ такъ рассказываетъ о своихъ выстрѣлахъ:*)

*) Тамъ же, стр. 13—15.

«... Тутъ произошло нѣчто ужасное; раздались отчаянные вопли... Впереди нѣсколько человекъ повалились подъ ударами штыковъ... Я стоялъ недалеко отъ двери и, выхвативъ изъ кармана револьверъ, поднялъ его надъ головой и закричалъ, сколько у меня было силъ: «остановитесь!». Спасаться въ другую комнату я не могъ и этимъ движеніемъ пытался остановить, хотя на время, обезумѣвшихъ солдатъ. Но вмѣсто этого, я увидѣлъ, какъ нѣсколько солдатъ подняли на прицѣлъ ружья... Карамзинъ выхватилъ револьверъ изъ кобуры, не спуская съ меня глазъ. Первымъ моимъ движеніемъ было броситься въ дверь, но здѣсь была непроходимая толпа. Комната огласилась ужасными, раздражающими воплями... *Не помню* *), какъ я вскочилъ на диванъ. *Не помню*, успѣлъ ли я выстрѣлить раньше Карамзина и солдатъ или наоборотъ и стрѣлялъ ли кто либо раньше меня или нѣтъ. Помню, что стрѣлялъ въ Карамзина, помню выстрѣлы солдатъ и съ нашей стороны, но мнѣ представляется, что все это произошло одновременно...»

«... Тутъ на кровати, раздѣтая, лежала Софья Гуревичъ. Кто то изъ товарищей прикладывалъ ей ледъ къ огромной ранѣ на животѣ. Она была странно блѣдна и еще говорила: «Зотовъ, прощайте! Я умираю... Мнѣ очень больно, дайте мнѣ яду!...» Я совершенно *ошалѣлъ* и побѣжалъ въ длинную комнату. Тутъ слышались крики: «фельдшера!», «доктора!» Нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ и я, бросились на дворъ просить о помощи; но едва я выбѣжалъ въ коридоръ, какъ увидѣлъ за строемъ солдатъ шапку и голову Остапкина. Я помнилъ въ этотъ моментъ только грубу Пика, умирающихъ и искалѣченныхъ товарищей, слышалъ ихъ вопли и видѣлъ предъ собой виновника всѣхъ этихъ жертвъ, и у меня *моментально* явилась мысль выстрѣлить въ него. Я здѣсь на бѣгу вынулъ изъ кармана револьверъ и, выбѣжавъ на крыльцо, выстрѣлилъ разъ, а когда Остапкинъ, бросившись бѣжать за строемъ солдатъ, показался вновь въ воротахъ, я выстрѣлилъ въ него вторично и инстинктивно бросился обратно въ комнату. Повторяю, что въ этотъ моментъ я *совершенно не думалъ* о томъ, что предо мной строй солдатъ съ заряженными ружьями, что мой выстрѣлъ вызоветъ залпъ въ упоръ въ меня и товарищей, выбѣжавшихъ за мной, что я подвергаю опасности живыхъ товарищей, оставшихся въ квартирѣ. *И я не способенъ былъ разсуждать объ этомъ, находясь подъ впечатлѣніемъ ужасовъ*, которые только что видѣлъ. Не понимаю, какъ меня тогда же не убили...»

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

Мнѣ кажется, что изъ всего приведеннаго здѣсь вполне ясно, что выстрѣлы со стороны ссыльныхъ были произведены не съ заранѣе обдуманною цѣлью убійства того или другого лица изъ администраціи, а просто въ минуту самозабвенія, аффекта и „совершенной опалѣ-ности“ отъ всего видѣннаго и перенесеннаго, какъ это самъ сказалъ про себя Зотовъ.

Легальное положеніе, занимаемое авторомъ этой драмы въ Россіи, не даетъ ему возможности опубликовать свой адресъ для всѣхъ тѣхъ сношеній, которыя могли бы возникнуть по поводу предлагаемаго вниманію читателей произведенія. Всѣхъ тѣхъ лицъ, которые пожелали бы мнѣ писать, прошу письма адресовать такъ: *Imprimerie russe, 19 ch. de la Rosegaie, Genève (Suisse)* для передачи В. Сѣверянину.

Авторъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Ссыльные: *Ноткинъ*, хозяинъ дома, 25-27 лѣтъ. *Л. Коганъ-Бернштейнъ*, 27 лѣтъ. *Софья Гуревичъ*, 20 лѣтъ. *Евгенія Гуревичъ*, 18 л. *Александръ Гуревичъ*, молодой человекъ. *Зотовъ*, 25 27 лѣтъ. *Гаусманъ*. *Миноръ*. *Пикъ*. *Подбельскій*. *Сарра Коганъ-Бернштейнъ*, жена Коганъ-Бернштейна. *Одинъ изъ ссыльныхъ*. *Голоса изъ толпы*.
 Полицейскій надзиратель *Олесовъ*. *Офицеръ Карамзинъ*. *Губернаторъ Осташкинъ*. *Полиціймейстеръ Сухачевъ*. *Фельдфебель*. *Прохожій*. *Конвойный солдатъ при тюрьмѣ*. *Унтеръ-офицеръ при тюрьмѣ*. *Священникъ*. *Смотритель тюрьмы*. *Каторжникъ-палачъ*. *Предсѣдатель военно-окружнаго суда* (онъ же „генералъ“). *Прокуроръ*. *Офицеры*, *Войска* (2 роты), *полиція*, *караульные солдаты*, *толпа любопытныхъ*, *арестанты въ окладъ тюрьмы*. *Ссыльные* (кромя вышеперечисленныхъ еще 14 чел.).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Довольно большая комната, просто убранная. По правой сторонѣ (отъ зрителей) мягкій диванъ, передъ нимъ столъ, нѣсколько стульевъ и проч. Въ лѣвой стѣнѣ два окна. Въ задней — двѣ двери: одна

въ переднюю, другая въ сосѣднюю комнату которая открыта на-стезь. Во второй комнатѣ такая же простая обстановка; по правой сторонѣ — кровать, по лѣвой и задней — окна. Кое-какая мебель.

При поднятіи завѣса на сценѣ находится 12 чел. (4 женщины и 8 мужчин); они группируются въ обѣихъ комнатахъ, ходятъ, смотрять въ окна, разсматриваютъ книги, портреты, бумаги, кое-кто читаетъ. Всѣ одѣты бѣдно. Женщины (нѣкоторыя съ подрѣзанными волосами) одѣты въ кофточки, блузы; мужчины — въ пиджаки, куртки, всѣ въ мягкихъ рубашкахъ, нѣкоторые въ малороссійскихъ. Нѣкоторые въ высокихъ сапогахъ.

Остальные ссыльные, въ числѣ 20 чел., приходятъ группами; здороваются другъ съ другомъ и размѣщаются по комнатамъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ноткинъ (*входитъ изъ передней, обращаясь къ сидящимъ*). — Ну что же, господа, мы, конечно, соглашаться не будемъ?... А все-таки интересно, какой-то отвѣтъ пришлетъ губернаторъ! (*Пройдясь по комнатамъ, останавливается у окна*). Вотъ и еще идутъ! (*Уходитъ*.)

Одинъ изъ присутствующихъ. — Да, посмотримъ, посмотримъ, что-то придумаетъ Осташкинъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Входятъ: Софья Гуревичъ, Коганъ Вернштейны (мужъ и жена), Ноткинъ и нѣсколько другихъ ссыльныхъ. Пришедшіе здороваются и усаживаются.

Д. Коганъ-Вернштейнъ. — Холодно какъ, просто страсть...

Кто-то изъ сидящихъ. — Да, ничего-такя, мартъ, а морозить изрядно, не какъ въ Россіи.

Ноткинъ. — Ну, какъ-же, Гуревичъ, сдаться ли нѣтъ?

С. Гуревичъ (*садится на диванъ*). — Конечно, нѣтъ; что за пустяки, мало-ли, что они захотятъ...

Коганъ-Вернштейнъ. — Я совершенно не понимаю, что имъ нужно отъ насъ?

Ноткинъ. — Что имъ нужно? Губернатору въ должности утвердиться — больше ничего. Вотъ посмотрите, онъ обязательно сочинитъ какую-нибудь исторію. Вѣдь

нашъ Осташкинъ „бунтъ“ уже разъ устроилъ. Перепоролъ цѣлую деревню, за что и получилъ царское „спасибо“ и какой-то орденъ.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Изъ сосѣдней комнаты выходитъ **Зотовъ**, немного хмурый.

Зотовъ. — А ну ихъ ко всѣмъ чертямъ, и царя, в Осташкина. . . Вотъ что, братцы, потолкуемъ-ка хорошенько, какой намъ держаться политикѣ, а то вѣдь они рады случаю, сейчасъ „дѣло“ сочинять.

Во время этого разговора входятъ послѣдніе изъ смыльныхъ.

Ноткинъ. — Кажется, всѣ прѣшли, пойти запереть двери.

Уходитъ и быстро возвращается.

Ноткинъ. — Эй, господа, идите-ка сюда. Потолкуемъ.

Всѣ сходятся, усаживаются, устанавливаются. Ноткинъ продолжаетъ

Да, господа, необходимо торопиться; только двадцать минутъ осталось до десяти. Полицмейстеръ обѣщаль быть ровно въ десять.

Зотовъ. — Я, господа, предлагаю, до поры до времени, держать себя возможно сдержаннѣе, тактичнѣе, а то, ей-ей, раздуютъ. . .

М. Коганъ-Вернштейнъ. — Конечно, конечно. Мы просто заявимъ и повторимъ то, что заявляли и въ прошеніяхъ. Наши требованія законны.

Одинъ изъ смыльныхъ. — Вотъ нашель, гдѣ законъ. Имъ вѣдь на все одно дѣло наплевать.

С. Гуревичъ (нервно). — Неужели и послѣ прошеній эти мерзавцы опять будутъ приставать къ намъ! Скажу вамъ только одно: вы какъ хотите, а я все равно ни за что добровольно не поѣду. Пусть тащатъ силой.

Въ толпѣ: „Браво, браво, Гуревичъ!“

Въ самомъ дѣлѣ, до какихъ же поръ они будутъ издѣваться надъ нами? Сегодня въ Якутскъ, завтра въ

Верхоянскъ, а тамъ въ Сургутъ, а тамъ еще куда!... Съ какой стати!... Нѣтъ, господа, надо энергично протестовать....

Ноткинъ. — Ишь расходилась... Не волнуйте, милая. Вы и безъ того на себя не похожи.

С. Гуревичъ. — Какъ тутъ не волноваться? Поневоля будешь волноваться!

Зотовъ. — Итакъ, господа, энергично, настойчиво, но не горячася (*улыбается въ сторону С. Гуревича*) требовать отъѣзды распоряженія о переселеніи....

За сценой раздаётся звонокъ. Ноткинъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ Ноткина.

Л. Коганъ-Бернштейнъ. — Ну, кажется пришли.... (*Къ Гуревичу*). Ну, чего вы такъ волнуетесь!... (*Къ всѣмъ*) Смотрите, господа, ее такъ и подергиваетъ; эдакая натура!.. Не даромъ народоволька!...

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Ноткинъ, за нимъ полицейскій надзиратель Олесовъ.

Ноткинъ. — Господа, вотъ этотъ синьоръ приглашаетъ насъ всѣхъ въ полицейское управленіе.

Кто-то изъ толпы. — На какомъ такомъ основаніи?

Олесовъ (*грубо и громко*). — Такъ велѣно; полицій-мейстеръ зоветъ, а не кто-нибудь... Ну, что-же, скорѣй, поворачивайтесь!...

Зотовъ. — Будьте, прежде всего, повѣжливѣй. Чего вы орете! Вѣдь вы не въ кабакъ пришли....

Олесовъ. — Еще похуже....

Л. Ког.-Берн. — Пожалуйста, не распространяйтесь!

Въ толпѣ движеніе и волненіе.

Ноткинъ (*ко всѣмъ*). — На мой взглядъ намъ нѣтъ никакого основанія идти куда бы то ни было. Тотъ же

полицмейстеръ самъ назначилъ мою квартиру для сбора и самъ же сказалъ, что прѣдетъ сюда ровно въ 10 часовъ.

С. Гуревичъ. — Объ этомъ и говорить нечего. Мало-ли чего тамъ захотятъ г-да полицмейстеры...

1-ый голосъ. — Какого чорта!

2-ой голосъ. — Самъ можетъ прѣхать...

3-ий голосъ. — Господа, конечно, не пойдемъ...

Толпа возбуждается.

Л. Ког.-Берн. — Слушайте, вы, г. околочный, скажите полицмейстеру, что мы собрались въ условленный часъ на квартирѣ Ноткина и будемъ ждать его здѣсь.

Олесовъ. — А, такъ вы, значить, не идете! Хуже будетъ, притащать!

Зотовъ. — Ну, ужъ это не ваше дѣло; передайте, что вамъ сказали, а затѣмъ прощайте.

Олесовъ (*нахально и насмѣливо*). — Ладно, скоро увидимся! (*Уходитъ*.)

Я В Л Е Н І Е VI.

Тѣ же, безъ Олесова.

С. Гуревичъ. — Господа, да вѣдь это чортъ знаетъ что такое!... Сплошное издѣвательство!... Я и дожидаться-то не хочу! Я сейчасъ уйду! (*Порывается встать*)

Зотовъ. — Подождите немного; вмѣстѣ пойдемъ.

Толпа шумитъ.

Ноткинъ. — Я пойду двери запру.

Уходить и сейчасъ же возвращается; говоритъ взволнованно.

Господа! Мы окружены! Солдаты, полиція! Что же это такое! Силой, что-ли, насъ будутъ брать?

Всѣ вскакиваютъ. Нѣсколько человекъ бросаются въ сосѣдную комнату; нѣсколько — въ переднюю; остальные — къ окнамъ. Сильное волненіе. Раздается рѣзкій звонокъ, потомъ стукъ въ двери. Слышенъ трескъ выламываемой двери; въ сосѣдней комнатѣ бьютъ стекла въ окнахъ. Въ дверь вламывается офицеръ съ обнаженной шашкой, въ полной походной формѣ; за нимъ солдаты съ ружьями. на ружьяхъ штыки. За солдатами входятъ полицейскіе. Многие влѣзаютъ въ окна. Всего человекъ 75. Сильные столпились въ противоположномъ углу у дверей въ сосѣдную комнату.

Я В Л Е Н І Е Ү П.

Тѣ-же, офицеръ Карамзинъ, полиціймейстеръ Сухачевъ и солдаты.

Карамзинъ (*кричитъ*). — А-а!... Сопротивленіе властямъ!... Мер-р-р-завцы!...

Поткинъ (*сдержанно*). — Послушайте, зачѣмъ вы ворвались въ домъ? Никто никакого сопротивленія не оказывалъ. Мы ждали полиціймейстера...

Л. Коганъ-Бернштейнъ. — Да вы сами же назначили это мѣсто...

Сухачевъ (*перебивая*), — Это васъ не касается. Извольте идти!

1-ый голосъ. — Что за самоуправство!

2-ой голосъ. — Господа, идемте! Ну ихъ къ чорту!

3-ій голосъ. — Не надо, не надо идти!

4-ый голосъ. — Съ какой стати!

5-ый голосъ. — Пожалуйста, идемте! Хуже будетъ.

Шумъ, волненіе.

Сухачевъ. — Ну, что же вы стоите? Высылка первой партіи завтра, отправляйтесь....

1-ый голосъ. — Это чортъ знаетъ, что такое!...

2-ой голосъ. — Это нахальство!

3-ій голосъ. — Господа, идемъ къ губернатору!

4-ый голосъ. — Все равно, ничего не поможетъ!

5-ый голосъ. — Идемте, идемте!

6-ой голосъ. — Не надо уходить!

Л. Коганъ-Бернштейнъ. — Хорошо, мы пойдемъ, но уберите конвой. Мы не арестованные, зачѣмъ онъ здѣсь?

Карамзинъ. — Это васъ не касается!

Поткинъ. — Но вы вломилась въ чужую квартиру!

Сухачевъ. — Не разговаривать! Это васъ не касается!

Карамзинъ (*къ ссыльнымъ*). — Вы согласны идти, да?

Л. Коганъ-Бернштейнъ. — Да, согласны. Но пусть уйдутъ солдаты; мы одѣнемся...

Сухачевъ (*перебивая, къ офицеру*). — Да что вы съ ними разговариваете! Исполняйте, что приказано!

Карамзинъ (*колеблется*). — Но они хотятъ идти...

Сухачевъ (*рѣзко*). — Пустяки. (*Къ ссыльнымъ*). Я не намѣренъ съ вами объясниться и выслушивать отъ васъ всякую ерунду... Извольте безпрекословно подчиниться всѣмъ моимъ приказаніямъ, иначе я силой заставлю васъ исполнить то, что приказываю вамъ. ...

Карамзинъ (*сильно волнуясь, къ ссыльнымъ*). — Такъ вы идете? Идете?

Л. Коганъ-Бернштейнъ. — Позвольте, уберите конвой...

Карамзинъ (*перебивая, кричитъ*). — Разговаривать!.. Зачинщикъ.... Взять его... Бери ихъ всѣхъ, ребята...

Солдаты бросаются къ Коганъ-Бернштейну и хватаютъ его за руку.

1-ый голосъ. — Идемъ, идемъ!

2-ой голосъ. — Дайте одѣться!

3-ий голосъ. — Что вы дѣлаете!

4-ый голосъ. — Кого брать?

С. Гуревичъ. — Господи, что же это такое! Чего же мы стоимъ?...

Бросается къ Коганъ-Бернштейну; солдаты грубо ее отталкиваютъ; многие изъ ссыльныхъ бросаются къ Ког.-Бернштейну и Гуревичъ.

С. Гуревичъ снова бросается къ Коганъ-Бернштейну.

Оставьте его, подлецы!...

Коганъ-Бернштейнъ. — Гуревичъ, Гуревичъ! Не надо... Успокойтесь!...

Въ это время одинъ изъ солдатъ ударяетъ Коганъ-Бернштейна сзади штыкомъ въ спину; онъ падаетъ. Ударами прикладовъ сшибаютъ Гуревичъ съ ногъ; ее бьютъ прикладами и ногами, а потомъ двое вонзаютъ въ нее штыки; Гуревичъ кричитъ, вскакиваетъ и падаетъ. На сценѣ свалка.

Карамзинъ (*кричитъ*). — Коли, руби ихъ, мерзавцевъ, всѣхъ до одного...

Бьетъ ногами лежащихъ на полу раненныхъ.

Сухачевъ. — Ага! Сопротивленіе!.. Къ губернатору!..

Поспѣшно уходитъ.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Тѣ-же, безъ Сухачева.

Карамзинъ. — Пойдете!.. Пойдете!.. А-а!.. Мерзавцы!..

Онъ вмѣстѣ съ солдатами (чел. 15) идетъ по задней стѣнѣ, и такимъ образомъ окружалъ слыльныхъ, выходитъ на аванъ-сцену, отчетливымъ движеніемъ отстегиваетъ кобуру револьвера. Въ это время на диванѣ вскакиваютъ Зотовъ и Пикъ. Пикъ ближе къ артистамъ. Оба выхватываютъ револьверы. Пикъ направляетъ револьверъ на офицера.

Зотовъ (*кричитъ*). — Остановитесь!... Солдаты! Что вы дѣлаете?

Нѣсколько солдатъ, стоящихъ около офицера, берутъ берданки на прицѣлъ, Карамзинъ быстро вынимаетъ револьверъ изъ кобуры. Въ это время Пикъ и Зотовъ стрѣляютъ. Въ то же время раздается залпъ солдатъ. Пикъ, какъ подкошенный, падаетъ съ дивана. Зотовъ соскакиваетъ. Въ задней комнатѣ нѣсколько человекъ выбиваютъ окно стуломъ. Со двора раздается нѣсколько ружейныхъ залповъ; нѣсколько человекъ падаетъ. Вездѣ солдаты бьютъ слыльныхъ. На диванѣ кто-то глухо стонетъ полулежа; по угламъ, на полу, на стульяхъ, въ разныхъ позахъ лежатъ девять раненыхъ, человекъ десять валяются въ обморокъ, избитые до потери сознанія. Остальные, обезумѣвъ отъ ужаса, сидятъ молча или рыдаютъ; нѣкоторые наклонились надъ ранеными. — Зотовъ стоитъ въ лѣвомъ углу со стуломъ въ рукахъ, возлѣ него женщина; на него нападаютъ солдаты, онъ защищается стуломъ. Солдаты выбиваютъ у него стулъ. Подскакиваетъ Карамзинъ.

Карамзинъ. — Еще защищаться!...

Стрѣляетъ въ Зотова. Зотовъ вскрикиваетъ и падаетъ. Солдаты бьютъ мебель и людей.

1-ый голосъ. — Гуревичъ убили!

2-ой голосъ. — Бернштейнъ, Бернштейнъ!

Нѣкоторые пытаются выпрыгнуть въ окно. Ихъ колятъ.

Карамзинъ. — Вотъ вамъ, „соціалысты“!... Будете знать!... Ха-ха-ха!... Мерзавцы!... (*Къ солдатамъ*)
Смиррно!... Молодцы ребята, усмирили!

Солдаты. — Рады стараться, ваше высоко-родіе!

Карамзинъ (*кричитъ*). — Фельдфебель!

Фельдфебель выходить и держать честь.

Кругомъ дома поставить часовыхъ; никого не впускать, ни выпускать, да смотри, чтобъ никто не убѣжалъ. Роту на дворъ! Пріѣдетъ губернаторъ, смотри въ оба!...

Фельдфебель. — Слушаю-сь, Ваше высоко-родіе!

Карамзинъ (къ осмыленнымъ). — Я васъ, подлецы!... (Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е IX.

Тѣ-же, безъ Карамзина.

Фельдфебель (къ солдатамъ). — Выходи на дворъ! Первый взводъ оцѣпи домъ! Къ дверямъ, въ окнамъ — по двое! Ружья зарядить! Кто будетъ бѣжать, стрѣлять безъ оклика! Маршъ!...

Фельдфебель идетъ, за нимъ солдаты.

Я В Л Е Н І Е X.

Тѣ-же, безъ солдатъ и фельдфебеля.

На аванъ-сценѣ лежитъ чуть живая Гуревичъ; она стонетъ. Къ ней подходятъ двое и молча переносятъ ее въ другую комнату на кровать. Л. Коганъ-Бернштейнъ приподнимается и оглядывается.

Л. Коганъ-Бернштейнъ. — Что же это такое? Убитыхъ-то? За что? Господи! А, Гуревичъ!... Гдѣ она? Ее ударили, я помню.... Охъ....

Хватается за бокъ. Съ трудомъ поворачивается въ сторону другой комнаты.

Голосъ изъ сосѣдней комнаты. — Гуревичъ здѣсь, умираетъ.

Слыши стоны.

С. Гуревичъ (кричитъ). — Отравите меня, убейте, иѣтъ силъ.... больно.... Господи.... ой.... пить....

Л. Коганъ-Бернштейнъ. — А-а! Она убита! Соня, Соня, милая!

Хочетъ подняться, но не можетъ; ползеть нѣсколько шаговъ, стонеть.

Убита! А жена? Гдѣ жена?

Одинъ изъ ссыльныхъ подходитъ къ окну.

Ссылный (къ караульному солдату). — Пошлите за докторомъ... скорѣй... здѣсь умираютъ...

Солдатъ (*грубо*). — Не приказано. Ступай отъ окна-то.

Ссылный. — Дайте хоть воды!

Солдатъ. — Отходи, отходи!

Ссылный. — Господи, да что это такое!...

Отходить. Садится около Гуревичъ. Та непрерывно кричитъ, стонеть

Лежащій на диванѣ. — Пить! Дайте пить! Тяжко!...

Стонетъ, хрипитъ. Раздаются раздирающіе душу крики Гуревичъ. Около нея суетятся нѣсколько очнувшихся; кладутъ на голову компрессы, раздвѣаютъ ее. Зотовъ, очнувшись, приподнимается.

Зотовъ. — Сопротивленіе властямъ!... Друзья мои, друзья мои!

Нѣсколько головъ приподнялось; въ окна той и другой комнаты иногда заглядываютъ часовые.

Занавѣсъ тихо опускается.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Дворъ. На правой сторонѣ домъ угломъ, такъ что одна стѣна прямо къ зрителямъ, другая въ профиль. Въ послѣдней — крыльцо съ нѣсколькими ступеньками; дверь разбита. Въ каждой стѣнѣ по два окна. По задней стѣнѣ сарай; налѣво заборъ, въ немъ отворенныя ворота. На дворѣ снѣгъ; у крыльца и забора кучи снѣга. На дворѣ около сарая и забора видныя разныя домашнія принадлежности: бочки, дрова, хворостъ и пр. При поднятіи занавѣса у оконъ и у крыльца стоятъ по два солдата. Остальные расположились вдоль забора и у воротъ. Офицеръ Карамзинъ прохаживается передъ солдатами. Слышны стоны умирающей Гуревичъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Къ окну изнутри подходитъ ссыльный.

Ссылный. — Дайте воды, ради Бога!...

Солдаты. — Не велѣно. Проваливай.

Новый ссыльный. — Фельдшера!... Доктора!...

Солдаты. — Отходи, отходи отъ окна-то....

У воротъ толпятся собравшіеся любопытные, иногда они заглядываютъ во дворъ. У всѣхъ испуганныя лица. На улицѣ видны выстроенныя передъ воротами солдаты.

Офицеръ (на улицѣ). — Смирно!

Солдаты строятся.

Карамзинъ (во дворъ). — Смирно!

Солдаты выстраиваются лицомъ къ улицѣ.

Я В Л Е Н І Е П.

Тѣ-же и губернаторъ Осташкинъ.

Въ саняхъ, запряженныхъ парюю гнѣдыхъ лошадей, подъѣзжаетъ къ воротамъ Осташкинъ, выѣзжаетъ изъ саней. Сани отъѣзжаютъ.

Офицеры. — На карауль!

Солдаты берутъ ружья на карауль. Осташкинъ входитъ во дворъ.

Я В Л Е Н І Е Ш.

Тѣ-же. Гаусманъ выбѣгаетъ изъ дома на крыльцо. Караульные солдаты у дверей хватаютъ его.

Солдаты. — Куда?.. Назадъ!.. Не велѣно!.. Пошелъ!..

Гаусманъ (вырываясь). — Пустите меня!... Пустите!...

Рвется и тащитъ за собой солдатъ.

Осташкинъ. — Что ему нужно?

Гаусманъ. — Пошлите за докторомъ!

Осташкинъ. — Зачѣмъ?

Гаусманъ. — Тамъ умираютъ!

Осташкинъ. — Ничего... Не бѣда!

Гаусманъ. — Въ насъ стрѣляли!...

Осташкинъ. — Это я приказалъ!...

Я В Л Е Н І Е ІV.

Тѣ-же. Зотовъ выбѣгаетъ на крыльцо съ револьверомъ въ рукахъ.

Зотовъ. — Это ты приказалъ!... Подлецъ!...

Стрѣляетъ. Осташкинъ нагибается и бѣжитъ за строемъ солдатъ.

Показывается въ воротахъ, убѣгал со двора. Зотовъ, увидавъ губернатора въ воротахъ, снова стрѣляетъ и убѣгаетъ во внутрь комнаты. Губернаторъ скрывается за воротами.

Я В Л Е Н І Е 5-е.

Тѣ-же безъ Осташкина.

Карамзинъ. — Кругомъ!... Солдаты съ карауловъ въ строй бѣгомъ!

Солдаты бѣгутъ. Державшіе Гаусмана бросаютъ его. Гаусманъ бѣжитъ къ дому.

Карамзинъ. — Рота... залпомъ... пли!...

Солдаты стрѣляютъ въ домъ и снова заряжаютъ ружья. Гаусманъ, раненый, падаетъ на землю.

Карамзинъ. — Рота... пли!.. Рота... пли!.. Рота... пли!..

Въ домѣ раздаются страшные крики.

Я В Л Е Н І Е 6-е.

Тѣ-же. Подбѣльскій вбѣгаетъ во дворъ, протискивается сквозь строй солдатъ и подбѣгаетъ къ крыльцу.

Карамзинъ. — Стрѣляй въ него!

Фланговой солдатъ цѣлится. Раздается выстрѣлъ. Подбѣльскій падаетъ на кучу снѣга. Карамзинъ прохаживается передъ фронтомъ.

Карамзинъ. — Во всѣхъ стрѣлять, кто бы ни вошелъ!... Рота... вольно....

Я В Л Е Н І Е 7-е.

Тѣ-же. Шуръ, Ноткинъ и Мухомовъ выбѣгаютъ изъ квартиры во дворъ. Солдаты стрѣляютъ въ нихъ; они падаютъ мертвыми въ разныхъ мѣстахъ двора.

Карамзинъ. — Отогнать народъ!

Нѣсколько солдатъ уходятъ и разгоняютъ народъ.

Я В Л Е Н І Е 8-е.

Тѣ-же и слыльные изъ оконъ.

Слыльные. — Ради Бога, доктора.... Умираемъ!...

Карамзинъ (*кричитъ*). — Пока всѣ, кто можетъ, не выйдете во дворъ, доктора не будетъ!

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ-же и слыльные во дворѣ.

Слыльные, кто могъ идти, выходятъ на дворъ. Зотовъ падаетъ около крыльца на сѣбѣ. Вблизи отъ него лежитъ тяжело-раненный Подбѣльскій. Тутъ же стоятъ солдаты, опираясь на ружья.

Первый солдатъ. — А этотъ еще хрипять; я его хватилъ въ ухо!...

Второй солдатъ. — Они, стервы, живучи....

Третій солдатъ (*посматривая на Зотова*). — Приколоть его, что-ль?... А?...

Второй солдатъ. — Оставь!... Чортъ съ нимъ! Все одно опосля сдохнетъ....

Стены Гуревичъ стихаютъ и прекращаются. Слыльные, вышедшіе изъ компань, избитые, съ подтеками и кровью на лицѣ и рукахъ, стоятъ кучей у крыльца, нѣкоторые сидятъ на ступенькахъ.

Офицеръ (*на улицѣ*). — Смирно!... Шагомъ маршъ!...

Во дворъ входитъ рота солдатъ, стоявшая на улицѣ.

Офицеръ. — Рота стой!

Солдаты останавливаются.

Офицеръ. — Кто можетъ идти — выходи!

Слыльные идутъ.

Жена Ког.-Берн. — Я не могу уйти.... Мой мужъ смертельно раненъ.... Я пойду....

Хочетъ войти на крыльцо.

Солдатъ. — Иди, што-ль.... Стерва....

Береть за руку, тащить. Жена Коганъ-Бернштейна увирается. Солдатъ замахивается на нее штыкомъ.

Солдатъ. — Не пойдешь, сволочь!... Приколю, какъ нить дать...

Жена Коганъ-Бернштейна червно подходитъ къ Карамзину.

Жена Ког.-Берн. — У меня мужъ раненъ... Разрѣшите остаться... Ради Бога...

Карамзинъ. — Нельзя-съ.

Солдатъ. — Иди! Иди!

Жена Ког.-Берн. — Онъ хотѣлъ заколотъ меня.

Карамзинъ. — Не бѣда, если и тебя приколятъ!
Жена Кол.-Берн. идетъ къ ссыльнымъ. Солдаты пропускаютъ ее въ
середины.

Карамзинъ. — Поскорѣй, поскорѣй!.. Не мѣшкать!..
Рота подѣ конвой!

Солдаты окружаютъ ссыльныхъ.

Карамзинъ. — Рота!... Маршъ!..

Солдаты съ ссыльными уходятъ.

Я В Л Е Н І Е 10-е

Къ воротамъ подъѣзжаютъ двое саней-розвальней.

Карамзинъ. — Тащи остальныхъ!..

Солдаты ставятъ ружья въ возла. Одни уходятъ въ домъ, другіе подбираютъ раненныхъ и убитыхъ на дворѣ. Первыми тащатъ одного за другимъ убитыхъ на дворѣ Муханова, Шура и Ноткина и небрежно кидаютъ въ первыя сани. Затѣмъ подходятъ къ Подбѣльскому, Зотову и Гаусману. Подбѣльскаго бросаютъ въ первыя сани, Зотова и Гаусмана на другія розвальни.

Зотовъ (*кричитъ*). — Подбѣльскій живъ; онъ живъ....
Послушайте, куда вы его кинули!.. Онъ живъ...

Солдатъ. — Ничаво, опосля разберутъ...

Другой солдатъ (*къ Зотову*). — Молчи, не твое дѣло.

Зотовъ. — Послушайте, офицеръ, онъ живъ...

Карамзинъ. — Ничего... И такъ доѣдетъ...

Я В Л Е Н І Е 11-е

У воротъ толпа любопытныхъ.

Прохожій (*пожилой человекъ*). — Почтенные, а тотъ то и всправдѣ живъ... Его-бъ, какъ ни какъ, надоть въ другія сани... Да.. Все-жъ человекъ... Не токмо что... Скотяну, и съ той такъ не полагается...

Солдатъ. — Молчи ты! Косопузый! Тебѣ-то что!

Прохожій. — Оно конечно... Молчимъ я то... Все-таки не тово... Не ладно... Съ мертвецами-то...

Солдаты нехотя вынимаютъ Подбѣльскаго и перекладываютъ къ Зотову. Въ это время одинъ за другимъ по двое выходятъ солдаты изъ дома и несутъ раненныхъ и убитыхъ. Убитыхъ двое: Пикъ и Гу-

ревичъ, и девять раненыхъ. Раненые въ крови, стонуть. С. Гурничъ въ нижнемъ бѣльѣ, вся въ крови. Убитыхъ небрежно бросаютъ въ сани къ убитымъ, раненыхъ — въ сани къ раненымъ.

Одинъ изъ солдатъ (*во время переноса*). — Ишь пищать-то! Тошно цыплята...

Карамзинъ. — Готово? Всѣ?

Фельдфебель. — Такъ точно!

Карамзинъ. — Рота... подъ конвой...

Солдаты берутъ ружья и окружаютъ сани.

Маршъ!...

Сани трогаются. Раненые стонуть.

Прохожій (*крестясь*). — Мать Пресвятая Богородица, спаси и помилуй!... (*Качаетъ головой*).

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Залъ военнаго суда; невзрачная большая комната. Обстановка казенная. По правой стѣнѣ большой столъ, накрытый краснымъ сукномъ. На столѣ зеркало, письменныя принадлежности. По стѣнамъ портреты Николая I, Александра II и Александра III въ золотыхъ рамахъ. Въ правой стѣнѣ, ближе къ зрителямъ, дверь. За столомъ сидятъ военные судьи: предсѣдатель, прокуроръ и три члена-офицеры. Сзади судей въ четыре шеренги стоятъ солдаты. По лѣвой стѣнѣ сидятъ слыльные, съ боковъ окруженные солдатами и жандармами. У нѣкоторыхъ слыльныхъ завязаны головы, у многихъ — руки на перевязи. Передъ слыльными на кровати лежитъ Коганъ-Бернштейнъ. У дверей стоятъ жандармы съ обнаженными шапками.

ЯВЛЕНІЕ 1-е

Подсудимые крайне возбуждены. Только-что кончили чтеніе обвинительнаго акта.

Предсѣдатель. — Дайте подписать подсудимымъ.

Зотовъ. — Мы не можемъ подписать наглуго ложь!

Коганъ-Бернштейнъ (*говоритъ тихо*). — Господинъ предсѣдатель, здѣсь почти все сплошь наврано. Всѣ показанія и мотивы идутъ въ разрѣзъ съ данными, установленными предварительнымъ слѣдствіемъ, напримѣръ...

Предсѣдатель (*перебивая*). — Пожалуйста, не философствуйте, нельзя-ли покороче...

Евг. Гуревичъ (*къ предсѣдателю*). — Нельзя-ли быть повѣжливѣе!

Предсѣдатель. — Прошу молчать, нли я васъ удалю изъ залы.

Коганъ-Бернштейнъ. — Напрямѣръ, медицинское вскрытіе установило, что полицейскій служитель Хлѣбниковъ убитъ солдатской пулей, а также и раненъ солдатъ...

Предсѣдатель. — Это вы сочиняете.

Зотовъ. — Нѣтъ, позвольте, ужь если кто сочиняетъ, такъ это — вы.

Предсѣдатель. — Пожалуйста, не разсуждайте!

Коганъ-Бернштейнъ. — Слѣдствіемъ было установлено также и то, что солдатамъ наканунѣ побойща выдала боевые патроны и объявили, что завтра они будутъ стрѣлять...

Предсѣдатель. — Неправда, неправда...

Коганъ-Бернштейнъ. — Позвольте. Слѣдователь, ведшій дѣло, котораго теперь смѣстили и предали суду за его честное отношеніе ко всему происшествію, все-таки существуетъ на свѣтѣ; онъ можетъ подтвердить. Да наконецъ, у васъ есть документы...

Предсѣдатель. — Вы кончили?

Коганъ-Бернштейнъ. — Да, я усталъ, я не могу больше говорить, но тамъ и еще осталось много лжи.

Одинъ изъ подсудимыхъ. — Въ обвинительномъ актѣ сказано, что мы не хотѣли идти для объясненій въ полицейское управленіе. Да, дѣйствительно, мы сначала не хотѣли идти, такъ какъ самъ полиціймейстеръ наканунѣ назначилъ квартиру Ноткина сборнымъ пунктомъ, но когда ворвались солдаты, мы заявили, что готовы пойти, и на законномъ основаніи требовали, чтобы удаляли ворвавшихся солдатъ...

Предсѣдатель (*перебивая*). — Это все пустяки, мелочи.

Одинъ изъ подсудимыхъ. — Какъ пустяки! Это главное обвиненіе...

Предсѣдатель. — Вы кончили?

Миноръ. — Въ обвинительномъ актѣ сказано, будто я сказалъ губернатору: „Мы не шутимъ“. Это возмутительная ложь. Я ничего подобнаго ему не говорилъ. Я сказалъ, что въ такое время года и для такой дороги, какъ отъ Якутска до Колымска, приготовиться ѣхать — не шутка. Миѣ кажется, не надо и доказывать, что это — не одно и то же, и что въ моихъ словахъ даже и намекъ не было на тотъ смыслъ, который имъ придали.

Предсѣдатель. — Вы больше ничего не имѣете сказать?

Миноръ. — Кромѣ того, что и вообще, въ большей своей части, обвинительный актъ лживъ, и правда искажена въ немъ до возмутительности.

Одинъ изъ подсудимыхъ. — Въ обвинительномъ актѣ ничего не сказано про то, что солдаты стрѣляли въ комнатѣ, двухъ убили и многихъ ранили.

Другой подсудимый. — Почему не обвиняютъ солдатъ въ употребленіи горячаго оружія на разстояніи, строго запрещенномъ даже и русскими законами?

Предсѣдатель. — Все?.. Кто еще что имѣетъ сказать?

Коганъ-Бернштейнъ. — Я хотѣлъ выяснитъ суду, почему мы прибѣгли къ „вооруженному сопротивленію“...

Предсѣдатель. — Нельзя-съ, теперь не время!

Зотовъ. — Господа, съ этими подлецами намъ нечего и говорить...

Предсѣдатель (*кричитъ*). — Извольте замолчать.

Зотовъ. — Имъ нѣтъ никакого дѣла до нашихъ словъ. Они, безъ сомнѣнія, уже давно, до слѣдствія, составили намъ приговоры. Я предлагаю отказаться отъ защиты! Это не судъ, это сборище негодяевъ, разыгрывающихъ комедію.

Подсудимые. — Да, да, отказаться...

Предсѣдатель. — Кто желаетъ слово?

1-ый голосъ. — Никто, никто!

2-ой голосъ. — Это комедія!

3-ій голосъ. — Это застѣнокъ.

Предсѣдатель. — Прошу не шумѣть!.. Итакъ, слова никто не желаетъ? (*Общее молчаніе*). Засѣданіе закрыто.

Подсудимыхъ развести по камерамъ. Приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе послѣ конфирмаціи. На обжа- ловаціе вамъ дается два часа.

Одинъ изъ подсудимыхъ. — Что? Два часа? Эдакая невиданная подлость!

Женскій голосъ. — Господа, перестаньте обращать вниманіе на эту шайку башки-бузуковъ! Они достойные представители подлаго русскаго правительства!

Предсѣдатель. — Извольте молчать!.. Это оскорбле- ніе... Я приму мѣры...

Тотъ же голосъ. — Или вамъ мало того, что вы про- читали намъ?

Подсудимые сильно возбуждены. Солдаты поднимаютъ кровать Ко- ганъ-Бернштейна и уносятъ.

Голосъ изъ толпы. — Лева! Милый! Прощай!

Коганъ-Бернштейнъ. — Прощайте, друзья!

Жандармы уводятъ одного за другимъ Зотова и Гаусмана. Осталь- ные подсудимые машутъ имъ платками. Общій шумъ.

1-й голосъ. — Прощай, Львовичъ.

2-ой голосъ. — Подлецы!

3-й голосъ. — Гаусманъ, милый!..

Солдаты уводятъ остальныхъ подсудимыхъ.

Я В Л Е Н І Е 2-е.

Тѣ-же, безъ подсудимыхъ.

Предсѣдатель. — Ну, слава Богу, кончили эту возню.

Прокуроръ. — Еще шумятъ...

Предсѣдатель (къ прокурору). — Распорядитесь отно- сительно висѣлицъ. Приговоръ утвердятъ скоро... Я пошлю его по телеграфу на рассмотрѣніе Его Импера- торскаго Величества.

Прокуроръ. — Хорошо-съ! Все будетъ готово.

Дверь отворяется. Судъ уходитъ.

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Камера въ тюрьмѣ. Небольшая комната, длиною въ семь шаговъ, шириною въ три. Въ противоположной стѣнѣ — дверь, въ двери продѣлано окошечко, въ которое подаютъ кушанье. Около двери продѣлано отверстіе, называемое „глазъ“, въ которое подсматриваютъ за сидящимъ. Направо у стѣны простая желѣзная кровать, по крытая байковымъ одѣяломъ. Въ лѣвой стѣнѣ окно на высотѣ большей человѣческаго роста; въ окнѣ рѣшетка. Около кровати столъ; на немъ письменныя принадлежности и зажженная маленькая лампочка; передъ столомъ табуретка. Въ лѣвомъ углу закрытая „параша“. Стѣны сѣрыя, потолокъ закоптѣлый. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зотовъ стоитъ на „парашѣ“ и смотритъ въ окно. Виднѣется отблескъ мелькающихъ фонарей.

Вотъ и еще поставили столбъ; сейчасъ приладятъ перекладину, и одна висѣлица готова!... Для кого она? Для меня, для Когопа или для Гаусмана? Какая удивительная простота нравовъ! Тутъ же на глазахъ и висѣлицу ставятъ. Жить остается нѣсколько часовъ, а я какъ будто и не волнуюсь... А какъ спокойны тѣ, что строятъ висѣлицы. Обдуманно дѣлаютъ каждый шагъ, точно великое дѣло творять... Вотъ мостятъ эшафотъ... Пускай ихъ...

Слѣзаетъ и медленно, задумчиво ходитъ по комнатѣ.

Эхъ, вотъ ужъ дѣйствительно, жизнь прожить — не поле перейти... Что-то мыслей не соберу. Усталъ, нервы патнулись; двѣ ночи не спалъ. Ну, не бѣда, скоро отдохну... Отчего такъ? Вотъ знаю, что черезъ какіе-нибудь 10 часовъ меня уже не будетъ въ живыхъ, а о себѣ, о смерти не думается? Почему все это такъ? Почему мнѣ даже и въ голову не пришла за это время мысль о бѣгствѣ, о спасеніи?... Я не боюсь смерти.

Вотъ они, мои милые, какъ будто бы всё вотъ тутъ со мной, такъ близко, близко со мной... Ихъ бы всѣхъ хоть на минутку, хоть однимъ бы глазкомъ повидать! Мнѣ что! Нѣсколько минутъ мученій, которыхъ даже и не замѣтишь, а имъ-то какво? Каторга, вандалы, издѣвательство властей! Боже, Боже, пусть хватить у нихъ силъ все это перенести! Если бы я могъ молиться, если бы я вѣрилъ въ Создателя, за нихъ бы за всѣхъ молился бы теперь...

Подходить къ окну и смотреть.

Вотъ и другую поставили... Пусть...

Садится на кровать.

Скоро третья, а тамъ, прощайте, друзья, прощайте, мой дорогіе отецъ, матушка, сестры, прощай, Женя, милая, дорогая Женя, прощайте, всё, всё и простите меня!... О, какъ мнѣ хочется прижать всѣхъ васъ къ своему сердцу, обнять крѣико, крѣико!...

Падаеть лицомъ на подушку; черезъ нѣсколько минутъ вскакиваетъ.

Какъ я взволновался! Не надо, не надо этого... Все нервы... Не хорошо...

Утираеть слезы; идетъ по комнатѣ.

„Выше держи свою голову блѣдную“... А жизнь-то прошла какъ? И не замѣтилъ ея. Теперь жаль того времени, когда хандрилъ, ничего не дѣлалъ; тогда не думалось, что развязка такъ близка... Помню, какъ и впервые задумался, еще въ гимназій, зачѣмъ и къ чему жить? Тосковалъ-то какъ и не зналъ, какъ отвѣтить... А вотъ, дорогой Петровъ, гдѣ-то онъ теперь? Ему я душу открылъ. Приласкалъ тогда онъ меня, ободрилъ... Мало по малу, я сталъ разбираться, зачѣмъ и къ чему жить... Кружокъ друзей... Вдругъ, помню, стачка рабочихъ на фабрикѣ, взбѣненіе стачечниковъ, и вотъ тогда-то всей душой сталъ я революціонеромъ... Какъ тогда вѣрилось, твердо вѣрилось, что дружными силами врага побороть нетрудно... Пропаганда, прокламація, укрывательство бѣжавшаго, обыскъ, тюрьма, ссылка, —

какъ все это быстро пронеслось одно за другимъ... А этотъ ужасный день! За что насъ избили, избивши — судили, а теперь вѣшать будутъ?

Фортка открывается, выглядываетъ конвойный.

ЯВЛЕНІЕ II.

Зотовъ и конвойный.

Конвойный. — Ужинъ получайте.

Зотовъ. — Не надо, братъ, съѣшь самъ.

Конвойный. — Вы бы, ваше благородіе, подкрѣпились маненько; вѣдь на васъ лица нѣтъ. Морить-то што такъ себя; кому отъ того польза?

Зотовъ. — Спасибо, братъ, да на что ужь мнѣ? Видѣлъ тамъ столбы съ перекладиной? Вѣдь два-то изъ нихъ для меня... Не до ужина теперь...

Конвойный. — Оно, дѣйствительно; да подкрѣпившись, все же лучше...

Зотовъ. — Не знаешь-ли ты, остальные-то гдѣ наши сидятъ?

Конвойный. — Какъ не знать, знаю. Тотъ, што на койкѣ, въ 24-мъ, а тотъ, который съ вами, значить, на висѣлицу, въ 31-мъ.

Зотовъ. — А остальные?

Конвойный. — Остальные-то? окромѣ двухъ, всѣ вмѣстѣ, въ общей, значить, въ шестомъ.

Зотовъ (*снимая часы*). — Вотъ что, братъ, на тебѣ часы отъ меня на память, а ты будь добръ, передай имъ въ общую писъмецо, я вотъ сейчасъ напишу; знаешь, проститься хочется, вѣдь они друзья мои.

Конвойный. — Это точно, что говорить, умирать одному куда какъ негоже... а передать, баринъ, опасно...

Зотовъ. — Какъ-нибудь, братъ, пожалуйста, уважь передъ смертью! Часы-то вотъ возьми.

Конвойный. — Часы что? Зачѣмъ намъ часы? У насъ и такъ все по часамъ. Надоѣля намъ эти самые часы... А вотъ передать-то... Оно... того... опасно...

Зотовъ. — Пожалуйста.

Конвойный. — Ну, ладно, баринъ, пиши, передамъ, была не была. Ужинъ возьмешь што-ль, аль нѣтъ?

Зотовъ. — Нѣтъ, нѣтъ, ѣшь, братъ, на здоровье.

Конвойный. — Ну, и на томъ спасибо, на поминъ, значить, души. Прощай, баринъ.

Зотовъ. — Часы-то возьми.

Конвойный. — Нѣтъ, часы, зачѣмъ часы, надоѣли намъ эти самыя часы, не надо, а передать, значить, и такъ передамъ. Ты пиши.

Захлопываетъ фортку.

ЯВЛЕНІЕ III.

Зотовъ одинъ.

Добрая душа у этого малаго. Попалъ вотъ сюда въ тюрьму, ломають его здѣсь, испортятъ... Часы такъ таки и не взялъ... Напишу письмо товарищамъ, отцу напишу.

Садится за столъ, задумывается и нервно начинаетъ писать. Черезъ нѣкоторое время говоритъ

Прощайте, послѣдній разъ прощайте!...

За дверь слышны шаги, разговоръ, потомъ звонъ ключа. Зотовъ быстро прячетъ письмо въ карманъ, бумагу и чернила въ столъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Зотовъ и священникъ; входитъ съ крестомъ въ рукахъ, въ епитрахили и клобукъ.

Священникъ. — Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Цѣлуетъ крестъ, кланяется. Зотовъ отвѣчаетъ кивкомъ головы.

Молодой человекъ, вы знаете, что по приказу Его Императорскаго Величества вѣсуждены на смертную казнь; вамъ остается жить нѣсколько часовъ. Воззритесь сами въ себя, покайтесь кресту въ томъ, въ чемъ грѣшны; очистите душу, и можетъ быть, Господь вашъ Иисусъ Христосъ смилостивится надъ вами и проститъ васъ, сынъ мой, на небеси.

Зотовъ. — Батюшка, благодарю васъ за вашу заботу, но я ни въ какомъ покаяннѣ не нуждаюсь.

Священникъ (*качая головой*). — Ахъ, ахъ, какъ же такъ, вашъ смертный часъ такъ близокъ. Дайте богу отчетъ въ вашей жизни.

Зотовъ. — Видите-ли, батюшка, я не вѣрю въ то, что вы исповѣдуете, и за настоящей жизнью ничего не жду въ будущемъ.

Священникъ. — Ахъ, грѣхъ какой! Какъ же такъ! А гѣнна огненная съ нераскаянными грѣшниками, а небесная обитель съ царемъ царствующихъ! А Мати Пресвятая Богородица, всѣхъ скорбящихъ радость! А рати божин: ангелы, архангелы, херувимы и серафимы! А сатана съ соблазнами міра!... Какъ тутъ, батюшка мой, какъ тутъ не вѣрить; это вы съ перепугу... У васъ, миленькій, головка болитъ? а? болитъ?

Зотовъ (*умываясь*). — Нѣтъ, батюшка, не болитъ. А я, знаете, рѣшилъ прямо въ сатанѣ: цари-то мнѣ и тутъ порядкомъ надоѣли, а вы говорите, что тамъ царь царствующихъ... .

Священникъ. — Ахъ, шутникъ, ахъ, шутникъ какой! Передъ смертью-то!.. Спокайтесь, батюшка, спокайтесь!

Зотовъ. — Нѣтъ, батюшка, оставьте меня; не вѣрю я въ вашего бога, и въ покаяннѣхъ не нуждаюсь... Вотъ передъ смертью одному хочется побыть...

Священникъ (*обидчиво*). — Какъ хотите, батюшка, мнѣ что жъ? Приставать не буду. Счастливо оставаться.

Зотовъ. — Всего хорошаго, батюшка, прощайте!

Священникъ стучитъ въ дверь; дверь открывается и онъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Зотовъ одинъ.

Чудакъ батюшка, поэтъ; какъ увлекся небесами-то; просто какъ будто самъ только-что оттуда

Подходить къ окну.

Вотъ и третья готова. Эшафотъ подметають, кругомъ пескомъ усыпали, точно къ празднику готовятъ... Вре-

мени не много осталось. . . Какъ бы позвать конвойнаго? Подходить къ форткѣ и тихонько стучить. Черезъ нѣкоторое время фортка отворяется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Зотовъ и конвойный.

Конвойный. — Ну что, написалъ?

Зотовъ вынимаетъ свернутыя записки и отдаетъ конвойному.

Зотовъ. — Пожалуйста, братъ, передай. Великое скажу тебѣ спасибо.

Конвойный. — Что ужъ тутъ! Давайте. Одно слово, налить. . . Передамъ. . . Ну, прощайте, баринъ, а то еще, какъ невзначай увидятъ, худо будетъ.

Зотовъ. — Ну, спасибо тебѣ, спасибо!

Жметъ ему руку. Фортка захлопывается.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Зотовъ одинъ.

На эшафотъ надо взойти какъ можно спокойнѣе. . . Боюсь, вотъ нервы не подгадили бы. Надо отдохнуть. Спать не буду, а такъ полежу. . .

Подходить къ койкѣ и ложится.

(Занавѣсъ)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Общая камера 15 мужчинъ и 8 женщинъ. Всѣ въ арестантскихъ халатахъ. Мужчины закованы въ кандалы. Камера — большая сѣрая комната; по задней стѣнѣ нары, съ проходами черезъ четыре мѣста. Полъ каменный; комната со сводами; надъ нарами два окна съ рѣшетками. По лѣвой стѣнѣ большой столъ, кое-гдѣ нѣсколько табуретокъ. Въ лѣвой стѣнѣ дверь, какъ въ предыдущей камерѣ. Заключение сидятъ группами на нарахъ. Большая группа образовалась на однихъ нарахъ, ближе къ лѣвому краю камеры, противъ окна. Тутъ двѣ женщины лежатъ на нарахъ, вокругъ нихъ сидятъ.

А. Гуревичъ нервно ходитъ по камерѣ, гремя кандалами.

Евгенія Гуревичъ (къ брату). — Саша! Иди къ намъ:

Ну, чего ты цѣлый день бродишь, кандалы звенять, такая тоска беретъ. Ну, иди же сюда, пожалуйста иди! Господа, будемте всѣ вмѣстѣ; почему знать, долго-ли такъ намъ придется побыть? Идите всѣ сюда; ну, чего разошлись?

А. Гуревичъ. — Ну, хорошо, сяду... Вѣчная каторга! Эхъ!..

Заключенные начинаютъ сходиться въ одну группу, сидящіе даютъ мѣсто, кандалы звенять. На дворѣ, за сѣной, стучь обуховъ топоровъ или молотковъ по дереву.

С. Коганъ-Бернштейнъ. — Слышите! Вѣдь это все висѣльцы достраиваютъ....

Кое-кто поднялся, сталъ на нары, смотритъ въ окна.

Голосъ отъ окна. — Висѣльцы готовы, эшафотъ мостить....

С. Ког.-Бернштейнъ. — Хоть бы письмо, хоть бы слово отъ нихъ получить!

Отворяется фортка, и слышенъ грубый голосъ унтеръ-офицера.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и унтеръ-офицеръ.

Унтеръ-офицеръ. — Эй, вы, чего тамъ вмѣстѣ-то сгрудились? Чего толкуете-перетолковываете? Небось, проклятые, не удерете! У, каторжные....

А. Гуревичъ (*вскакиваетъ, кричитъ*). — Чего намъ отъ насъ нужно?

Сосѣди стараются его усадить, шумъ, движеніе.

Унтеръ-офицеръ. — Подожди, подожди, пархатый, я те дамъ! Насидишься въ каталажкѣ, подожди...

Сарра Коганъ-Бернштейнъ, блѣдная, изнуренная, приподнимается на постели. Всѣ смолкаютъ. Говоритъ тихо, но спокойно

С. Ког.-Бернштейнъ. — Что вамъ отъ насъ нужно? Скажите, зачѣмъ вы къ намъ пристаєте? Неужели совѣсти-то у васъ совсѣмъ нѣтъ?

Унтеръ-офицеръ (*ишично, пьянымъ голосомъ*). — Ха, ха, ха! И она туда же! Чего ты, чертовка, разговарп-

внешь! Подожди, и до тебя дойдетъ чередъ. Дай срокъ. Вотъ вздернемъ твою муженька, а тамъ и за тебя примемся... У, сволочь, у варвары, душегубы, каторжные... я васъ, проклятые, да я васъ, окаянныхъ... запорю... Мерррзавцы... Живьемъ сгною... Дай срокъ...

Голосъ за сценой. — Пойдемъ, Иванычъ, пойдемъ, ну чего расходился, словно Кутузовъ, идемъ, брось!...

Унтеръ-офицеръ. — Нѣтъ, подожди, дай срокъ... я ихъ... И дѣвки то жъ, туда жъ лѣзутъ! Да я что... Захочу, всѣхъ васъ въ любовницы возьму... Што хочу, то и дѣлаю... Да... Не давать имъ сегодня чаю... У, сволочь, проклятые...

Плыветъ нѣсколько разъ въ фортку, захлопываетъ ее. Слышны шаги по корридору и смѣхъ. Среди заключенныхъ волненіе.

ЯВЛЕНІЕ III

Тѣ же безъ унтеръ-офицера.

С. Ког.-Бернштейнъ. — За что, за что оскорбилъ всѣхъ насъ?

А. Гуревичъ. — И такъ всю жизнь! Нѣтъ, господа, такъ нельзя; надо что-нибудь предпринять. Все равно, пусть лучше убьютъ, повѣсятъ, но такъ нельзя...

1-й голосъ. — Это чортъ знаетъ что...

2-ой голосъ. — Такъ жить нельзя.

3-ій голосъ. — Все равно, пусть лучше одинъ конецъ.

Нѣкоторые вскакиваютъ и нервно ходятъ по камерѣ, другіе сидятъ какъ-то безразлично. Смерзается. Отворяется фортка и конвойный ставитъ лампочку.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и конвойный.

Конвойный. — Вотъ письмо. Это, значитъ, отъ вашего... висѣльщика...

Фортка захлопывается.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же безъ конвойнаго. Въ камерѣ тишина, заключенные ошѣмели

Через нѣсколько минутъ Сарра Коганъ-Бернштейнъ нервно бросается къ фортикѣ, всѣ за ней. Она беретъ записку, кто-то лампу и всѣ идутъ къ нарамъ. С. Ког.-Бернштейнъ садится, всѣ устанавливаются вокругъ нея.

С. Коганъ-Бернштейнъ. — Отъ Зотова (*читаетъ*).

„Цѣлую, обнимаю всѣхъ, товарищи, братья! Всѣ вы мнѣ въ этотъ моментъ тѣ же братья! Я хотѣлъ писать еще вчера, всѣмъ, всѣмъ хотѣлъ писать, но... такъ сложилось время, что не было возможности. Вотъ вамъ мой завѣтъ, дорогіе братья, на первое время. Употребите всѣ свои силы, и подѣ съжмимъ впечатлѣніемъ финала этихъ ужасовъ; этой бойни, этой рѣзни, эксплуатируйте всѣми способами, всеобщими усиліями эту драму, этотъ колоссальный примѣръ жестокости, самоуправства, безчеловѣчности русскаго деспотизма и его системы. Открыто пишите во всѣ концы нашей матушки и матихи родины, и за-границу Кенавамъ всякимъ. Надѣ этимъ стоитъ поработать; это — единственное, чѣмъ мы можемъ окупить потери этой расправы. Я пишу сумбурно, но вы меня поймете, такъ какъ каждый изъ насъ думаетъ самъ также. О болѣе широкихъ своихъ пожеланіяхъ не говорю... Всѣхъ, братья, всѣхъ люблю, память о всѣхъ уношу съ собою... Какъ у меня ни дурна голова, но я сейчасъ всѣхъ, всѣхъ помню, всѣхъ дорогихъ товарищей, всѣхъ хотѣлъ бы обнять... Ну, еще разъ прижимаю васъ къ самому, самому сердцу.
Вашъ до иетли Львовичъ“.

Послѣ прочтенія толпа молчитъ. Слышимъ глухіа рыданія нѣсколькихъ женщинъ, въ томъ числѣ Евгенія Гуревичъ. А. Гуревичъ колитъ по камерѣ, зывая кандалами. Въ камерѣ полутьма.

С. Ког.-Бернштейнъ. — Сколько страданій... Бѣдныя, бѣдныя... Въ эту ночь совершится все...

Молчаніе, иногда проносится тяжелый вздохъ. Нѣкоторые ходятъ по камерѣ, другіе сидятъ у стола.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и конвойный.

Конвойный. — На те еще... Просто бѣда! Просятъ передай да передай. А какъ передать-то? Начальство узнаеть... будетъ штука... Больше, вотъ те Христось, передавать не буду.

Уходитъ, захлопывая фортку.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же безъ конвойнаго.

1-й голосъ. — Еще записка!

2-ой голосъ. — Двѣ.

3-й голосъ. — Читайте...

Одинъ изъ ссыльныхъ. — Отъ Гаусмана (*читаетъ*).

„Извините, что буду кратокъ. Не до подробныхъ писемъ какъ-то. Нить мыслей часто прерывается воспоминаніями о былыхъ встречахъ. Позвольте только проститься съ вами... Всѣмъ товарищамъ передайте мой горячій привѣтъ и послѣднее прощаніе.

Если когда-нибудь доживете до радостныхъ дней, моя мысль, — если можно такъ выразиться, — будетъ съ вами.

Я умираю съ вѣрою въ торжество истины. Прощайте, братья!
Вашъ Альбертъ Гаусманъ.“

С. Ког.-Бернштейнъ. — Другая отъ кого? Другая отъ Льва?

Одинъ изъ ссыльныхъ. — Да, отъ него.

С. Ког.-Бернштейнъ. — Дайте мнѣ, дайте мнѣ ее (*береть записку и нервно читаетъ*).

„Дорогіе мои, хорошіе друзья и товарищи! Не знаю, удастся-ли мнѣ проститься съ вами. Надежды почти нѣтъ. Но я мысленно простился со всѣми вами. Я глубоко, глубоко перечувствовалъ за это время ваше теплое, хорошее отношеніе ко мнѣ. Мнѣ еще не много осталось жить.

Проститесь заочно, дорогіе друзья и товарищи, и пусть послѣднее наше прощаніе будетъ озарено надеждой на лучшее будущее нашей бѣдной, бѣдной, горячо-любимой родины! Никогда ни одна капля силы не пропадала въ мірѣ. Не пропадетъ, стало быть, и жизнь человѣческая задаромъ! Никогда не надо горевать о ней. Оставьте мертвыхъ мертвецамъ, — у васъ впереди живая связь, нравственная, горячая и самая возвышенная, съ вашей изстрадавшейся родиной! Не говорите и не думайте, что она вся пройдетъ въ напрасныхъ страданіяхъ и мученіяхъ на каторгѣ и въ ссылкѣ. Страдать муками своей родины, быть живимъ укоромъ всѣмъ нечестивымъ ада и зла — это великое дѣло! Пусть это будетъ вашей послѣдней службой — не бѣда. Вы принесли свою ленту на алтарь борьбы за народную волю. А кто знаетъ, быть можетъ, вамъ удастся увидѣть и лучшіе дни. Быть можетъ, вы доживете до той счастливой минуты, когда освобожденная родина встрѣтитъ своихъ вѣрныхъ,

любящихъ и любимыхъ дѣтей съ открытыми объятіями и вмѣстѣ съ ними отпразднуеть великій праздникъ свободы. Тогда, друзья, помните вы и насъ добрымъ словомъ, и это будетъ лучшей, величайшей наградой за всѣ наши испытанія. Да не позвнеть васъ никогда эта великая надежда, такъ же, какъ не похвнеть она меня и на самомъ эшафотѣ. Цѣлую васъ крѣпко, горячо, отъ всей моей любящей души.

Весь нашъ Левъ Бернштейнъ.

Еще разъ прощайте, дорогіе друзья. Крѣпко цѣлую васъ
Вашъ Бернштейнъ.“

Общее молчаніе. Слышенъ тихій плачь. С. Коганъ-Бернштейнъ опускаетъ голову, потомъ быстро выпрямляется и встаетъ.

С. Ког.-Бернштейнъ. — Дай же имъ, Боже, много, много крѣпчайшихъ силъ выдержать пытку и умереть смѣло и твердо.

Медленно садится.

И В Л Е Н І Е У І І І.

Тѣ же и офицеръ.

Офицеръ. — Получено разрѣшеніе для Евгеніи Гуревичъ, Сарры Бернштейнъ и Гаусманъ проститься — первой со своимъ женихомъ, вторымъ со своими мужьями. Если онѣ хотять воспользоваться этой милостью, то пожалуйте.

Поворачивается и уходитъ. Евгенія Гуревичъ, Сарра Коганъ-Бернштейнъ и жена Гаусмана бросаются за нимъ. Толпа застыла.

Занавѣсъ медленно опускается.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тюремный дворъ. Брезжить разсвѣтъ. На аванъ-сценѣ эшафотъ и три висѣлицы. Вокругъ усмано желтнть нескомъ. Прямо — большое грязно-строе двухъэтажное зданіе тюрьмы. Въ лѣвомъ углу задняго зданія проходъ. Направо подъ прямымъ угломъ тоже зданіе тюрьмы. По лѣвой сторонѣ тоже тюрьма. Черезъ перекладину висѣлицы перекинуты три веревки, на концѣ которыхъ петли; другимъ концомъ веревки прирѣвлены къ полу. Подъ двумя висѣлицами на эшафотѣ стоятъ высокія табуретки, съ лѣвой стороны эшафота — лѣстница. Около каждаго зданія тюрьмы по угламъ будки для часовыхъ. Возлѣ каждаго зданія ходитъ часовая. Въ окнахъ тюрьмы иногда видны заключенные, выглядывающіе изъ-за рѣшетки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Смотритель и офицеръ.

Смотритель. — Ну-съ, все готово. Думаю, что не сорвется.

Офицеръ. — Да, да, батенька, надо бы попробовать, потянемъ-ка вдвоемъ, а то, чего добраго, сорвутся; бѣда, начальство все будетъ здѣсь, тогда не сдобровать. Опять подъ замѣчаніе.

Смотритель. — Да и капитель эта... опять тащи, прибивай, суетись (*пробуетъ веревки*). Нѣтъ, ничего...

Офицеръ. — Веревки, кажется, не толсты. А то, пожалуйста, не захлестнеть.

Смотритель. — А вотъ что, не низки-ли табуреты?

Офицеръ. — Ахъ, да! Вотъ хорошо, что вспомнили! Чортъ ихъ деря, будугъ волочиться ногами. Скандаль, да и только... Высокіе они?

Смотритель. — Нѣтъ, плюгавенькіе... Одинъ еще повыше...

Офицеръ. — Съ меня?

Смотритель. — О, нѣтъ!

Офицеръ садится на табуретку, одѣваетъ петлю на шею и соображаетъ, смотря то вверхъ, то внизъ.

Офицеръ. — Эта хороша — какъ разъ.

Смотритель. — Вотъ съ этимъ, съ третьямъ, бѣда. Вѣдь онъ лежитъ на койкѣ. Чортъ его знаетъ, съ непривычки-то еще сорвется.

Офицеръ. — Ну, вотъ! Отчего же? Поднимутъ на кровати, надѣнутъ петлю, да сразу и вытащутъ койку.

Смотритель. — Все-таки, знаете, какъ-то боязно, а ну, какъ соскочить!.. Доложу вамъ, сударь мой, двадцать лѣтъ служу, а не слыхиваль, чтобы съ койки вѣшали.

Офицеръ. — Да, батенька, такой ужъ нашъ генераль. Порядокъ любить. Сказано, повѣсить — и кончено... Вѣшай и не разговаривай! За то вотъ его такъ и любятъ въ Питерѣ: самъ Государь при свиданіи обლობзять изволятъ.

Смотритель. — Что и говорить! Генераль-то ваш орелъ, прямо орелъ!

Офицеръ. — Д-да, что вѣрно, то вѣрно... Немножко бываетъ сердить. Да ничего. Мы съ нимъ въ собраніи пивали-таки изрядно...

Смотритель. — Не пора-ли намъ?

Офицеръ. — Пора, пора, половина пятого. Ну-съ, я иду, скоро солдаты будутъ подходить.

Офицеръ послѣшно уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Вдали слышны барабаны. Черезъ короткое время входятъ рота солдатъ, съ офицеромъ въ полномъ вооруженіи. Они обходятъ всю сцену и становятся по правой сторонѣ. Входитъ новая рота солдатъ и становится по лѣвой сторонѣ.

Смотритель. — Генераль идетъ.

Офицеры командуютъ „смирно!“

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. Входитъ генераль, одѣтый въ сѣрое пальто, за нимъ судъ въ полномъ составѣ, священникъ и дьячекъ. Офицеры отдають честь шапками при приближеніи генерала.

Генераль. — Здорово, ребята!

Солдаты. — Здравія желаемъ, Ваше Пр-ство!

Генераль (*къ смотрителю*). — Все готово, въ исправности? Осмотрѣл?

Смотритель. — Точно такъ, ваше Пр-ство!

Генераль (*къ прокурору*). — Осмотрите и внесите въ протоколъ.

Прокуроръ, офицеръ и смотритель всходятъ на эшафотъ и осматривають висѣльницы. Генераль становится налѣво и также смотритъ на висѣльницы. Прокуроръ записываетъ и сходитъ съ эшафота.

Прокуроръ. — Все исправно, Ваше Пр-ство.

Генераль (*къ смотрителю*). — Палачи готовы?

Смотритель. — Точно такъ, Ваше Пр-ство.

Генераль. — Распорядитесь привести.

Смотритель уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Смотритель возвращается. Вслѣдъ за нимъ идутъ четыре каторжника въ сѣрыхъ халатахъ, половина головы бритая; большого роста, въ кандалахъ, съ нѣсколькими бубновыми тузами на синяѣ. Они окружены 24 солдатами съ унтеръ-офицеромъ во главѣ. Каторжники и солдаты останавливаются у эшафота.

Генераль. — Палачей ввести на эшафотъ. Солдаты кругомъ эшафота.

По обѣимъ сторонамъ лѣстницы унтеръ-офицеръ оставляетъ по 8 солдатъ, остальныхъ устанавливаетъ кругомъ эшафота, самъ становится у лѣстницы. Каторжники взшли на эшафотъ. Они угрюмо озираются и похаживаютъ.

Генераль (къ каторжникамъ). — Стать у каждой петли, у послѣдней двое. (Къ смотрителю). Введите приговоренныхъ.

Смотритель уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Генераль (къ свитѣ). — Смотрите, вонъ тотъ каторжникъ, какой свирѣпый, прямо звѣрь. (Къ каторжнику.) Послушай, тебя за что сослали?

Каторжникъ. — Меня-то?.. Почему мнѣ знать? На-праплина... Пошалилъ маненько... Была тамъ у насъ семейка одна помѣщичья, сволочуги такіе, обдирали... я вотъ разъ ихъ тамъ и привѣзаль, какъ дыплатъ, десять душъ, стало быть... и все дрянъ такая... навозъ одинъ, послѣдыши... тощѣ, что говорить... да куражился, того... многонько... Ну, одно слово, всѣхъ сразу, какъ пить дать.

Генераль (къ свитѣ). — Ничего себѣ, молодецъ!

Каторжникъ (насмѣшливо). — Рады стараться, Ваше Пр-ство!

Генераль. — Да онъ изъ военныхъ!

Каторжникъ. — Какъ же-съ! Мы, значить, у царя въ гвардіи были, тамъ и разбойничать обучены, все, какъ слѣдуетъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Уходитъ смотритель, за нимъ Зотовъ и Гаусманъ, окруженные 24

солдатами съ офицеромъ во главъ. Приговоренные бодро и твердо всходятъ на эшафотъ. Гаусманъ имѣеть немного удрученный видъ. Солдаты строятся направо отъ эшафота.

Зотовъ (къ Гаусману). — Полно, другъ, не печалься. Чего тутъ? Смотри, сколько воронья слетѣлось смотрѣть. Генераль. — А третій гдѣ? Смотритель. — Несуть-съ, Ваше Пр-ство.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вносятъ на койкѣ Бернштейна. Онъ сидитъ. Вокругъ него конвой. Койку вносятъ на эшафотъ и ставятъ подъ третью петлю. Зотовъ и Гаусманъ бросаются къ нему и цѣлуютъ его. Изъ окна камеры машутъ бѣлымъ платкомъ. Въ окнахъ видна масса арестантовъ.

Зотовъ. — Смотрите, смотрите! Намъ машутъ!

Зотовъ (кричитъ). — Прощайте, друзья, прощайте!

Генераль. — Что за непорядки? Кто тамъ машеть? Кто тамъ кричитъ? Прокуроръ, распорядитесь!

Смотритель суетися. Прокуроръ всходитъ на эшафотъ.

Прокуроръ. — Господа, если желаете, можете проститься и пожалуйте по мѣстамъ.

Л. Ког.-Бернштейнъ. — Сейчасъ, сейчасъ, успѣете вѣдь еще!

Прокуроръ. — Нельзя-съ; кончайте ваши разговоры! Трое приговоренныхъ жмутъ другъ другу руки и крѣико цѣлуются.

Прокуроръ. — Г. Зотовъ, вотъ ваше мѣсто (*указываетъ по срединѣ*), а это — ваше.

Показываетъ Гаусману мѣсто и сходитъ съ эшафота.

Одинъ изъ палачей. — Это, значить, наши крестники.

Генераль. — Батюшка, подымитесь на эшафотъ.

Священникъ всходитъ и останавливается передъ Зотовымъ.

Священникъ. — Ваши часы сочтены, гробъ и могила для васъ приготовлены. Покайтесь, молодой человекъ!

Зотовъ. — Батюшка, я уже говорилъ вамъ...

Священникъ. — Покайтесь!

Зотовъ. — Нѣтъ, нѣтъ; вы же знаете, что я не вѣрю ни въ какія тамъ загробныя жизни, и за этой

жизнью не жду ничего болѣе... Оставьте меня, ба-
тюшка, пожалуйста оставьте!

Священникъ. — Какъ хотите, какъ хотите! Да про-
ститъ васъ Господь Богъ!

Медленно уходитъ съ эшафота; обращаясь къ генералу

Слышали, Ваше Пр-ство, не вѣрить ни во что, не
хочетъ и покаяться... атеистъ!

Генераль. — Туда ему и дорога! (*Къ прокурору*).
Прочтите высочайшее повелѣніе.

Прокуроръ (*читаетъ*)

„На докладѣ его Високопревосходительства г. министра воен-
ныхъ дѣлъ о приговорѣ военного Якутскаго суда надъ государствен-
ными преступниками, Николаемъ Зотовымъ, Альбертомъ Гаусманомъ
и Львомъ Берштейномъ, приговоренныхъ онымъ судомъ, по лишеніи
всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, за зло-
дѣянія, вчиненныя ими 22-го марта 1889 г., въ видѣ открытаго воз-
станія, съ вооруженнымъ сопротивленіемъ властямъ города Якутска,
въ квартирѣ селыно-поселеннаго Ноткина, благоугодно было Его
Императорскому Величеству Всемилостивѣйшему Государю-Импе-
ратору и Самодержцу Всероссийскому Александру Александровичу
собственнооручно начертать: „Быть по сему“. Во исполненіе сей
Высочайшей Монаршей воли, сегодня, 7 го августа, въ пять часовъ
утра, вышепоименованные государственные преступники предаются
позорной смертной казни черезъ повѣшеніе на дворѣ якутской
тюрьмы въ присутствіи войскъ, полного состава военного окружного
суда и священника мѣстной тюремной церкви“.

Прокуроръ отходитъ въ сторону. Въ это время въ камерѣ выбива-
ютъ стекла, которыя со звономъ летятъ во дворъ. Изъ камеры слы-
шны крики:

Да здравствуетъ революція! Долой деспотизмъ! До-
лой самодержавіе! Мужайтесь!

Генераль. — Бунтъ!

Смотритель. — Сейчасъ-съ! (*убѣгаетъ*).

Генераль. — Связать руки преступникамъ! Надѣть
петли!

Каторжники хотятъ вязать Зотову руки.

Зотовъ (*бодро*). — Не надо!

Гаусману вяжутъ руки; онъ сидитъ, опустивши голову. Изъ тюрьмы машутъ платками. Каторжники одѣваютъ петли на шеи приговоренныхъ, при чемъ Бернштейна поднимаютъ на кровати.

Генераль. — Барабаны!

Барабаны бьютъ. Каторжники берутся за табуретки.

Генераль (*кричитъ*). — Когда взмахну платкомъ, — выдергивать!

Бернштейнъ и Зотовъ полуоборачиваются и кричатъ:

Бернштейнъ. — Прощайте, братья!

Зотовъ. — Живите, боритесь, друзья!

Барабаны бьютъ сильнѣе. Черезъ нѣсколько секундъ генераль машетъ платкомъ.

Занавѣсь быстро падаетъ.

Сельскіе рабочіе въ юго-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи.

Соціалдемократія, вездѣ ставя себѣ цѣлью организовывать борьбу рабочаго класса противъ его эксплуататоровъ, до сихъ поръ вынуждена была направлять всѣ свои усилія на организацію исключительно фабрично-заводского пролетаріата, и только въ послѣднее время вопросъ о пропагандѣ среди сельскихъ рабочихъ сталъ одной изъ главныхъ задачъ европейской соціалдемократіи. Въ Россіи, гдѣ пролетаріатъ крупной индустріи занимаетъ далеко не первое мѣсто, по своей численности, среди другихъ группъ капиталистически эксплуатируемаго населенія, вопросъ о поднятіи уровня классового самосознанія сельскихъ рабочихъ представляетъ существенный интересъ.

Авторъ настоящей замѣтки имѣетъ въ виду, на

основаніи личныхъ наблюденій и нѣкотораго знакомства съ условіями жизни сельскихъ рабочихъ, обрисовать въ общихъ чертахъ ихъ положеніе и показать, что воздѣйствіе социалдемократіи на рабочій классъ въ этой формѣ „народнаго“ производства, уже теперь не вездѣ такъ невозможно, какъ многіе думаютъ.

Сельскіе рабочіе не представляютъ въ цѣломъ такой экономически обособленной, вполне сложившейся группы со всѣми характерными признаками современныхъ пролетаріевъ, какъ фабрично-заводскіе рабочіе. Они въ большинствѣ случаевъ не совершенно еще „освободились“ отъ средствъ производства, они владѣютъ небольшимъ участкомъ земли и, не смотря на свои хозяйственныя неудачи, слятся во что бы то ни стало удержать его. „Народа“, какъ единого цѣлаго, какъ однородной массы, уже давно не существуетъ; даже самому близорукому наблюдателю бросаются въ глаза, по меньшей мѣрѣ, двѣ группы: 1) экономически сильная и 2) экономически слабая, превышающая первую по своей численности. Каждый членъ этой второй группы является передъ нами, то въ видѣ самостоятельнаго — по крайней мѣрѣ, по формѣ — производителя, то въ видѣ наемнаго рабочаго. И это обстоятельство имѣетъ немаловажное значеніе. Оно ставитъ эту экономически слабѣйшую группу во внутреннее противорѣчіе: выступая въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, они склонны къ организаціи, къ объединенію для борьбы со своими эксплуататорами; какъ самостоятельные хозяева, какъ частные собственники, они являются взаимными конкурентами.

Кто нанимаетъ въ деревнѣ рабочаго?

Во-первыхъ, помѣщикъ. Во-вторыхъ, хозяйственный мужичекъ, многолошадный и многоземельный, которому нужны кредитъ, машины, образованіе и проч., а главное, наемный рабочій.

Рабочихъ нанимаютъ на короткіе и долгіе сроки.

Лѣтомъ, въ страду, когда хозяйство требуетъ одновременнаго приложенія многихъ рабочихъ силъ, въ деревнѣ является самой обыкновенной поделная работа.

Заработная плата подневных рабочихъ измѣняется въ зависимости отъ напряженности работы или отъ ея сложности. Тяжелая работа, которую не можетъ исполнять всякій, а только здоровый и сильный человѣкъ, напр., косьба, жнитво, оплачивается дороже: 50-70 к. и даже рубль въ день мужчинѣ. Женщины получаютъ на такой работѣ 50-60 коп. Полка (отъ слова полоть), работа исключительно женщинъ, подростковъ и дѣтей, оплачивается дешевле: обыкновенно 20 коп. въ день на своихъ харчахъ (взрослому работнику).

Процессъ этой работы полки (напр., подсолнуховъ), кажется намъ не безинтереснымъ. На полкѣ работаетъ обыкновенно нѣсколько сотъ человѣкъ рабочихъ: женщинъ, подростковъ и дѣтей. Плата соответственно: 20, 10 и 5 коп. на своемъ хлѣбѣ (при дешевизнѣ хлѣба въ 1895 г. плата доходила до 15 к. взрослымъ). Работа очень несложна и состоитъ въ томъ, чтобы вырывать мотыгой траву изъ земли и скапывать самый подсолнухъ. Но на припекѣ юньскаго солнца, отъ зари до зари ковырять землю, согнувшись всеѣмъ корпусомъ, подъ грубыми окриками администраціи, и получать за это всего 20 коп. — очень тяжело даже для людей, выдавшихъ всякіе виды по части эксплуатаціи. Раздраженіе крестьянокъ, обыкновенно глухое и скрытное, иногда проявляется въ шумныхъ заявленіяхъ, что такъ нельзя работать, но грубая бравъ приказчиковъ скоро заставляетъ ихъ замолкнуть. Къ этому надо прибавить частую недобросовѣстность при расплатѣ, производимой при томъ черезъ недѣлю, между тѣмъ какъ поденщицѣ часто именно въ тотъ день нужны деньги, когда она выходитъ на работу. Такъ какъ полка продолжается нѣсколько дней подрядъ, то большая часть рабочихъ ночуетъ тутъ же въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, не смотря ни на какую погоду. Хотя кругъ крестьянъ, приходящихъ на такія работы, довольно опредѣленный, но прочная, постоянная организація среди нихъ едва ли возможна, такъ какъ у себя дома они частіе собственники. На массовой работѣ они, однако, очень воспри-

имчивы ко всякому возбужденію протеста, что намъ приходилось на разъ наблюдать, при такъ-наз. на языкѣ мѣстнаго начальства, „недоразумѣніяхъ съ рабочими“, иногда кончавшимися временнымъ успѣхомъ послѣднихъ.

Разсмотримъ теперь разряды постоянныхъ рабочихъ, нанимаемыхъ на долгіе сроки. Это — сельскій пролетаріатъ, безземельный, безлошадный и сплошь и рядомъ бездомовый, крестьянство, выброшенное изъ вѣковой колеи развитіемъ товарнаго хозяйства, крестьянство, платящее „спуста“, загнанное сообщниками и всикимъ начальствомъ, — это „народъ“, пополняющій кадры промышленнаго пролетаріата и составляющій безчисленные полки въ резервную армію промышленности, это — „избыточное“ населеніе деревни. Иногда сельскій батракъ совсѣмъ не имѣетъ собственности, иногда у него есть клочекъ земли, за который платитъ подать богатый мужикъ, получая съ него втрое работой.

Поздней осенью, когда приходитъ срокъ платить помѣщику и правительству, а слѣшнія работы уже кончились и денегъ взять неоткуда, эти пролетаріи стучатся у пороговъ хозяйственныхъ мужичковъ и въ конторахъ помѣщичьихъ имѣній съ просьбой взять въ работники на зиму. Заключается договоръ въ волостномъ правленіи обыкновенно на такихъ условіяхъ: 2-4 руб. (зимой) въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ, наемъ на годъ, такъ, чтобы годичный заработокъ не превышалъ 45-60 руб. въ годъ. Но не многимъ удается такимъ образомъ спасти свой хлѣбъ*) или корову для семьи и устроиться на зиму. Громадное же большинство остается „самостоятельнымъ“ и выноситъ всѣ ужасы зимней безработицы или уходитъ на заработки. Въ мартѣ начинается предусмотрительный наемъ рабочихъ на лѣто, естественно, еще по очень низкой цѣнѣ. Заработная плата начинается повышаться по мѣрѣ приближенія ра-

*) Обыкновенно работникъ беретъ при наймѣ часть денегъ и платитъ ими подати и „ренгу“ помѣщику, который, въ случаѣ неплаты, имѣетъ право взять себѣ хлѣбъ крестьянина съ арендованнаго имъ участка.

боть, и въ іюлѣ доходить до 10 рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ заработной платы, „экономическій“*) рабочій пользуется еще пайкомъ; ему выдается обычное мѣсячное: пудъ муки, 10 ф. пшена и фунтъ масла. Живутъ рабочіе чаще всего вмѣстѣ въ одной избѣ при экономіи. Рабочій день — отъ зари до зари, лѣтомъ и зимою, полчаса дается на завтракъ, полтора часа на обѣдъ, такъ что лѣтомъ рабочій день продолжается 14 часовъ, исключая время отдыха и обѣда.

„Батраки“ — самая безнадежная часть сельскихъ рабочихъ въ смыслѣ воспріимчивости къ революціонной пропагандѣ. Разбросанные небольшими группами (у хозяйственныхъ мужичковъ ихъ бываетъ по 1-2 человекъ), они относятся къ своему хозяину, скорѣе какъ слуга къ своему господину, чѣмъ какъ рабочіе къ капиталисту. Никогда не приходилось намъ замѣчать среди такихъ рабочихъ дружнаго протеста. Всѣ ихъ стремленія лежатъ позади ихъ настоящаго положенія, въ желаніи возстановить свое рухнувшее хозяйство, снова сдѣлаться частными собственниками: они ждуть спасенія не отъ общей борьбы противъ своихъ эксплуататоровъ, а отъ борьбы каждаго порознь за свою мелкую собственность, не отъ объединенія, а отъ конкуренціи. Уровень ихъ умственнаго развитія чрезвычайно низокъ, чувство собственного достоинства въ нихъ совершенно не развито. Только дальнѣйшее развитіе классовыхъ противорѣчій покажетъ имъ единственно разумный выходъ изъ ихъ положенія: борьбу соединенными силами противъ эксплуататоровъ за улучшеніе своего существованія.

Двусторонній характеръ — рабочаго и частнаго собственника — свойствененъ не всему сельскому пролетариату. Значительную часть его мы встрѣчаемъ только какъ наемныхъ рабочихъ. Съ начала іюня въ степь, по проселкамъ и большимъ дорогамъ встрѣчаете вы группы въ два-три человекъ, идущихъ на заработки. Это боль-

*) Всякое помѣщичье имѣніе на югѣ называется „экономіей“.

шею частью татары, кочующіе цѣлыми семьями. Въ убогой кибиткѣ, запряженной тощей лошадежкой, сидятъ его жена и дѣти, а рядомъ мѣрно шагаетъ самъ хозяинъ. Иногда они путешествуютъ еще проще. Жена тащитъ деревянную телѣжку съ ребенкомъ и хлѣбомъ, а мужъ идетъ сзади; потомъ роли мѣняются. Такъ проходятъ они не одну сотню верстъ и подъ дождемъ, и подъ припекомъ горячаго солнца, останавливаясь на ночлегъ и отдыхая тутъ же въ степи подъ открытымъ небомъ, пока не найдутъ работы. Рабочіе-татары, при крайне низкомъ уровнѣ потребностей, довольствуются ничтожною платой и сильно понижаютъ своей конкурренціей плату всѣхъ вообще сельскихъ рабочихъ. Отсюда презрительное отношеніе къ нимъ крестьянъ.

По мѣрѣ наступленія работъ, движеніе рабочихъ начинается усиливаться. Идутъ уже значительными группами, в не одни только татары, но вообще крестьяне восточныхъ губерній, преимущественно Казанской и Вятской, пробираясь на югъ. Сначала, въ іюнѣ, идутъ косари, въ іюлѣ жнецы, позже молотильщики*), а къ осени большія толпы рабочихъ пробираются на сахарные заводы, на зимніе заработки. На родинѣ остался у нихъ домишко, заколоченный или сданный на попеченіе родныхъ, остался ничтожный посѣвъ, порученный убирать имъ же, а сами они, свободные отъ всѣхъ привычекъ, инстинктовъ частнаго собственника, идутъ искать лучшихъ условій жизни. Въ нихъ нѣтъ ограниченности и запуганности, свойственныхъ ихъ братьямъ, сельскимъ батракамъ, не выходящимъ за предѣлы своего мѣста. Если они и не сознательно понимаютъ, то инстинктивно чувствуютъ всю глубину противоположности своихъ интересовъ и интересовъ ихъ нанимателей. Въ нихъ всегда живо чувство протеста и сознаніе необходимости быть заодно съ „артелью“. Если пропагандѣ среди сельскихъ рабочихъ суждено имѣть

*) Разумѣется, это раздѣленіе не по специальностямъ, а по времени работы.

какое-нибудь практическое значеніе въ ближайшемъ будущемъ, то наиболѣе воспримчивыми къ ней окажутся несомнѣнно именно эти артели.

Еще на пути къ конечному пункту ихъ странствія — къ заводу или рабочему рынку — сельскіе буржуа и помѣщичьи управляющіе выѣзжаютъ на большія дороги въ критическую минуту „недостатка“ рабочихъ рукъ „ловить“ этихъ рабочихъ, принять ихъ на-время для текущихъ работъ. Нанимаясь ненадолго, такіе рабочіе не видятъ особенныхъ причинъ дорожить мѣстомъ и являются въ помѣщичьихъ экономіяхъ наиболѣе оппозиционнымъ элементомъ. Они всегда настойчиво требуютъ своевременной и добросовѣстной расплаты, они первые заводятъ разговоръ объ улучшеніи пищи, объ увеличеніи времени на отдыхъ и т. п. Разумѣется, далеко не всегда получается ожидаемый результатъ. Разбросанность этихъ артелей, часто мѣняющійся составъ и другія обстоятельства ихъ жизни врядъ-ли позволяютъ въ короткое время создать среди нихъ прочную организацію, кассу и т. п. Тѣмъ не менѣе, агитація социальдемократіи не можетъ остаться безплодной въ этой средѣ. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя неблагоприятныя условія нашей деревни (не вполне развившаяся противоположность классовъ, низкая степень умственного развитія, малонаселенность и проч.) затрудняютъ, по крайней мѣрѣ, на первое время, воздѣйствіе социальдемократіи на сельскихъ рабочихъ при самомъ процессѣ производства, въ мѣстѣ ихъ работы и постоянного пребыванія. Но социальдемократія можетъ имѣть значительное вліяніе на нихъ въ мѣстахъ ихъ временнаго, но громаднaго средоточія — на рабочихъ рынкахъ, гдѣ слѣдуетъ направить всѣ усилія на одинъ пунктъ, существенный для рабочаго при наймѣ, на повышение заработной платы. Мы попытаемся здѣсь описать рабочій рынокъ.

* * *

Приближается время жатвы. Въ деревнѣ, всѣ — и

помѣщикъ, и хозяйственный мужичекъ, и пролетаризированный крестьянинъ — съ одинаковымъ вниманіемъ, но съ различными мыслями поглядываютъ на нивы. Хозяева, соображая, каковъ будетъ урожай и подсчитывая будущіе барыши — при предполагаемыхъ цѣнахъ на рабочія руки. Помѣщикъ раскидываетъ умомъ, сколько десятинъ жнитвы у него уже „сдано“, т. е. сколько должны ему выжать крестьяне по обязательствамъ, заключеннымъ осенью, когда они нуждались въ деньгахъ, и онъ давалъ имъ ихъ подъ жнитво, назначая цѣну значительно, иногда вдвое ниже той, которая обвѣнится потомъ на базарѣ; припоминаетъ, сколько крестьяне обязаны выжать ему за выгонъ, и сколько въ видѣ уплаты аренды за землю, и сколько, наконецъ, онъ долженъ будетъ нанять жнецовъ на базарѣ. Какъ ни разнообразны способы опутать крестьянина-пролетарія, закрѣпостить его экономически, но убрать весь хлѣбъ „своими силами“ возможно только при небольшомъ посѣвѣ. Даже хозяйственные крестьяне не обходятся безъ найма жнецовъ на базарѣ, а помѣщики и подавно.

Пролетаріи смотрятъ, каковы хлѣба, и стараются предугадать цѣны на рабочія руки.

Въ каждомъ земледѣльческомъ районѣ, съ радіусомъ верстъ 15-20, мѣстечко или село, наиболѣе развитое въ промышленномъ отношеніи, стоящее на большой дорогѣ или близъ рѣки, служитъ рынкомъ, гдѣ производители обмѣниваются своими товарами, гдѣ заключаются разные сдѣлки и подряды, гдѣ скупщики, главная сила деревенскихъ базаровъ, закупаютъ сырье и хлѣбъ для отправки на всемірный рынокъ. Къ такому-то мѣстечку, гдѣ бываетъ значительный, по народному выраженію, „кредитный“ базаръ, начинаютъ въ серединѣ іюля стекаться сельскіе пролетаріи. Здѣсь вамъ встрѣтится и кочующій цѣлое лѣто татаринъ, случайно проходившій мимо въ поискахъ за работой и завернувшій сюда по дорогѣ, и чувашъ, пришедшій сюда съ специальной цѣлью наняться на жнитво въ этой хлѣбородной мѣстности, и крестьянинъ ближайшей деревни, совсѣмъ осво-

боднящийся изъ-подъ „власти земли“ или еще имѣющей ничтожный посѣвъ, который уберутъ дома и безъ него. Приходятъ большими партіями и въ одиночку. Окрестнымъ помѣщикамъ, засѣвающимъ тысячи десятинъ, нужна не одна тысяча серповъ, и вся эта огромная масса пролетаріевъ сошлась здѣсь съ однимъ желаніемъ: продать свою рабочую силу.

Эта армія пролетаріевъ располагается лагеремъ въ полѣ за селомъ, на берегу рѣчки. Въ сторонѣ пасутся лошаденки, сдѣлавшія не малый конецъ, чтобы доставить своихъ хозяевъ на рынокъ труда. Подъ телеграмп располагаются женщины съ грудными дѣтьми; подростки, мальчики и дѣвочки возятся у костровъ, приготавливая болѣе чѣмъ скромный обѣдъ; всѣ они одѣты чрезвычайно бѣдно, въ грубое, рваное платье; тутъ же лежитъ обыкновенно собака, вѣрный сторожъ рухляди и дѣтей, оставляемыхъ одиноко въ степи во время работы, когда всѣ способные къ труду уйдутъ далеко во ржи. Живутъ всѣ, отъ мала до велика. Но на рынкѣ фигурируютъ только взрослые мужчины. Они группируются въ партіи чел. по 10, 20 и болѣе, разбиваясь по деревнямъ и только случайно одинокій пришлецъ пристаётъ къ какой-нибудь группѣ. У каждой группы есть свой старшій, выбираемый сообща всѣми членами изъ старыхъ или опытныхъ, бывалыхъ жнецовъ; его легко узнать: онъ держитъ въ рукахъ всю массу связанныхъ вмѣстѣ серповъ своей группы, его внѣшній видъ, выраженіе лица и осанка прямо соответствуютъ количеству находящихся у него серповъ: съ большимъ числомъ серповъ старшій держится увѣренно, чувствуя за собой силу; имѣя 5-6 серповъ, онъ угрюмъ, робокъ, приниженъ. Наканунѣ вечеромъ и утромъ въ день базара рабочіе сговариваются, какой цѣны имъ держаться, и, повидимому, твердо рѣшаютъ не спускать ниже ея ни въ какомъ случаѣ. Это сговариваніе совершенно неорганизовано и дѣлается вполне стихійно. Переходя отъ одной группы къ другой, вслушиваясь въ разговоры и вставляя свои замѣчанія, каждый жнецъ не разъ обой-

деть базарную площадь, гдѣ происходятъ всѣ эти толпы, и такимъ образомъ составляется общее мнѣніе о высшей цѣнѣ, которую можно запросить и которую каждый рабочий готовъ, повидимому, блюсти со страстной ревностью. Наемъ происходитъ чаще всего на десятину, при чемъ десятина принимается „сотельная“, въ 4.000 кв. саж. При обыкновенномъ урожаѣ и среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ, плата за жнитво такой десятины колеблется между 7-15 р., но въ въ 1895 г. при общемъ паденіи цѣнъ на хлѣбъ, она колебалась (въ Самарской губ.), между 3-5-6 рублями. Въ одинъ день сжать и связать въ снопы десятину могутъ, при среднемъ урожаѣ и средней напряженности труда, 10 человекъ.

Утромъ въ день базара на площади замѣчается необыкновенное оживленіе. Всѣ жнецы уже нетерпѣливо ждутъ покупателей своего товара, Всѣ они понимаютъ важность предварительнаго соглашенія въ цѣнѣ. Но каждый изъ нихъ боится остаться не причемъ, пропустить случай, а это значитъ либо остаться на нѣсколько дней безъ заработка въ пору самыхъ горячихъ лѣтнихъ работъ, либо продать свою рабочую силу за безцѣнокъ при первой возможности. Навболѣе энергичные, расторопные (обыкновенно молодые жнецы), чувствуя, что въ глубинѣ души каждый боится конкуренціи другого и понимая, какъ важно дѣйствовать заодно, снуютъ по базару отъ одной группы къ другой и энергично убѣждаютъ не сбавлять цѣны — при сочувственномъ одобреніи толпы. Соціалисты могутъ воспользоваться такимъ моментомъ. Важно только сорганизовать это соглашеніе, объединить прежде всего его руководителей. Первый шагъ здѣсь въ томъ, чтобы поселить въ жнецахъ взаимную увѣренность, хотя бы только на одинъ этотъ день; энергичнымъ воздѣйствіемъ можно этого добиться.

Рабочіе ждутъ, а паниматели не торопятся, зная по опыту, что „раньше обѣда*“) не нанять“. Но уже рано

*) Временей обѣда считается полдень, когда базаръ заканчивается.

по утру начинается торгъ. Управляющіе и хозяйственныя мужички ходятъ въ толпѣ и не торопясь, хладнокровно и терпѣливо торгуются съ рабочими. Вездѣ, въ каждой группѣ, на вопросъ: почему жать? получаютъ они одинъ и тотъ же отвѣтъ: 8 рублей, съ готовностью поторговаться.

По мѣрѣ того, какъ солнце все выше и выше поднимается на небѣ, растетъ тревога въ душѣ каждого рабочаго: что, если его не наймутъ? Безпокоится и наниматель: просить дорого, нанять не выгодно, а не нанять нельзя, сразу всего хлѣба не уберешь, онъ можетъ осыпаться отъ вѣтра, лечь, попортиться отъ дождя и града, да можетъ быть, и рабочая сила еще вздорожаетъ. Торгъ становится все болѣе и болѣе ожесточеннымъ. Вотъ управляющій, у котораго 3000 дес. посѣва, убѣждаетъ рабочихъ согласиться жать за 5 р., говоря, что никто ихъ не найметъ, и они „прошляются“ даромъ, что у него работы много и кормъ хорошій и т. п., а между тѣмъ и онъ, и рабочіе прислушиваются, не нанялся-ли кто, не „объявилась“-ли цѣна. Обыкновенно группа, первая продавшая свою рабочую силу, опредѣляетъ цѣну. Томительный страхъ остаться безъ работы, скрытый до этой минуты, прорывается тогда наружу, и одна за другой заключаются сдѣлки съ незначительными отклоненіями въ обѣ стороны отъ первоначальной цѣны. Таѣтный социалистъ — рабочій, а не интеллигентъ, которому, при современныхъ условіяхъ деревни невозможно вести тамъ непосредственно пропаганду — можетъ, сьорганизовавъ соответствующую группу, убѣдить рабочихъ не сдаваться ни въ какомъ случаѣ и подождать дня два другого базара въ другомъ мѣстѣ, верстъ за 40 отъ перваго. Держась единодушно, рабочіе настояли бы на своей цѣнѣ, потому что ждать долѣе землевладѣльцамъ было бы невозможно. Теперь мы пока наблюдаемъ такія сцены. Старый жнецъ группы какъ будто начинаетъ сдаваться на убѣжденія нанимателя, его беретъ сомнѣніе и раздумье. Онъ обращается къ товарищамъ и, тихо перешептываясь, спрашиваетъ

ихъ согласія. Въ эту минуту подбѣгаетъ запыленный, раскраснѣвшійся отъ усталости молодой жнецъ п съ сверкающими глазами, энергично жестикулируя, начинаетъ укорять колеблющихся и уговариваетъ не отступать. Наниматели грубо обрываютъ дерзкаго и стараются оттереть его отъ толпы. Долго продолжается борьба, пока давленіе капитала не сдѣлаетъ своего дѣла.

Между тѣмъ солнце печетъ все сильнѣе, голодь и жажда томить рабочаго, а онъ все еще въ мучительной невѣстности, что будетъ съ нимъ и его семьей; его гнететъ невѣстность его положенія. Онъ знаетъ, что, согласись онъ сейчасъ на условія, ему дадутъ „на серпы“, онъ пойдетъ въ трактиръ пить чай и ѣсть калачъ (хлѣбъ изъ яровой муки). А наниматели, ужъ не разъ напившіеся чаю, все такъ же невозмутимо поглядываютъ другъ на друга и на рабочихъ, увѣренные въ томъ, что „ихъ возьметъ“. Наконецъ, кто-нибудь изъ жнецовъ уступаетъ, и борьба чаще всего кончается общимъ пораженіемъ рабочихъ, т. е. цѣну усталавливаютъ наниматели. Намъ однако-же извѣстенъ случай, когда ни одинъ рабочій не согласился на предлагаемую плату; всѣ они ушли на сосѣдній базаръ, но тамъ повторилась обычная исторія.

Такимъ образомъ, торгъ заканчивается. Свободный договоръ капиталиста и рабочаго заключенъ. Они бьютъ по рукамъ. Серпы изъ рукъ старшаго переходятъ въ руки нанимателя, и онъ, съ плохо скрытымъ чувствомъ удовольствія, увѣренный и самодовольный, выходитъ изъ толпы и спокойно ѣдетъ къ себѣ въ имѣніе, а немного времени спустя вслѣдъ за нимъ выступаетъ толпа рабочихъ; угрюмо и покорно несутъ они свою шкуру, зная, что ее „таки порядочно примнутъ, прежде чѣмъ выжмутъ изъ нея то, для чего ее купили“.*)

Что ждетъ ихъ на мѣстѣ? Суровый трудъ съ нич-

*) Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ, если управляющему или хозяину покажется, что жнецы жнутъ не чисто, т. е. оставляя рѣдкіе колосья, жнецовъ заставляютъ выдерживать ихъ по всей нивѣ.

тожнимъ вознагражденіемъ, да грубость администраціи. Въ этихъ крестьянахъ мы не встрѣтимъ фанатиковъ частной собственности. При данныхъ условіяхъ, это — проникнутые безсознательною ненавистью къ эксплуататорамъ, способные возстать на борьбу во имя классовыхъ интересовъ пролетаріата. Организация этихъ рабочихъ дѣло не легкое; какъ рабочіе, они необходимо борются, и социалдемократія обязана придти имъ на помощь въ этой борьбѣ, организовать ее и указать ея конечную цѣль.

Товарищъ.

Послѣдній конгрессъ нѣмецкой соц.-демократ. партіи

Пишу вамъ, товарищи, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго въ Рамбургѣ, гдѣ съ 3 по 10 октября 1897 г. засѣдалъ конгрессъ германской социалдемократіи, самой могущественной изъ социалистическихъ партій всего міра.

Прежде всего, я коснусь внѣшней стороны конгресса и постараюсь представить вамъ общую его картину. Представьте себѣ громадную залу или вѣрифе театръ, могущій вмѣстать въ себѣ 5-6.000 чел., уставленный длинными столами и украшенный 70 красными знаменами, присланными на конгрессъ отъ разныхъ рабочихъ организаций. Эти знамена покрыты были надписями, содержащими слова великихъ социалистическихъ мыслителей, сдѣлавшіяся девизами рабочихъ массъ, подъ которыми онѣ ведутъ свою борьбу. На сценѣ, утопающей въ цвѣтахъ, стоятъ бюсты учителей нашихъ — Карла Маркса, Фердинанда Лассаля и Фридриха Энгельса. Съ высоты сцены они какъ бы смотрятъ на волнующуюся внизу массу и кажется имъ порокъ, чутко прислушиваются ко всему, что происходитъ на конгрессѣ и что лица ихъ выражаютъ довольство и гордость тѣмъ, что сѣмя, брошенное ими, дало такіе прекрасные плоды, и что ученіе ихъ нашло откликъ среди сотенъ тысячъ рабочихъ, — рабочихъ, еще вчера чувствовавшихъ себя забытыми и ничтожными.

людьми низшей породы и гордых теперь сознанием своей силы и уверенностью, что им принадлежит будущее.

За столами сидят представители различных организаций, делегаты, а публика помещается кругом них и наверху, на галереях. Почти все большие города и крупные местечки прислали на этот конгресс, как и ежегодно, своих представителей, чтобы дать отчет о деятельности партии за прошлый год и столковаться о том, какие задачи поставить себе партия на будущее время.

Сверху и могь видѣть всех социалист. депутатов и приглядываться къ делегатамъ, этому цвѣту нѣмецкой соц.-демократической партии. Большинство изъ нихъ — рабочіе, но небольшая часть принадлежит къ такъ-называемой интеллигенціи. Впрочемъ, среди нѣмецкихъ социалистовъ не отличишь рабочаго отъ интеллигента. Все делегаты, между которыми попадаются 20-лѣтніе юноши и 70-лѣтніе старики, производятъ впечатлѣніе въ высшей степени дѣльных людей. Не слышно громкихъ фразъ, все говорятъ толково стараясь держаться по возможности твердой почвы — дѣйствительной жизни. Каждое слово даетъ чувствовать, что здѣсь собрались люди, знакомые съ жизнью не только изъ книгъ, но и по собственному горькому опыту.

Все время, пока происходитъ засѣданіе, делегаты непрерывно читаютъ вносимыя предложенія, записываютъ слова ораторовъ и чувствуется, что каждый делегатъ старается и свою ленту внести въ работу конгресса. Дебаты ведутся очень оживленно, нерѣдко слышишь рѣзкое слово, брошенное по адресу несогласному товарищу, что не мѣшаетъ общему согласію, и прогнанный, послѣ обоюдныхъ рѣзкостей, по прежнему продолжаютъ мирно бесѣдовать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Оглядывая залъ засѣданій, незвольно останавливаешься на нѣсколькихъ лицахъ. На сценѣ, за небольшимъ столомъ, позади председателя, сидитъ еще крѣпкій старикъ съ густой сѣдой. Возлѣ него огромная куча газетъ, книгъ и брошюръ, и овъ ни на минуту не перестаетъ въ нихъ рыться и записывать, но въ то же время умудряется какъ-то не пропустить ни единого слова изъ рѣчей ораторовъ, что видно изъ его возраженій и живыхъ жестовъ, когда ораторъ выражаетъ взгляды, несогласные съ его собственными. Это — Вильгельмъ Либкнехтъ. Уже около полуѣка, какъ это имя связано неразрывно съ демократическимъ и рабочимъ движеніемъ въ

Германин. Волосы Либкнехта уже поблѣзли, лобъ и лицо покрылись морщинами и весь онъ согнулся съ того времени, какъ отдалъ всего себя, свои недюжинныя способности рабочему дѣлу, но въ его душѣ продолжаетъ жить все та же любовь къ страждущимъ, все тотъ же неугасаемый огонь, что и съ начала его дѣятельности. Какъ ораторъ, Либкнехтъ и теперь еще незамѣнимъ. Годы, безъ сомнѣнн, наложили на него свою печать: онъ говоритъ тихо, но большей части спокойно. Но стоитъ только кому-нибудь затронуть то, что старику особенно дорого, и снова старый левъ пробуждается: голосъ крѣпнеть и глаза начинаютъ блестѣть, станъ выпрямляется и изъ устъ льется сильно и страстно вдохновенное слово.

Недалеко отъ него сидитъ человекъ лѣтъ 50, худощавый, невысокаго роста, угрюмо все время читающій и, повиднмому, мало интересующійся преніями. Съ перваго разу человекъ этотъ — Августъ Вебель — не производитъ впечатлѣнн, но это продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не появляется на ораторской трибунѣ. Стоитъ Вебеля очутиться на трибунѣ, и вся зала моментально мѣняется, словно электрической токъ проходитъ по всему собранію и въ него вливается новая жизнь. Вебель столько души влагаеъ въ каждое свое слово, такъ умѣеъ уловить наиболѣ существенныя пункты всякаго предложенія, рѣчь его звучитъ такою убѣдительною и въ то же время такою естественностью и простотой, что каждый вопросъ въ его передачѣ становится жгучимъ.

Къ началу конгресса былъ розданъ всѣмъ депутатамъ печатный отчетъ о приходахъ и расходахъ партіи, о парламентской дѣятельности социалъдемократическихъ депутатовъ, о ея газетахъ и журналахъ и т. п. Заимствую изъ этого отчета кое-какія цифры, могущія дать понятіе о силѣ и вліянн партіи. Всѣхъ средствъ поступило въ распоряженіе партіи за прошлый годъ 274.521 мар. или около 135 тысячъ рублей. Расходы были приблизительно равны доходамъ. Но эта цифра далеко не исчерпываетъ собою всей той суммы денегъ, которую нѣмецкій пролетаріатъ тратитъ на борьбу со своими прѣснителями. На чисто экономическую борьбу, т. е. на борьбу съ частными предпринимателями нѣмецкіе рабочіе потратили гораздо большія суммы. На одну только стачку портовыхъ рабочихъ въ Гамбургѣ нѣмецкіе рабочіе собрали 1.613.000 мар. или 800 тыс. руб. Стачки въ Германіи не прекращаются. Соціалистическій пролетаріатъ Германіи жертвуетъ не мало на поддержку рабочихъ партій

въ другихъ странахъ. Въ послѣдній годъ германс. с.-демок. прислала австрійской на выборную агитацію 10.000 м., итальянской — 1300, голландской — 2.800 и словенцамъ — 500 мар. Какими средствами пропаганда обладаетъ партія, видно изъ того, что въ послѣдній годъ она издавала 39 ежедневныхъ газетъ, 15 выходящихъ три раза въ недѣлю и т. т. Кромѣ того, каждый крупный профессиональный рабочій союзъ издаетъ еще свою газету, посвященную интересамъ экономической борьбы. Такихъ газетъ въ Германіи издавалось: 1 — выходящая три раза въ недѣлю, 26 — разъ въ недѣлю, 1 — три раза въ мѣсяцъ, 22 — разъ въ двѣ недѣли и 3 — разъ въ мѣсяцъ. Кромѣ того, издается еще еженедѣльный журналъ „Die neue Zeit“, (Новое Время), посвященный обсужденію теоретическихъ вопросовъ, и еженедѣльная иллюстрированная газета „Die neue Welt“ (Новый Міръ) въ количествѣ 200 тыс. экз. Эта газета за 5 коп. въ мѣсяцъ дается въ видѣ приложенія подписчикамъ почти всѣхъ социалистическихъ газетъ. Въ ней помѣщаются недурные романы и повѣсти, статьи по музыкѣ, живописи и т. п. для развитія художественнаго вкуса читателей, тамъ же помѣщаются легкія популярныя статьи по естествознанію, исторіи и т. п. Партія издаетъ еще двѣ юмористическія газеты. Главная газета — центральный органъ партіи, „Впередъ!“ — имѣетъ болѣе 50.000 подписчиковъ и принесла за послѣдній годъ 48 тыс. мар. чистой прибыли. — Къ этимъ цифрамъ добавлю еще, что германская с.-дем. партія получила на послѣднихъ выборахъ (1893 г.) почти миллионъ 800 тыс. голосовъ и провела въ парламентъ 48 депутатовъ. Если вспомнить, что 25-30 лѣтъ тому на назадъ рабочая партія въ Германіи была настолько слаба, что о ежедневныхъ газетахъ и рѣчи не могло быть, а была лишь одна еженедѣльная газета, и то еле державшаяся, то мы должны будемъ признать, что нѣмецкіе соц.-демократы имѣютъ право гордиться своей силой, и что не далеко то время, когда они одержатъ полную побѣду надъ всѣми своими врагами.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ самимъ преніямъ на конгрессѣ. Размѣры моего письма не позволяютъ мнѣ коснуться всѣхъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ, и потому мнѣ приходится ограничиться лишь тѣми, которые могутъ имѣть для всѣхъ насъ выдающійся интересъ. Важнѣйшій вопросъ, о которомъ не мало раньше писали, дебатировали на собраніяхъ и въ печати, былъ вопросъ объ участіи социалъдемократической партіи въ

выборахъ въ прусскій ландтагъ. Чтобы разъяснить все значеніе и важность этого вопроса, приходится сдѣлать небольшое отступленіе. Германская имперія — не единое государство съ однимъ правительствомъ, какъ, напр., Россія, а состоитъ изъ отдѣльныхъ большихъ и малыхъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое правительство, своего короля, герцога, князя, какъ главу государственной власти, и парламентъ, т. е. законодательную палату, состоящую изъ выборныхъ отъ мѣстнаго населенія. Но всѣ эти государства составляютъ съ 1871 г. одно цѣлое — германскую имперію, во главѣ которой стоитъ прусскій король, съ титуломъ императора, а рядомъ съ нимъ — кромѣ „Союзаго Совѣта“, состоящаго изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ правительствъ — имперскій парламентъ, носящій названіе „рейхстагъ“. Правомъ голоса при выборахъ депутатовъ въ рейхстагъ пользуются всѣ граждане, достигшіе двадцатипятилѣтняго возраста. Читатель знаетъ, какъ с.-демократы Германіи воспользовались этой избирательной системой, чтобы пробудить и развить въ рабочихъ массахъ сознаніе своихъ правъ и своего значенія въ государствѣ. Этимъ самымъ она превратила выборы въ рейхстагъ въ орудіе, при посредствѣ котораго бѣдные классы населенія производятъ давленіе и на представителей буржуазныхъ партій, такъ какъ и они вѣдь своимъ депутатскимъ званіемъ обязаны этимъ классамъ. Волей-неволей и буржуазнымъ депутатамъ приходится въ большей или меньшей степени считаться — главнымъ образомъ, благодаря неустанной агитаціи со стороны социалъдемократовъ — съ настроеніемъ и желаніями униженныхъ и эксплуатируемыхъ массъ. Это возрастающее давленіе пролетаріата на имперское законодательное собраніе становится все болѣе и болѣе опаснымъ для эксплуататоровъ вообще, а больше всего для дворянъ и промышленныхъ бароновъ, съ императоромъ во главѣ. Всѣ эти реакціонныя силы стремятся къ тому, чтобы возможно больше урѣзать права народа, но при помощи рейхстага, избираемаго всеобщей прямой подачей голосовъ, трудно этого добиться въ той мѣрѣ, въ какой нивъ бы хотѣлось. И вотъ реакціонеры начинаютъ искать точку опоры для своихъ плановъ — вѣдь рейхстага, въ тѣхъ мѣстныхъ парламентахъ, депутаты которыхъ выбираются, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, зажиточными и богатыми классами. Особенно надежнымъ и подходящимъ орудіемъ для реакціонеровъ является прусскій ландтагъ, парламентъ самаго крупнаго и наи-

болѣе сильнаго изъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи. Прусскій ландтагъ избирается по трехъклассной системѣ, состоящей въ томъ, что все населеніе дѣлится на три класса по количеству платимыхъ налоговъ, причемъ въ расчетъ берутся не косвенные налоги, налоги на предметы потребленія, а налоги прямые. Къ первому классу принадлежитъ небольшое число богачей, платящихъ первую треть налоговъ. Второй классъ, болѣе многочисленный, составляютъ люди менѣе богатые, платящіе вторую треть налоговъ, и третій классъ, къ которому принадлежитъ вся остальная масса населенія, платящая послѣднюю треть, заключаетъ въ себѣ въ нѣсколько разъ большее число людей, чѣмъ оба первые класса, вѣсть вѣстѣ. Такъ какъ каждый классъ выбираетъ одинаковое число выборщиковъ, которые затѣмъ уже сообща выбираютъ депутатовъ, то очевидно, что третій, самый многочисленный классъ бѣдныхъ людей, нигдѣ собственными усиліями не можетъ провести въ ландтагъ своихъ представителей. Въ каждомъ округѣ первые два класса вѣсть вѣстѣ имѣютъ въ два раза больше выборщиковъ, и слѣд. голосовъ, чѣмъ третій, и потому отовсюду могутъ послать своихъ людей въ прусскій ландтагъ. Послѣдній и состоитъ, дѣйствительно, лишь изъ дворянъ (Junkerovъ) и крупныхъ капиталистовъ. Рабочій классъ не имѣетъ тамъ своихъ представителей.

Въ виду этого, нѣмецкая социалдемократическая партія никогда не принимала участія въ выборахъ въ прусскій ландтагъ. При этомъ она руководилась еще тою надеждою, что прусскій ландтагъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе потеряетъ свое значеніе и что всѣ дѣла государственной жизни сосредоточатся въ рейхстагѣ. Эта надежда соц.-демократовъ не оправдалась, однако. Ландтаги въ послѣднее время не только не потеряли своего значенія, но они начинаютъ играть все большую роль. Императоръ и правящіе классы начинаютъ смотрѣть на прусскій ландтагъ, какъ на единственное спасительное орудіе противъ ненавистной социалдемократіи и стараются проводить въ немъ законы, которые оно не надѣется провести въ рейхстагѣ. Въ прошломъ году ему едва не удалось провести въ ландтагѣ законъ, запрещающій собранія и союзы, занимающіеся пропагандой социалистическихъ идей.

Само собою разумѣется, что с.-демократія не могла остаться равнодушной въ виду угрожающей со стороны ландтага опасности. Въ партіи поднялись голоса, требовавшія, чтобы с.-демократы по-

пытались добиться влияния на ландтагъ. Втеченіе 7-8 мѣсяцевъ вопросъ о томъ, какъ бороться противъ реакціонныхъ стремленій ландтага, принимать-ли участіе въ выборахъ, усердно дебатировался въ рабочей партіи. Она какъ бы разбилась на два лагера; сторонники и противники участія въ выборахъ горячо отстаивали свои мнѣнія. На конгрессѣ и состоялось рѣшительное сраженіе между этими двумя лагерами. Втеченіе двухъ дней этотъ вопросъ горячо обсуждался.

Противники, во главѣ которыхъ стоялъ старый Либнехтъ, прежде всего указывали на всѣ тѣ препятствія, которыя трехклассный избирательный законъ представляетъ успѣшному участію въ выборахъ. Препятствія эти столь велики, что рабочіе ни въ одномъ избирательномъ округѣ не могутъ рассчитывать провести своего кандидата. Участіе въ выборахъ должно, поэтому, кончиться полной неудачей, которая внесетъ только разочарованіе въ ряды рабочихъ, и безъ всякой пользы будетъ потрачена масса средствъ и усилій, которыя могли бы быть приложены болѣе производительнымъ образомъ. Рассчитывать на какой-либо успѣхъ с. демократы могутъ лишь въ томъ случаѣ, если они соединятся во время выборовъ съ другими оппозиционными фракціями, демократами и свободомыслящими. Но, прежде всего, даже въ союзѣ съ этими партіями успѣхъ с.-демократівъ будетъ такъ невеликъ, что въ составѣ ландтага онѣ вызовутъ лишь самыя незначительныя измѣненія, и потому ландтагъ останется тѣмъ же реакціоннымъ учрежденіемъ, готовымъ на всякіе стѣснительные законы. Затѣмъ, исторія партій, съ которыми с.-демократамъ придется соединяться, показала, что онѣ являются очень ненадежными союзниками: какія демократическія требованія онѣ бы ни выставляли, опытъ показалъ, что какъ только дѣло касается рабочихъ, онѣ являются такими же реакціонерами, какъ и всѣ прочія буржуазныя партіи. Мало того. Союзы съ буржуазными партіями противорѣчатъ принципамъ социальдемократіи и, прежде всего, основному ея принципу — классовой борьбѣ. Социальдемократія — партія пролетаріата, имѣющаго интересы, противоположныя интересамъ буржуазіи, и потому она никогда не можетъ идти рука объ руку съ буржуазными партіями. Наконецъ, подобное соединеніе внесетъ путаницу въ головы рабочихъ массъ. Когда наступятъ выборы въ рейхстагъ, рабочимъ придется бороться противъ тѣхъ са-

иных партий и тех самых людей, с которыми, во время выборов в ландтаг, они выступали солидарно.

Таковы были доводы противниковъ участія въ выборахъ, вызвавшіе горячіе возраженія со стороны сторонниковъ участія, во главѣ которыхъ стояли Бебель и Ауэръ. Послѣдніе указывали на то, что Германія въ послѣднее время переживаетъ критическое состояніе. Широкое распространеніе социалистическихъ идей и безпрестанно растущее вліяніе социалъдемократіи наполняютъ правительство такой тревогой и страхомъ за свое даже ближайшее будущее, что правительство, повидимому, готово прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ для противодѣйствія рабочему движенію. Въ особенности прусское правительство, съ императоромъ Вильгельмомъ во главѣ, все откровеннѣе начинаютъ обнаруживать свое желаніе измѣнить конституцію, отнять у народа общее избирательное право и тѣмъ лишить его вліянія на государственныя дѣла. Проектируется цѣлый рядъ мѣръ, чтобы у нѣмецкаго народа отнять, или по крайней мѣрѣ сѣзать, всѣ тѣ свободныя учрежденія, которыми онъ пользовался болѣе четверти вѣка. Мѣры эти правительство надѣется провести при помощи ландтага. Эти стремленія, грозящія многимъ бѣдами будущему Германіи, вызвали оппозиціонное движеніе даже среди нѣкоторыхъ буржуазныхъ слоевъ. Въ общественномъ мнѣніи Германіи замѣтенъ „поворотъ налѣво“. Социалъдемократія, самая сильная германская партія, партія пролетаріата, которому угрожаетъ наибольшая опасность, не можетъ и не должна оставаться безучастной въ виду этого оппозиціоннаго движенія. Она должна стать во главѣ его и громко протестовать противъ всякихъ реакціонныхъ замысловъ. Участіе въ выборахъ въ ландтагъ, попытка пробить брешь и въ послѣдней, еще не тронутой политической крѣпости буржуазіи и дворянства, должно быть, поэтому, первымъ отвѣтомъ социалъдемократіи реакціонному правительству. Еслибы даже эта попытка и не имѣла непосредственныхъ результатовъ и ни одинъ представитель рабочей партіи не выбранъ будетъ въ ландтагъ, то участіе въ выборахъ и выборная агитація не пропадутъ даромъ. Когда рабочіе ясно увидятъ, какъ всѣ ихъ многочисленные голоса были подавлены немногими голосами кучки богачей, они воочію убѣдятся во всей несообразности этой избирательной системы, съ ея классовымъ характеромъ, и это повліяетъ на ихъ головы лучше десятковъ рѣчей. Что же касается избирательнаго союза съ буржуазными партіями, то

таковой может и не противорѣчить принципамъ социалъдемократіи: поддерживая буржуазнаго кандидата, который дастъ намъ публичное обѣщаніе добиваться въ ландтагѣ измѣненія избирательнаго закона, мы этимъ не дѣствуемъ еще противъ нашей программы. Указывалось еще на то, что въ ландтагѣ и теперь разбирается масса вопросовъ, прямо затрагивающихъ интересы многихъ слоевъ рабочихъ, напр., желѣзнодорожныхъ, и вообще касающихся важныхъ сторонъ жизни, напр., вопросъ о народномъ образованіи, положенія учителей и т. д. Слѣдовательно, участіе въ выборахъ въ ландтагъ расширить область агитаціи и привлечь къ соц.-демократіи много новыхъ приверженцевъ.

Послѣ этихъ дебатовъ было постановлено, чтобы во всѣхъ тѣхъ избирательныхъ округахъ, въ которыхъ рабочая партія можетъ рассчитывать на успѣхъ, члены ея принимали участіе въ выборахъ. Союзы, однако, съ другими партіями запрещаются.

Изъ другихъ вопросовъ я коснусь еще одного, который вызвалъ очень оживленные пренія. Нѣмецкіе поляки внесли предложеніе, чтобы въ избирательныхъ округахъ, населенныхъ поляками, во время выборовъ, высвѣщались кандидатами преимущественно поляки. Это предложеніе вызвало возраженія одного оратора, коснувшася вообще отношеній нѣмецкихъ социалъдемократовъ къ польскимъ требованіямъ. Указывая на международный характеръ с.-демократіи, онъ сказалъ, что нѣмецкіе социаллисты игнорируютъ всякія національныя стремленія. „Мы не знаемъ польскихъ социаллистовъ въ нѣмецкой социалъдемократіи“, сказалъ онъ. И при этомъ добавилъ, что такъ какъ нѣмецкая культура выше польской, то поляки должны быть благодарны нѣмцамъ за ихъ стремленія къ объединенію поляковъ. Эти слова вызвали рѣзкое возраженіе со стороны стараго Либкнехта. Онъ указалъ на то, что с.-демократія отнюдь не можетъ быть принципиальной противницей стремленій отдѣльныхъ національностей къ самостоятельности. Международность с.-демократіи, т. е. осужденіе ею всякихъ національных распрій, совсѣмъ еще не значитъ, что она должна закрывать глаза на спеціальныя притѣсненія, которыя претерпѣваютъ отдѣльные народы. Она всегда будетъ протестовать противъ всякихъ національных преслѣдованій. Что касается болѣе высокой культуры нѣмцевъ, то до сихъ поръ она обнаруживалась въ насиліи, въ видѣ бессмысленныхъ запрещеній полякамъ говорить на своемъ языкѣ, въ преслѣдованіи ихъ религіи и

т. д. Против подобнаго прivityя культуры с.-демократія должна бороться всѣми находящимися въ ея распоряженіи средствами

Въ этихъ дебатахъ принималъ также участіе и Бебель, который вернулся къ первоначальному предложенію поляковъ и при этомъ сдѣлалъ весьма существенныя дополненія къ словамъ Либкнехта. Соглашаясь въ общемъ съ Либкнехтомъ, онъ въ то же время прибавилъ, что при выставленіи кандидата во время выборовъ рѣшающее значеніе долженъ имѣть вопросъ: социалистъ-ли кандидатъ. Полякъ-ли онъ или нѣмецъ, — этотъ вопросъ уходитъ на задній планъ передъ первымъ вопросомъ. Тотъ, кто наиболѣе способенъ защищать интересы пролетаріата, и выбирается кандидатомъ. Если въ польскихъ округахъ найдется польскій товарищъ, годный къ этой роли, то тѣмъ лучше. Говоря на языкѣ, которымъ владѣетъ большинство населенія, онъ можетъ быть болѣе всего намъ полезенъ. Если же подобныхъ людей въ польскихъ округахъ не найдется, то выставляется нѣмецъ, способный наиболѣе удачно выполнить эту роль.

Полякамъ пришлось взять свое предложеніе обратно.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ коснуться другихъ вопросовъ, разбиравшихся на конгрессѣ. Вопросы эти не имѣютъ, впрочемъ, такого первостепеннаго значенія, какъ отмѣченные выше.

Конгрессъ закончилъ свои работы 9-го октября, послѣ семидневныхъ засѣданій. Въ своей заключительной рѣчи, предсѣдатель, депутатъ рейхстага, Зингеръ выразилъ отъ имени всѣхъ пріѣзжихъ делегатовъ благодарность гамбургскимъ товарищамъ за радушный и братскій приемъ, оказанный ими членамъ конгресса и за ихъ горячее усердіе, не мало способствовавшее удачному ходу и исходу совѣщаній общегерманскаго рабочаго парламента. Зингеръ подчеркнул въ своей рѣчи и тотъ фактъ, что настоящій конгрессъ, подобно своимъ предшественникамъ, наглядно показалъ, что разногласія внутри социальдемократіи не въ силахъ ослабить чувство солидарности, воодушевляющей ея членовъ. Браги надѣялись, что разногласія по вопросу объ участіи въ выборахъ въ прусскій ландтагъ произведутъ расколъ въ партіи. Но расчеты враговъ ея оказались ошибочными. Единеніе и братство въ ней также прочны, какъ и прежде. Социальдемократія останется на полѣ битвы до тѣхъ поръ, пока борьба станетъ ненужной; она прекратитъ свое существованіе лишь тогда, когда водворится общественный строй, въ которомъ не будетъ болѣе ни господъ, ни слугъ. С—овъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Литовское рабочее движение.

Отъ Центральной Комитета Литовской Соціалъдемократ. Партіи.

Движеніе среди христіанскаго пролетаріата Литвы началось въ 1893 г. Первоначально главное вниманіе обращалось на выработку классового сознанія у единичныхъ рабочихъ. Движеніе, главнымъ образомъ сосредоточивалось въ рабочихъ кружкахъ, хотя уже въ 1894 году насчитывалось нѣсколько кассъ борьбы у ремесленныхъ подмастерьевъ. Болѣе широкое массовое движеніе началось лишь съ 1895 г., когда подготовительная работа въ кружкахъ создала цѣлый рядъ интеллигентныхъ рабочихъ-агитаторовъ и двухлѣтняя практика выяснила главные основанія тактики для агитаціи въ массахъ. Провокадистскіе кружки отходили все болѣе на задній планъ, уступая мѣсто агитаціи въ массахъ. А такъ какъ при слабомъ развитіи промышленности въ Литвѣ, классовое сознаніе въ рабочей массѣ находилось лишь въ зачаточномъ состояніи, то для сплоченія разединенныхъ и мало культурныхъ рабочихъ приходилось на первыхъ порахъ выдвигать элементъ экономической борьбы и профессиональныхъ организацій. Это было необходимо еще и потому, что матеріальными и другія условія литовскихъ рабочихъ были невыносимы, и, не добываясь ихъ улучшенія, трудно было пробудить въ рабочихъ массахъ классовое и социалистическое сознаніе.

Майское празднество 1895 г. — третье по счету со времени организованнаго рабочаго движенія среди литовцевъ — и кассы борьбы, которыя особенно послѣ этого празднества и нѣсколькихъ стачекъ стали быстро расти, вполне уже отражали на себѣ характеръ массоваго движенія, охватывающаго все поля сферы рабочихъ и работницъ. Такъ какъ движеніе это въ то время, главнымъ образомъ, сосредоточилось въ кругу профессиональныхъ рабочихъ, разбросанныхъ по небольшимъ мастерскимъ и фабричкамъ, то кассы борьбы (вначалѣ такая касса вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовала и цѣли взаимопомощи), сплачивающія ихъ въ одно цѣлое, играли роль центрального очага распространяющагося въ массѣ сознанія и усиливающагося движенія. Различнаго рода столкновенія съ хозяевами и стачки становились обычными явленіями въ средѣ захвачиваемыхъ движеніемъ рабочихъ. Улучшенія въ ихъ положеніи, къ которымъ вело это движеніе, скорѣе всего склоняло къ участию въ немъ нерѣшительныхъ и пассивныхъ рабочихъ. Это же движеніе явилось очень скоро лучшимъ импульсомъ къ пробужденію у захваченныхъ имъ массъ политическаго сознанія. Фабричная инспекція, суды, полиція и вообще все законодательство и администрація явно поддерживали интересы однихъ лишь привилегированныхъ классовъ. Лишь только гдѣ-нибудь рабочіе обнаруживали стремленіе бороться за

улучшение своего положенія, — и всё эти власть имущіе слои общества сѣхши на помощь эксплуататорамъ. Послѣдніе, не смотря иногда на свой патриотизмъ и даже революціонизмъ на словахъ, съ полной готовностью соединялись съ этими своими защитниками противъ общаго врага. Даже духовенство, которое на Литвѣ всегда являлось демократическимъ элементомъ и играло выдающую роль въ прежнихъ возстаніяхъ, сразу перешло на сторону эксплуататоровъ и угнетателей, какъ только почувало красный призракъ, и стало громить въ своихъ проповѣдяхъ рабочихъ, предающихся „дьявольскому наводженію“ — социализму. Такое отношеніе къ интересамъ рабочихъ со стороны католическихъ пасторовъ, въ средѣ которыхъ нѣкоторые очень скоро снискали себѣ популярность, какъ борцы съ революціонной смутой, быстро ослабляло релігіозность даже у литовцевъ, которые слывутъ набожными католиками*). Это тѣмъ бо-

*) Въ Литвѣ, кромѣ народившагося недавно рабочаго движенія и существовавшаго, преимущественно въ средѣ интеллигенціи, польскаго патриотизма, господствуютъ два направленія, оба въ одинаковой степени окрашенные литовскимъ націонализмомъ: радикальный демократизмъ, съ нѣкоторой склонностью къ социализму, и клерикальный демократизмъ. Оба эти теченія — антиправительственны и сорганизованы въ своего рода партіи, съ болѣе или менѣе опредѣленными конкретными требованіями. Первое насчитываетъ въ своихъ рядахъ также большинство коренного литовскаго студенчества и тѣмъ сильнѣе распространяется въ литовскомъ народѣ (преимущественно въ мелкомъ крестьянствѣ), чѣмъ сильнѣе угнетеніе его со стороны русскаго правительства. Главные органы этой партіи: *Vargas*, *Ukininkas*, ежемѣсячныя изданія, первое — для болѣе интеллигентныхъ слоевъ, второе для народа, печатающіяся въ Тильзитѣ (Германія). Въ Америкѣ мѣстными демократами издаются: *Kardas*, *Lietuv. s.*, *Vienube* и др. періодическія газеты. Этой же партией издается много политическихъ брошюръ, прокламаций и популярныхъ вышекъ, которыя читаются во всей Литвѣ, ибо вслѣдствіе запрещенія правительствомъ въ 1865 г. употребляемой литовцами латвиской азбуки, вся литература печатается за границей и составляетъ главную статью широко развитой въ Литвѣ контрабанды. Клерикальная демократія пользуется успѣхомъ у болѣе зажиточной части крестьянства и, кромѣ своего органа *Tevynės Sargas* въ Тильзитѣ, издаетъ нѣсколько мѣстныхъ газетъ въ Америкѣ, гдѣ имѣетъ значительное вліяніе также и на нѣкоторые слои литовскихъ рабочихъ, — недавно прибывшихъ крестьянъ изъ Литвы. Сверхъ того, ею же издаются соответственная народная литература и множество молитвенниковъ и релігіозныхъ изданій, такъ какъ въ Литвѣ и они считаются нелегальной, за которую ежегодно платятся гурьмой и Сибирью сотни литовцевъ. Фактъ существованія въ Литвѣ этихъ организованныхъ партій, а также близость Польши, гдѣ рабочее движеніе всегда было организовано въ видѣ обособлен-

лѣе слѣдуетъ отмѣтить, что первоначально рабочія организаціи въ Литвѣ, въ противоположность литовскимъ социалъдемократамъ въ Америкѣ, вынужденны бороться съ опаснымъ конкурентомъ — духовенствомъ, старалась по возможности не касаться въ своей агитаціи вопросовъ религіозныхъ. Вместо этого они считали болѣе цѣлесообразнымъ распространять въ рабочихъ массахъ образованіе и любовь къ чтенію полезныхъ книгъ, такъ какъ несвоевременная, открытая противорелигіозная агитація, какъ показывали нѣкоторые примѣры въ 90-92 гг., могли лишь препятствовать росту движенія.

Въ 1896 г. движеніе среди литовскихъ рабочихъ достигло уже довольно широкихъ размѣровъ. Организуются не только ремесленные подмастерья, но и рабочіе фабричныя и работницы. Всѣ эти слои вступили въ борьбу за ограниченіе рабочаго дня (у ремесленныхъ подмастерьевъ до 10 час. на основаніи давнѣшняго Екатерининскаго закона), за повышеніе заработной платы и улучшеніе условій труда и обращенія съ рабочими. Во многихъ отрасляхъ даже профессиональнѣе ученныя организуются и борются за улучшеніе своего положенія. Политическое сознаніе быстро растетъ. Празднество 1-го мая 96 г. — уже организованная политическая демонстрація, на которой сотни рабочихъ высказываютъ свои политическія требованія. — Вслѣдъ за этимъ празднествомъ состоялось собраніе рабочихъ, въ которомъ конституировалась „Литовская Рабочая Партія“, подъ знаменемъ социалъдемократіи.

Лѣтомъ появляется № 1-й газеты „Литовскій Рабочій“, отпечатанный по польски и по литовски за-границей, и брошюры: „Положеніе слесаря въ Вильнѣ“, „Матеріалы для программы литовской социалъдемократіи“ по польски и „Программа Литовской Соціалъдемократической Рабочей Партіи“ по литовски. Движеніе развивается въ Вильнѣ, Ковнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ этихъ губерній, въ Сувалкской губ. и еще въ нѣсколькихъ городахъ, гдѣ работаютъ литовцы. Къ концу 1896 г. начинается постоянное вмѣшательство полиціи во всѣ стачки, идетъ усиленное слѣженіе за рабочими сходками и т. д. За недостаткомъ мѣстныхъ шпіоновъ, таковые выписываются изъ Варшавы и Петербурга. Агитаторы (ихъ готовятъ кружки, въ которыхъ получаютъ образованіе и практическую подготовку наиболѣе дѣятельные и способные изъ рабочихъ), однако, такъ умѣло ведутъ свое дѣло, что полиція съ ногъ сбивается и не можетъ ничего открыть.

Начало 97 г. — небывалое оживленіе въ рабочемъ движеніи; на это особенно повліяла петербургскія стачки. Литовскіе рабочіе посылаютъ привѣтственный адресъ петербургскимъ рабочимъ и денежную помощь. Въ то же время по всей Литвѣ начинаются непрерыв-

ной партій съ опредѣленно формулированной политической программой, повліяли и на литовское рабочее движеніе въ томъ направленіи, что оно, сравнительно съ другими, гораздо раньше сформировалось въ политическую партію и выработало свою социалъ-демократическую программу.

ныя, упорныя стачки, продолжающіяся иногда по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ. А многіе изъ предпринимателей такъ испугались этого движенія, что безъ борьбы уступили требованіямъ рабочихъ. Положеніе ихъ всюду значительно улучшилось. Оживленіе и ростъ рабочаго движенія потребовали новыхъ средствъ агитаціи — листовъ и прокламацій. Въ январѣ появляется гектографированное воззваніе Литовской Соціалъдемократіи „Ко всѣмъ литовскимъ рабочимъ“, по поводу петербургской стачки. За нимъ слѣдуетъ рядъ прокламацій къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, въ подлѣ вліаніемъ этихъ воззваній желѣзнодорожныя рабочіе начинаютъ борьбу съ правительственной администраціей мастерскихъ за восьмичасовой рабочий день по субботамъ). Во время этой борьбы начинаются первые массовыя обыски и аресты среди литов. рабочихъ. И хотя первая жертва произвола деспотическаго правительства — желѣзнодорожныя рабочіе, скоро были освобождены изъ тюрьмы, но съ тѣхъ поръ гоненія все усиливаются и литовскія тюрьмы постепенно переполняются забираемыми чуть не съ улицы рабочими. Съ приближеніемъ перваго мая (1897 г.) рвеніе полиціи все усиливается. Особенно возбуждало ее убійство 7-го апрѣля въ Вильнѣ перваго доморощеннаго литовскаго провокатора Рафалки, руководившаго цѣлымъ штатомъ шпіоновъ. Наконецъ, 1-го мая Вильно, а также и др. литовскіе города находились на военномъ положеніи. По городу и по окрестностямъ разъѣзжали патрули. Всѣ улицы были запружены полиціей и шпіонами. Ночью на улицахъ сторожили дворники, которымъ былъ отданъ приказъ на завтра, — какъ увидятъ толпу съ красными знаменами, бить ее чѣмъ понало. А когда утромъ на улицахъ, въ фабрикахъ и мастерскихъ оказались расклеенными на стѣнахъ прокламаціи Литовской Соціалъдемократіи, то буржуазія и полиція бѣснлись отъ злости. Пока полиційскіе, а подчасъ и сами фабриканты, огнивали, съ проклятіями, со стѣнъ прокламаціи, знакомыя уже рабочимъ „афишки“ прочитывались десятками любознательныхъ и вызывали оживленные толки. И не смотря на всѣ эти предохранительныя мѣры, 1-ое мая праздновалось всюду сотнями рабочихъ, а черезъ нѣсколько дней около Вильно собрались двѣ сходки, чел. по 100, на которыхъ провозносились политическія рѣчи и проявлялся небывалый энтузіазмъ *). Все это время велась усиленная агитація при помощи разбрасываемыхъ и расклеиваемыхъ всюду прокламацій, которыя издавались къ рабочимъ разныхъ профессій

*) Благодаря требованію рабочихъ Николаевскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, былъ разосланъ телеграфіей циркуляръ о таковомъ ограниченіи работъ по субботамъ во всѣхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

***) Слѣдуетъ помнить, что въ этой статьѣ рассказывается исключительно о движеніи христіанскихъ рабочихъ, которые, въ силу разницы языка и другихъ причинъ, организованы совершенно самостоятельно отъ еврейскаго пролетаріата.

и мѣстностей или ко всѣмъ литовскимъ рабочимъ по поводу различныхъ событий и обстоятельствъ. Сверхъ того, съ марта мѣсяца въ Вильно издавалась гектографированная газета (съ иллюстраціями на злобу дня „Отголоски изъ жизни рабочихъ“). Впродолженіе 1897 года вышло семь номеровъ. Въ Ковнѣ 1-го апрѣля изданъ былъ № первый „Ковенскаго Рабочаго“. Каково было вліаніе этой письменной агитаціи, можно судить по тому, что лишь только появлялась прокламація къ какимъ-либо рабочимъ съ призывомъ ихъ къ стачкѣ, она къ ней и приступала. Во многихъ случаяхъ выставлялись всѣ требованія, какія были указаны въ прокламаціи. Такъ было, напр., во время большой стачки каменщиковъ въ концѣ іюля, когда тысячи двѣ рабочихъ въ нѣсколько дней стачкой добились всѣхъ своихъ требованій*), выставленныхъ въ прокламаціи Литовской Соціалдемократіи отъ 22 іюля.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1897 г. происходилъ партійный съѣздъ, на которомъ была измѣнена программа, принятая въ предыдущемъ году, въ томъ направленіи, что рѣшено было впредь вести агитацію въ пользу политическихъ правъ и свободы, не касаясь конкретныхъ формъ государственнаго строя, за который въ будущемъ придется бороться литовскимъ рабочимъ. Обсуждался также вопросъ о томъ, нужно-ли стоять за отдѣленіе Литвы отъ Россіи (въ будущемъ) или нѣтъ. Но по этому вопросу не было принято опредѣленнаго рѣшенія. Наконецъ, рѣзко подчеркнута была необходимость для рабочихъ держаться своей особой, классовой политики, т. е. выступать, какъ самостоятельная партія, но въ то же время признано целесообразнымъ поддерживать и буржуазно-демократическія фракціи въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ требованія совпадаютъ съ требованіями соц.-демократіи.

Въ концѣ апрѣля литовской соціалдемократіей было издано воззваніе къ рабочимъ, гдѣ высказалось, чего добиваются социалисты. Полиція и буржуазія распространяли о социалистахъ небывлицы и старалась всячески оклеветать ихъ въ глазахъ населенія. 5-го мая появилась прокламація, въ которой объяснялось поведеніе буржуазіи и полиціи во время майскаго праздника и послѣ него.

Между тѣмъ, обыски, аресты и всякія преслѣдованія продолжались. Присланный въ концѣ 1896 года для искорененія „крамоли“ жандармскій ротмистръ Васильевъ метался, какъ угорѣлый, чтобы доказать, что „онъ уже раздавилъ литовскую соціалдемократію“. Какъ образчикъ того, какими средствами искореняется у насъ „крамола“, можно привести слѣдующій курьезъ. Во время стачекъ происходили перѣдоки побоямъ, иногда до полусмерти, мастеровъ и измѣ-

*) 1. Сокращеніе рабочаго дня до 10 час. 2. По субботамъ работаютъ лишь до 4 час. 3. Уплата за цѣлый день, въ случаѣ дождя. 4. Правильная еженедѣльная выплата. 5. Увеличеніе платы на 50 к. для профессиональныхъ и на 25 коп. для непрофессиональныхъ рабочихъ. 6. Человѣчное обращеніе съ рабочими.

являющихся стачки рабочих; это неудивительно, так как стачечное движение охватило всех, даже не организованных и мало сознательных рабочих. Во время обысков в мастерских полиция находила десятками толстые палки и конфисковала их, думая таким образом положить конец стачкам. Но так как они не прекращались, то решено было на улицах отбирать у прохожих толстые палки. И вот в продолжение нескольких недель на более людных улицах Вильны были расставлены около тротуаров полицейские патрули, которые и отбирали у публики все толстые палки. О каждом, нежелавшем добровольно отдать свою палку, составлялся в участке протокол.

Летом и осенью прошлого года среди рабочих и вообще в городе царил сильное возбуждение. Начальство перепугалось и начало „принимать меры“. В жандармское управление поочередно таскали всех мастеров и фабрикантов для выпытывания у них о подозрительных им в социализме рабочих. Ксендзы громили с амвонов социализм, стачки и бунтовщиков-рабочих. Полиция, разного рода мелкие чиновничьи сошки и добровольцы из городских жителей соревновали со шпионами и жандармами, чтобы где-либо отыскать социализм. После каждой стачки этапным порядком высылали на родину тех ее участников, которые были отмечены в жандармских списках, как зловерные бунтовщики. Таким образом, „зараза“ рабочего движения разносилась по всей Литве, так как водворенный на родине рабочий влиял на своих новых товарищей и устраивал стачку. Выбившаяся из сил полиция стала производить массовые погромы: обыскивали и арестовывали всякого, кто попадался под руку. В тюрьмах не хватало места и арестованных спешили высылать в другие города или в пересыльные тюрьмы, чтобы освободить место для новоприбывающих. А движение на минуту не ослабывало. Только возбуждение рабочих все росло и, тем более беззаконной допускала полиция, тем сильнее развивалось у рабочей массы озлобление против нее и всего правительства.

2-го сентября закончилась трехмесячная стачка кожевников и молодого Менко. Требовали принятия удаленного рабочего и увеличения платы на 1 рубль в неделю. Полиция выслала на родину четырех стачечников. Тогда прибавлено было новое требование — разрешить вернуться высланным на родину рабочим. Не смотря на все усилия фабрикантов и полиции, не смотря на то, что одновременно и на других фабриках происходила стачка кожевников (одного сорта работы — валлящиков), рабочие Монке одержали победу, и товарищи их, высланные по просьбе фабриканта, получили разрешение вернуться в Вильно. Во время этой стачки была издана прокламация к остальным, работающим, товарищам о помощи забастовавшим все время. Помощь была оказываемая исправно. Осенью были изданы еще прокламации — к столярам, булочникам, к рабочим фаб. пзразцов Либо и Мерейно и др.

Въ тюрьмѣ среди заключенныхъ были неоднократно столкновения съ тюремной администраціей. Отношенія настолько обострились, что во время одной „исторіи“ произошла дѣлая стычка съ солдатами, въ результатѣ которой нѣсколько заключенныхъ (евреевъ и христіанъ) было выслано въ равнинныя мѣста Россіи и въ Сибирь. По этому поводу Литовской Соц.-Демократической Партіей было гдано стихотвореніе. 6-го декабря появилось воззваніе съ указаніемъ необходимости бороться всѣмъ литовскимъ рабочимъ за политическую свободу, безъ которой невозможно, при современномъ деспотическомъ строѣ, значительно улучшить положеніе рабочихъ. Къ Новому Году появилась поздравительная прокламація Лит. Соц.-Дем. Партіи ко всѣмъ рабочимъ, въ которой перечисляются тѣ профессіи и фабрики, гдѣ предшествовавшая борьба улучшила положеніе рабочихъ и указывается на необходимость дальнейшей борьбы и въ новомъ году за старыя требованія: 1) сокращеніе рабочаго дня, 2) повышеніе платы, 3) политическая свобода. Въ концѣ этой прокламаціи приведены выдержки изъ циркуляра М. В. Д. отъ 13 сентября къ губернаторамъ для доказательства того, насколько правительство относится враждебно къ рабочему классу. Въ началѣ января 1898 года на пшечубумажной фабрикѣ въ Кочуришкахъ (подъ Вильно) забастовали рабочіе и работницы, требуя введенія трехъ смѣнъ (вмѣсто двухъ) и восьмичасоваго рабочаго дня, а также соблюденія праздниковъ. 8-го января появилась прокламація съ призывомъ держаться стойко и не допускать безчинствъ, она была расклеена по фабрикѣ. 9-го наѣхала полиція и произвела массовые обыски, при чемъ женщины раздѣвали до нага, надѣвались надъ ними и вообще всячески старались завугать рабочихъ. Послѣ этихъ трудовъ полиціи всю ночь кутнула въ конторѣ фабрики. 24 января въ Вилейкѣ забастовали 28 работницъ въ кружевной фабрикѣ Мозера, требуя: 1) уничтоженія штрафовъ, 2) правильной выплаты и 3) повышения платы. Стачка была выиграна: всѣ штрафы, взятые фабрикантомъ до стачки, были имъ возвращены 29-го рабочіе на фабрикѣ обуви Тодфинкеля и Ко. объявили о прекращеніи работы по истеченіи двухъ недѣль, по поводу введенныхъ фабрикантомъ штрафовъ. Штрафы были возвращены, и фабрикантъ просилъ у рабочихъ извиненія. 23-го февраля у подрядчика Колтана была стачка 20 столяровъ и плотниковъ (евреевъ и христіанъ) за десятичасовой рабочий день (отъ 6 до 6). 7-го февраля въ Вилейкѣ на фаб. нѣтъ косъ рабочий день былъ удлинненъ до 13 час. 25-го февраля Лит. Соц.-Дем. Партія распространила среди многочисленныхъ рабочихъ этой фабрики воззваніе, въ которой выставлены были слѣд. требованія: 1) 11 ¹/₂ час. раб. день, 2) по субботамъ и наканунѣ праздниковъ — 9 час. работы (отъ 6 до 3). Въ случаѣ несогласія фабричной администраціи, предложено рабочимъ прекратить работу. Около этого времени издано было воззваніе къ виленскимъ портнымъ, въ которомъ напоминалось о бывшихъ у нихъ годъ тому назадъ стачкахъ, приведшихъ къ значительному улучшенію въ ихъ положеніи, и пред-

лагалось имъ начать борьбу: 1) за уничтоженіе поштучной платы, 2) за увеличеніе платы и 3) за установленіе 11¹/₂-час. раб. дня.

Въ январѣ 1898 г. изданъ заграничей № 2 „Литовскаго Работника“ — органа Л. С.-Д. П. Это книжка въ 140 стр. со множествомъ агитаціонныхъ статей, характеризующихъ положеніе рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Литвы, съ хроникой стачекъ литовскихъ рабочихъ за 896-97 гг., съ перечисленіемъ мѣстныхъ изданій и корреспонденціями изъ Риги, Либавы, Варшавы. Сверхъ того, помѣщены еще статьи: „Исторія рабочаго движенія въ Петербургѣ“, „Стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Швейцаріи и портовыхъ въ Гамбургѣ“, „Национальная борьба въ Австріи“, „Новый законъ о нормировкѣ въ Россіи рабочаго дня“, „Исторія литовскаго рабочаго движенія за послѣдніе пять лѣтъ“ и „Объ еврейскомъ рабочемъ движеніи“. На оберткѣ этой книжки перечислены социалистическія изданія на литовскомъ и польскомъ языкахъ для литовскихъ рабочихъ и приложенъ адресъ, при помощи котораго можно списаться съ редакціей „Литовскаго Рабочаго“ (Herrn Otto Lang, Hegibachstrasse 22, Zürich, Schweiz).

Не лишне будетъ упомянуть о томъ, что въ Америкѣ среди литовскихъ рабочихъ, которыхъ тамъ насчитываются сотни тысячъ, существуетъ самостоятельное организованное движеніе и издается на литовскомъ языкѣ мѣстная агитаціонная социалистическая литература. Органомъ американскихъ литовскихъ социалдемократовъ является еженедѣльная газета „Pensylvanijos Darbininkas“ (Пенсильванскій Рабочій); адр. редакція: North Amerika, Shewandoah, Pa. 112 w Coal street. R. P. Kuneman. До недавняго времени издавалась тамъ еще „Nauja Gadyna“ (Новая Эпоха).

Кое-что о латышскомъ рабочемъ движеніи въ Прибалтійскомъ краѣ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Прибалтійскомъ краѣ, населенномъ преимущественно латышами (въ Курляндіи и Лифляндіи), о какомъ-либо рабочемъ движеніи и слуху не было. Посредствомъ нѣсколькихъ либеральныхъ реформъ, въ родѣ введенія института мировыхъ судей и разрѣшенія основывать различнаго рода кассы и общества*) русское правительство сумѣло уничтожить въ средѣ латышей всякую вражду противъ себя. Населеніе латышское глав-

*) Въ Прибалтійскомъ краѣ очень широко пользуются этимъ правомъ свободы кассъ и всевозможныхъ корпорацій. Не только въ городахъ, но и въ деревняхъ существуетъ масса всякихъ легальныхъ обществъ взаимопомощи, гимнастическихъ, пѣвческихъ, похоронныхъ и т. д.

ными своими врагами считало всегда прибалтийских немцев, от которых, по их мнению, исходить все зло, так как в их руках, как богатых баронов, сосредоточилось влияние и власть. В виду этого, каждый латыш старался по возможности избывать всякого общения с немцами, которых он всей душой ненавидел. Главным очагом для этой анти-немецкой пропаганды и служили вышеупомянутые легальные общества. Но это название патристическое движение, на которое даже наше правительство смотрело, как на невинную детскую игру, в значительной степени было причиной столь продолжительного застоя в среде латышских рабочих, не смотря на то, что, по своему образованию, они стояли значительно выше своих собратьев, литовских и русских рабочих. Кроме того, надо заметить еще, что латышские рабочие жили до последнего времени в сравнительно лучших условиях, чем эти последние. Многие из них владели и теперь участками земли вблизи городов; эти участки они пользовались в случае безработицы.

Но с ростом промышленности, которая, особенно в последнее время, сделала в некоторых городах Прибалтийского края, главным образом в Риге и Либаве, колоссальные успехи, мимовольно так наз. „золотое время“. Городское рабочее население очутилось в тяжелых условиях обыкновенных пролетариев. Положение это еще более ухудшалось тем обстоятельством, что из деревень со всех сторон стали стекаться крестьяне в те же города, ибо деревенская собственность их уже давно была покрыта долгами; им ничего другого и не оставалось, как искать спасения в городе, на фабриках. Таким образом рабочие во всех отраслях промышленности стали конкурировать между собой, чем, конечно, позволили воспользоваться и без того сильно обогащающиеся капиталисты-фабриканты, и стали уменьшать заработную плату и удлинять рабочее время. Вместе с тем, русское правительство, с целью обрусения этой провинции и по другим поводам, стало сильно угнетать все местное население и в особенности беднейшую его часть. Услужливая местная администрация стала выжимать все соки у тех, кто был послабее, чтобы получать чины и награды от тех, перед которыми нужно было отличиться и выслужиться.

Вот только теперь латышские рабочие поняли, против кого они должны обратить свои соединенные силы, только под влиянием этой усилившейся эксплуатации и нового гнета они убедились, что главными их врагами являются капиталисты-фабриканты, к какой бы национальности они ни принадлежали и что во главе всех этих кровопийц стоит самый сильный кровопийца — царь со всеми своими чиновниками.

Таким образом, с 1895 г. начинается обнаруживаться в среде латышской рабочей движение. Вспыхивают стачки, особенно в Риге и Либаве. Из них, как на более интересную, можно указать на стачку торговых рабочих (носильщиков). Осенью 1896 г., когда

либавскій портъ былъ переполненъ пароходами, ожидавшими груза, носчки рѣшили забастовать. Число носчиковъ въ Либавѣ въ торговое время доходитъ до восьми тысячъ; каждый торговый домъ имѣетъ свою группу рабочихъ, которые и нагружаютъ корабли своего патрона.

Первыми забастовали носчки торговаго дома Элизберга, а къ нимъ скоро примкнули и всѣ остальные. Послѣ трехдневной общей забастовки всѣ требованія ихъ были исполнены, и рабочіе возобновили работу. Надо еще замѣтить, что во время этой стачки рабочіе вели себя очень тактично, такъ что полиція, которая все время суежилась среди рабочихъ, старалась вызвать какіе-нибудь безпорядки, не имѣла никакого повода употребить въ дѣло столь желательную ей насильственную „помощь“. Только на одномъ пароходѣ нѣсколько подвыпившихъ носчиковъ напали на работавшихъ солдатъ, которые были вызваны для замѣны стачечниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и порядочно ихъ избили. Результатомъ этого было то, что бѣдные солдаты отказались отъ работы. Виновные рабочіе сейчасъ же были арестованы, но скоро ихъ освободили по требованію товарищей-носчиковъ, которые громадной толпой отпразднели за ними въ полицейское зданіе, гдѣ находились арестованные, съ требованіемъ освобожденія своихъ товарищей.

Очень характеренъ слѣдующій случай: издающаяся въ Либавѣ „Литовская Газета“ помѣстила по поводу этой стачки статью, въ которой безсовѣстно обвинила рабочихъ, какъ единственныхъ виновниковъ стачки, требующихъ съ „господъ купцовъ“ невозможнаго. Стаечники выбрали изъ своей среды нѣсколькихъ представителей, которые отпразднели въ редакцію упомянутой газеты и потребовали, чтобы газета, принявшая такую нелицеприятную статью, помѣстила у себя также и маленькую замѣтку, въ которой излагалась и настоящая причина стачки. Замѣтка эта, къ изумленію всѣхъ, была принята и вызвала всеобщее сочувствіе среди населенія города. Эту замѣтку попытались перепечатать и нѣкоторыя рижскія газеты, но цензоръ, какъ и слѣдовало ожидать, не пропустилъ ея*).

Другая стачка, которая не менѣе заинтересовала населеніе, произошла въ Ригѣ въ октябрѣ того же 1896 г. на пробочной фабрикѣ Крихемана и Ко. Забастовало тамъ одно отдѣленіе фабрики, около ста рабочихъ, которымъ понизили заработную плату. До этой стачки за извѣстный сортъ пробокъ платили съ тысячи 6 коп., затѣмъ безъ всякой причины было объявлено, что плата сбавляется до 5 в. съ тысячи. Среднимъ числомъ, каждый рабочій въ день выдѣлываетъ 25,000 пробокъ, такъ что онъ лишался въ день 25 коп. 14 октября рабочіе объявили стачку, которая, хотя и неудачно кончилась, но замѣчательна въ томъ отношеніи, что здѣсь латышскіе рабочіе какъ нельзя лучше увидѣли, что отъ правительства и его слугъ, въ родѣ

*) Въ Либавѣ должность цензора ежедневныхъ изданій исполняетъ мѣстный полицмейстеръ Кельчевскій.

фабричных инспекторов и т. п., рабочимъ ждать нечего. Въ этой стачкѣ единственнымъ виновникомъ ея неудачи является фабричный инспектор Лифляндской губерніи Рума, который, въ сравнительно короткое время, успѣлъ вызвать всеобщую къ себѣ ненависть со стороны рабочихъ. По старанію этого царскаго опричника, который немедленно послѣ забастовки пріѣхалъ на фабрику, былъ вызванъ отрядъ полицейскихъ, которые окружили фабрику со всѣхъ сторонъ, хватали каждого мимо проходящаго рабочаго изъ стачечниковъ и силой заставляли его работать; сопротивляющихся отправляли въ участокъ. Мало того, сей „покровитель рабочихъ“, какъ его звали, велѣлъ мѣстный судья, у котораго послѣ стачки разбираюсь это дѣло, распорядился, чтобы всѣ родственники стачечниковъ, отцы, братья, сестры и т. д., работавшіе въ другихъ отдѣленіяхъ фабрики, были немедленно удалены съ работъ, если ихъ сынъ или братъ изъ стачечниковъ немедленно не возобновитъ работъ. Благодаря всему этому, по истеченіи недѣли большинство стачечниковъ принужденъ были взаться за работу.

Но г. Рума и этимъ не удовлетворился. Онъ привлекъ къ судебной отвѣтственности 12 рабочихъ, которыхъ считалъ главными виновниками стачки, обвиняя ихъ въ нарушеніи закона, обязывающаго предупреждать хозяина за двѣ недѣли до прекращенія работъ. Судъ, какъ и слѣдовало ожидать, приговорилъ „виновныхъ“ къ двадцатидневному аресту.

Но не слѣдуетъ думать, что эта стачка прошла совершенно безрезультатно для рабочихъ. На фабрикѣ Крихемана еще ранѣе было объявлено, что и рабочимъ въ другихъ отдѣленіяхъ по истеченіи извѣстнаго срока будетъ сбавлена заработная плата. Но объявленіе это въ первый же день стачки было взято обратно. Такимъ образомъ, хотя сами стачечники и не добились своего, но большинство ихъ товарищей во всѣхъ остальныхъ отдѣленіяхъ фабрики не подверглись, благодаря ихъ борьбѣ, уменьшенію заработной платы.

Само собою разумѣется, что всѣ эти происшествія не мало взволновали полицію. Какъ! Неужели и латыши, которые до сихъ поръ считались самыми мирными подданными, неужели и они вздумали бунтовать противъ существующихъ порядковъ? Это для всѣхъ, въ томъ числѣ и для латышской буржуазіи, показалось болѣе, чѣмъ невѣроятнымъ. Но невѣроятное совершилось. Латышскіе рабочіе посмѣли заявить о себѣ и о своей солидарности со своими братьями другихъ народностей*), стонущими подъ игомъ русскаго деспотизма, и связать себя единими стремленіями со всей интернаціональной арміей пролетаріата.

Завоюила и латышская буржуазная пресса, главнымъ органомъ которой служитъ „Балтійскій Вѣстникъ“, которая не мало помогла царской полиціи, въ качествѣ добровольнаго шпіона. Такъ, редація

*) Имъ былъ посланъ адресъ петербургскимъ и еврейскимъ рабочимъ.

этой газеты нѣсколько разъ доносила на другую латышскую ежедневную газету „Ежедневный Листокъ“, на столбцахъ которой иногда появлялись популярныя очерки по политической экономіи и сочувственныя рабочимъ статьи. Въслѣдствіе этого, „Ежедневный Листокъ“ не разъ получалъ выговоры отъ всемогущаго цензора, а теперь, по распоряженію Мин. Внут. Дѣлъ, совсѣмъ закрытъ.

Одновременно съ этимъ въ первый разъ среди латышскихъ рабочихъ начинаются обыски и аресты. Въ октябрѣ 1896 г. арестовали Озола, рабочаго Двинско-Вагониостроительнаго завода въ Ригѣ. При обыскѣ ничего предосудительнаго не было найдено, тѣмъ не менѣе Озолъ еще до сихъ поръ сидитъ въ тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ.

Вскорѣ послѣдовали цѣлыя облавы — массовыя обыски и аресты. Въ ночь на 20 мая 1897 года въ Либавѣ и Ригѣ была произведена масса обысковъ и арестовъ. Въ Ригѣ обыскали болѣе сорока чел. Въ Либавѣ въ ту же ночь арестованы рабочіе: Циновскій, Заша, Пуце, Макенъ, Шауберъ и Лѣиня, кромѣ того, студентъ-технологъ М. Вальтеръ и адвокатъ Савель и ученики высшихъ классовъ нѣстныхъ классической и реальной гимназій: Жагаты, Воркаль, двое Кляя и Зивертъ.

Для произведенія этихъ обысковъ и арестовъ были вызваны на помощь жандармы изъ Двинска и Митава, такъ какъ обыски производились одновременно, а для этого не хватало жандармскихъ рукъ. Обыски длились долго. Такъ напр., у редактора газеты „Ежедневный Листокъ“ обыскъ продолжался съ 3 час. ночи до слѣдующаго полудня.

Но это была лишь первая жандармская проба въ нашемъ краѣ. 7 іюня того же года послѣдовали новыя массовыя аресты. Въ Ригѣ въ ту же ночь арестовали редактора газеты „Еж. Д.“, П. Стучка, кандидата филологій Ковалевскаго, адвоката Вальтера, студентовъ политехническаго института — Ковалевскаго, Кирпена, врача Крумберга, бухгалтера Бригауера, поэта Вилькера, студ. деритскаго университета Янсона, старшаго телеграфиста Шульца, плотника Дрѣгъ и фабричнаго рабочаго Вернека. Обоихъ послѣднихъ перевели въ либавскую тюрьму. — Въ Либавѣ, за нѣсколько дней до этого были арестованы германско-подданный, машинистъ парохода „Наиса“: машинистъ этотъ обвиняется въ доставкѣ нелегальной рабочей литературы изъ заграничи. Арестованы также бывший помощникъ прокурора и редакторъ Пльшканъ. Тогда же арестовали на станціи либавской желѣзной дороги и студента Гертеля. Обоихъ послѣднихъ перевели въ рижскую тюрьму.

Изъ выше упомянутыхъ арестованныхъ выпущены: Воркаль, оба Кляя, адвокатъ Савель, Жагаты, Шауберъ, Макенъ, Заша, Лѣиня, Вилькеръ, адвокатъ Вальтеръ и Гертель.

Съ заключенными обращаются строго и грубо. Это лучше всего доказывается слѣдующимъ фактомъ. Врача Крумберга, нервнаго и впечатлительнаго человѣка, жандармы нашли утромъ 18-го августа повѣсившимся въ своей камерѣ. Когда объ этомъ узнали рядомъ

сидящіе товарищи, то стали нестово бить стекла и ломать двери, такъ что всѣ обитатели тюрьмы пришли въ возбужденіе и пересолошались. Среди жителей города ходятъ слухи, будто Крумбергъ убить жандармами.

Вотъ какими средствами задумало русское деспотическое правительство уничтожить грозное для него рабочее движеніе. Но это ему ужъ не удастся, разъ въ головахъ тысячной массы рабочихъ проснулось сознание и они сплоченными рядами направлялись противъ всѣхъ своихъ враговъ, которые грабятъ и даютъ ихъ, которые не даютъ имъ возможности чувствовать себя людьми и жить такъ, какъ это подобаетъ людямъ.

Что правительство своими варварскими мѣрами не сможетъ сломить начавшееся и укоренившееся уже латышское рабочее движеніе, это доказывается лучше всего тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ арестовъ недовольство рабочихъ еще больше усилилось, движеніе еще болѣе выросло. Стачки стали происходить еще чаще; появилась рабочая литература и прокламація, которыя разбрасываются по всѣмъ фабрикамъ и значительно ускоряютъ развитіе классового сознания во всей массѣ латышскихъ рабочихъ.

Златоустовскій казенный заводъ (Уфимской губ.).

Со 2-го іюля 1897 г. здѣсь началась стачка рабочихъ большой прокатной фабрики. Число забастовавшихъ около 70 чел. Причиной стачки послужило то обстоятельство, что рабочиыхъ обсчитали на 72 руб. На другой же день по разборѣ дѣла 72 руб. были добавлены заводоуправленіемъ. Но рабочіе заявили, что они будутъ работать только тогда, когда, вмѣсто двухъ 12-часовыхъ сменъ, будетъ три восьмичасовыхъ, и поденная плата увеличена такъ, чтобы не приходилось мѣнѣе 70 коп. въ день самымъ младшимъ рабочимъ. Младшіе зарабатывали обыкновенно 50-55 к., а старшіе до 90 коп. Администрация не согласилась удовлетворить требованія рабочихъ, и работы остановились. О томъ, что обсчитали рабочихъ, они сами же заявили въ полиційское управленіе. — По поводу стачки начались допросы — то въ полиціи, то у судебного слѣдователя и жандармскаго офицера.

8-го же іюля пріѣхали въ Златоустъ директоръ Горнаго Департамента Денисовъ и главный начальникъ уральскихъ заводовъ Боклевскій. Никакія угрозы, застрашиванія и уговоры не подѣйствовали на рабочихъ, и они продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Заводоуправленіе намѣрено было перевести рабочихъ въ другіе прокатные цѣховъ, добавляя уже платы на 20 проц. Но никто не согласился възъ рабочихъ другіе цѣховъ. Въ механическомъ же цѣхѣ управитель предлагалъ одному рабочему, Александру Борису.

ранѣе работавшему въ Большой прокатной, перейти работать въ прокатную и давать хорошее жалованье, но тотъ сказалъ, что пойдетъ скорѣе въ стачечникамъ, а работать не будетъ.

Числа 8-го прѣѣхалъ начальникъ уфимскаго жандармскаго управления полковникъ Громыко и тоже заставлялъ рабочихъ Большой прокатной работать — но напрасно.

Стачечникамъ оказывается денежная помощь изъ другихъ цѣховъ и, кромѣ того, получено на стачку отъ Чл—въ сто руб.

1-го августа стачечниковъ вызывали въ Окружный Судъ.

Надо замѣтить, что при очень тяжелой 12-тичасовой работѣ въ Большой прокатной, заработка рабочихъ даже по сравненію съ заработками въ другихъ цѣхахъ того-же Златоустовскаго завода очень низки. — Въ концѣ апрѣля эти же рабочіе добились увеличенія платы процентовъ на десять.

Съ мѣсяцъ тому назадъ здѣсь же на Фриденталѣ (здѣ устроено гулянье для мѣстной аристократіи) были убиты и брошены въ воду двое заводскихъ рабочихъ, совершенно трезвыхъ и довольно скромныхъ. Принимала участіе въ этомъ убійствѣ нѣкоторые изъ горныхъ инженеровъ, а ихъ кучера (человѣкъ пять) сами хвалились, что такъ поколотили рабочихъ, что тѣ долго будутъ помнить. Не смотря на такія улики, наша полиція, слѣдователь и товарищъ прокурора не нашли никакого преступленія, а объяснили „взаимной дракой“.

Случай этотъ, въ связи съ тѣмъ, что рабочихъ Большой прокатной за стачку стращаютъ тюрьмой, заставляетъ даже самихъ искренне вѣрующихъ усумниться въ правосудіи царскихъ чиновниковъ. Каждый задаетъ себѣ вопросъ: какъ же это такъ? Инженеры съ кучерами могутъ безнаказанно убивать рабочихъ, а если рабочіе вздумаютъ хлопотать о кускѣ хлѣба, то тотчасъ же исправники, жандармы, прокуроры и слѣдователи — всеъ накидываются на рабочихъ и обвиняютъ ихъ въ преступленія.

Въ четвергъ 21-го хотѣли пустить заводъ въ ходъ. Затопили печи въ Большой прокатной; думали, что рабочіе сбѣгутся на дымъ. Но прибѣжали не рабочіе, а власти: исправникъ, жандармскій офицеръ и т. д. На другой день печи продолжали топиться, но рабочіе не пришли.

Лишь 2-го октября забастовка кончилась — не въ пользу рабочихъ, т. е. управление завода пригласило рабочихъ съ другихъ заводовъ. Стачечники (за исключеніемъ двоихъ) убоялись, что останутся безъ работы, согласились работать на прежнихъ условіяхъ.

Ярославль. — Вашимъ читателямъ извѣстно, что въ одномъ изъ сѣверозападныхъ городовъ нашелся еврейскій проповѣдникъ, произнесшій по просьбѣ фабриканта громкую проповѣдь противъ рабочихъ-стачечниковъ. Еврейское духовенство и еврейская буржуазія

противъ еврейскаго пролетаріата — это совершенно новая черта въ жизни „единого“ доселѣ еврейскаго народа, черта, которой, по-видимому, хотѣтъ подражать и русскіе цоны. По крайней мѣрѣ, начало уже положено о. Успенскимъ въ „поученіи“, сказанномъ въ Претеченской церкви г. Ярославля по поводу стачки на Корзинянской мануфактурѣ. „Поученіе“ это было затѣмъ отпечатано и бесплатно роздано народу. Безъ зазрѣнія совѣсти толкуеть священникъ слова евангелія въ пользу хозяевъ. Онъ въ восторгѣ отъ порядковъ на Корзинянской мануфактурѣ и, захлебываясь отъ восторга, сравниваетъ ее съ пчелинымъ ульемъ. „Такъ стройно и правильно идутъ здѣсь работы! Такъ трудолюбиво ея населеніе!“ Забылъ лишь добрый пастырь прибавить, что въ этомъ ульѣ существуютъ трутни, которые, сами ничего не дѣлая и живя на счетъ чужой работы, кромѣ того, еще притѣсняють своихъ рабочихъ. „Но, съ горечью восклицаетъ о. Успенскій, вотъ здѣсь-то на сихъ дняхъ и произошли событія, возмутительныя по своему безумію и печальныя по своимъ послѣдствіямъ, событія, на столько поразительныя, что трудно даже собрать мысли, чтобы говорить что-нибудь. Произошло великое бѣдствіе, мятежъ. Противъ кого идетъ государево воинство? Гдѣ и кто враги? Ожидали-ли вы, доблестные воины, что васъ будутъ побивать каменьями свои же братья?“

О. Успенскій будто не знаетъ того, что побойще первые начали „доблестные воины“, угощая „братьевъ“-рабочихъ прикладами, а когда „братья“ на такую любезность отвѣтили каменьями, то одинъ изъ „доблестныхъ“, но пьяныхъ офицеровъ приказалъ стрѣлять въ толпу, при чемъ убиты были неповинные ребенокъ и женщина. Почему же, окаяво, произошли эти возмутительныя событія, такъ огорчающія о. Успенскаго. Не потому-ли, что ткачамъ выдавалась плохая пряжа, что основы часто бывали гнилыя, что рабочіе претерпѣвали массу придирокъ со стороны фабричной администраціи, что на жизнь и здоровье рабочихъ не обращалось никакого вниманія? Нѣтъ. По словамъ о. Успенскаго, „виноватъ первый бунтовщикъ въ мятежннкѣ, сѣятель вражды и распрей — дьяволъ“. О. Успенскій не только близко знакомъ съ дьяволомъ, но ему даже хорошо извѣстно его происхожденіе. „На пасхѣ дьяволъ посѣялъ въ сердца рабочихъ свои сѣмена“. Они взорли „скорѣе всякой сорной травы“ и дали плоды какъ разъ въ то время, когда хозяевамъ фабрики издумалось понизить расцѣны. Тутъ, конечно, ничего удивительнаго нѣтъ. Чего только не придумаетъ дьяволъ? Удивительно только, что дьяволъ такъ свободно разгуливаетъ по улицамъ города Ярославля (и, навѣрное, безъ паспорта). Но какъ бы то ни было, а въ результатѣ дьявольскаго нашествія получился мятежъ. „А дьяволу только этого и нужно; тутъ-то онъ съ сатанинскимъ умѣніемъ быстро разжигаетъ страсти и скоро доводитъ до кровопролитія. Между тѣмъ, Господь и апостолы учятъ болѣе всего избѣгать ропота и всякаго противленія и непокорности.... со всѣмъ стараніемъ избѣгать споровъ, распрей и судебныхъ дѣлъ“. Такъ поучаетъ о. Успенскій... вы думаете

— хозяевъ, бывшихъ причиной споровъ? Нѣтъ, рабочихъ, ибо „особенно благопокорно должно повиноваться всякой власти, надъ нами поставленной. Находящiеся въ услуженiи должны съ такою усердiемъ служить хозяевамъ своимъ и съ такою любовью исполнять данное имъ дѣло, какъ бы они служили самому Иисусу Христу“.

Вотъ до чего договорился св. отецъ: фабриканты — наши земные боги, и имъ въ жертву мы обязаны приносить нашу жизнь, нашу честь и наше достоинство. „Вѣдь мы осуждены въ потѣ лица своего добывать хлѣбъ, и если забудемъ, что это не отъ другихъ людей, а по власти бога, то это будетъ всегдашней причиной и поводомъ къ буйству, а если смиренно будемъ вѣровать, что самъ Господь осудилъ насъ на тяжелые и изнурительные труды, то кто же дерзнетъ произнести ропотъ на Господа?“ Итакъ, по мнѣнiю о. Успенскаго, фабриканты исполняютъ волю бога, заставляя насъ работать съ раннего утра до поздней ночи. Можно только пожалѣть, что попеченье бога не распространяется также и на фабрикантовъ и поповъ, что господь осудилъ „насъ“, а не „ихъ“ на „тяжелые и изнурительные труды“. Плохое понятiе о справедливости имѣеть о. Успенскiй! „Земледѣлецъ въ потѣ лица воздѣлываетъ землю, а она приноситъ тервiн и волчюмъ. Что же, неужели онъ будетъ бросать въ небо камни, зачѣмъ оно такъ плохо вознаграждаетъ его трудъ? Нѣтъ, возлюбленная братiя, онъ съ молитвой вкушаетъ свой добытый тяжелымъ трудомъ хлѣбъ и дорожитъ каждой крупницей его, какъ даромъ божiимъ“.

Нѣтъ, отецъ, молитвами и тутъ не поможешь; если у тебя будетъ поле, которое даетъ плохой урожай, то, конечно, камней въ небо бросать не слѣдуетъ, ибо это глупо, но удобрить, оросить, обработать хорошо твою землю не мѣшаетъ. А ежели урожай у тебя будетъ хороший, да злой соседъ выпуститъ на твое поле скотину, то не становись ты молиться богу, а хватай бичъ и гони скорѣе скотину вонъ съ поля, пока не затоптала она всего твоего хлѣба. „А мы (кто? копы или рабочiе?), имѣя готовый и теплый кровъ, достаточную пищу и одежду и разныя жизненныя удобства, ропщемъ и готовы возмущаться при незначительномъ ограниченiи нашихъ выгодъ. Мы не умѣемъ умѣемъ, но не считаемъ нужнымъ) сдерживать себя и доходимъ до такого буйства (т. е. до отказа отъ работы, когда намъ плохо платятъ?), что для усмиренiя насъ потребовалась военная сила, прибыли градоначальникъ и военные начальники, но и это (т. е. выстрѣлы въ безоружную толпу?) не разумная насъ. Гордость и неистовство дошли до того, что стали требовать прибытiя царственныхъ особъ. Какое безумiе и неистовство!“

Съ этимъ послѣднимъ замѣчанiемъ можно вполне согласиться: безумно было бы со стороны рабочихъ ждать правосудiя отъ того самаго царя, который впоследствии благодарилъ стрѣльцовъ солдатъ. И надо надѣяться, что и ярославскiе рабочiе, еще раньше поученiя о. Успенскаго, сознали свое „безумiе“. Что касается прочихъ совѣтовъ добраго пастыря, то увы! „дьяволь“ такъ успѣлъ уже ожесточить наши сердца, что всѣ старанiя останутся втуне.

Стачка ткачей на фабрикѣ Варвары Морозовой.

Верстахъ въ двухъ отъ г. Твери раскинулась на большой площади тверская мануфактура Варвары Морозовой съ С-ми. Въ полуверстѣ отъ нея на югъ, на берегу рѣчки Томани — мануфактуры Берга, а немного лѣвѣй отъ нея работаетъ Зологинъ. Эти три фабрики занимаютъ въ своихъ придельныхъ, красильныхъ, ткацкихъ и пныхъ отдѣленіяхъ около 12.000 чел. Одна „Морозиха“ „кормитъ и поитъ“ свыше 8.000 народу. Въ ноябрѣ прошлаго года на морозовскую фабрику пріѣхалъ новый директоръ, Алянчиковъ, знаменитый администраторъ, пріобрѣтшій печальную славу среди рабочихъ Никольской мануфактуры своими продовыми гоненіями и преслѣдованіями. Однако, надо отдать ему справедливость, — человекъ онъ въ высшей степени практичный, умѣющій изъ незначительныхъ прижимокъ и изъ всякихъ пустяковъ совершенно незамѣтно выжимать крупные барыши. Съ пріѣздомъ Алянчикова быстро измѣнились порядки и условія труда. До Алянчикова и въ настоящее время на пряжу шелъ нашъ средне-азиатскій хлопокъ, который давалъ большую утечку и сильно пылил. Ткачи жаловались на плохую пряжу, на то, что въ ткани утечка несравненно больше, чѣмъ даетъ контора. Алянчиковъ пустилъ въ оборотъ лучшіе сорта египетскаго хлопка и понизилъ расцѣвки. При такихъ условіяхъ заработокъ рабочихъ повысился, благодаря лучшему качеству хлопка. Нѣсколько времени спустя, контора стала выдавать не чистый египетскій хлопокъ, а смѣсь съ русскимъ; чѣмъ дальше, тѣмъ больше примѣшивалось русскаго хлопка, и въ концѣ концовъ перешли въ чистую на одинъ русскій хлопокъ. Заработокъ такимъ фокусомъ былъ пониженъ незамѣтно для рабочихъ или, вѣрнѣе сказать, замѣтно, но такъ, что не вызвалъ возмущенія. Ниже мы поговоримъ о внутренней полнотѣ фабрики, о мѣрахъ, какія принимались, чтобы предупредить стачку, или какое бы то ни было возмущеніе. Далѣе, вступленіе Алянчикова ознаменовалось

прикрѣпленіемъ рабочихъ кармановъ къ фабричной лавкѣ и значительнымъ повышеніемъ доходовъ съ нея. Этотъ оборотъ былъ устроенъ очень просто. До Алянчикова рабочіе получали плату два раза въ мѣсяцъ и, при незначительномъ выработкѣ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, сводили концы съ концами. Алянчиковъ объявлялъ, что „для простоты разсчета“ администрація фабрики рѣшила, съ согласія фабричнаго инспектора, впредь выдавать плату одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ первую субботу послѣ 20-го. Средній заработокъ морозовскаго рабочаго 12-17 руб., положимъ, 15 руб. Для фабрики, конечно, выгодно удержать плату на полмѣсяца и въ теченіе этого времени пустить въ оборотъ хотя бы половинный заработокъ. 15-го числа контора должна была уплатить 7 р. 50 к. каждому рабочему, на самомъ же дѣлѣ она платитъ 30-го, такимъ образомъ, 7 р. 50 к. остаются каждый разъ полмѣсяца въ рукахъ конторы. $7 \text{ р. } 50 \text{ к.} \times 8.000 = 60.000 \text{ р.}$, слѣд., капиталъ въ 60.000 руб., принадлежащій рабочимъ, остается въ рукахъ конторы и пускается въ оборотъ втеченіе *полугода*. Какъ видите, такая мѣра дѣйствительно „удобна для разсчета“. Далѣе, получая разъ въ мѣсяцъ, рабочій, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ свести итоговъ своего прихода съ расходами. Волей-неволей приходится ему прибѣгать къ кредиту въ фабричной лавкѣ, но этотъ кредитъ, конечно, нисколько дѣлу не помогаетъ. Денегъ рабочій никогда не видитъ, а при крайней необходимости принужденъ пускаться на такой финансовый оборотъ: беретъ въ фабричной лавкѣ четверть фунта чаю въ 50 коп. въ кредитъ и несетъ въ трактиръ, гдѣ цѣловальникъ, на хорошій конецъ, даетъ ему 30 коп. Надо сказать, что всѣ трактиры Красной слободки (фабричная слобода около Морозовской фабрики) покупаютъ чай именно такимъ экономическимъ способомъ. Даже поверхностный посторонній наблюдатель легко могъ замѣтить послѣдствія отъ введенія на фабрику такого „удобнаго разсчета“, яко-бы упрощающаго конторскую работу, какъ введеніе вмѣсто двухъ да-

чекъ въ мѣсяцъ — одной. Обороты фабричной лавки быстро расширились, а фигуры фабричнаго рабочаго, мелькавшія раньше на городскомъ рынкѣ, исчезли изъ города и сконцентрировались у городскихъ воротъ. Надо замѣтить, что фабричный инспекторъ, между прочимъ, извѣстный прежде какъ гуманный защитникъ фабричныхъ рабочихъ Владимірской губ., Петръ Александровичъ Песковъ, нынѣ статскій совѣтникъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ продѣлки Алянчикова. Именно. Прежде рабочіе нанимались на срокъ неопредѣленный, и законъ обезпечивалъ имъ обязательную расплату не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ. Чтобы ввести одну дачку въ мѣсяцъ, понадобилось измѣнить условія найма. Они измѣнены со вступленіемъ Алянчикова; рабочихъ нанимаютъ на срокъ опредѣленный, а нашъ гибкій фабричный законъ обязываетъ фабрикантовъ производить расчетъ не рѣже одного раза въ мѣсяцъ. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ ст. сов. Песковъ и не могъ ничего подѣлать, но вотъ вамъ явное нарушеніе закона, на которое тотъ же Песковъ закрываетъ глаза. Фабричный уставъ разрѣшаетъ дѣлать вычеты изъ выработка за заборъ въ фабричной лавкѣ, но не свыше одной трети получки, т. е. контора можетъ вычесть изъ заработка только треть, а двѣ трети выдать на руки деньгами. Этотъ законъ пидѣ не исполняется, не исполняется и на Морозовской фабрикѣ, на что рабочіе не одинъ разъ указывали Пескову, но тотъ пропускалъ мимо ушей всѣ подобныя заявленія. На Морозовской и другихъ тверскихъ фабрикахъ за заборъ въ фабричной лавкѣ удерживается все, что слѣдуетъ, и мы имѣемъ множество примѣровъ, когда рабочій, втеченіе многихъ мѣсяцевъ, не видитъ денегъ: весь его заработокъ остается въ конторѣ за долгъ въ лавку, а въ дни дачки такой рабочій лишь узнаетъ, что за нимъ числится долгу, напр., 17 руб., а имѣетъ онъ подучить 14 руб., итого на слѣдующій мѣсяцъ перенесено 3 руб. Такимъ родомъ расплата продуктами, бывшая одной изъ главныхъ причинъ страшнаго разгрома Никольскихъ мануфактуръ,

процвѣтаетъ у насъ во всю шпръ; хотя законъ и преслѣдуетъ такой способъ расплаты, все же такая расплата совершалась подь самымъ носомъ фабричнаго инспектора. Пишущій эти строки былъ очевидцемъ такой сцены. Прошла уже первая суббота послѣ 20-го, а дачки не было, дачка запаздала на полторы недѣли. Въ контору пришелъ рабочій просить „своихъ заработанныхъ“. Управляющій вразумляетъ его такъ: „Дуракъ, ты развѣ поймешь, что изъ-за тебя не брать же изъ банка капиталъ раньше времени! Если мы возьмемъ сегодня, мы понесемъ большой убытокъ; вотъ потерпи, черезъ два дня выдадутъ, не пропадутъ твои денежки!“! Надо замѣтить, что фабрика каждый разъ оттягиваетъ день дачки, и дачка всегда запаздываетъ на недѣлю, на двѣ, а это время рабочія денежки гуляютъ въ оборотахъ и приносятъ свою лепту въ хозяйскій карманъ. Мало того. При вступленіи на фабрику, съ рабочаго, какъ водится, берется залогъ въ размѣрѣ полумѣсячнаго заработка, т. е. 7 руб., который и лежитъ „въ конторѣ“, пока рабочій работаетъ на фабрикѣ. Эти залогн составляютъ капиталъ въ 50.000 руб., и само собою разумѣется, такая сумма не лежитъ безъ дѣла, а идетъ въ оборотъ и приноситъ доходецъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что залогн введены лѣтъ шесть тому назадъ одновременно съ даровыми квартирами. Раньше квартиры были платныя, по 75 в. съ человѣка, теперь „даровыя“; содержаніе „даровыхъ“ казармъ обходится фабрикѣ въ 8.000 руб. въ годъ, что легко покрывается простой оттяжкой дачекъ, не говоря уже о доходахъ съ лавки, отъ „удобства“ одной дачки въ мѣсяцъ и „обезпеченія“ конторы залогомъ. При этомъ необходимо еще прибавить, что фабрика сильно злоупотребляетъ произвольнымъ расчетомъ, рассчитываетъ рабочихъ, когда вздумается, не предупреждая за двѣ недѣли до расчета, какъ обязываетъ законъ. Песковъ не знаетъ отбоя отъ рабочихъ съ жалобами на произвольный расчетъ, но смотритъ на это сквозь пальцы и довольствуется объясненіемъ конторы, которая на его запросъ от-

вѣчаетъ. что разсчитанъ за пьянство, за буйство, за неосторожное обращеніе съ огнемъ, т. е. указываетъ какъ разъ тѣ причины, какія наши услужливые законодатели внесли въ законъ для разрѣшенія фабриканту немедленно же прогнать строптиваго рабочаго. Штрафамъ контора не злоупотребляетъ, да и не къ чему ей, когда у нея имѣется другой кнутъ для рабочаго, который бьетъ посильнѣе штрафа. За провинности могутъ перевести рабочаго не въ очередь на низшіе сорта миткаля съ низшими разцѣнками. Надо имѣть въ виду, что до Алянчикова на фабрикѣ миткаль почти не ткался. Алянчиковъ ввелъ низшіе сорта миткаля съ пониженнымъ разцѣнкомъ и сталъ ставить рабочихъ на миткаль по очереди, а въ видѣ наказанія и не въ очередь; нѣкоторыхъ рабочихъ, въ видѣ поощренія за паушничество, на миткаль совсѣмъ не ставятъ.

Такимъ образомъ, появленіе такого практичнаго администратора, директора Алянчикова, прежде всего сказалось въ томъ, что заработокъ ткача съ 16-18 рублей упалъ до 10-12 руб. Примѣру Морозовской фабрики послѣдовали и 2 сосѣднія, такъ что заработная плата стояла почти на одномъ уровнѣ вездѣ. Даже у Берга она была ниже. Все это вмѣстѣ взятое порождало недовольство рабочихъ и неуклонно вело ихъ къ стачкѣ. О стачкѣ рабочіе начали поговаривать еще въ декабрѣ прошлаго года, но фабричною администраціе удалось отодвинуть стачку на нѣсколько мѣсяцевъ. Еще въ февралѣ рабочіе ходили къ Пескову просить повышенія расцѣнокъ и говорили, что если не повысятъ плату, то народъ забастуетъ. Песковъ остался Песковымъ, какъ плата осталась той же самой платой. Чтобы предупредить стачку, фабричная администрація пускаетъ въ ходъ цѣлую сѣть хитро придуманныхъ мѣръ. Наученная горькимъ опытомъ 1886 г. (крупная стачка съ небольшимъ разгромомъ), что единодушіе и солидарность рабочихъ подчасъ солона приходится фабрикантамъ, фабричные политики всю силу своего остроумія направляютъ туда, гдѣ надо внести раздоръ въ рабочую среду;

это послѣднее и стало центральнымъ пунктомъ всей внутренней политики фабрики. Въ былое время существовали платныя казармы. Рабочій хотѣлъ — жить въ нихъ, платя по 75 коп. въ мѣс., хотѣлъ — жить на вольной квартирѣ. Платныя квартиры передѣлываются въ „даровыя“, куда помѣщается только пятая часть всѣхъ рабочихъ. Чтобы имѣть платную квартиру, не нужно было имѣть никакихъ особыхъ заслугъ и качествъ. Иное дѣло, когда квартира даровая. Получить даровую квартиру, значитъ заслужить хозяйское вниманіе, снискать хозяйскую милость. Далѣе. Чтобы поощрять среди рабочихъ послушаніе, добронравіе, смиренномудріе и яныя доблестныя качества, а проще говоря, наущничество, администрація вводитъ т.-наз. „наградныя“ въ видѣ 1½-2 руб. премій снмъ примѣрнымъ рабочимъ. Нечего и говорить, что съ одной стороны, изъ рабочей массы выдѣляется толпа, которая, забывая обо всемъ, бросается въ запуски за наградами, за даровыми квартирами, за хозяйскими улыбками. Отвергается возмутительная картина своеобразнаго состязанія среди рабочихъ на почвѣ всевозможной грязи. А съ другой стороны, эти даровыя квартиры и награды служатъ неизсякаемымъ источникомъ зависти, злобы, ожесточенія, ненависти однихъ рабочихъ противъ другихъ, болѣе счастливыхъ.

Цѣль достигнута. Единодушіе рабочихъ параллзовано. Вся масса забыла о прижимкахъ и притѣсненіяхъ и сосредоточила всѣ свои помыслы и все свое вниманіе на этихъ подачкахъ. Вся масса постепенно погрязла въ собственныхъ дрязгахъ, мелкихъ счетахъ и неурядицахъ. Сплетни, наущничество достигли неслыханныхъ размѣровъ и, конечно, главнымъ образомъ, среди счастливецъ, пользующихся хозяйскими милостями. Мало и этого. Года два тому назадъ Морозова взяла у города въ аренду большую *палестину* земли и выстроила на ней 48 домиковъ. Эти домики она продаетъ своимъ рабочимъ съ разсрочкою платежа. Болѣе солидный и болѣе послушный рабочій можетъ надѣяться на хозяйскую

милость и современемъ стать домовладѣльцемъ. Цѣна домика оаредѣлилась въ конторѣ въ 1800 руб., и купившій такой домикъ рабочій выплачиваетъ долгъ и проценты въ теченіе 18 лѣтъ, внося ежемѣсячно 12 р. Пока долгъ не выплаченъ, ремонтъ производитъ сама Морозова, причисляя расходъ къ долгу. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ ремонту потребовалось на 90 руб., и эта сумма, понятно, была приписана къ капитальному долгу. Домовладѣльцы-рабочіе, разъ они уплатили извѣстную сумму, обѣими руками держатся за фабрику; это — наиболѣе солидные, наиболѣе послушные и прислужливые субъекты, это — своего рода добровольная полиція фабрики, и надо прибавить, что эти „собственники-домохозяева“ крѣпко-пакрѣпко привязаны къ фабрикѣ контрактомъ. Капитальный долгъ съ процентами и ежегодной припиской суммы ремонта невозможно выплатить раньше 18 лѣтъ. Уплативши долгъ, рабочій продолжаетъ платить аренду (17 лѣтъ) той же Морозовой, которая заарендовала городскую землю на 35 лѣтъ, наконецъ, черезъ 35 лѣтъ домовладѣлецъ развязывается съ „Морозихой“ и становится арендаторомъ земли у города, но надо полагать, что хлибный деревянный домишко къ тому времени настолько разойдется по всѣмъ своимъ швамъ, что вмѣсто аренды городъ попроситъ очистить мѣсто отъ гнилья. Однако не думайте, чтобы такой расчетъ былъ сдѣланъ для худшихъ условій. Нѣтъ. Это расчетъ, если все пойдетъ какъ по писанному, а на плохой конецъ получится совершенно иной оборотъ. Въ контрактѣ поставлено условіемъ, что домовладѣлецъ не имѣетъ права продать, уступить или передать свой домъ до окончательнаго расчета съ фабрикой постороннему лицу. Домъ можетъ быть переданъ другому рабочему съ той же фабрики и съ согласія конторы. Если рабочій самъ уходитъ съ фабрики или его гонятъ за провинность, его домъ остается за конторой, при чемъ контора выдаетъ ему по 30 к. за каждый уплаченный имъ рубль.

Вѣчная боязнь лишиться выплаченныхъ денегъ, полу-

читать по 30 коп. за рубль дѣлаетъ эту группу людей столь податливыми, сколь можетъ желать лишь сердце фабриканта. Домики расчитаны такъ, что домовладѣлецъ можетъ пускать постояльцевъ изъ холостыхъ рабочихъ, 10 чел. въ одну комнату и 5 въ другую (1/2 к. саж. воздуха на человѣка!) Съ 15 чел. онъ получаетъ 15 руб. въ мѣсяцъ, и въ эту сумму входятъ отопленіе, освѣщеніе, соль, квасъ, кислая капуста и два раза кипятокъ. Эти 15 чел. холостыхъ рабочихъ живутъ, такъ сказать, подъ надзоромъ домовладѣльца-рабочаго, который разъ или два въ недѣлю даетъ отчетъ въ контору. Этотъ податливый домовладѣлецъ нѣчто въ родѣ петербургскаго дворника, онъ смотритъ, надзираетъ и сообщаетъ конторѣ о поведеніи своихъ жильцовъ. Такимъ образомъ, хозяйскій глазъ проникаетъ даже во внутреннюю, частную жизнь фабричнаго рабочаго. На основаніи такихъ показаній и на основаніи жалобъ мастеровъ и надзирателей на фабрикѣ ведется кондуктнѣйшій журналъ, хранящійся у директора. Судя по фактамъ, въ этотъ журналъ заноситъ всѣ мелкіе проступки, и горе рабочему, если въ его кондуктнѣйшій подведенъ итогъ: ему нѣтъ надежды получить когда-либо работу въ Тверской губ.

Благодаря такой политикѣ, администраціи удалось парализовать единодушіе рабочихъ и оттянуть стачку, а, кромѣ того, создать для стачки наиболѣе невыгодныя для рабочихъ условія. Тѣмъ не менѣе, жизнь твала твою твань, и на ней выходили гакіе узоры, что голова кругомъ шла. Плата упала, жить становилось труднѣе при полной кабалѣ въ фабричной лавкѣ, при отсутствіи какого бы то ни было кредита на сторонѣ*).

*) Надо замѣтить, что администрація сама ясно сознавала естественно гажелое положеніе своихъ рабочихъ и, чтобы какъ-нибудь уладить неудовольствія, незадолго до стачки дала обѣщаніе сдѣлать въ сентябрѣ грошовую прибавку тѣмъ изъ рабочихъ, кто безъ штрафовъ и взысканій проработаетъ до сентября, а вслѣдъ за тѣмъ выговоры, взысканія и штрафы усилились, и число счастливицевъ, чающихъ получить прибавку, съ каждымъ днемъ все убывало, недѣли черезъ двѣ-три всѣмъ стало ясно, что положительно нѣтъ возможности проработать до сентября безъ штрафовъ и взысканій.

Наконецъ, у одной части рабочихъ злора назрѣла и вылилась 3-го юня. Не помню, какое-то вздорное столкновение одного изъ ткачей съ мастеромъ послужило сигналомъ къ забастовкѣ. До обѣда работали, а въ 2 часа вся смѣна вольнаго корпуса ткачей (337 чел.) бросила работу и высыпала на фабричный дворъ. Къ нимъ тотчасъ же присоединились прядильщики. Немедленно явился фабричный инспекторъ Песковъ, и начались переговоры съ забастовщиками. Ткачи требовали прибавки 2 коп. на кусокъ, что составляло отъ 1 р. 20 коп. до 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ на одного ткача, прядильщики не выставляли никакихъ требованій, будучи застигнуты стачкой врасплохъ, и забастовали, чтобы поддержать товарищей.

Явилась полиція, и тотчасъ же были приняты рѣшительныя мѣры противъ стачечниковъ. Надо замѣтить, что на совѣтъ, состоявшемъ изъ директора, двухъ сыновей Морозовой, управляющаго и фабричнаго инспектора, Морозовы согласны были на уступки, но противъ этого энергично протестовалъ фаб. инспекторъ Песковъ, заявивши, что разъ будетъ сдѣлана эта уступка, немедленно же поднимется вся губернія, такъ какъ всюду отношенія рабочихъ къ фабрикантамъ до нельзя натянуты, и побѣда рабочихъ послужитъ сигналомъ къ цѣлому ряду весьма крупныхъ забастовокъ на всѣхъ фабрикахъ. Онъ говорилъ правду. Рабочіе Берга, узнавши, что морозовцы забастовали, побросали работу и часа два „скандальничали“ и, послѣ разныхъ обѣщаній увеличить съ осени распѣнки, снова взялись за работу. Тоже случилось и на мануфактурѣ Зологнна. На другой день вѣсти дошли до мануфактуры Прохорова и фабрики Тоболькъ въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, и тамъ, какъ передавали, рабочіе пробовали „скандальничать и озоровать“. Рѣшено было не дѣлать уступокъ и принять самыя рѣшительныя мѣры для подавленія стачки. Были вызваны войска. Фабричная лавка прекратила выдачу товаровъ, около нея былъ поставленъ усиленный караулъ; далѣе, по требованію полиціи всѣ кабаки.

трактиры и мелочныя лавки въ Красной слободѣ, вблизи фабрики, были закрыты, и всякая торговля была прекращена на время стачки. Это былъ первый натискъ на забастовавшихъ со стороны соединенныхъ силъ полиціи и фабричной администраціи. На другой день утромъ вывѣшены слѣд. объявленія:

Вслѣдствіе самовольнаго прекращенія работъ, рабочіе, не желающіе стать на работы въ 12 час. 4-го іюня, считаются уволенными, при чемъ паспорта и причитающійся имъ заработокъ будетъ пересланъ черезъ полицейское правленіе на родину.

Директоръ *Аляничковъ*. Утверждено: фаб. инс. *Песковъ*.

Ткачи и прядильщики, ставшіе на работу въ 12 час. 4-го іюня, не будутъ подвергнуты штрафу за самовольно пропущенный день 3-го іюня. Дир. *Аляничковъ*. Утверждено: фаб. инс. *Песковъ*.

Ткачи, переведенные на миткаль, теперь, по требованію покупателей, должны были быть переведены на низшіе сорта издѣлій съ низшей заработной платой; т. к. такое пониженіе заработка приходится на страданное для рабочихъ время, то контора, желая прійти на помощь своимъ ткачамъ, выдаетъ въ сентябрьскую дачу тѣмъ изъ ткачей, кто проработалъ три лѣтніе мѣсяца (іюнь, іюль и августъ), съ каждаго выработаннаго куска по двѣ коп. наградныхъ. Этой прибавки не лишаются тѣ, кто долженъ будетъ бросить работу для отбыванія воинской повинности, службы по выборамъ или смерти старшаго въ семьѣ или въ случаѣ высылки на родину по суду. Дир. *Аляничковъ*. Утверждено: фаб. инс. *Песковъ*.

Послѣднее объявленіе есть письменное подтвержденіе прежняго устнаго заявленія. На фабрику было тихо. Около 5 часовъ 4-го явились полтора батальона солдатъ и разбили лагерныя палатки посреди фабричнаго двора. Городъ опустѣлъ, всѣ полицейскія и административныя силы были на фабрику. Управляющій Поповъ, директоръ, Песковъ и полицейскіе чины уговаривали идти на работу. Фабрика стояла, входы въ фабричныя корпуса охранялись карауломъ. Всѣ усилія были направлены на пожилыхъ семейныхъ. Около 12 час. дня данъ былъ свистокъ. 105 чел., подъ конвоемъ солдатъ и полиціи, прошли въ большой корпусъ на работы. Остальные, около 4000 человекъ, бастовали. Поздно вечеромъ отряды полицейскихъ пошли въ семейныя спальни вы-

селить упорствующих; 26 семей были выпнаны за фабричные ворота. Изъ холостыхъ казармъ народъ разошелся самъ и размѣстился въ слободѣ. Возмутительную картину азіатскаго деспотизма наблюдалъ иншудій эти строки въ тотъ вечеръ. Изъ фабричныхъ казармъ, выбравши свои жалкіе пожитки, плетутся подъ конвоемъ полицейскихъ рабочіе съ женами и дѣтьми; а въ пѣсколькихъ шагахъ солдатамъ выкатили бочку водки, привезли булокъ, колбасы, пироговъ, тѣ веселятся и дерутъ глотку: „Сашенька, Машенька...“

Вечеромъ 5-го іюня уже работало около двухъ третей забастовавшихъ. Был и драки: стачечники встрѣчали камнями своихъ отступниковъ, когда тѣ проходили изъ корпуса въ казармы. Военные патрули двигались по слободѣ и разгоняли собиравшихся толпой стачечниковъ. Столкновеній съ полиціей не было. Арестовъ не было. Депутатовъ рабочіе не посылали: наученные горькимъ опытомъ, они не рѣшились отправить своихъ товарищей въ тюрьму. Переговоры велись изъ толпы. Кто-нибудь, присѣвъ на корточкахъ и будучи окруженъ тѣснымъ кольцомъ своихъ, велъ переговоры съ полиціей и администраціей фабрики. 6-го іюня одна треть забастовавшихъ не работаетъ, но послѣ обѣда большинство явилось въ контору просить прощенья. Продолжали бастовать 137 чел., но 7-го и они взялись за работу. 40 чел. были расчисланы немедленно. Ихъ паспорта и заработокъ отосланы въ волость, гдѣ вычтутъ недонку, а остальное выдадутъ; эти 40 чел. отправлены въ волость этапомъ. Далѣе продолжалась чистка фабрики и въ общемъ расчислано до 80 чел. Стачка неизбежно должна была быть проиграна. Рабочіе за мѣсяць до стачки получили заработную плату, а стачка была начата за двѣ недѣли до дачки (плата запоздала на полмѣсяца), отсутствіе кредита и выселеніе изъ „даровыхъ“ квартиръ сдѣлали свое дѣло. Рабочіе держались солидно, буйствъ и пьянства не было, вообще, прежнія двѣ стачки не прошли безслѣдно.

Таково положеніе дѣлъ на тверской мануфактурѣ.

Прибавимъ къ этому, что въ одномъ частномъ разговорѣ Песковъ заявилъ, что онъ потребуетъ удовлетворенія рабочихъ, ихъ требованія справедливы и слишкомъ ничтожны, но сдѣлаетъ это нѣсколько мѣсяцевъ спустя, чтобы эта уступка имѣла видъ не вынужденной, а добровольной.

Открытое письмо къ Польской Соціалистической Партіи.

Въ № 26 „Работника“, — органа Польской Соціалистической Партіи, — изданномъ 13-го февраля 1898 г., сообщается о состоявшемся въ Варшавѣ четвертомъ съѣздѣ представителей этой партіи. Въ числѣ принятыхъ ею на немъ резолюцій, опредѣляющихъ отношеніе ея къ другимъ соціалистическимъ партіямъ, имѣются двѣ, касающіяся литовскаго революціоннаго движенія. Приведемъ ихъ дословно.

„§ 5. Принимая во вниманіе, что общность интересовъ, экономическихъ и политическихъ, основанныхъ на одинаковой для Литвы и Польши необходимости освобожденія отъ русскаго режима, требуетъ и солидарности дѣйствія литовцевъ и поляковъ*),

что всякое народное движеніе въ Литвѣ тѣмъ скорѣе станетъ классовымъ, чѣмъ сильнѣе будетъ его связь съ соціалистическимъ польскимъ движеніемъ,

что характеръ нашего движенія исключаетъ совершенно возможность всякихъ тенденцій къ политическимъ захватамъ, —

съѣздъ признаетъ организаціонную самостоятельность революціонныхъ литовскихъ группъ (т. е. такихъ, которыя ведутъ агитацію на литовскомъ языкѣ) и предлагаетъ Центральному Рабочему Комитету войти съ ними въ тѣсныя сношенія, поскольку

*) Это основное положеніе первой резолюціи совершенно непонятно. „Одинаковая для Литвы и Польши необходимость освобожденія отъ русскаго режима“ можетъ вытекать изъ общихъ экономическихъ, политическихъ и другихъ условій этихъ странъ, но „общность интересовъ экономическихъ и политическихъ“ не можетъ основываться на этой „одинаковой необходимости освобожденія отъ русскаго режима“, такъ какъ именно это-то обстоятельство, т. е. необходимость для нихъ общей борьбы за освобожденіе и имѣется въ виду доказать этимъ положеніемъ.

онѣ, въ своей дѣятельности, не будутъ возбуждать ненависти къ польскому народу, столь выгодной интересамъ русскаго царизма.“ Другая резолюція находится въ рубрицѣ озаглавленной такъ:

„Съѣздъ занялся также опредѣленіемъ отношеній нашей партіи къ социалистическимъ группамъ, которыя, благодаря неправильному пониманію задачъ рабочаго движенія, приняли наивравленное, несогласное съ интересами рабочаго класса“.

Резолюція эта гласитъ:

„Принималъ во вниманіе, что значительная доля пролетаріата въ Литвѣ не говоритъ по литовски и связана съ польскимъ пролетаріатомъ общностью языка и историческими традиціями,

что ни политическія, ни экономическія отношенія не требуютъ для этой части пролетаріата отдѣльной партійной организаціи, которую старается привить ему группа, выступающая подъ именемъ „Литовской Соціалдемократіи“, —

съѣздъ не видитъ основанія для существованія этой Литовской Соціалдемократіи и предлагаетъ Центральному Рабочему Комитету обратить большее вниманіе, чѣмъ до сихъ поръ, на развитіе въ средѣ этого пролетаріата политическаго сознанія и на объединеніе его съ организаціей Польской Соціалистической Партіи“.

Чтобы понять смыслъ этихъ резолюцій, нужно знать, что въ послѣднее время среди литовцевъ преобладающими революціонными направленіями являются два: демократическое и с.-демократическое.

Первое представляеть изъ себя сильное народное, преимущественно крестьянское, движеніе и обуславливается тѣмъ исключительно тяжелымъ политическимъ гнетомъ, въ какомъ находится литовскій народъ подъ игомъ русскаго правительства. Вслѣдъ за усмиреніемъ возстанія 1863 г., въ которомъ принимала значительное участіе и коренные литовцы, къ Литвѣ были применены исключительныя мѣры преслѣдованія: началось обрусеніе этого края. Такъ въ 1865 году было запрещено дворянамъ-католикамъ пріобрѣтать землю, а крестьянамъ право пріобрѣтенія ограничено почти до полного запрещенія. Въ томъ же 1865 году было запрещено литовцамъ употреблять обычный до того латышскій алфавитъ и сдѣлано распоряженіе о замѣнѣ его русскимъ. Да и вообще вся народная жизнь во всѣхъ ея сферахъ — экономической, гражданской, духовной, религіозной (религіозныя преслѣдованія были особенно ощутительны для глубоко вѣрующихъ католиковъ-литовцевъ) — была стѣснена до невѣроятныхъ предѣловъ. За каждымъ шагомъ литовца слѣдитъ полицейскій урядникъ, либо другой шпіонъ, въ лицѣ царскаго чи-

повника, учителя, волостного писара и т. п. Всё эти мѣры и полный произволъ самыхъ отъявленныхъ подонковъ русскаго чиновничества — мѣстной администраціи — еще болѣе усилили національную обособленность литовскаго народа, которая въ немъ исторически уже выработалась. Во времена недавняго крѣпостничества надъ нимъ тяготѣло польское дворянство. Послѣ освобожденія, ему приходилось постоянно чувствовать свою подавленность, ибо вся болѣе обезпеченная и культурная часть населенія состоитъ изъ потомковъ того же польскаго дворянства. Поэтому неудивительно, что и литовское крестьянское движеніе приняло окраску національную.

Положеніе дѣлъ этого демократическаго движенія приблизительно таково. Во главѣ его находится хорошо организованная партія, въ которой участвуетъ значительная часть мѣстной интеллигенціи, выходящей изъ литовскаго народа; этой партіи много помогаетъ молодежь и студенты, коренные литовцы, разбросанные по различнымъ русскимъ университетамъ (въ варшавскій университетъ очень трудно попасть литовцу), въ большинствѣ случаевъ, дѣти крестьянъ. Партіи эта издаетъ за границей двѣ ежемѣсячныя газеты: „Vaivas“ — для болѣе интеллигентныхъ слоевъ народа и популярную „Ukėpinėkas“, въ которыхъ русское правительство подвергается рѣзкой критикѣ и литовскій народъ призывается къ борьбѣ за свои политическія и національныя права. Сверхъ того, редакціей этихъ же газетъ, выходящихъ въ Тильзитѣ (Германія), издается много политическихъ и общеобразовательныхъ брошюръ, прокламацій, которыя распространяются по всей Литвѣ. Такъ какъ литовскій народъ совершенно не читаетъ тѣхъ книгъ, которыя русское правительство пытается навязать ему разными путями (печатанныхъ русскими алфавитомъ), и такъ какъ почти всѣ литовцы знаютъ литовскую грамоту (въ официальныхъ школахъ обучаютъ только по русски, но народъ самъ себя тайнымъ образомъ обучаетъ по литовски), то литовскія заграничныя изданія въ громадномъ количествѣ распространяются въ народѣ. Контрабандой и продажей литовскихъ изданій занимаются сами литовскіе крестьяне, которыхъ изрядное число ежегодно платится за это тюрьмою. Движеніе это въ общемъ немногимъ отличается отъ другихъ демократическихъ движеній, в если оно среди литовцевъ бьетъ гораздо болѣе сильнымъ ключомъ, то это потому, что обрусительная политика русскаго правительства ложится страшнымъ бременемъ на всѣ стороны народной жизни въ Литвѣ, почему движеніе литовскаго народа и является вполне самостоятельнымъ народнымъ движеніемъ. Такъ какъ движеніе это коренится, главнымъ образомъ, среди крестьянъ, то, въ общемъ, оно не носитъ социалистическаго характера, хотя очень часто въ изда-

ніяхъ этой группы и появляются статьи, а иногда и цѣлыя брошюры социалистическаго характера.

Развитіе и теперешнее состояніе соц.-демократическаго движенія среди литовцевъ охарактеризовано въ специальной статьѣ, помѣщенной въ этой же книжкѣ (см. отд. II, стр. 18).

Перейдемъ къ отношенію Польской Соціалистической Партіи къ этимъ движеніямъ. Прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что въ ея нелегальной прессѣ усиленно замалчивается литовское рабочее движеніе. Въ то время какъ послѣдній конгрессъ этой партіи выразилъ латышскимъ рабочимъ сочувствіе и послалъ имъ поздравленіе, о литовскомъ пролетариатѣ, который не только заодно съ поляками проливалъ свою кровь во время возстаній, но и въ настоящее время борется съ общими врагами, рука объ руку съ польскими рабочими, онъ не обмолвился ни единымъ словечкомъ. Затѣмъ очень характерно содержаніе указанныхъ въ началѣ этого параграфа резолюцій. Первая резолюція, очевидно, относится къ литовскимъ демократамъ. Это явствуетъ изъ того, что тамъ говорится о „народномъ движеніи“, которому еще предстоитъ стать „классовымъ“, подъ влияніемъ его „связи съ социалистическимъ польскимъ движеніемъ“, и о такихъ революціонныхъ группахъ, которыя ведутъ агитацію исключительно на литовскомъ языкѣ“. Въ заключеніи этой резолюціи дѣлается оговорка, чтобы литовскія революціонныя группы не возбуждали „ненависти къ польскому народу“, ибо среди литовскаго народа, а отчасти также въ извѣстныхъ сферахъ литовскихъ демократовъ укоренилась нѣкоторая вражда къ полякамъ. Вотъ за этими-то литовскими демократами Польская Соціалистич. Партія признаетъ право гражданства („организационную самостоятельность литовскихъ революціонныхъ групп“) и „стремится войти съ ними въ тѣсныя отношенія“. Благоволеніе къ нимъ со стороны Польской Соціалистической Партіи доходитъ до того, что литовскимъ демократамъ разрѣшается — буде это имъ заблагоразсудится — войти въ какія угодно отношенія съ будущей русской социалистической партіей: второй пунктъ резолюціи, перечисляющей требованія, которая предъявить Польская Соціалистическая Партія къ будущей русской соц.-демократической партіи, при установленіи съ ней какихъ-либо отношеній, гласитъ:

„Русская социалъдемократическая партія обязывается не входить, безъ согласія Польской Соціалистической Партіи, ни въ какія отношенія съ какой-либо революціонной организаціей въ Польшѣ и Литвѣ, за исключеніемъ литовскихъ организацій (т. е. такихъ, которые ведутъ агитацію исключительно на литовскомъ языкѣ)“.

Иначе дѣло обстоитъ съ литовскими социалдемократами. Это — „группа“, которая, въ слѣдствіе неправильнаго пониманія задачъ рабочаго движенія, приняла направленіе, несогласное съ интересами рабочаго класса. Польская Соціалистическая Партія „не видитъ основанія для существованія этой группы“. Коротко и ясно.

Интересно, однако, знать, чѣмъ вызвана такая немилость къ литовскимъ социалдемократамъ со стороны Польской Соціалистической Партіи. Первая вина литовскихъ социалдемократовъ заключается въ томъ, что они, вмѣсто того, чтобы явиться проводниками среди литовскаго пролетаріата польскихъ **оппаратическихъ** стремленій, задумали собственными усиліями организовать самостоятельное литовское рабочее движеніе. Это и есть „неправильное пониманіе задачъ рабочаго движенія“!... Затѣмъ, организовавъ это движеніе, Литовская Соціалдемократія старалась привлечь къ нему литовскихъ рабочихъ, говорящихъ по польски. Это обстоятельство выдвинуто, какъ главный доводъ, противъ существованія Литов. Соц. Демократіи.

Но можетъ-ли быть что-либо естественнѣе того, какъ желаніе Литовской Соціалдемократіи ускорить развитіе рабочаго движенія тамъ, гдѣ оно въ организованномъ видѣ еще не существовало? При томъ средства, при помощи которыхъ литовскіе социалдемократы старались достигнуть этой цѣли, были рѣшительно тѣ же, которыми наблюдали у самихъ польскихъ социалстовъ въ періодъ первоначальнаго развитія польскаго массоваго рабочаго движенія. Тотъ, кто пожелаеъ бы обстоятельно разобраться въ характерѣ польскаго рабочаго движенія въ періодъ 89-93 гг., легко могъ бы убѣдиться, что тактика **дѣйствовавшихъ** тогда польскихъ социалистическихъ группъ была тождественна съ тактикой руководящихъ литовскихъ рабочихъ группъ въ 93-96 гг. Что же касается повлеченія въ литовское движеніе рабочихъ, говорящихъ по польски, то обвинять въ этомъ Литовскую Соціалдемократію, по меньшей мѣрѣ, странно, особенно Польской Соціалистической Партіи! Всякій, кому случилось сталкиваться съ литовскимъ народомъ и наблюдать общественныя условія Литвы, знаетъ, какой специфически обособленной группой является это населеніе, сколь различной отъ Польши является промышленная и вообще культурная фазіона ія этого края. Не даромъ вѣдь надъ нимъ тяготѣетъ совершенно исключительный политическій гнетъ! Всякій полякъ сразу же отличитъ литовца, хотя бы и говорящаго по польски, а попавши въ Литву, онъ найдетъ здѣсь совершенно другое въ сравненіи съ тѣмъ, что видѣлъ въ Польшѣ. Но еще болѣе сильною связью между всѣми литовскими рабочими, говорящими по литовски и по польски, явились ихъ классовые интересы, лишь только среди нихъ стало развиваться классовое само-

сознание и началась общая борьба за улучшение своего положения. Этот классовый антагонизм и борьба стали раскалывать все население Литвы на два вражеских лагеря: на борющийся за свои интересы пролетариат и на привилегированное меньшинство эксплуататоров и угнетателей. Но мѣръ того, какъ сплачивались между собою фабриканты, мастера и вообще городская и сельская буржуазія съ царскими опричниками противъ общаго врага — сознательныхъ рабочихъ — по мѣръ того, какъ противъ нихъ вооружалось духовенство (на Литвѣ, въ общемъ, оно было довольно демократично), росло и единение среди всей массы литовскихъ рабочихъ, которыхъ хоть въ какой-либо степени захватило рабочее движение*).

Литовская Соціалъдемократія ускорила лишь этотъ естественный процессъ соединенія всего литовскаго пролетариата, ведя пропаганду и агитацію на литовскомъ, а гдѣ необходимо, и на польскомъ яз. И это-то вызвало противъ нея негодование Польской Соціалистической Партіи. Такое отношеніе къ ней со стороны послѣдней тѣмъ болѣе странно, что она сама издаетъ или старается издавать агитационную литературу для нѣмецкихъ, бѣлорусскихъ и еврейскихъ рабочихъ въ Польшѣ.

Партія эта стала во враждебное отношеніе къ нашему рабочему движению съ того самаго момента, какъ у насъ появились рабочія организація. Въ особенности она начала всячески вредить намъ, послѣ того какъ образовалась „Литовская Соціалъдемократія“.

Противъ такого поведенія Польской Соціалистической Партіи, мы, литовскіе рабочіе и работницы, входящіе въ различные професіональные Союзы и въ Литовскую Соціалъдемократію, рѣшили гласно и энергично протестовать. Все отношеніе Польской Соціалистической Партіи къ литовскому рабочему движению вызываетъ въ насъ глубокое негодование. Принятая на послѣднемъ сѣздѣ резолюція, касающаяся Литовской Соціалъдемократіи, является совер-

*) Общая борьба и классовые интересы въ значительной степени сплотили даже христіанскихъ и еврейскихъ рабочихъ, между которыми до начала рабочаго движенія былъ сильный національный антагонизмъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ указать на то, что еврейское движеніе въ Литвѣ развито въ чрезвычайно сильной степени, что появилось оно ранѣе литовскаго и что въ организационномъ отношеніи, въ силу различія языковъ, на которыхъ ведется массовая агитація (у евреевъ — на еврейскомъ жаргонѣ) оба эти движенія представляютъ обособленныя, самостоятельныя движенія. Сверхъ того, необходимо еще упомянуть, что въ 87 г. и до половины 88 г. существовала самостоятельная организація христіанскихъ рабочихъ въ Литвѣ, которая, вслѣдствіе нѣкоторыхъ разногласій, не входила въ составъ Литовской Соціалъдемократіи.

шенно произвольнымъ вмѣшательствомъ Польской Соціалистической Партіи въ наши внутреннія дѣла. Не говоря уже о томъ, что столь враждебныя отношенія П. С. П. къ организованному литовскому рабочему движению приносятъ послѣднему большой вредъ, вся дѣятельность П. С. П. по отношенію къ этому движению и къ Литовской Соціалдемократіи находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ основными принципами международной социалдемократіи. Послѣдняя, какъ въ періодъ существованія Интернационала, такъ и затѣмъ, на своихъ международных конгрессахъ (напр., на Лондонскомъ), неоднократно признавала за рабочими всѣхъ національностей право самостоятельной организаціи и руководства своимъ движениемъ. Между тѣмъ, Польская Соц. Партія, отстаивая это право для себя, не только не желаетъ признать того же права за литовскими рабочими, но старается всяческими способами, не исключая даже насильственныхъ мѣръ, помѣшать самостоятельному развитію литовскаго рабочаго движениа.

Вотъ противъ этого-то нарушенія Польской Соціал. Партіей основнаго принципа международной социалдемократіи, противъ произвольнаго вмѣшательства ея въ дѣла литовскаго рабочаго движениа, употребленія по отношенію къ нему и къ Литовской Соціалдемократіи средствъ, которыхъ всякая социалистическая партія должна была бы избѣгать, — мы, литовскіе рабочіе и работницы, протестуемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, протестуемъ во имя нашего рабочаго дѣла, во имя рабочаго братства.

И если эти чувства столь же дороги и Польской Соціалистической Партіи, то она не замедлитъ прекратить это враждебное отношеніе къ нашему движению. Мы требуемъ отъ Польской Соціалистической Партіи этого еще и потому, что ни на минуту не сомнѣваемся въ томъ, что польскіе рабочіе, къ которымъ всѣ мы, съ первыхъ же моментовъ нашей сознательной жизни, относимся съ самой горячей братской любовью и съ которыми мы выступаемъ рука объ руку противъ общихъ враговъ, платятъ намъ тою-же пріязнью и братствомъ.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ указать, что до сихъ поръ мы усиленно воздерживались отъ всякихъ препирательствъ съ Польской Соціалистической Партіей. И если на этотъ разъ мы принуждены нарушить свое обычное молчаніе, то да падетъ за это отвѣтственность на Польскую Соціалистическую Партію, допустившую возможность принятія на своемъ конгрессѣ и опубликованія подобныхъ резолюцій.

По порученію литовскихъ рабочихъ и работницъ
Литовская Соціалдемократическая Партія

Рабочее движеніе въ Финляндіи.

Заранѣе считаю нужнымъ оговориться, что въ этомъ очеркѣ я дамъ самое поверхностное представленіе объ условіяхъ, при которыхъ развивается социальдемократическое движеніе въ Финляндіи. Рабочій вопросъ здѣсь пока еще привлекаетъ очень ничтожное вниманіе общества. Два обстоятельства служатъ этому причиной: 1) крупная промышленность пачинаетъ только развиваться*) и 2) развитію классового сознанія рабочихъ сильно мѣшаетъ національнѣя вражда между финской и шведской партіями. О характерѣ этой борьбы говорилось въ русской легальной литературѣ. Здѣсь отмѣтимъ только, что споръ изъ-за господства языка толкаетъ рабочихъ въ ту или другую партію. Финская партія, понимая, что господство шведовъ держится на своеобразномъ избирательномъ правѣ**), требуетъ только нѣкоторыхъ реформъ, носящихъ нѣсколько демократическій характеръ. Этимъ партія думаетъ привлечь на свою сторону народъ. Шведская же партія, стараясь сохранить существующій избирательный порядокъ, съ своей стороны ищетъ поддержки у населенія, говорящаго по шведски, и, доказывая, что демократизмъ финской партіи лицемеренъ и что уменьшить избирательный цензъ

*) Въ 1875 г. было 6606 промышленныхъ заведеній, имѣвшихъ въ среднемъ трехъ рабочихъ. Въ 1893 г. промышленныхъ заведеній было 6649 (3394 въ городахъ и 3255 въ сельскихъ мѣстностяхъ) съ 55.926 рабочими (въ городахъ 29.002 и въ селахъ 26.942). Каждое промышленное заведеніе имѣло въ среднемъ 8,4 раб. Теперь рабочихъ считается 60.000 чел., а всего населенія 2,5 милліона. Городскаго населенія около 258.000, причемъ на долю одного Гельсингфорса приходится 70.000, въ среднемъ же на каждый городъ приходится по 7.000 жителей. Крупной промышленности нѣтъ.

**) Въ городскихъ округахъ господство шведскаго элемента обезпечивается системой выборовъ, основанной на подоходномъ налогѣ: чѣмъ больше платимъ съ дохода налогъ, тѣмъ большимъ числомъ голосовъ обладаетъ избиратель. Такимъ образомъ, нѣкоторые, очень богатые избиратели, располагаютъ 25 голосами при выборѣ депутатовъ.

въ настоящую минуту значить дать могущество фпкамъ — на гибель шведской культурѣ.

Въ концѣ 80-хъ годовъ отдѣлилась отъ финской партіи небольшая группа лицъ, съ болѣе радикальными убѣжденіями, и образовала партію младо-финномановъ, стремящихся къ общему избирательному праву. Она сочувствуетъ до вѣкоторой степени рабочему движенію, но не можетъ играть политической роли, такъ какъ программа ея никого не удовлетворяетъ: она не разрѣшаетъ рабочаго вопроса и въ то же время отталкиваетъ отъ себя либераловъ своимъ радикализмомъ. Она, однако, также націоналистична.

Итакъ, вся здѣшняя интеллигенція ушла въ національное движеніе. Она заботится о сохраненіи своей родины отъ посягательствъ со стороны Россіи и потому старается быть какъ можно умѣреннѣе. Боязнь вмѣшательства со стороны русскаго правительства является причиной того, что къ рабочему движенію финляндскія власти относятся довольно мягко. Правда, городскія власти Гельсингфорса запретили выписывать для публичной читальни подцензурную газету „Tyonies“ за ея „вредное“ направленіе и выхлопотали отказъ на ходатайство этой газеты о дозволеніи выходить 2 раза въ недѣлю вмѣсто одного, но подобное враждебное отношеніе все же не заходитъ слишкомъ далеко, т. е. обѣ партіи принуждены искать сочувствія и поддержки у рабочихъ. Не надѣваются, кромѣ того, крѣпкой узды на рабочее движеніе потому, что въ эту узду можно самимъ попасться.

Все это вмѣстѣ благопріятствуетъ рабочимъ агитаторамъ. Что касается вопроса, какъ воспринимаются самими рабочими идеи социалдемократіи, то тутъ нужно различать народности, шведскую и финскую. Народонаселеніе, говорящее по шведски, живетъ, главнымъ образомъ, по побережью и занимается рыболовствомъ. Процентное отношеніе шведовъ къ финской народности слишкомъ низкое; уже по этому одному пропаганда должна была сосредоточиться среди финскаго населенія.

Теперь можно почти без преувеличенія говорить, что рабочее движеніе находится въ рукахъ самихъ рабочихъ, недовольство же вызывается неудовлетворительнымъ рабочимъ законодательствомъ (существуетъ фактически ночная работа женщинъ и малолѣтнихъ), штрафами и сравнительно низкой заработной платой (3 фр. въ день), высокими городскими налогами и политическимъ безправіемъ. На послѣднее особенно наираютъ финоманы, стараясь, въ своихъ видахъ, показать рабочимъ необходимость измѣнить существующую систему выборовъ. Стачки уже давно начались. Если не ошибаюсь, первая крупная стачка была въ типографіяхъ Гельсингфорса. Эта стачка окончилась неудачей, такъ какъ предприниматели пригласили рабочихъ изъ Остзейскаго края. Вторая крупная стачка была въ 1896 г. въ маѣ мѣсяцѣ. Забастовало въ Гельсингфорсѣ нѣсколько тысячъ строительныхъ рабочихъ*). Стачка велась въ образцовомъ порядкѣ. Рабочіе ежедневно устраивали общія собранія, гдѣ произносились рѣчи и указывалось на необходимость вести борьбу съ капиталомъ (финляндскіе законы разрѣшаютъ собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ).

Стачки теперь сдѣлались обычнымъ явленіемъ и сами рабочіе сознаютъ необходимость борьбы за лучшее будущее. Финскій рабочий — хорошій матеріалъ для стачекъ: онъ выносливъ, сдержанъ и настойчивъ. Оффициально рабочей партіи еще не существуетъ, но фактически она имѣется. Рабочіе группируются въ профессиональныхъ союзахъ или ферейнахъ, которые имѣютъ свои кассы (законъ о кассахъ изданъ при Николаѣ II, 2-го сентября 1897 г.). Въ началѣ декабря 1897 года было въ Гельсингфорсѣ общее собраніе рабочихъ, на которомъ сами рабочіе, безъ посторонней помощи опредѣлили программу борьбы и совершенно открыто направили на существующій порядокъ. Собраніе закончилось

*) Постройка домовъ ведется особыми строительными акціонерными обществами, которыя нанимаютъ рабочихъ, снабжая ихъ матеріаломъ. Эти общества даютъ рабочимъ безъ стѣсненія.

провозглашеніемъ необходимости борьбы на жизнь и смерть противъ капиталистовъ.

Въ настоящее время особенное вниманіе привлекаетъ вопросъ о постройкѣ „рабочаго дома“. Домъ этотъ долженъ служить вѣдомъ для рабочихъ, въ немъ должна находиться особая помѣстительная зала для собраній и лекцій, особая комната для читальни и библіотеки.

Въ общемъ финляндскому рабочему живется гораздо лучше, чѣмъ русскому: устройство рабочихъ союзовъ и кассъ не запрещено, за стачки не наказываютъ. Еслибы только прекратилась часто національные раздоры между финскими и шведскими рабочими, то ихъ классовое движеніе пошло бы гораздо успѣшнѣе. Теперь все это движеніе выносятся на своихъ плечахъ говорящіе по фински рабочіе.

Г—зонъ.

Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и социалистической демократіи въ Россіи. *)

(Переводъ съ нѣмецкаго Г. Антонова)

Ближайшею цѣлью русской социальдемократіи, многократно формулированной и обоснованной въ ея прессѣ, является: возможно скорѣе придать зарождающемуся

*) Статья эта была написана осенью прошлаго года для научно-публицистическаго органа германской социальдемократіи „Новое Время“ и появилась въ немъ весной текущаго года подъ заглавіемъ, отличнымъ отъ русскаго. Я позволилъ себѣ измѣнить заглавіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе трудности перевести его. Антоновъ перевелъ нѣмецкое названіе статьи словами: „Историческое оправданіе русской социальдемократіи“, между тѣмъ какъ я хотѣлъ словами: „historische Berechtigung“ выразить, что статья имѣетъ цѣлью доказать жизнеспособность и право на существованіе нашего движенія. „Право“, конечно, въ смыслѣ обусловленности этого движенія историческимъ положеніемъ и взаимными отношеніями классовъ въ современной Россіи. Какъ бы то ни было, русское заглавіе отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что, вмѣсто субъективнаго момента, цѣли, подчеркиваетъ содержаніе статьи, объективными данными, опредѣляющія

рабочему движению характеръ вполне сознательной организованной борьбы противъ абсолютизма. Эта задача составляетъ фокусъ практическихъ стремлений русской социалъдемократіи, — по крайней мѣрѣ, поскольку эти стремленія нашли себѣ выраженіе въ теоретическихъ и публицистическихъ произведеніяхъ ея литературныхъ представителей.

„Но — возражаютъ намъ либералы и пародники — вы хотите вызвать рабочее движение для борьбы съ абсолютизмомъ и завоеванія такого государственнаго порядка, который самъ является необходимымъ и элементарнѣйшимъ условіемъ такого движенія. Но не странно-ли и не утопично-ли стремленіе добиваться новаго государственнаго строя средствами, широкое примѣненіе которыхъ предполагаетъ *уже существованіе* этого строя?“

Нѣкоторая доля скептицизма по отношенію къ практическимъ тенденціямъ русской социалъдемократіи распространена, какъ кажется, и въ рядахъ западно-европейскихъ рабочихъ партій. Скептицизмъ этотъ покоится отчасти на соображеніяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, отцами которыхъ являются самые что ни на есть вульгарные русскіе либералы. Но въ основѣ его лежатъ и реальный фактъ русской дѣйствительности, — только фактъ этотъ неправильно истолковывается. Царское правительство всячески ласкаетъ и приголубливаетъ

роль и значеніе русской социалъдемократіи въ переживаемую нами эпоху.

Съ удовольствіемъ отмѣчаю совпаденіе моего взгляда на историческія задачи русскаго пролетаріата со взглядами неизвѣстнаго мнѣ талантливаго автора только-что появившейся въ печати брошюры: „Современная Россія“.

Есть основаніе думать, что брошюра эта является не только выраженіемъ индивидуальныхъ взглядовъ автора, но и предвѣстникомъ вступленія нашего движенія въ новый фазисъ. Къ такому заключенію приводятъ № 2 „Рабочей Газеты“ и „Манифестъ Россійской Социалъдемократической Рабочей Партіи“. Газета и Манифестъ обнаруживаютъ весьма крупный и крайне знаменательный поворотъ въ политическомъ сознаніи и самосознаніи активныхъ элементовъ нашей такъ недавно начавшей формироваться партіи. *Авторъ.*

капиталистическую буржуазію. Вслѣдствіе этого ей незачѣмъ выступать противъ абсолютизма, — и она политически совершенно индифферентна. И вотъ этотъ-то слой имущихъ классовъ отождествляется съ буржуазіей во всемъ ея цѣломъ, а затѣмъ выводится заключеніе, что въ Россіи вообще нѣтъ еще никакого антагонизма между имущими классами и абсолютизмомъ, а потому у насъ и почвы для массоваго движенія въ пользу конституціонной свободы быть не можетъ. Съ этой точки зрѣнія, стремленія и цѣли русской социалъдемократіи должны представляться утопичными, а ея надежды — пустыми фантазіями.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ оно представляется сквозь очки шаблоннаго историческаго воззрѣнія на русскую жизнь.

Покровительственная политика царскаго правительства и безправіе народа являются золотымъ дномъ, съ котораго капиталисты черпаютъ свои богатства. Пока, по крайпей мѣрѣ, именно остатки докапиталистической эпохи гарантируютъ широкое поле дѣятельности для ихъ склонностей и appetitовъ. Но рядомъ и подъ этимъ слоемъ буржуазіи имѣются другіе, многочисленныя и не лишеныя вліянія слои ея, интересы которыхъ все менѣе и менѣе совмѣстимы, какъ съ таможенною и финансовою политикою правительства, такъ и съ безправіемъ и некультурностью народныхъ массъ.

Въ центрѣ и во главѣ этихъ общественныхъ элементовъ стоятъ представители либеральныхъ профессій: адвокаты, врачи, ученые, учителя, писатели, судьи, разнаго рода техника, наконецъ, учащая молодежь и т. д. Мало того: даже часть образованной бюрократіи принадлежитъ, своимъ симпатіями и своимъ стремленіями, къ этимъ прогрессивнымъ кругамъ высшихъ сословій, составляющимъ въ совокупности значительную часть буржуазіи и носящимъ общее названіе „интеллигенціи“. Недаромъ газетныя лакеи реакціи безпрестанно доносятъ на нее, какъ на „гидру революціи“.

И въ самомъ дѣлѣ, жизненныя потребности интелли-

генціи вызываютъ необходимость иныхъ условій существованія, чѣмъ тѣ, на которыя обрекаетъ ее нашъ режимъ. Абсолютизмъ стѣсняетъ и опекаетъ ее въ ея профессиональной дѣятельности; онъ даже производитъ *относительное перенаселеніе* въ свободныхъ профессіяхъ, избытокъ „умственныхъ работниковъ“. Затрудняя всѣчески развитіе прессы, мѣшая распространенію школъ и основанію всякихъ другихъ гуманитарныхъ учреждений, правительство тѣмъ самымъ суживаетъ поле дѣятельности интеллигенціи въ сильной степени, ограничиваетъ спросъ на ея рабочія силы и лишаетъ ее необходимѣйшихъ источниковъ ея матеріальнаго существованія. Но, быть можетъ, еще въ большей степени вредитъ правительству интеллигенціи косвенно, угнетая непосильнымъ бременемъ податей крестьянъ и удерживая ихъ въ крѣпостной зависимости по отношенію къ государству. Неимовѣрные государственные налоги, въ связи съ прикрѣпленіемъ къ землѣ и къ міру, всецѣло отдають крестьянъ въ руки жадныхъ и корыстолюбивыхъ мелкихъ деревенскихъ властей, ростовщиковъ и кулаковъ. А такъ какъ не только сельскіе, но и промышленные рабочіе рекрутируются все еще изъ этихъ разоренныхъ и безправныхъ слоевъ населенія, то безотрадное положеніе первыхъ дѣйствуетъ угнетающимъ и обезсиливющимъ образомъ на послѣднихъ — оно обезпечиваетъ русскимъ капиталистамъ колоссальный, подавляющій перевѣсъ силы надъ рабочими. Если припомнить при этомъ таможенную политику русскаго правительства, то не трудно будетъ понять, какимъ образомъ „соціальная политика“ правительства гарантируетъ капиталу огромные прибыли и отнимаетъ у капиталистовъ *личный интересъ* къ техническому и культурному прогрессу. Слишкомъ много у нихъ грубыхъ, первобытныхъ способовъ эксплуатаціи и самообогащенія, чтобы ощущать потребность въ такомъ прогрессѣ. Между тѣмъ, въ немъ именно и заключается одно изъ необходимѣйшихъ условій существованія „умственныхъ работниковъ“.

Надо указать еще на одно обстоятельство, ярко характеризующее противорѣчіе между абсолютизмомъ и экономическими и культурными потребностями націи. Отягощая крестьянство чрезмѣрными налогами, правительство тѣмъ самымъ отнимаетъ у земства экономическую возможность разрѣшать свои настоятельнѣйшія задачи и выполнять свои существеннѣйшія функціи. Существуетъ „избытокъ“ врачей, и въ тоже время ихъ недостаточно въ деревняхъ. Почему? Да потому, что у земствъ нѣтъ средствъ помочь горю. У насъ нѣтъ средствъ ни для устройства училищъ, ни для распространенія элементарныхъ агрономическихъ свѣдѣній, ни для введенія сколько-нибудь рациональныхъ методовъ въ сельское хозяйство. Потребность во всемъ этомъ крайне настоятельна и общепризнанна въ руководящихъ кругахъ землевладѣльцевъ, но правительство не оставляетъ ничего для земства въ карманахъ крестьянъ.

Нечего и говорить, что на почвѣ этого антагонизма между экономическими интересами интеллигенціи и абсолютизмомъ выросъ и развивается антагонизмъ идейнаго и нравственнаго характера. Добросовѣстное выполненіе профессиональныхъ функцій есть на Западѣ нѣчто само собою разумѣющееся и разсматривается, какъ простая обязанность каждаго, — у насъ же для этого требуется извѣстная доля идеализма, а иногда и гражданскаго мужества: порядочный профессоръ, гуманный врачъ, усердный учитель — въ глазахъ полиціи и реакціонеровъ — люди подозрительные. Основаніе общественныхъ учреждений и предпріятій, являющееся на Западѣ обыденнымъ проявленіемъ индивидуальной и общественной самодѣятельности, въ Россіи счтается культурнымъ подвигомъ, потому что, на самомъ дѣлѣ, надо много терпѣнія и самоотверженности, чтобы преодолѣть всѣ препятствія со стороны правительственныхъ органовъ всякимъ подобнымъ учрежденіямъ. Зато каждое дѣло подобнаго рода становится зародышемъ революціоннаго броженія.

И все-же всевластное правительство терпитъ интел-

инженцію и оставляетъ ей относительно широкое поле общественной дѣятельности. Почему? Отвѣтъ на это читатель можетъ найти въ брошюрѣ Каутскаго: „Антагонизмъ классовъ въ 1789 г.“ Но только все сказанное тамъ объ общественной роли и значеніи интеллигенціи во Франціи конца прошлаго вѣка еще гораздо болѣе примѣнимо къ современной Россіи, — соответственно ей значительно болѣе высокому промышленному развитію и еще гораздо болѣе высокой ступени интернациональнаго капитализма, въ атмосферѣ котораго живетъ капитализмъ русский.

Интеллигенція стала необходимымъ факторомъ общественной жизни; она заполняетъ всѣ поры высшаго общества, она вторгается всюду и — о, иронія! — государственная власть, сама бюрократія не могутъ обойтись безъ нея. Очень важно при этомъ то, что официальные общественные органы и само правительство довольно часто вынуждены прибѣгать къ услугамъ именно лучшихъ, наиболѣе идеально настроенныхъ элементовъ интеллигенціи. Особенно ярко выступаетъ паружу безусловная необходимость и значеніе этихъ элементовъ для общества и государства во время голода или эпидемій. Абсолютизмъ такъ же мало воленъ отдѣлаться отъ нихъ, какъ и отъ капитализма.

Но интеллигенція никоимъ образомъ не единственный привилегированный общественный слой, интересамъ котораго наноситъ ущербъ абсолютизмъ. Рядомъ съ нею стоитъ большой, экономически господствующій классъ, тоже чувствующій себя далеко не вольготно въ узкихъ рамкахъ абсолютной монархіи. Это — классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ общемъ совпадающій съ земельнымъ дворянствомъ. Въ то время какъ за нашей крупной промышленностью обезпеченъ огромный національный рынокъ, защищенный противъ иностранной конкуренціи высокими пошлинами, нашему отсталому сельскому хозяйству приходится вести тяжелую борьбу съ мощными соперниками на международномъ рынкѣ. Эти соперники гораздо лучше вооружены и опираются на

гораздо болѣе высокую національную культуру, чѣмъ русскіе землевладѣльцы. Этимъ послѣднимъ приходится, поэтому, изо дня въ день на собственной шкурѣ испытывать противорѣчіе, возникшее между новыми экономическими условіями существованія Россіи — результатомъ капиталистическаго развитія — и ея отсталой культурой и устарѣлыми правовыми отношеніями. Крупный землевладѣлецъ лично заинтересованъ въ гораздо болѣе быстромъ промышленномъ развитіи Россіи, чѣмъ оно совершается на самомъ дѣлѣ; потому что только такое развитіе освободитъ его отъ необходимости рыскать со своими товарами по всему бѣлу-свѣту. Еще болѣе, или по меньшей мѣрѣ, еще непосредственнѣе заинтересованъ онъ въ развитіи земледѣльческой техники и путей сообщенія, которые даютъ такой рѣшительный перевѣсъ его иностраннымъ конкурентамъ на аренѣ міроваго хозяйства. Но абсолютизмъ и полученная нами отъ докапиталистической эпохи въ наслѣдство некультурность, хозяйственная и финансовая политика правительства, произволь бюрократіи и безправіе народныхъ массъ — все это, какъ китайская стѣна, стоитъ поперекъ дороги дѣлу ускоренія хода нашего промышленнаго развитія и подъему сельскаго хозяйства. Прямо или косвенно, всѣ эти моменты задерживаютъ капиталистическій прогрессъ Россіи. Косвенно тѣмъ, что, благодаря имъ, нація и земля являются совершенно беззащитными объектами необузданной эксплуатаціи, разграбленія и ростовщическаго вымогательства со стороны капитала. Этимъ именно богатые и предприимчивые представители торгово-промышленной буржуазіи освобождаются отъ настоятельной необходимости дѣятельно способствовать подъему сельскаго хозяйства и даже прогрессу промышленности. Они скорѣе лично заинтересованы въ дальнѣйшемъ существованіи грубыхъ, отсталыхъ формъ капитализма, въ сохраненіи варварскихъ, но прибыльныхъ методовъ эксплуатаціи.

Разница въ экономическомъ положеніи и интересахъ нашихъ помѣщиковъ, съ одной стороны, и капиталистич-

ческих элементов буржуазии, — съ другой, ясно отражается и въ дѣятельности нашихъ органовъ самоуправления. По сразненію съ плутократическими думами, земства въ своихъ совѣщаніяхъ, мѣропріятіяхъ и преніяхъ являются прогрессивными и даже демократическими. Поэтому-то реакціонеры и кричатъ, что земства суть легальныя организаціи для „подкапыванія основъ“. Дѣйствительно, земства въ своихъ адресахъ и петиціяхъ неоднократно проявляли конституціонныя возжеланія.

Такимъ образомъ, взаимное положеніе классовъ оказывается какъ разъ обратнымъ тому, какимъ оно было во Франціи и въ Германіи въ соответствующія эпохи. Тамъ оппозиція противъ монархіи разгорѣлась на почвѣ *общаго антагонизма* народныхъ массъ, интеллигенціи и торгово-промышленныхъ классовъ противъ привилегированныхъ сословій. Въ Россіи же, въ которой нѣтъ такихъ сильныхъ сословій, почвой, на которой зарождается столкновеніе между капиталистическимъ развитіемъ и абсолютизмомъ, является общая ненависть земельного дворянства, интеллигенціи и пролетаризованныхъ народныхъ массъ къ экономически господствующему классу капиталистовъ.

Впрочемъ, эти замѣчанія должны быть ограничены въ томъ смыслѣ, что сословный антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками продолжаетъ существовать и что часть послѣднихъ ищетъ своего спасенія въ милостяхъ царскихъ. Но руководящая роль въ этомъ сословіи все же принадлежитъ, главнымъ образомъ, наиболѣе дальновиднымъ и прогрессивнымъ его элементамъ, проникнутымъ духомъ современнаго капитализма. Они обыкновенно руководятъ земствами и направляютъ земскую политику по отношенію къ правительству и народу.

Итакъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, утвержденіе объ отсутствіи у насъ принципіальнаго антагонизма между высшими классами и правительствомъ оказывается ложнымъ. Въ основѣ его лежитъ, правда, тотъ фактъ, что наши промышленники и коммерсанты живутъ еще въ мирѣ съ правительствомъ и вообще полп-

тически индифферентны. Между тѣмъ, именно о „промышленныхъ и торговыхъ классахъ“ Марксъ писалъ, что „настоящее революціонное движеніе въ Германіи началось съ ихъ переходомъ въ оппозицію“*). Но, во-первыхъ, противно самымъ элементарнымъ представленіямъ о движеніи общества, предполагать, будто теперешнее отношеніе господствующихъ слоевъ буржуазіи къ правительству навсегда останется такимъ и не подвержено вліянію новыхъ условий. Именно, дальнѣйшія, все болѣе и болѣе усиливающіяся проявленія потребностей и стремленій оппозиціонныхъ, враждебныхъ капиталистической буржуазіи классовъ и сословій должны вызвать въ недалекомъ будущемъ столкновеніе между нею и правительствомъ. Можно сказать даже, что смѣшеніе въ одну безразличную консервативную кучу всѣхъ капиталистическихъ элементовъ и теперь уже далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Но затѣмъ, самъ собою навязывается вопросъ: отчего бы совместному выступленію интеллигенціи и вліятельныхъ землевладѣльческихъ элементовъ въ качествѣ оппозиціи не имѣть никакого значенія, въ то время какъ оппозиція эксплуататорскихъ слоевъ буржуазіи имѣла въ Германіи значеніе рѣшающее. Въ Германіи торгово-промышленный классъ боролся, въ интересахъ національнаго развитія капитала, — противъ дворянства, въ Россіи передовые элементы дворянства и интеллигенціи борются тоже за національные интересы и потребности капиталистическаго прогресса, но именно *противъ* названнаго класса, т. е. противъ заправскаго соціального представителя капитализма. Конечно, это довольно своеобразное явленіе. Но оно во всякомъ случаѣ не ослабляетъ значенія того факта, что и у насъ, какъ на Западѣ, движущей силой оппозиціи противъ абсолютизма является капиталистическое развитіе, а цѣлью его — удаленіе всѣхъ преградъ съ пути этого развитія. Если торгово-промышленный классъ экономически сильнѣе и

*) Революція и контръ-революція, стр. 16-17.

играетъ въ экономической жизни страны большую роль, то это до известной степени уравнивается руководящей и организаторской ролью въ обществѣ, выпадающей на долю нашихъ либерально-оппозиціонныхъ элементовъ — именно благодаря капиталистическому развитію. Въ качествѣ представителей образованія, выполняя при этомъ важнѣйшія общественныя, а частью и государственныя функціи, они являются головой націи, которая, при нынѣшнемъ уровнѣ экономического развитія Россіи, также не можетъ обходиться безъ нея, какъ отдѣльный индивидуумъ безъ мозга. Такое положеніе нашей интеллигенціи и крупныхъ землевладѣльцевъ дѣлаетъ возможнымъ для нихъ находить средства, чтобы систематически подкапывать нашъ государственный строй такъ-сказать, изнутри.

Поднятіе и усиленіе общественной инициативы и самоуправленія на счетъ бюрократіи, укрѣпленіе и обезпеченіе „законности“ въ ущербъ административному произволу, наконецъ, введеніе всеобщаго элементарнаго образованія — вотъ кардинальныя пункты, вокругъ которыхъ вращается дѣятельность нашей легальной оппозиціи, на которыхъ концентрируются ея стремленія и требованія и въ которыхъ они рѣзче всего проявляются. Поводы и формы, въ которыхъ эти стремленія выражаются, весьма разнообразны. А каждый успѣхъ на этомъ поприщѣ равносиленъ, если можно такъ выразиться, вращенію въ русское національное тѣло учреждений, привычекъ, отношеній и запросовъ, стоящихъ въ принципиальномъ противорѣчіи къ абсолютизму и практически отрицающихъ его право на существованіе.

Само собою разумѣется, что либеральныя стремленія нашихъ высшихъ сословій могутъ проявляться лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ, путемъ большихъ усилій, и что правительственные органы стараются ставить имъ препятствія и заграждаютъ имъ путь на каждомъ шагѣ. Но если одни „государственные мужа“ относятся къ либерализму враждебно и недоброжелательно, то другіе изъ нихъ придерживаются противоположной по-

литякв. Непосредственный переходъ Россіи отъ патурально-хозяйственной изолпрованности къ промышленному капитализму, совернившійся подъ давлениемъ несравненно болѣе развитого Запада, поставилъ царскую Россію въ положеніе, къ которому она нисколько не была подготовлена. Возникло колоссальное несоотвѣтствіе между отсталыми техническими, культурными и соціально-политическими средствами, унаслѣдованными отъ *старой Россіи*, и новыми, непрерывно растущими національными потребностями, интересами и задачами. Это-то и заставляетъ правительство дѣлать уступки безсильному либерализму, — не смотря на свою подавляющую силу.

Какъ ни силенъ страхъ правительства передъ общественною самодѣятельностью и народнымъ образованіемъ, — оно все же капитулируетъ и тутъ передъ либеральными элементами, конечно, съ величайшей неохотой. Новая хозяйственная условія существованія и порождаемая ими сложная борьба интересовъ, отношеній и потребностей служатъ все болѣе и болѣе растущимъ источникомъ ослабленія царско-бюрократическаго всемогущества и усиленія политически безсильнаго общества по отношенію къ абсолютизму.

Словомъ, подъ давлениемъ отечественнаго и интернаціональнаго капитализма въ русской національный организмъ проникаютъ и виѣдряются тамъ нѣкоторые соціально-политическія бациллы, клѣткн-элементы западнаго государственнаго строя. Мѣрзя западно-европейской мѣркой, весь вышеуказанный прогрессъ кажется совершенно лишеннымъ политическаго значенія и далеко недостаточнымъ, чтобы вызвать паденіе абсолютизма въ ближайшемъ будущемъ. Дѣйствительно, при обычныхъ условіяхъ онъ не въ состояніи былъ бы привести къ такому перевороту, еслибы дѣйствіе его не распространялось за тѣсныя границы высшихъ сословій. Имѣя въ виду лишь эти сословія, можно было бы даже скорѣе сказать, что уступки правительства скорѣе ослабляютъ оппозицію, усиливая недовольство однихъ и

затрудняя или замедля пробужденіе его въ средѣ другихъ имущихъ классовъ. Но постепенное проникновеніе культурныхъ и общественныхъ элементовъ въ русскую жизнь создаетъ почву и орудіи для *политическаго* пробужденія пролетаріата уже въ тискахъ абсолютизма. Въ этомъ-то и лежитъ революціонное значеніе и центръ тяжести, съ формальной, внѣшней стороны, политически совершенно невинныхъ усилій нашего либерализма преобразовать русскую дѣйствительность въ духъ своихъ стремленій.

II.

По сравненію со средствами, которыми располагаетъ западно-европейскій пролетаріатъ, элементы русской жизни, способствующіе его развитію, такъ незначительны, что съ перваго взгляда они могутъ показаться лишними всякаго значенія. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ иначе. Только не надо упускать изъ виду принципиальнаго различія между Россіей и Западомъ, какъ въ отношеніяхъ буржуазныхъ классовъ къ существующему социально-политическому строю, такъ и въ обоюдныхъ политическихъ отношеніяхъ ихъ съ пролетаріатомъ.

Въ то время какъ на Западѣ современное буржуазное общество хозяйничаетъ на почвѣ имъ самимъ созданнаго социально-политическаго строя, живетъ въ собственномъ государственномъ зданіи, въ Россіи оно все еще носитъ оковы, нѣсколько подновленной, но все же докапиталистической государственной организаціи и даже не смѣетъ открыто стремиться къ устройству вполне соответствующей его интересамъ и вкусамъ обстановки. Поэтому, западно-европейская буржуазія, даже свободомыслящая или радикальная — антиреволюціонна во всѣхъ отношеніяхъ. Въ лучшемъ случаѣ она согласна тамъ и сямъ исправить, заплатать то или другое. Но прежде всего она преисполнена заботы о предупрежденіи великаго переворота. Этимъ духомъ вражды ко всему революціонному проникнуты всѣ общественныя

учрежденія и всѣ проявленія соціальной самодѣятельности высшихъ классовъ на Западѣ, начиная съ органовъ самоуправленія и учреждений благотворительнаго характера и кончая прессой и университетами, съ литературой и наукой во главѣ. Въ Россіи же, гдѣ всякій шагъ впередъ въ сферѣ общественной самодѣятельности стоптъ въ принципиальномъ противорѣчій съ государственнымъ порядкомъ, имѣетъ мѣсто обратное явленіе: даже самые умѣренные и осторожные изъ представителей нашего либерализма не свободны отъ „превратныхъ тенденцій“. А русскій пролетаріатъ, съ своей стороны, не можетъ, на настоящей ступени развитія Россіи, идти въ своихъ *непосредственныхъ* практическихъ стремленіяхъ дальше радикально-демократическаго либерализма. О завоеваніи политической власти пролетаріатомъ для себя или о реформѣ буржуазнаго общества подъ знаменемъ социализма у насъ пока не можетъ и рѣчи быть.

Итакъ, для принципиальнаго политическаго антагонизма между нашимъ пролетаріатомъ и либеральной буржуазіей историческая почва еще не подготовлена; напротивъ, ихъ обоюдное историческое положеніе навязываетъ имъ общую цѣль и принуждаетъ ихъ къ энергичной, постоянной взаимопомощи. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ своихъ старшихъ братьевъ на Западѣ, русскій пролетаріатъ находитъ въ кругу самихъ представителей буржуазнаго общества точку опоры и поддержку для своего революціоннаго развитія. Вѣдь оно само еще только нарождается на свѣтъ и по существу проникнуто революціоннымъ духомъ почти во всѣхъ своихъ жизненныхъ проявленіяхъ. Какъ ни политически невинна на первый взглядъ общественная дѣятельность нашихъ либераловъ, она все же по своимъ тенденціямъ враждебна существующему строю и подкапываетъ современный государственный порядокъ. Вотъ почему такая, политически невинная, область дѣятельности русскихъ либераловъ, какъ народное образованіе и просвѣщеніе, служитъ источникомъ разныхъ ипудль-

совъ къ революціонному броженію. Своей дѣятельностью въ этой и аналогичныхъ областяхъ либералы наши изо дня въ день иллюстрируютъ фактами непримиримое противорѣчіе, существующее между абсолютизмомъ и народными нуждами. Знакома народъ съ вопіющими фактами нашей жизни, они открываютъ ему глаза на несовмѣстимость царскаго абсолютизма съ его интересами и показываютъ его ему во всей его отвратительной наготѣ.

Такимъ-то образомъ, не политическое, вполне легальное, просвѣтительное культурничество становится непзякаемымъ источникомъ политическаго броженія — сперва въ интеллигентныхъ кругахъ, а потомъ и въ народныхъ массахъ. Уже встрѣчаются факты непосредственныхъ конфликтовъ народа съ властями вслѣдствіе закрытія школъ и библиотекъ или затрудненій къ ихъ основанію.

Но прогрессъ элементарнаго образованія есть вѣдь одно изъ условій и одинъ изъ мостовъ для установленія интеллектуальной связи между высшими классами и интеллигентной, идеологической буржуазіей. Благодаря этому прогрессу, съ каждымъ днемъ расширяется и демократизируется кругъ читателей свободомыслящей прессы, которая начинаетъ проникать во все большіе и большіе размѣрахъ на фабрики и даже въ заолустныя деревни.

Въ прессѣ читатель изъ народа находитъ цѣлый резервуаръ накопившагося въ буржуазныхъ оппозиціонныхъ кругахъ недовольства и распространенныхъ въ нихъ средѣ „превратныхъ“ стремленій и желаній. Газеты приносятъ отчеты и свѣдѣнія о жизни націи, ушедшихъ впередъ, описаніе ихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, — и все это сопровождается критическими примѣчаніями объ отечественныхъ порядкахъ. Словомъ, газеты даютъ грамотнымъ читателямъ толчки, если не къ насильственному испроверженію режима, то, по крайней мѣрѣ, къ пытливому исканію средствъ для такого низверженія.

Но интеллигенція не можетъ остановиться въ самомъ началѣ пути своей революціонной народно-просвѣтительной дѣятельности. Обстоятельства не позволяютъ ей ограничиться лишь подготовительной работой въ области революціонизированія народныхъ массъ; они заставляютъ демократическую часть интеллигенціи идти гораздо дальше простого обученія и просвѣщенія народа. И прежде всего толкаетъ ее въ этомъ направленіи *политическая* слабость русскаго либерализма.

Фактъ совершенной невозможности для русскаго либерализма добиться господства безъ поддержки высшихъ классовъ отнюдь не представляетъ собою новаго явленія въ исторіи. О Франціи стараго режима Каутскій говоритъ: „Все яснѣе и яснѣе становилось, что конецъ господству двора и привилегированныхъ классовъ могутъ положить только крестьяне и бѣдные горожане, т. е. народъ“. Но этотъ „рычагъ“ пришелъ въ движеніе лишь послѣ того, какъ высшіе классы уже принудили абсолютизмъ къ капитуляціи, да и выступилъ-то народъ на историческую арену, не какъ сознательная, руководимая ясною цѣлью сила, а какъ сила элементарная, толкаемая впередъ извнѣ необычайными событіями. Русскій же либерализмъ, наоборотъ, лишенъ пока возможности найти себѣ достаточную поддержку въ низшихъ *массахъ*, чтобы заставитьъ правительство вступить на путь серьезныхъ политическихъ уступокъ.

Но тѣмъ болѣе шансовъ на успѣхъ имѣетъ планомерное сознательное революціонное движеніе среди народа. Такое движеніе въ чрезвычайной степени увеличило бы силы либерализма, и притомъ не только прямо, но и косвенно, такъ какъ неизбежно вызвало бы къ жизни дремлющій антагонизмъ между правительствомъ и капиталистами, породило бы между ними разные конфликты и толкнуло бы, такимъ образомъ, „промышленные и торговые классы“ въ лагерь либеральной оппозиціи.

Политическое безсиліе русскаго либерализма коренится въ двухъ, тѣсно между собою связанныхъ, обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ отсутствіи „историческихъ со-

словій“ съ наслѣдственными средствами самообороны противъ короны и непривилегированныхъ классовъ, вторыхъ, въ относительной солидарности царизма съ торгово-промышленной буржуазіей. Какъ извѣстно, во Франціи зданіе абсолютизма выведено было изъ устойчиваго равновѣсія именно упорнымъ противодѣйствіемъ привилегированныхъ сословій, и они же своей борьбой съ правительствомъ пробудили революціонныя страсти не только въ пролетаріатѣ, но и въ самой буржуазіи. Въ Россіи же нѣтъ такого историческаго двигателя. Докапиталистическая эпоха не завѣщала намъ никакого привилегированнаго сословія съ исторически упроченнымъ положеніемъ и достаточными средствами самозащиты противъ короны и буржуазіи. А новѣйшая эволюція, съ своей стороны, не мало способствовала еще большому ослабленію силы сопротивленія дворянства, раздѣливъ его на два антагонистическіе лагеря: на передовой и болѣе или менѣе реакціонный. Но реакціонное крыло дворянства состоитъ изъ элементовъ, стоящихъ ниже въ культурномъ отношеніи и идущихъ на встрѣчу разоренію; они стараются протянуть свое существованіе крохами и подачками съ царскаго стола. Элементы эти не въ состояніи проводить послѣдовательно реакціонную политику, въ общемъ они колеблются между противоположными полюсами сословныхъ вождѣлній и либеральныхъ вліяній. Руководство классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ общемъ, принадлежитъ все-таки лицамъ, склоняющимся на сторону экономическаго, культурнаго и политическаго прогресса.

Нашей капиталистической буржуазіи нечего, слѣдовательно, бояться какихъ-нибудь „историческихъ“ соперниковъ. Отсутствіе у насъ историческихъ тормазовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе на Западѣ капитализмъ встрѣчалъ въ началѣ своего жизненнаго пути, облегчило нашей государственной власти задачу обращенія государства и его политики въ орудіе усиленнаго капиталистическаго развитія. Русскіе самодержцы оказались въ очень завидномъ, съ точки зрѣнія монархической, положеніи: они имѣли

возможность проводить сравнительно широкія реформы въ пользу находившагося еще въ колыбели класса капиталистовъ, не рискуя при этомъ натолкнуться на упрямую оппозицію со стороны реакціонныхъ элементовъ и не опасаясь вызывать къ жизни сложные, трудно улаживаемые конфликты между привилегированнымъ „третьимъ сословіемъ“. А въ результатѣ этого получается то, что даже промышленная буржуазія чувствуетъ себя недурно подъ опекой абсолютизма: извлекая огромные барыши изъ сохранившагося въ русской жизни социально-политическаго варварства, она въ тоже время не испытываетъ чувствительнымъ образомъ на собственной спинѣ мерзостей этого варварства. И такъ какъ правительство въ своей политикѣ угожденія капиталистической буржуазіи не утратило еще своей эластичности, то капиталисты могутъ до поры до времени спокойно пребывать въ своей вѣрнопопуданнической преданности и по прежнему чуждаться всякаго либерализма.

Итакъ, историческое положеніе высшихъ сословій и классовъ препятствуетъ выступленію у насъ на сцену *энергичной, легальной* оппозиціи, — какъ реакціонной, такъ и прогрессивной. Это обстоятельство служитъ одной изъ наиболѣе сильныхъ двигательныхъ пружинъ, толкающихъ свободомыслящую часть нашей буржуазіи и интеллигентныхъ помѣщиковъ на путь распространенія народнаго образованія и демократизированія органовъ самоуправленія.

Вмѣсто того, чтобы хвататься за устарѣвшія прерогативы и сословныя учрежденія, недѣйствительныя, даже прямо негодныя, какъ опора и орудіе борьбы съ престоломъ, болѣе дальновидные представители дворянства предпочитаютъ принимать участіе въ развитіи силъ народа, работая вмѣстѣ съ буржуазной интеллигенціей надъ дальнѣйшимъ развитіемъ органовъ самоуправления въ демократическомъ смыслѣ и надъ распространеніемъ образованія въ массахъ.

Не надо полагать, однако, что вся масса либераловъ ясно сознаетъ политическій смыслъ своей дѣятельности.

Но въ какой бы субъективной окраскѣ ни представлялись тому или другому изъ нихъ „народолюбивыя“ стремленія его товарищей, это не мѣняетъ объективной важности того факта, что отсутствіе надежной политической опоры въ имущихъ массахъ заставляетъ ихъ наиболѣе образованныхъ, въ разнообразныхъ сферахъ общественной жизни наиболѣе дѣятельныхъ представителей искать такой точки опоры въ *народныхъ* массахъ.

Но путь, по которому либеральные элементы движутся къ этой цѣли, слишкомъ дологъ и, поэтому, не приходится по вкусу болѣе молодой и радикальной части интеллигенціи. Средства, употребляемыя либералами, и достигнутые ими непосредственные осязательные результаты содержатъ въ себѣ, правда, революціонную силу, но лишь въ скрытомъ состояніи, изъ котораго ее еще нужно превратить въ живую энергію. Для этой исторической роли какъ бы предназначены полупролетаріи и пролетаріи интеллигенціи, учащая молодежь и вообще наиболѣе темпераментные и наиболѣе демократическіе элементы интеллигенціи.

Этимъ элементамъ высшихъ сословій абсолютизмъ невыносимъ вдвойнѣ: съ одной стороны, онъ своимъ варварствомъ развиваетъ въ нихъ идеализмъ и доводитъ его до высокой степени напряженія, — онъ, съ другой стороны, въ то же время загораживаетъ этому идеализму всѣ пути для проявленія въ легальныхъ формахъ. Для этихъ сравнительно широкихъ круговъ буржуазіи путь такъ-называемаго мирнаго, органическаго прогресса прямо невозможенъ.

И либеральные элементы далеко не очарованы своей тихой, кротоподобной работой подкапыванія и подтачиванія устоевъ. И они чувствуютъ себя отвратительно подъ давленіемъ тяжелой руки бюрократіи и хотѣли бы освободиться отъ нея чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но либеральные помѣщики и хорошо оплачиваемые редакторы „уважаемыхъ“ газетъ склонны резонировать, что нельзя-де пробить лбомъ стѣну. На что радикально-демократическая интеллигенція имъ заявляетъ: „Мы

никогда не удовлетворимся и не желаемъ удовлетвориться вашимъ черепашинымъ прогрессомъ. Ваше смиреніе безнравственно. Источникъ его — трусость и эгоистическій страхъ за ваши личные интересы. Нашъ же лозунгъ гласитъ: безстрашная, безпощадная война съ властью имущими, война не на животь, а на смерть. А такъ какъ нашихъ силъ не хватаетъ, то мы призовемъ угнетенныя рабочія массы на революціонную арену и научимъ ихъ бороться съ угнетающимъ ихъ общественнымъ строемъ и вооружимъ ихъ къ этой борьбѣ!“

Голая дѣйствительность, бросающаяся въ глаза, съ своей стороны, указываетъ революціонной интеллигенціи на промышленный пролетаріатъ, какъ на классъ народа, общающій наибольшіхъ успѣховъ дѣлу организаціи народно-революціоннаго движенія.

Этотъ классъ живетъ большими массами именно въ центрахъ интеллигентной и общественной жизни, гдѣ находятся и важнѣйшіе правительственные органы, и гдѣ приходится предпринять рѣшительную атаку противъ абсолютизма. Въ то время какъ крестьянство, въ своемъ варварскомъ невѣжествѣ и традиціонной вѣрности и преданности престолу, покорно переносятъ всѣ мерзости и низости своихъ угнетателей, городской пролетаріатъ смѣло поднимаетъ голову противъ своихъ эксплуататоровъ, борется съ ними и проявляетъ неутолимую жажду образованія и знанія. Словомъ, революціонная интеллигенція встрѣчаетъ въ большихъ городахъ классъ народа, наиболѣе воспримчивый къ ея интеллектуальному воздѣйствію, легко проникающійся революціонными идеями и способный на революціонную борьбу.

III.

Русскій пролетаріатъ еще очень молодъ и процессъ его обособленія отъ деревенскаго населенія еще далеко не завершенъ. Нашъ пролетаріатъ есть непосредственный продуктъ насильственнаго обезземеленія крестьянъ, начатаго въ широкихъ размѣрахъ ихъ „освобожденіемъ“

и продолжаемаго всею соціально-экономической политикой правительства.

Большая часть пролетариата принадлежит еще къ крестьянскому сословію, т. е. несетъ бремя податей, тяготѣющее надъ крестьянской землей, хотя и не привлекаетъ изъ нея для себя никакой пользы. Стоя въ хозяйственномъ отношеніи на городской почвѣ, эта часть нашего рабочаго класса, юридически, тѣмъ не менѣе связана съ крестьянствомъ, далеко не свободнымъ даже въ чисто гражданскомъ смыслѣ, такъ какъ находится въ крѣпостной зависимости отъ государства.

Кромѣ этихъ слоевъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, главнымъ образомъ, въ силу государственной принудительности, города наши переполнены настоящими крестьянскими массами, ведущими промежуточное существованіе: на половину они земледѣльцы и вмѣстѣ съ тѣмъ занимаются городскими промыслами. Массы эти набираются изъ крестьянъ, разоренныхъ и экспроприруемыхъ самымъ мучительнымъ образомъ соединенными усилиями бюрократіи, жадныхъ помѣщиковъ и хищныхъ кулаковъ. Изъ нихъ рекрутируется наша рабочая резервная армія, болѣе многочисленная, чѣмъ въ странахъ, стоящихъ во главѣ капиталистическаго прогресса. Давленіе ея на положеніе активной рабочей арміи также несравненно сильнѣе, чѣмъ въ этихъ странахъ. Въ Западной Европѣ масса безработныхъ состоитъ преимущественно изъ лицъ, временно или на всегда выброшенныхъ изъ дѣйствующей промышленной арміи. Они представляютъ собою непосредственный продуктъ поступательнаго движенія крупной промышленности, ея технического прогресса и колебаній въ сбытѣ. Колоссальный же избытокъ „рабочихъ рукъ“ въ Россіи является не столько результатомъ дѣйствія самостоятельныхъ, внутреннихъ силъ, присущихъ промышленному капитализму, сколько слѣдствіемъ фискальнаго гнета, условій освобожденія крестьянъ и ихъ безправнаго положенія. Само собою очевидно, что бродячія массы голоднаго народа, безъ правъ, безъ потребностей, въ го-

раздо большей степени должны дѣйствовать умиряющимъ и обезсиляющимъ образомъ на занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, чѣмъ безработные, которые, по своему прошлому, по своему духовному и культурному развитію, принадлежатъ къ промышленному пролетариату. Значительная часть нашего пролетариата стоитъ еще одной ногой въ болотѣ, въ которой задыхаются огромныя крестьянскія массы, да и весь нашъ рабочій классъ испытываетъ на себѣ дѣйствіе примитивныхъ условій жизни крестьянскаго населенія. Некультурность, хозяйственная и политическая дивость деревни, во многомъ превосходящая городскую, разореніе и обнищаніе крестьянъ, — все это пригнетаетъ и промышленное рабочее населеніе и обезпечиваетъ предпринимателямъ перевѣсъ силъ, далеко превосходящій ихъ собственныя силы. Это вредное вліяніе отсталыхъ условій существованія крестьянъ на положеніе рабочаго класса еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что русская промышленность обладаетъ почти единственно только внутреннимъ рынкомъ, который составляютъ, главнымъ образомъ, крестьяне, которые быстро нищаютъ; а на замѣну имъ не является другой классъ сельскихъ хозяевъ, болѣе приспособленный къ новымъ экономическимъ условіямъ. Процессъ образованія такого класса сильно замедляется абсолютнѣйшимъ режимомъ и его политикой. Правительство гонитъ цѣлыя милліоны крестьянъ на заработки во всѣ углы имперіи, и въ тоже время не даетъ промышленности развиваться достаточно, чтобы поглотить всѣ эти массы.

Итакъ, промышленный пролетариатъ въ Россіи жизненно заинтересованъ въ радикальномъ устранинн гнета и несправедливостей, тяготѣщихъ надъ сельскимъ населеніемъ. Но его непосредственнымъ врагомъ и эксплуататоромъ является все же предприниматель, интересы его и потребности концентрируются, главнымъ образомъ, на его отношеніяхъ къ промышленному капиталисту. Эти отношенія такъ же антагонистичны, какъ и на Западѣ; они проявляются съ такою же рѣзкостью

и ясностью, какъ и въ старыхъ капиталистическихъ странахъ. По своей технической основѣ и размѣрамъ, русскія крупнопромышленныя предпріятія стоятъ на высотѣ современной капиталистической индустріи. А въ мелкихъ предпріятіяхъ противоположность интересовъ рабочаго и предпринимателя обостряется подъ влияніемъ конкуренціи съ крупными промышленными заведеніями. Антагонизмъ этихъ классовъ не заслоняется ни общою ненавистью къ привилегированнымъ сословіямъ, ни унаслѣдованными отъ среднихъ вѣковъ цеховыми и другими подобными учрежденіями. Если въ Россіи и существуютъ такіе элементы докапиталистической эпохи, то они настолько жалки, что даже для городского пролетаріата нечувствительны. Истинно привилегированный классъ Россіи есть именно промышленная буржуазія, ведущая не призрачное, а весьма реальное существованіе, наслаждаясь жизнью и получая отличные барыши.

Эти два класса стоятъ другъ противъ друга, какъ два враждующихъ лагеря, раздѣленныхъ соціальной пропастью, черезъ которую не перекинуть моста никакой буржуазной идеологіи, даже самой краснорѣчивой и самой радикальной. Отсюда само собою ясно, что *массовое*, революціонное движеніе пролетаріата можетъ развиваться и окрѣпнуть лишь непосредственно на почвѣ этого антагонизма и стихійно порождаемыхъ имъ конфликтовъ. Для того чтобы революціонная интеллигенція всецѣло выполнила свою историческую миссію въ сферѣ революціонизированія пролетаріата, она должна, слѣдовательно, построить свою программу дѣйствія на основѣ антагонизма рабочаго класса къ предпринимателямъ. Другого выбора нѣтъ: надо или принципиально, со всей революціонной страстью и полной серьезностью стать на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата, или же остаться, по прежнему, въ изолированномъ положеніи, а слѣд., и политически безсильными.

Часть интеллигенціи, правда, небольшая, уже приняла рѣшеніе: но это лишь начало. Едва-ли можно сомнѣваться, что число лицъ изъ демократической интелли-

генціи, которая вступать на указанный путь, будетъ постоянно расти. Не говоря уже о необходимости для нашей демократической интеллигенціи заручиться поддержкой широкихъ массъ населенія, вѣдь большая часть нашей свободомыслящей буржуазіи сама настроена „антикапиталистически“ и на всевозможные лады громить капитализмъ. Тутъ происходитъ много комическаго. Я сомнѣваюсь, чтобы въ Россіи было много либераловъ, которые не обидѣлись бы, если бы ихъ назвали таковыми, а не социалистами. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: не только радикальные элементы интеллигенціи, но и наше либеральное общество, т. е. большинство свободомыслящихъ людей враждебно настроено по отношенію къ капиталистической буржуазіи.

По своимъ техническимъ средствамъ, крупная индустрія Россія вполне современна, но фундаментомъ ея служитъ отсталый социально-экономическій строй. Социальная почва, изъ которой она беретъ питательный матеріалъ, атмосфера, которою она дышетъ, — варварская и ближе всего подходитъ къ атмосферѣ, извѣстной на Западѣ подъ названіемъ эпохи первоначальнаго накопленія. Капиталистическіе слон чувствуютъ себя пока очень недурно въ этой атмосферѣ. Но пролетаріатъ крайне заинтересованъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе положить конецъ этому сочетанію варварства и новейшей дивизіаціи. Съ своей стороны, прогрессивная часть дворянства и люди свободныхъ профессій относятся къ „купечеству“, какъ къ воплощенію привилегированной безсовѣстной наживы и національному носителю восточнаго варварства. Поэтому, выступленіе революціоннаго пролетаріата противъ класса предпринимателей само по себѣ никоимъ образомъ не можетъ вызвать враждебнаго отношенія свободомыслящей буржуазіи. На ея отношеніе къ движенію пролетаріата рѣшающимъ образомъ можетъ повліять только общее его направленіе и характеръ, его практическія цѣли и тактика.

Невыгодно отразиться на отношеніяхъ образованнаго

общества къ рабочему движенію могли бы только двѣ крайности. Во-первыхъ, если бы это движеніе не вышло изъ колен частныхъ столкновений рабочихъ съ отдѣльными предпринимателями. Это лишило бы его всякаго политическаго интереса и вызвало бы равнодушіе къ нему въ постороннихъ общественныхъ кругахъ. Но, быть можетъ, еще хуже была бы другая крайность. Я имѣю въ виду тотъ случай, еслибы наше рабочее движеніе, увлеченное бакунистскими и бланкистскими теченіями, поставило бы свою непосредственной практической цѣлью анархическую или коммунистскую революцію. На практикѣ оно выразилось бы тогда въ беспорядочныхъ, легкомысленно вызываемыхъ стачкахъ, сопровождаемыхъ насиліями и покушеніями на жизнь капиталистовъ и правительственныхъ чиновниковъ, и силы пролетаріата были бы, такимъ образомъ, растраты напрасно, бесполезно, какъ для освободительной борьбы съ абсолютизмомъ, такъ и для интересовъ самого класса пролетаріевъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Что касается первой крайности, то отъ нея мы застрахованы нашимъ царскимъ режимомъ. А предохранить наше рабочее движеніе отъ вліянія бакунистовъ и бланкистовъ, есть прямая обязанность господствующихъ въ немъ социалдемократическихъ элементовъ.

Историческія возрѣнія социалдемократіи на общественныя условія эмпагнаціи пролетаріата даютъ руководящую нить для выработки программы дѣйствія, которая принципиально цѣлкомъ стояла бы на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата и въ тоже время не выходила бы за предѣлы реальныхъ условій достигнутой Россіей ступени буржуазно-капиталистическаго развитія. Нашъ пролетаріатъ начинаетъ свою историческую карьеру въ незрѣломъ, только еще образующемся буржуазномъ обществѣ, противорѣчія и страданія котораго являются не результатомъ разложенія, регресса, даже не результатомъ полнаго развитія, а скорѣе муками родовъ и болѣзнями дѣтства. А больше всего, конечно, страдаютъ отъ нихъ рабочіе и крестья-

яне. Поэтому, ближайшею цѣлью революціоннаго авангарда нашего пролетаріата является не уничтоженіе этого общества, а наоборотъ, завоеваніе для него возможно болѣе благоприятныхъ условій существованія и развитія. Чѣмъ энергичнѣе и сознательнѣе революціонеры изъ рабочаго класса будутъ добиваться этой цѣли, тѣмъ большую службу сослужатъ они и спеціальнымъ интересамъ своего класса.

Основное зло русск. капитализма заключается въ томъ, что, стоя одной ногой на высотахъ современнаго капиталистическаго производства, другой онъ увязаетъ еще въ болотѣ недавно умершей эпохи варварства и некультурности. Соціально-политическая почва, на которой онъ растетъ, культурная атмосфера, которая его окружаетъ, переполнены грубыми, исторически чуждыми ему элементами. Отсюда бѣдствій, наиболѣе жгучія страданія русскаго народа, жизнь котораго характеризуется прежде всего колоссальнымъ несоотвѣтствіемъ порождаемыхъ въ ней капитализмомъ потребностей, интересовъ и задачъ, съ одной стороны, и средствъ для ихъ удовлетворенія и ихъ рѣшенія, — съ другой. Главная проблема классовъ, наиболѣе отъ этого страдающихъ, состоитъ именно въ устраненіи этого внутренняго противорѣчія нашей національной жизни. А первый, абсолютно необходимый шагъ къ разрѣшенію ея есть низверженіе абсолютизма, который не даетъ простора для общественной самостоятельной инициативы и самопомощи.

Этимъ въ общихъ чертахъ намѣчается ближайшій этапъ и направленіе тактики нашего движенія. На долю его выпадаетъ историческая миссія сознательно служить рычагомъ, толкающимъ всѣхъ враговъ абсолютизма на организованную атаку противъ него. Оно должно стремиться къ тому, чтобы разрозненныя мелкія стычки ихъ съ нимъ превратились въ общереволюціонный походъ противъ царскаго самовластия. Авангардъ пролетаріата долженъ при этомъ систематически выступить, какъ передовой отрядъ демократіи вообще. Эта роль,

впрочемъ, выпадаетъ социальдемократіи и на Западѣ, особенно тамъ, гдѣ буржуазный либерализмъ увялъ преждевременно и остановился на половинѣ пути. Но включеніе въ программу западной социальдемократіи такъ-называемыхъ буржуазно-демократическихъ задачъ имѣетъ совсѣмъ другое принципиальное значеніе и другія практическія цѣли, чѣмъ въ Россіи съ ея абсолютизмомъ и незрѣлымъ капитализмомъ. Въ Западной Европѣ требованія эти потеряли свой буржуазный характеръ и стали фактически чисто пролетарскими, направленными противъ вполне сложившагося буржуазнаго общества. Въ Россіи же они имѣютъ цѣлью не разрушеніе нарождающагося буржуазнаго общества, а скорѣе ниспроверженіе его врага и угнетателя. Непосредственно они стремятся не къ завоеванію политической власти для пролетаріата, а лишь къ достиженію элементарныхъ гражданскихъ правъ. Подъ красной оболочкой радикально-соціалистическихъ постулатовъ скрывается скромное желаніе націи оградить личность отъ административнаго произвола и ограничить царскую власть. Словомъ, наша война подъ знаменемъ демократіи ведетъ непосредственно не къ господству пролетаріата, а къ такому строю, въ которомъ станетъ только возможной борьба его за это господство.

Отсюда сама собою вытекаетъ принципиальная разница въ тактикѣ социальдемократіи по отношенію къ либерализму у насъ и на Западѣ. Даже въ свободныхъ государствахъ отношеніе къ буржуазіи, какъ къ сплошной, одинаково „реакціонной массѣ“, шло бы въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Но извѣстный тактическій лозунгъ германской социальдемократіи имѣетъ въ основаніи своемъ все-таки реальную историческую подкладку, потому что, хотя и въ нѣсколько односторонней и преувеличенной формѣ, онъ все же выражаетъ фактическую вражду всѣхъ элементовъ буржуазіи противъ революціоннаго пролетаріата и приводитъ въ сознаніе вытекающую отсюда тактику послѣдняго по отношенію ко всѣмъ этимъ элементамъ. Въ Россіи же, гдѣ истори-

ческая почва для такого враждебнаго отношенія всей буржуазіи къ пролетаріату еще не созрѣла, такая тактика стояла бы въ рѣзкомъ противорѣчій съ реальнымъ положеніемъ этихъ классовъ и вытекающимъ изъ него ихъ взаимнымъ отношеніямъ. Она искусственно способствовала бы изолированію нашего рабочаго движенія въ то время, когда оно еще нуждается въ союзникахъ и во внѣшней помощи. На Западѣ революціонный авангардъ пролетаріата можетъ, конечно, подвигаться впередъ и одинъ, — даже наперекоръ соединеннымъ силамъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ — впрочемъ, только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Это для него возможно потому, что онъ имѣетъ дѣло съ пролетаріатомъ, уже поднятымъ до уровня высокой культурности предшествовавшимъ буржуазнымъ прогрессомъ, который въ то же время поставилъ его въ правовыя условія, дающія ему средства собственными силами идти къ намѣченной цѣли. Но въ Россіи, гдѣ пролетаріатъ находится еще только въ процессѣ выдѣленія изъ вѣками жившей въ рабствѣ и невѣжествѣ народной массы, онъ самъ стоитъ еще, въ массѣ своей, на слишкомъ низкой ступени культурнаго развитія, чтобы быть въ состояніи — уже въ желѣзныхъ тискахъ абсолютизма — возвыситься до роли сознательной революціонной силы, безъ прямой или косвенной помощи со стороны буржуазіи. Тактика, имѣющая историческое оправданіе на Западѣ, у насъ была бы утопичной и реакціонной. Утопичной потому, что она оставляла бы безъ вниманія одинъ изъ важнейшихъ факторовъ неуклоннаго роста этого движенія; реакціонной потому, что она ослабляла бы непосредственное практическое значеніе этого движенія и препятствовала бы установленію умственнаго взаимодѣйствія образованныхъ классовъ и народныхъ массъ.

Между тѣмъ, такое воздѣйствіе уже само по себѣ имѣетъ въ современной Россіи огромное прогрессивное значеніе, такъ какъ самый блѣдный либерализмъ любого интеллигента все же гораздо выше некультурнаго міровоззрѣнія этихъ массъ.

Положить въ основаніе нашей тактики принципиально-враждебное отношеніе ко всѣмъ слоямъ буржуазіи безразлично, значило бы совершить роковую ошибку въ оцѣнкѣ современнаго положенія пролетаріата и его внутреннихъ силъ къ самостоятельному политическому развитію въ настоящій моментъ. Я очень далекъ отъ мысли ослабить классовый характеръ нашего движенія и разбавлять его водой. Что народное движеніе въ Россіи можетъ принять значительные размѣры лишь на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата, — это лежитъ внѣ сомнѣнія. Но въ томъ-то и дѣло, что эти интересы обнимаютъ собою и интересы угнетенныхъ массъ крестьянства и просвѣщенной буржуазіи и даже вообще національные интересы капиталистическаго прогресса Россіи. Разъ убѣдившись въ этомъ, революціонные пионеры нашего рабочаго класса будутъ въ своей агитаціи и пропагандѣ подчеркивать общенациональную историческую миссію его въ современной Россіи и проводить ее въ сознаніе, какъ самого этого класса, такъ и всѣхъ тѣхъ буржуазныхъ слоевъ, которые всячески страдаютъ отъ варварства народныхъ массъ и господства абсолютизма. Даже чисто экономическія столкновенія рабочихъ съ предпринимателями даютъ довольно много поводовъ и зацѣпокъ для такой агитаціи. А еще больше поводовъ къ ней дадутъ непосредственныя столкновенія съ правительствомъ изъ-за стачекъ и на почвѣ стремленій рабочихъ къ образованію и организаціи. Разъ наше рабочее движеніе сознательно пойдетъ по этому пути, оно сдѣлается революціоннымъ носителемъ культурныхъ и политическихъ стремленій русской націи, приобрѣтетъ горячія симпатіи демократической интеллигенціи, приобрѣтетъ огромную притягательную силу по отношенію къ ней, — словомъ, пролетаріатъ станетъ, вмѣсто крестьянства, средоточіемъ ея идеальныхъ интересовъ, стремленій и надеждъ. А это дастъ ему возможность приобрѣсти вліяніе и на легальные органы общественной самодѣятельности, на земства, думы, печать, ученія общества и на разныя

общества культурно-просвѣтительнаго характера. Какими бы ни были непосредственно практическіе, осязательные результаты этого, важно было бы уже то, что въ Россіи эксплуатируемый, припѣженный классъ смогъ пріобрѣсти вліяніе и толкать впередъ официальные и легальные общественныя учрежденія, благодаря собственной планомѣрной дѣятельности. До сихъ поръ „крестьянскій вопросъ“ не переставалъ быть предметомъ обсужденія этихъ учреждений, крестьянство имѣло какъ бы привилегію быть специальнымъ объектомъ ихъ заботливости и народолубія. Но оно играетъ при этомъ роль пассивнаго, безпомощнаго существа, вызывающаго лишь чувство состраданія. Съ пріобрѣтеніемъ же пролетаріатомъ вліянія въ этихъ сферахъ, народолубіе оппозиціонной буржуазіи получитъ новую почву и существенно иной характеръ. Импульсы будутъ исходить изъ среды революціоннаго, борющагося народнаго класса и станутъ удобной почвой для постояннаго воздѣйствія и своего рода союза между организованнымъ авангардомъ этого класса и передовыми, свободомыслящими кругами буржуазіи.

Подведемъ итогъ вышесказанному.

Мы имѣемъ въ Россіи три общественныя слоя, наибѣе важныя, какъ элементы движенія:

1) Свободомыслищіе слои землевладѣльческаго сословія. Эти круги лишены политическаго значенія оттого, что принадлежатъ къ классу эксплуататоровъ, являющемуся въ то же время еще и привилегированнымъ сословіемъ, которое, однако, никогда не имѣло независимаго положенія по отношенію къ коронѣ и тѣмъ менѣе можетъ имѣть его теперь, когда находится въ полномъ упадкѣ; вѣдая сельскимъ массамъ частью ненависть, частью страхъ, земельное дворянство не имѣетъ значенія серьезнаго противника въ глазахъ капиталистической буржуазіи.

2) Представители либеральныхъ профессій и учащаяся молодежь, интеллигентная буржуазія, „интеллигенція“ вообще. Она политически слаба, во-первыхъ, потому

что не имѣетъ серьезной точки опоры въ экономически господствующихъ массахъ буржуазіи, а во-вторыхъ, потому, что сама распадается на разные слои, высшіе изъ которыхъ соприкасаются и даже сливаются съ капиталпстами и дворянствомъ, высшіе опускаются до уровня пролетаріата и частью чуть не находятся въ его рядахъ. Они не въ силахъ самостоятельно бороться съ абсолютизмомъ не только вслѣдствіе своей относительной малочисленности и оторванности отъ экономической жизни націи, но и потому, что не представляютъ изъ себя однородной массы и не могутъ выступать, какъ одно цѣлое.

3) Третьимъ элементомъ движенія является классъ промышленныхъ рабочихъ. По своей многочисленности и концентраціи въ городахъ, по роли своей въ національномъ производствѣ и элементарной силѣ, классъ этотъ, конечно, способенъ къ революціонной борьбѣ съ царскимъ режимомъ. Но пока, ему недостаетъ еще политическихъ знаній и опытности и какой-либо легальной почвы для коллективной дѣятельности. То и другое онъ можетъ приобрести съ помощью вышеназванныхъ слоевъ населенія, которые, въ свою очередь, только въ рабочемъ движеніи могутъ найти мощный рычагъ для веденія войны съ абсолютизмомъ въ широкихъ, національныхъ размѣрахъ. Въ то время, какъ болѣе молодая и демократическая часть интеллигенціи непосредственно отдаетъ свои знанія и силы на служеніе рабочему классу, „солидные“, высшіе круги образованнаго общества могутъ дѣйствовать въ томъ же направленіи косвенно, особенно въ области распространенія народнаго образованія и образовательныхъ средствъ. Слабые въ политическомъ отношеніи, эти элементы задаютъ, однако, тонъ и пользуются вліяніемъ въ сферахъ такъ-назыв. „общественной самодѣятельности“. Правда, онѣ довольно тѣсны, но онѣ все быстрѣе расширяются, да и въ теперешнихъ ихъ рамкахъ можно на пользу социальнаго-политическаго развитія пролетаріата тѣмъ больше дѣлать, чѣмъ сильнѣе будетъ созна-

тельное давленіе снизу, чѣмъ энергичнѣе и планомерно будутъ проявляться запросы пролетаріата на образованіе и на общественное вліяніе. Представители возникающаго социалъдемократическаго движенія должны позаботиться, чтобы это давленіе было какъ можно сильнѣе и чтобы оно проявлялось наиболѣе разумными путями.

Лица, оспаривающіе жизнеспособность этого движенія, обыкновенно ссылаются на примѣръ Западной Европы, гдѣ социалъдемократія возникла лишь на почвѣ конституціоннаго государства. Они судятъ о явленіяхъ и запросахъ русской жизни съ точки зрѣнія давно прошедшей эпохи. Они полагаютъ, что если во время господства абсолютизма во Франціи, Бельгіи и т. д., болѣе ста лѣтъ тому назадъ не было почвы для движенія пролетаріата, то его не можетъ быть и въ Россіи въ концѣ 19-го и началѣ 20-го в. Представители такихъ взглядовъ забываютъ, что въ тѣ времена для возникновенія рабочаго движенія не доставало не одной лишь конституціи, но и другихъ, столь же существенныхъ условій. Прежде всего, не существовало новѣйшаго промышленнаго рабочаго, съ самостоятельными интересами. Нельзя упускать изъ виду и того, что, хотя антагонизмъ между эксплуатируемыми массами и буржуазіей проявлялся, онъ былъ все-таки отгѣсненъ на второй планъ общими ей и имъ *сословнымъ* антагонизмомъ, враждой къ духовенству и дворянству и гнетомъ цеховой организаціи. И эксплуататоры, и эксплуатируемые принадлежали къ „гнетенному сословію“, чего нѣтъ въ современной Россіи. Но еще важнѣе слѣдующій моментъ.

„Буржуазные мыслители Франціи (уже не философы, а экономисты и политики) высказывались все народолюбивѣе, и не только по отношенію къ попамъ и дворянству, но и къ богатымъ вообще они становились все враждебнѣе и враждебнѣе. Даже антикапиталистическіи доктрины начали находить сочувствіе“. Такъ говоритъ Каутскій („Борьба классовъ въ 1789 г.“). Но какими

средствами могли располагать представители таких доктринъ въ прошломъ и даже въ началѣ нашего столѣтія, чтобы распространять свои воззрѣнія въ народныхъ массахъ? Въ спокойныя, мирныя времена, почти никакими. Въ современныхъ средствахъ сообщенія, образованія и пропаганды былъ полный недостатокъ. Народныя школы, библіотеки и читальни, публичныя лекціи, широко распространенныя газеты и, чтобы не забыть самаго главнаго, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфъ и современныя почтовые сообщенія, — всѣ эти рычаги умственного и политическаго развитія массъ суть явленія новыя и для Западной Европы. Они не существовали еще ко времени французской революціи и въ обыденное время народныя массы оставались чужды вліянію интеллигенціи и не получали никакихъ импульсовъ отъ идейнаго и политическаго броженія въ высшихъ классахъ.

Еще 50 лѣтъ тому назадъ — читаемъ мы въ „Революціи и контръ-революціи“ К. Маркса — „политическое знаніе въ Австріи доступно было лишь лицамъ, имѣвшимъ средства оплатить провозъ контрабандной литературы въ страну. Они принадлежали, главнымъ образомъ, къ торговымъ и промышленнымъ классамъ“. Въ Россіи же эти господа питаютъ самый ничтожный интересъ къ „политическому знанію“, за то тѣмъ болѣе жаждетъ его рабочій классъ. Около трехъ четвертей нелегальной литературы, ввозимой въ Россію и печатаемой въ ея предѣлахъ, предназначается для пролетаріата и имъ читается.

То, что въ „Коммунистическомъ Маннifestѣ“ говорится о Германіи 40-хъ гг., еще гораздо болѣе вѣрно для современной Россіи. Капиталистическая организація съ тѣхъ поръ сдѣлала невѣроятные успѣхи, какъ въ смыслѣ географическаго распространенія, такъ и въ степени своего развитія. Даже въ Россіи капитализмъ стоитъ на несравненно высшей ступени, чѣмъ въ Германіи наканунѣ послѣдней революціи. Все то, что было достигнуто капитализмомъ на Западѣ путемъ постепеннаго,

вѣкового развитія, упало, какъ зрѣлый плодъ, въ руки русскаго капитализма и служить съ самаго начала рычагомъ въ его поступательномъ движеніи. А въ результатѣ этого выходитъ то, что и борьба съ абсолютизмомъ можетъ и должна вестись у насъ средствами и силами, свойственными современнымъ западнымъ обществамъ.

Этимъ самъ собою устраняется упрекъ, дѣлаемый русской социалдемократіи въ томъ, что стремленіе ея вызвать въ самодержавной Россіи самостоятельное политическое движеніе пролетаріата заключаетъ въ себѣ внутреннее, неразрѣшимое противорѣчіе. Противорѣчіе это лишь кажущееся, такъ какъ капитализмъ, приближая общественныя, экономическія, культурныя и техническія условія существованія русской націи къ западно-европейскимъ, тѣмъ самымъ создаетъ уже на почвѣ абсолютизма необходимѣйшія предпосылки и факторы для политическаго движенія рабочаго класса. Игнорировать этотъ моментъ, значить совершать двойную ошибку. Во-первыхъ, такимъ образомъ сводится къ нулю все значеніе для политическаго развитія пролетаріата всѣхъ другихъ историческихъ силъ движенія, вызванныхъ къ жизни капитализмомъ. Во-вторыхъ, упускается совершенно изъ виду колоссальная разниа между современными задачами пролетаріата у насъ и на Западѣ. Борьба со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ требуетъ, конечно, несравненно больше силы, политической зрѣлости и организованности, чѣмъ борьба за его интересы, хотя бы она велась и съ специальной точки зрѣнія пролетаріата.

Какъ показываетъ заглавіе статьи, цѣль ея — доказать право на существованіе социалдемократіи въ современной Россіи. Но мнѣ кажется, что она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ и историческую *необходимость* ея существованія. Дѣло идетъ теперь не о томъ, слѣдуетъ ли вызвать движеніе пролетаріата въ Россіи или нѣтъ. На этотъ вопросъ отвѣтила утвердительно сама дѣйствительность. Движеніе возникло и будетъ развиваться,

какъ подъ давленіемъ элементарной силы антагонизма между рабочими и предпринимателями, такъ и подъ вліаніемъ революціонной интеллигенціи, которая, съ своей стороны, толкается элементарными силами къ возбужденію революціоннаго движенія въ пролетаріатѣ. Но само собою разумѣется, что историческое значеніе этого движенія, его непосредственное и отдаленное вліаніе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ яснѣе представители его будутъ сознать тѣсную связь классовыхъ интересовъ нашего пролетаріата съ интересами буржуазно-капиталистическаго развитія Россіи и чѣмъ лучше они сѣмѣютъ дать этой связи надлежащее выраженіе. Эта задача по силамъ только социальдемократіи. Поэтому, мы можемъ безъ преувелченій сказать, что ея существованіе въ самодержавной Россіи не только возможно, но и необходимо, какъ съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, такъ и съ болѣе ограниченной точки зрѣнія буржуазнаго прогресса.

II. Аксельродъ.

БОРЬБА „ПОЛЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ“ ПРОТИВЪ „ЕВРЕЙС- СНАГО РАБОЧАГО СОЮЗА“.

(Отъ „Всеобщаго Еврейскаго Раб. Союза въ Россіи и Польшѣ“)

„Такъ какъ въ Литвѣ живетъ пролетаріатъ, который не говоритъ по литовски, а соединенъ съ польскимъ пролетаріатомъ языкомъ и историческими традиціями; такъ какъ политическія и экономическія условія не требуютъ для этого пролетаріата особой организаціи, въ которую старается завлечь его группа, выступающая подъ названіемъ „Литовская Соціалдемократія“, то конгрессъ не видитъ смысла въ существованіи „Литовской Соціалдемократіи“; онъ предлагаетъ центральному рабочему комитету обратить особое вниманіе на пробужденіе политическаго сознанія въ этомъ пролетаріатѣ и постараться присоединить эту группу къ „Польской Соціалистической Партии“.

„Такъ какъ еврейскій пролетаріатъ можетъ имѣть задачи, общія задачамъ только того пролетаріата, только того народа, среди котораго онъ живетъ;

„Такъ какъ дѣятельность еврейскихъ группъ, подъ общимъ названіемъ „Общій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Россіи и Польшѣ“, носитъ вредный характеръ для движенія, потому что программная и организаціонная изолированность его часто ставитъ этотъ союзъ въ положеніе непріятеля по отношенію къ намъ, — то конгрессъ рѣшилъ, что политика эта невѣрна, что она не солидарна съ политикой польскаго и литовскаго пролетаріата въ его борьбѣ за освобожденіе отъ русскаго ига“.

*Резолюція 4-ю конгресси
„Польской Соціалистической Партии“.*

Недавно въ Варшавѣ состоялся 4-ый конгрессъ „Польской Соціалистической Партии“ (П. С. П.), отчетъ о которомъ появился въ официальномъ органѣ этой партіи, въ „Работникъ“ № 26. Мы были не мало удивлены, когда узнали изъ этого органа, что конгрессъ принялъ близко къ сердцу также и интересы еврейскаго пролетаріата и даже выразилъ готовность откликаться на его духовные запросы, и наше удивленіе вполне естественно. Вѣдѣмъ извѣстно, что представители П. С. П. на своихъ конгрессахъ всегда упрямо игнорировали еврейскихъ рабочихъ и всегда въ своихъ брошюрахъ обходили еврейскій вопросъ краснорѣчивѣйшимъ мол-

чаіемъ. Но пусть встаки П. С. П. не думаетъ, что мы на нее въ претензіи за подобное отношеніе къ еврейскому пролетаріату. Мы были увѣрены, что П. С. П. слишкомъ занята своими собственными дѣлами, и поэтому ей некогда интересоваться положеніемъ еврейскихъ рабочихъ, а тѣмъ болѣе — руководить ими въ ихъ борьбѣ. Наоборотъ, у насъ были товарищи, которые видѣли въ такой политикѣ П. С. П. извѣстный политическій тактъ и дальновидность... П. С. П. — думали они — находить, и совершенно вѣрно находить, что еврейскіе рабочіе сами гораздо лучше устроятъ свои дѣла, чѣмъ представители П. С. П., которые незнакомы ни съ жизнью, ни съ самыми насущными потребностями еврейскаго пролетаріата, и потому П. С. П., желая споспѣшествовать дѣлу, которое ей такъ дорого, даетъ евреямъ организоваться такъ, какъ они считаютъ для себя разумнѣе и лучше. Такъ думали многіе. Мы должны сознаться, что не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые были такого мнѣнія о дальновидности этой партіи. Мы считали это мнѣніе очень наивнымъ. Но какъ бы тамъ ни было, на 4-мъ конгрессѣ П. С. П. отказалась отъ старой политики, которой она до сихъ поръ держалась по отношенію къ еврейскому пролетаріату и приняла нѣсколько постановленій съ цѣлью повліять на самосознаніе еврейскаго пролетаріата. Мы считаемъ священною обязанностью отблагодарить ее за ея трогательную, почти отеческую заботливость о еврейскомъ пролетаріатѣ, что мы сейчасъ и сдѣлаемъ.

Прежде всего конгрессъ признаетъ полезность хорошей брошюры и единогласно выразилъ благодарность издателямъ этой брошюры, причемъ выразилъ также надежду, что товарищи, принадлежащіе къ „Еврейской Соціалистической Почтѣ въ Америкѣ и Польшѣ“ и впродъ будутъ помогать П. С. П. въ ея трудахъ для развитія самосознанія еврейскаго пролетаріата. А въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь объ этихъ „трудахъ“, такъ въ восторгъ приходишь! Слышали-ли вы, чтобы говорили о „трудахъ“, которые выразились въ изданіи одной, только одной брошюры? Знаете-ли вы эти „труды“, о которыхъ столько говорятъ и которые требуютъ даже особаго разрѣшенія конгресса? Впрочемъ, это совершенно правильнымъ приемъ: безъ криковъ, этихъ „трудовъ“ навѣрно никто бы и не замѣтилъ. Однако, тотъ, кто знаетъ, что сдѣлала П. С. П. для еврейскаго пролетаріата, долженъ будетъ, не задумавшись, воскликнуть: „Конгрессъ своими криками о „трудахъ“ немножко хватилъ черезъ край“... Но оставимъ это. Пойдемъ дальше.

Далѣ конгрессъ постановилъ издавать заграницей неперіодическій (отъ времени до времени, какъ случится) листокъ и брошюры на жаргонѣ. Это великолѣпная идея; она вполне заслуживаетъ похвалы и признательности, и мы первые будемъ сердечно благодарны П. С. П. за ея труды по изданію листковъ и брошюръ. Но хорошее впечатлѣніе, которое производитъ это постановленіе — или вѣрнѣе, желаніе — сильно портится отъ словъ, поставленныхъ въ концѣ: *если найдутся литературныя силы*. Мы сильно опасаемся, чтобы постановленіе это не осталось одной изъ тѣхъ фразъ, которыя служатъ украшеніемъ протокола конгресса. И въ самомъ дѣлѣ. Не поставилъ же конгрессъ такого условія, когда говорилъ о литературѣ для поляковъ. Ясно, что удовлетвореніе еврейскаго пролетаріата въ его духовныхъ потребностяхъ для П. С. П. дѣло второстепенное. Это, такъ сказать, такое постановленіе, которое ни къ чему не обязываетъ; можно многое обѣщать, но можно также поставить выполненіе этихъ обѣщаній въ „независяція отъ П. С. П. условія“, такъ что при всякомъ случаѣ готово будетъ оправданіе и готова будетъ ссылка на „условія“, передъ которыми П. С. П. безсильна.

Пока говорилось о томъ, какъ позаботиться о духовномъ развитіи еврейскаго пролетаріата, все шло хорошо. Правда, конгрессъ нѣсколько преувеличилъ заслуги п. с. п. въ успѣхахъ еврейскаго рабочаго движенія; правда, онъ давалъ обѣщанія, которыхъ п. с. п. никогда не выполнитъ. Но это все мелочи... Въ обсужденіи вышеозначенныхъ вопросовъ конгрессъ держалъ себя благородно: онъ удерживался отъ угрозъ другимъ революціоннымъ группамъ. Но какъ только конгрессъ перешелъ къ вопросу о томъ, какъ должна п. с. п. держаться по отношенію къ тѣмъ революціоннымъ группамъ, которыя работаютъ съ нею рука объ руку въ Литвѣ и Польшѣ, декорация сразу перемѣнилась. Конгрессъ взбѣсился; его бѣшенство не знаетъ границъ; онъ мечетъ грома и молніи: „Литовскую Соціалъдемократію“ онъ предлагаетъ уничтожить съ корнемъ, „Еврейскій Союзъ“ — кричитъ онъ — „вредить общему движенію“. Но вдругъ, какъ настоящий деспотъ, онъ смятается, успокаивается и милостиво даруетъ жизнь третьей организаціи: „Группѣ Литовскихъ Революціонеровъ“. Причины такой милости, такого страшнаго гнѣва конгресса вполне понятны. Было время, — и можно сказать, не совсѣмъ еще давно, когда евреи и поляки, живущіе въ Литвѣ, не знали никакого рабочаго движенія. Тогда въ Литвѣ и Польшѣ господствовала п. с. п.; она властвовала неограниченно, не дѣля ни съ кѣмъ своей

власти. Но это золотое время уже миновало. Пока „партія“ пускала на вѣтеръ красивыя фразы, какъ напр., обѣщаніе покончить съ еврейскимъ вопросомъ (см. *Przedswit* 1894, № 5); пока она собиралась выполнять свои обѣщанія, евреи и литовцы, говорящіе по польски, стали въ ряды борющагося пролетаріата и создали независимыя отъ п. с. п. организаціи: „Литовскую Соціалъдемократію“ и „Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ“. П. с. п. подняла скандалъ: „отечество въ опасности!“ гремитъ она. И какъ могла она иначе отнестись? Въ странѣ, которая ей принадлежитъ, съ которой она связана историческими традиціями, на ея собственной территоріи выросли какіе-то союзы, которые осмѣливаются покушаться на ея всемогущество, на ея самодержавную власть. Не хальство-ли это? И если бы хоть это были настоящіе соціалистическіе союзы, какъ напр., п. с. и., а то вѣдь это такія группы, которыя себѣ еще совсѣмъ не выяснили цѣлей рабочаго движенія и „приняли направленіе, идущее въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса“. Такъ именно и сказано было въ постановленіи: они, т. е. союзы, приняли другое направленіе, потому что не выяснили себѣ настоящихъ цѣлей рабочаго движенія... Очевидно, п. с. п. получила монополію на правильное пониманіе цѣлей рабочаго движенія; только она одна имѣетъ въ рукахъ ключъ для настоящаго пониманія соціализма. А еврейскіе и литовскіе соціалъдемократы — откуда имъ это понять? Они не настоящіе соціалисты; и чтобы направить ихъ на путь истины, п. с. п. милостиво приглашаетъ ихъ послушать у нея лекцію о соціализмѣ. Претензіи эти настолько комичны, что о нихъ не стоитъ и говорить. Мы можемъ только указать читателю на нихъ, какъ на курьезъ, который доказываетъ, насколько партія эта ослѣплена своимъ собственнымъ величіемъ. Во всемъ остальномъ мы можемъ оставить ихъ безъ вниманія.

Пойдемъ, однако, дальше. Мы уже знаемъ, что конгрессъ, объявивъ войну „Еврейскому Союзу“ и „Литовской Соціалъдемократіи“, милостиво обошелся съ „Группой Литовскихъ Революціонеровъ“, т. е. съ той группой, которая ведетъ свою агитацію на литовскомъ языкѣ. Ей разрѣшено имѣть особую, независимую организацію; центральному комитету приказано вступить съ ней въ самыя близкія сношенія. Конгрессъ не дастъ себѣ труда раззнать, что это за группа и какія ея стремленія и цѣли, защищаетъ-ли она интересы буржуазіи или — пролетаріата. Все это какъ будто его совсѣмъ не касается. Одно только условіе ставитъ онъ ей: не возбуждать ненависти къ польской націи. Конгрессъ,

однако, чувствовалъ, что одного этого условія — не возбуждать ненависти къ польской націи — еще мало, чтобы оправдать близкія сношенія социалистической партіи съ какой-то революціонной группой, программа и цѣли которой совершенно неизвѣстны, а потому онъ сѣштитъ прибавить, что всякое народное движеніе въ Литвѣ тѣмъ скорѣе перейдетъ въ классовое (тутъ, вѣрно, хотѣть сказать, рабочее движеніе), чѣмъ тѣснѣе будетъ его связь съ польскимъ социалистическимъ движеніемъ (само собою разумѣется, съ п. с. п.). Это объясненіе должно показать, что п. с. п. не отступаетъ отъ своихъ принциповъ. Вообще, какъ видно, п. с. п. очень высокаго мнѣнія о своихъ умственныхъ силахъ; она думаетъ, что ея идеи и никто не можетъ увернуться отъ этого вліянія, такъ что даже совершенно посторонняя партія можетъ, подъ вліяніемъ этихъ идей, какъ бы по волшебству, превратиться въ рабочую партію. И это насъ несколько не удивитъ, послѣ того какъ мы узнали, что въ п. с. п., какъ въ фокусѣ, концентрировались все лучи настоящаго социализма. Не смотря, однако, на эту глубокую вѣру въ необыкновенную силу своей проповѣди, конгрессъ всетаки не такъ ужъ увѣренъ, что революціонныя группы въ Литвѣ примутъ его предложенія съ распростертыми объятіями. Но литовцы могутъ еще подумать, что п. с. п. имѣетъ виды не только на Польшу, но и на Литву, что, получивъ власть въ свои руки, она захочетъ выполнить свои планы, и конгрессъ сѣштитъ успокоить литовцевъ; „наши принципы противны всякому стремленію къ захвату“, заявляетъ она. Не говоря уже о томъ, что форма ихъ заявленія напоминаетъ сильныхъ государей, которые успокаиваютъ слабыя націи, увѣряя ихъ, что ихъ независимость внѣ всякой опасности, — но это все мелочи. Намъ само заявленіе кажется страшнымъ. Насколько намъ извѣстно, ни одна партія не заявляла до сихъ поръ, что она не имѣетъ видовъ на захваты, а п. с. п. сочла почему-то нужнымъ сдѣлать это заявленіе. Это-то насъ и заставляетъ думать, что тутъ дѣло не совсѣмъ ладно. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, п. с. п. старается принять такое положеніе по отношенію къ другимъ организаціямъ, что она поневолѣ возбуждаетъ подозрѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, какъ поставила себя п. с. п. по отношенію къ группамъ, дѣйствующимъ въ Литвѣ? Одной она даруетъ жизнь; другой угрожаетъ; третью объявляетъ вредной рабочему движенію. То же отношеніе проглядываетъ во второмъ пунктѣ того контракта, который она заключаетъ съ будущей социалистической партіей въ Россіи. И тутъ она при-

держивается той же политики: „Русская партія — говоритъ она тамъ — обязывается не вступать безъ вѣдома и согласія п. с. п. въ сношенія съ какой бы то ни было революціонной организаціей въ Польшѣ и Литвѣ, кромѣ литовскихъ организацій“. Другими словами, Польша и Литва подпадаютъ подъ нашу (п. с. п.) власть, здѣсь мы хозяева, и группы, которыя работаютъ въ нашей странѣ, должны быть въ зависимости отъ насъ.

Не менѣе запутывается п. с. п. въ противорѣчіяхъ, мотивируя свое отношеніе къ „Литовской Соціалъдемократіи“ и къ „Еврейскому Рабочему Союзу“. „Литовская Соціалъдемократія“ стремится организовать литовскихъ рабочихъ *вообще*, т. е. даже тѣхъ, которые говорятъ по польски. Но тѣ, которые „связаны съ польскимъ пролетаріатомъ общностью языка и историческихъ традицій“, должны бороться подъ общимъ знаменемъ, т. е. подъ знаменемъ п. с. п. Ясно, что великая рабочая группа, говорящая по польски и воспитанная на польскихъ историческихъ традиціяхъ, должна пристать къ организаціи п. с. п. и совершенно не имѣть нужды въ отдѣльной организаціи. Наоборотъ, тѣ рабочіе, которые не связаны съ поляками ни языкомъ, ни историческими традиціями, нуждаются въ особой организаціи, отдѣльной отъ п. с. п. Но съѣздъ не довольствуется этой мотивировкой, а приводитъ еще другую: онъ ссылается на экономическія и политическія условія (Литвы), требующія для пролетаріата, говорящаго по польски, отдѣльной отъ п. с. п. организаціи“. Здѣсь-то и начинается путаница. Во-первыхъ, обѣ части литовскаго пролетаріата, и говорящая и не говорящая по польски, живутъ при одинаковыхъ „экономическихъ и политическихъ условіяхъ“; во-вторыхъ, — и этого, надѣмся, не будетъ отрицать и сама п. с. п. — всѣ литовскіе рабочіе связаны между собой общностью историческихъ традицій, хотя бы уже по одному тому, что всѣ они живутъ на одной территоріи, нѣкогда бывшей независимымъ королевствомъ. Такимъ образомъ выходитъ, что литовскій пролетаріатъ дѣлится на двѣ части: на говорящую по польски и связанную польскими историческими традиціями и не говорящую по польски и польскихъ историческихъ традицій не имѣющую. Эти двѣ части, по мнѣнію п. с. п., должны имѣть различныя организаціи: часть, говорящая по литовски, должна принадлежать къ „Литовской революціонной организаціи“, а говорящая по польски — къ п. с. п. Съ другой же стороны выходитъ, что всѣ литовскіе рабочіе должны бороться подъ однимъ знаменемъ и принадлежать къ одной организаціи, такъ какъ они живутъ при однихъ и тѣхъ

же экономических и политических условий и связаны общностью исторических традиций. Как же тут выпутаться из противоречия? П. с. п. не остановилась бы даже перед самым рискованным логическим кюштукомъ.

Все это заставляет нас думать, что ссылка на польскія традиции и на разныя другія туманныя слова, приплетена съѣздомъ только для того, чтобы замаскировать необоснованность его заключенія, и что съѣздъ просто считаетъ различіе въ языкахъ достаточнымъ основаніемъ для устройства отдѣльной организаціи. Если это такъ, то почему-же еврейская рабочая организація считается вредной и подвергается всякаго рода нападкамъ? Евреи, иѣдь, говорятъ на особомъ языкѣ, на которомъ и ведется среди нихъ агитація; почему же для нихъ считается недозволеннымъ то, что позволяется литовцамъ, говорящимъ по литовски? Какъ бы предвидя подобный вопросъ, съѣздъ придумалъ ловкое объясненіе: еврейскіе рабочіе должны пристать къ организаціи п. с. п. потому, что „еврейскіе пролетаріи должны имѣть задачи, общія съ задачами пролетаріата того народа, среди котораго онѣ живутъ“, т. е. польскаго пролетаріата. Мотивировка въ высшей степени несостоятельная. Во-первыхъ, евреи живутъ не только среди поляковъ, но также и среди литовцевъ и русскихъ; во-вторыхъ, если даже допустить справедливость этого для польскихъ губерній, то это совершенно несправедливо по отношенію къ Литвѣ, такъ какъ тамъ, наоборотъ, литовцы, поляки и русскіе живутъ среди евреевъ, составляющихъ въ литовскихъ городахъ (а дѣло, въ данномъ случаѣ, идетъ исключительно о городскомъ пролетаріатѣ) большинство населенія. Такимъ образомъ, по мысли п. с. п. выходитъ, что еврейскій пролетаріатъ долженъ быть раздѣленъ на двѣ части: часть, живущая въ Польшѣ, должна пристать къ п. с. п., другая же, живущая въ Литвѣ, должна имѣть особую организацію, — очевидная нелѣпость, противорѣчающая, вдобавокъ, заключенію съѣзда, гласящему, что пролетаріи, живущіе въ Литвѣ и говорящіе по польски, должны пристать къ п. с. п., хотя бы они жили среди литовскаго населенія. Видно, у почтенныхъ членовъ конгресса не хватило изворотливости для приличнаго объясненія всей этой массы несообразностей, но тутъ явился на помощь ред. польскаго „Работника“ или, вѣрнѣе говоря, ея историкъ-чудотворецъ. Произведя соответствующее заклинаніе надъ исторіей, онъ рѣшилъ, что наиболѣе достигающимъ цѣли обвиненіемъ противъ „Еврейскаго Союза“ будетъ обвиненіе въ буржуазныхъ стремленіяхъ; и онъ энергично сталъ искать въ исторіи подтвержденія этого обвиненія.

Долго ломалъ онъ голову — и вдругъ, точно вантие снизошло на него: изъ мрака исторіи вдругъ выдвинулся и предсталъ передъ нимъ призракъ еврейской обособленности. Нашелъ! радостно воскликнулъ онъ, нашелъ то, чего я такъ страстно добивался! Вотъ онъ, этотъ вѣчный призракъ! Онъ еще не исчезъ, онъ и теперь появляется тамъ и сямъ, то подъ старымъ покровомъ религіозной и политической обособленности; то въ новомъ одѣяніи, подъ видомъ независимой организаціи еврейскаго пролетаріата. „Еврейскій Раб. Союзъ“ — родное дѣтище еврейской буржуазіи. Въ результатѣ всѣхъ этихъ глубокомысленныхъ соображеній явилась пресловутая статья „Къ еврейскому вопросу“, помѣщенная въ томъ же 26 № „Работника“, въ которомъ находится отчетъ съезда. Эта статья является какъ бы оправдательнымъ документомъ или, лучше сказать, комментариемъ къ рѣшенію, принятому относительно „Еврейскаго Союза“. Обратимся къ этой статьѣ.

Оставимъ въ сторонѣ ту часть статьи, въ которой трактуется отъ антисемитизмъ, — разсмотрѣніе ея не входитъ въ наши спеціальныя задачи; остановимся только на той части, въ которой авторъ пытается доказать, что отдѣльная еврейская организація является одной изъ формъ исторически разившейся еврейской обособленности. Гоненія, говоритъ онъ, которыя евреи терпѣли втеченіе многихъ столѣтій, вызвали въ нихъ вражду къ своимъ гонителямъ и способствовали ихъ объединенію; естественно, что евреи тѣснѣе сплотились другъ съ другомъ, чѣмъ другія націи, поставленныя въ лучшія соціальныя условія; не мѣло важнымъ факторомъ ихъ объединенія служило ихъ главное занятіе, торговля, которая тѣмъ прибыльнѣе, чѣмъ слабѣе внѣшняя конкуренція. Все это заставило евреевъ соединиться въ одну солидарную націю, совершенно обособленную отъ окружающихъ племенъ и гораздо тѣснѣе замкнутую, чѣмъ эти послѣднія. Въ настоящее же время, когда капитализмъ, въ силу естественно-историческаго процесса, дѣлитъ еврейскую націю на два класса, на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, еврейская солидарность наноситъ еврейскому пролетаріату большой вредъ, затемняя его классовое самосознаніе. Буржуазія еще и донинѣ имѣетъ большое вліяніе на еврейскихъ рабочихъ, и главной задачей этихъ послѣднихъ въ настоящее время должно быть полное отдѣленіе ихъ интересовъ отъ интересовъ еврейской буржуазіи, рѣзко разграничить ихъ и вырвать еврейскій пролетаріатъ изъ узкихъ рамокъ еврейской обособленности, изъ нѣкогда созданнаго исторіей и нынѣ

охраняемого буржуазіей заколдованнаго круга; разумѣется, капитализм нанеситъ національной солидарности евреевъ ударъ за другимъ и, въ концѣ концовъ, совершенно уничтожитъ ее. Но несчастье состоитъ въ томъ, что помимо историческихъ условій, (п. с. п. умалчиваетъ, что это за историческія условія) вліяніе классової борьбы у евреевъ гораздо слабѣе, чѣмъ у другихъ народовъ.

Всѣмъ этимъ объясняется, почему даже наиболѣе развитая часть еврейскаго пролетаріата пропитана буржуазными идеями и держится ложныхъ взглядовъ на цѣли и задачи рабочаго движенія. И теперь еще вожаки еврейскаго пролетаріата тяготеютъ къ призраку еврейской обособленности, этому печальному наслѣдію исторіи, ревностно охраняемому еврейской буржуазіей. „Одной изъ формъ этого призрака является и мысль о необходимости для еврейскихъ рабочихъ отдѣльной организаціи съ особыми цѣлями и задачами“. Такимъ образомъ, заколдованный кругъ еврейской обособленности не уничтожается и приводитъ къ тому, что еврейскій пролетаріатъ организуется не только противъ еврейской буржуазіи, но и противъ пролетаріата того народа, среди котораго онъ живетъ.

Вотъ и все, что п. с. п. можетъ сказать въ оправданіе резолюціи, принятой противъ „Еврейскаго Союза“. Вы удивлены, читатели? Вы ожидали чего-нибудь большаго, вы, навѣрное, думали, что п. с. п. обратится къ еврейской соц.-демократической литературѣ и къ практикѣ еврейскаго рабочаго движенія и на извлеченныхъ изъ нихъ фактахъ построитъ свое сужденіе о „Еврейскомъ Союзѣ“? Ничуть не бывало! Въмѣсто всего этого, п. с. п. пробавляется туманными словами, какъ „заколдованный кругъ“, „призракъ еврейской обособленности“, „историческія условія“ и т. п. Французская пословица говоритъ, что самая красивая въ мірѣ дѣвушка можетъ дать только то, что у нея есть. П. с. п. также не можетъ дать больше того, что имѣетъ: требовать отъ нея объясненій, превышающихъ ее собственное пониманіе, невозможно. Скучно и трудно разбираться во всѣхъ этихъ несообразностяхъ, которыя намъ преподнесены для выщаго посрамленія „Еврейскаго Союза“, но дѣлать нечего, приходится довести до конца взятую на себя задачу.

Иному критику хочется извести на своего противника обвиненіе въ томъ, что идеи послѣдняго тождественны съ идеями реакціи. Какъ же доказать подобную вещь? Очень просто. Исходнымъ пунктомъ доказательства служитъ внѣшнее сходство этихъ идей;

но этимъ критикъ не довольствуется: онъ приписываетъ противнику такія мысли, какія тому никогда и въ голову не приходили, и при этомъ, какъ бы мимоходомъ, говорятъ много голословнаго; это говорится такъ себѣ, не придавая сказанному важнаго значенія, такимъ тономъ, точно не объ этомъ рѣчь идетъ, а разъ соображеніямъ не придастся значенія, то и доказательства для нихъ не стоить подыскивать. Но да не подумаетъ читатель, что все это дѣлается просто; далеко нѣтъ: брошенные какъ бы мимоходомъ словечки и голословныя, ни на чемъ не основанныя соображенія, должны нанести противнику послѣдній, смертельный ударъ. Нагнавъ, такимъ образомъ, туманъ на читателя и подписавъ критикуемому автору смертный приговоръ, ловкій критикъ весело заканчиваетъ свою статью. Точно также поступаетъ и п. с. п. Она смѣшиваетъ, съ одной стороны, національную обособленность и, съ другой, организаціонную и программную независимость соціального класса. Всякій, обладающій болѣе или менѣе здравымъ умомъ, согласится, что хотя эти понятія, по своей формѣ, имѣютъ внѣшнее сходство, но что, по внутренней своей сущности, они совершенно отличны другъ отъ друга. Если, какъ увѣряетъ п. с. п., отдѣльная организація еврейскаго пролетаріата есть таже національная обособленность, только въ другой формѣ, то ясно, что современемъ еврейскіе рабочіе очутятся въ совершенно изолированномъ положеніи, „организовавшись не только противъ еврейской буржуазіи, но и противъ рабочаго класса того народа, среди котораго они живутъ“. Напророчичивъ еврейскому пролетаріату такую печальную будущность, п. с. п. начинаетъ фантазировать и увѣрять, что еврейскіе рабочіе еще поклоняются богу „обще-еврейской солидарности“ и „тащатся въ хвостѣ буржуазіи“.

Но если капитализмъ — злѣйшій врагъ національнаго единства, если это единство постепенно уничтожается имъ, то чѣмъ же объясняется, что это единство остается неприкосновеннымъ у евреевъ даже тогда, когда они раздѣлились на два враждебные класса — на рабочихъ и капиталистовъ? П. с. п. предвидѣла подобный вопросъ, и съ торжествомъ указываетъ на историческія условія, парализующія у евреевъ вліяніе классовой борьбы. Состряпавъ, такимъ образомъ, винигретъ изъ разнородныхъ понятій и подбавивъ еще плодовъ своей собственной фантазіи, авторъ съ апломбомъ восклицаетъ: „то, что еврейскіе рабочіе отдѣлились (отъ п. с. п.), на руку только нашему злѣйшему врагу — русскому деспотизму“. Какъ видитъ читатель, отдѣльная еврейская

организация оказывается чѣмъ-то вродѣ опоры для русскаго деспотизма. „Еврейскому Рабочему Союзу“ нанесенъ смертельный ударъ....

Таковы глубокомысленныя соображенія, высказанныя историкомъ-чудотворцемъ польскаго „Работника“. Вся его мудрость ограничивается нѣсколькими тупыми остротами; онъ не знаетъ даже того, что извѣстно каждому школьнику. Намъ его искренно жаль, и мы готовы помочь ему хоть немного разобраться въ томъ сумбурѣ, который царитъ въ его нескладной головѣ. Мы вынуждены будемъ говорить о самыхъ элементарныхъ вещахъ и надѣемся, что читатель извинитъ насъ.

Что такое эта пресловутая національная обособленность и въ чемъ она сказывается? Национальная обособленность могла сказаться въ томъ, что евреи создали себѣ совершенно особый мірокъ съ интересами, идущими въ разрѣзъ съ интересами того народа, среди котораго они живутъ. Но вѣдь еврейская рабочая организация въ своихъ конечныхъ цѣляхъ солидарна со всемірнымъ пролетариатомъ, а въ своихъ ближайшихъ цѣляхъ — съ рабочимъ классомъ. Гдѣ же тутъ обособленность? Правда, еврейскіе рабочіе написали на своемъ знамени требованіе гражданскихъ правъ для евреевъ, т. е. они выставили требованіе гражданскихъ правъ не только для себя, но и для всего еврейства. Но развѣ п. с. п. поступаетъ иначе? Развѣ она не включила въ свою программу и не отвела перваго мѣста специально обще-польскому требованію — отдѣленію Польши отъ Россіи? П. с. п. можетъ сказать, что независимость Польши есть истинно пролетарское требованіе, потому что отъ присоединенія Польши къ Россіи страдаетъ и будетъ страдать прежде всего польскій пролетаріатъ; на это мы отвѣтимъ, что требованіе гражданскихъ правъ для евреевъ также является истинно пролетарскимъ требованіемъ, потому что исключительные законы, тяготѣющіе надъ евреями, всей своей тягостью ложатся на плечи еврейскихъ рабочихъ. Далѣе, п. с. п. говоритъ, что еврейскіе рабочіе идутъ по стопамъ еврейской буржуазіи. Здѣсь у насъ прямо руки опускаются и мы совершенно теряемся. Всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ жизнью русскіхъ евреевъ, знаетъ, что еврейская буржуазія боится своей собственной тѣни, что она невѣжественна, забита, совершенно не развита политически и, слѣд., не можетъ имѣть никакого вліянія на рабочихъ. Достаточно сказать, что сіонизмъ, такъ сильно увлекшій буржуазію, не произвелъ никакого впечатлѣнія на рабочихъ. Что называется „историческихъ условій“, ослабляющихъ вліяніе классовой

борьбы съ буржуазіей на еврейскихъ рабочихъ, — мы оставляемъ это на совѣсти п. с. п. Мы можемъ только указать ей на „Отчетъ русской делегаціи на лондонскомъ конгрессѣ“, въ которомъ она найдетъ совершенно другую оцѣнку еврейскаго рабочаго движенія, оцѣнку, сдѣланную людьми, отнюдь не менѣе п. с. п. знакомыми съ этимъ движеніемъ.

Далѣе п. с. п. говоритъ, что исторія создала еврейскую обособленность, заключила ее въ заколдованный кругъ, въ которомъ еврей замкнулся, сплотившись другъ съ другомъ, — кругъ, который нынѣ поддерживается „Еврейскимъ Рабочимъ Союзомъ“. Еврейскій пролетаріатъ своей отдѣльной организаціей поддерживаетъ эту обособленность и этимъ самымъ вредитъ общему дѣлу рабочаго класса.

Допустимъ. Но развѣ п. с. п. не стремится организовать польскій пролетаріатъ отдѣльно отъ русскаго, литовскаго, латышскаго и отъ пролетаріата другихъ населяющихъ Россію народовъ? И что такое „Латышская рабочая организація“, которую п. с. п. съ такой радостью привѣтствовала на томъ же 4-мъ конгрессѣ? Что такое „Литовская организація“, съ которой центральному комитету партіи поручено было вступить въ ближайшія отношенія? Всѣ эти организаціи не вредятъ интересамъ рабочихъ, не приведутъ къ тому, что рабочій классъ съорганизуется не только противъ буржуазіи, но и противъ рабочихъ другихъ народностей? Во всѣхъ этихъ, совершенно отдѣльныхъ организаціяхъ, почтенные польскіе паны не усматриваютъ вліянія польской, литовской, латышской буржуазіи? Почему отдѣльныя организаціи австрійскихъ рабочихъ, — чешская, польская, нѣмецкая, — не считаются вредными для интересовъ австрійскаго пролетаріата? Почему австрійская польская партія, составляющая, подобно п. с. п., часть общепольской революціонной партіи, на общееавстрійскомъ рабочемъ конгрессѣ, а затѣмъ и на галиційскомъ конгрессѣ, предложила еврейскимъ рабочимъ Австріи устроить отдѣльную организацію? Почему п. с. п. на томъ же 4-мъ конгрессѣ потребовала отъ будущей русской рабочей партіи признанія за каждой населяющей Россію народностью права на устройство отдѣльной рабочей организаціи? Если п. с. п. считаетъ, что каждая народность можетъ и должна имѣть отдѣльную организацію, то почему, какъ только рѣчь заходитъ о еврейскомъ пролетаріатѣ, она сразу забываетъ о выставленныхъ въ ея программѣ принципахъ (см. „Prsedzwit“, 1894, № 5)?

Напрасно мы ждали бы отъ п. с. п. отвѣта на всѣ эти во-

просы. Какъ видно, она и не разсчитывала, чтобы эти вопросы были ей поставлены. Она можетъ только съ тупымъ самохвальствомъ провозгласить, что „берется покончить съ еврейскимъ вопросомъ“. Кромѣ удивительной, ни на чемъ не основанной самоувѣренности, подобная фраза ничего въ себѣ не заключаетъ. Отъ слова до дѣла и даже до возможности сдѣлать данное дѣло еще очень далеко. Что сдѣлала п. с. п. для возбужденія классового самосознанія въ еврейскомъ пролетаріатѣ? Что предприняла она для ослабленія въ польской рабочей массѣ ея національной обособленности и ея національной вражды къ евреямъ, которая — какъ признаетъ сама п. с. п. — существуетъ въ польскомъ пролетаріатѣ? Почему ни малѣйшихъ попытокъ не замѣчается въ этомъ направленіи во всей издаваемой п. с. п. литературѣ? Объ еврейскомъ пролетаріатѣ п. с. п. хранила глубокое молчаніе, еврейскихъ рабочихъ совершенно игнорировала. Почему же она теперь вдругъ стала проявлять такую отеческую заботливость о еврейскомъ пролетаріатѣ? Почему стала она метать ядовитыя стрѣлы въ „Еврейскій Союзъ“, какъ разъ теперь, когда еврейскій пролетаріатъ самъ, безъ помощи п. с. п., сталъ обсуждать свое экономическое и политическое положеніе, думать объ устройствѣ самостоятельной организаціи, издавать собственную литературу? Гдѣ-же вы прежде были, наши отцы-благодѣтели? Вѣдь эта самопомощь, проявляющаяся въ еврейскомъ пролетаріатѣ, является плодомъ долготѣней, трудной работы, которая производилась на вашей „территоріи“, въ обитаемой вами странѣ, у васъ подъ носомъ, а вы ничего о ней не знали, — не знали или не хотѣли знать! Вы не замѣчали и не хотѣли замѣчать, что рушится старое, что съ каждымъ днемъ подкапывается въ своемъ основаніи и шатается старое зданіе пресловутаго единства еврейскаго народа, что единая, солидарная еврейская нація раздѣляется на два враждебныхъ класса, что одинъ изъ этихъ классовъ, классъ рабочихъ, понемногу начинаетъ сознавать необходимость экономической и политической борьбы. Что же вы сдѣлали за все это время для еврейскихъ рабочихъ? Если вы не можете отвѣтить на этотъ вопросъ, мы за васъ отвѣтимъ: вы были заняты недостойной клеветой, направленной противъ развитой части еврейскаго пролетаріата, говоря, что она способствуетъ обрусенію Литвы, — и эту клевету вы постоянно преподносили своимъ читателямъ, сѣя, такимъ образомъ, вражду между польскимъ, литовскимъ и еврейскимъ пролетаріатомъ. Въ своей лживости и наглости вы зашли такъ далеко, что рѣшились бросить лучшей, интеллигент-

ной части еврейскаго пролетаріата въ лицо ужасный укоръ въ томъ, что она поддерживаетъ въ краѣ систему виленскаго генералъ-губернатора Коханова! Загляните въ виленскія тюрьмы, — и вы увидите, какъ тамъ за рѣшетками блаженствуютъ тѣ, которые, по вашему увѣренію, поддерживаютъ политику русскаго правительства! Взгляните на партіи ссылаемыхъ политическихъ преступниковъ, — и вы увидите этихъ еврейскихъ Кохановыхъ, этихъ руссификаторовъ, отправляющихся въ ссылку въ дальнія губерніи или въ далекія сибирскія тайги Сибири! И въ то время какъ вы занимались недостойными сплетнями и инсинуаціями, въ то время какъ вы своими гнусными писаніями о руссификаторскихъ тенденціяхъ лучшей части еврейскаго пролетаріата разжигали въ польскихъ рабочихъ вражду къ ихъ еврейскимъ собратьямъ, — эта лучшая часть еврейскаго пролетаріата скромно и энергично дѣлала свое дѣло, не обращая вниманія на ваши инсинуаціи и не теряя времени на бесплодную полемику съ вашими яеновельможными литераторами. И эта энергичная работа привела къ тому, что еврейскіе и польскіе рабочіе дружно работали въ Бѣлостокѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ. Этотъ результатъ лучше всякихъ словъ показываетъ, какъ ложно ваше соображеніе о томъ, что отдѣльная еврейская организація развѣдываетъ еврейскій и польскій пролетаріатъ; теперь, когда вы увидѣли всю силу еврейской организаціи, вы вдругъ ощутили въ себѣ великодушныя порывы помочь еврейскимъ рабочимъ, заговорили о необходимости изданія жаргонной газеты и жаргонныхъ брошюръ. Не будь основанъ „Еврейскій Союзъ“, намъ не пришлось бы услышать такихъ великодушныхъ рѣчей. Мы прекрасно понимаемъ, чѣмъ объясняется это великодушіе, эта готовность придти на помощь еврейскому пролетаріату. Но знайте, что вы сами подливаете сукъ, на которомъ сидите. Эта слѣпая вражда, эти дикія нападки на тѣ самыя принципы, соблюденія которыхъ вы требуете въ отношеніи къ вамъ, только лишній разъ показываютъ, какъ необходимо для каждой народности, живущей въ Литвѣ и Польшѣ, взять свое дѣло въ собственныя руки, не полагаясь на фанатическія партіи. Лучшимъ оправданіемъ необходимости для насъ особой организаціи послужатъ ваши же нападки на „Еврейскій Союзъ“, — нападки, которыми мы будемъ пользоваться, какъ пользуются нѣмецкіе социальдемократы нападками злѣйшаго своего врага, милліонера Штумма.

Когда наша статья была уже окончена, въ заграничномъ ор-

ганъ польской партіи, „Писевитъ“ № 4, появилась статья, подъ названіемъ: „Дѣло еврейскаго пролетаріата“.

Разница между этой статьей и статьей „Къ еврейскому вопросу“ состоитъ лишь въ томъ, что новая статья яснѣе и съ большей наглостью повторяетъ то, что говорила прежняя.

Прежде чѣмъ перейти къ этой статьѣ, мы считаемъ не лишнимъ познакомить нѣсколько ближе нашего читателя съ литературными приемами, употребляемыми п. с. п. въ борьбѣ съ „Еврейскимъ Рабочимъ Союзомъ“. Эти приемы, правда, не ею изобрѣтены, а лишь заимствованы у извѣстной, не особенно почтенной части прессы, но они все же любопытны. Вотъ одинъ изъ образчиковъ. Въ статьѣ „Дѣло еврейскаго пролетаріата“ мы читаемъ слѣд.: „хотя они, представители „Еврейскаго Рабочаго Союза“ постоянно кричатъ о своей горячей преданности социализму, а пастъ обвиняютъ въ шовинизмъ, но въ сущности, они — родныя дѣти еврейской буржуазіи и насквозь пропитаны буржуазными стремленіями“. Указаніе на обвиненіе въ шовинизмъ — чистая ложь: не только въ „Рабочемъ Голосѣ“ и въ „Еврейскомъ Рабочемъ“, но и во всей нелегальной жаргонной литературѣ, издаваемой „Союзомъ“ и „Группой еврейскихъ социалъдемократовъ въ Россіи“, п. с. п. не найдеть ни одного слова въ подтвержденіе этой лжи. Второй примѣръ еще краснорѣчивѣе.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ № 4 „Писевита“ имѣется рецензія на № 2 русской „Рабочей Газеты“. Рецензентъ передаетъ содержаніе этого номера и, между прочимъ, замѣчаетъ, что въ немъ помѣщенъ доклад русскаго „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, прочтенный на цюрихскомъ конгрессѣ 1897 г. Рецензентъ умалчиваетъ о томъ, что докладъ подписанъ былъ также и „Еврейскимъ Рабочимъ Союзомъ“. Причину этого умолчанія не трудно понять: п. с. п. выбивается изъ силъ, чтобы доказать, что „Еврейскій Рабочій Союзъ“ раздѣляетъ еврейскій пролетаріатъ отъ христіанскаго, а если бы рецензентъ не умолчалъ о приведенномъ только-что фактѣ, оказалось бы, что „Союзъ“, состоящій, по увѣренію п. с. п., изъ „буржуа, играющихъ въ социализмъ“, идетъ рука объ руку съ русскимъ пролетаріатомъ. Фактъ этотъ былъ не на руку п. с. п., такъ какъ онъ окончательно подрываетъ столь тщательно возведенное зданіе направленныхъ противъ „Еврейскаго Союза“ обвиненія, и о немъ рѣшено было умолчать.

„Еврейскій Рабочій Союзъ“ — говоритъ авторъ статьи: „Дѣло еврейскаго пролетаріата“ — ограждаетъ себя китайской стѣной

отъ литовскаго и польскаго пролетаріата“, поэтому онъ, какъ и представителя п. с. п., считаетъ еврейскую организацію ненужной, а дѣятельность ея — прямо вредной. Какимъ же образомъ „Евр. Союзъ“ разъединяетъ интересы еврейскаго и христіанскаго пролетаріата? По объясненію автора, онъ дѣлаетъ это тремя способами. 1) отдѣльной организаціей „Евр. Союза“; 2) тѣмъ обстоятельствомъ, что „Евр. Союзъ“ ставитъ себѣ особыя (отъ п. с. п.) цѣли и, наконецъ, 3) обрусеніемъ еврейскаго пролетаріата.

Показавъ, что отдѣльная организація еврейскихъ рабочихъ поддерживаеъ и укрѣпляетъ нити, связывающія еврейскій пролетаріатъ съ буржуазіей, авторъ повторяетъ хитроумныя историческія выкладки автора статьи „Къ еврейскому вопросу“.

„Историческія условія способствовали тому, что евреи, какъ нація, занимавшаяся исключительно торговлей, выдѣлились въ особую касту, тѣсно сплоченную торговой солидарностью, и совершенно изолировали себя отъ другихъ народовъ, среди которыхъ жили. Эту-то обособленность, эту-то національную солидарность эксплуатируетъ въ свою пользу и тщательно охраняетъ еврейская буржуазія“. „Соціалисты должны стремиться къ тому, чтобы еврейскіе рабочіе на каждомъ шагѣ обнаруживали свою солидарность съ интересами и цѣлями всемірнаго пролетаріата, чтобы они принимали участіе въ его борьбѣ, какъ принимаютъ участіе въ его работѣ на фабрикахъ и въ мастерскихъ. А это возможно только при участіи евреевъ въ общей организаціи всего пролетаріата, но „Союзъ“, вмѣсто того, чтобы на этотъ именно пунктъ направить все усилія, возводитъ китайскую стѣну между еврейскими рабочими и его христіанскими братьями, поддерживаеъ обособленность, играя, такимъ образомъ, на руку буржуазіи“. „Развѣ это не чисто буржуазныя тенденціи?“, съ пафосомъ восклицаетъ авторъ.

Мы не станемъ разбираться въ этой галиматіѣ: выше мы показали, какъ мало смысла во всей этой шумихѣ словъ. Ограничимся нѣсколькими замѣчаніями.

Евреи — говоритъ авторъ — выдѣлились изъ среды окружающихъ ихъ народовъ въ особую касту, и эту обособленность поддерживаеъ въ своихъ интересахъ еврейская буржуазія. Они совершенно забыли, что въ другомъ мѣстѣ онъ высказался въ совершенно противоположномъ духѣ, а именно, онъ сказалъ, что „еврейская буржуазія идетъ по пути обрусенія“. Послѣ польскаго мятежа 1863 г. „въ рядахъ еврейской буржуазіи пошло усиленное обрусеніе, вслѣдствіе чего такіе города, какъ Вильна, Минскъ,

Гродно и др. стали приобретать специально-русский характер“. Такимъ образомъ выходитъ, что, съ одной стороны, „еврейская буржуазія ревниво ограждаетъ себя отъ окружающихъ народовъ“, а съ другой, что „она перенимаетъ русскіе обычаи и штытается ассимилироваться съ русскимъ народомъ“. Логика, какъ видите, читатель, удивительная. Намъ кажется, что человекъ, говорящій отъ имени цѣлой партіи, долженъ бы вслушиваться внимательно въ свои собственныя слова, а не противорѣчить себѣ на каждомъ шагу.

Не совсѣмъ логичнымъ намъ кажется и то обстоятельство, что п. с. п., обрушиваясь на „Еврейскій Союзъ“, говоритъ не только отъ имени польской партіи, но и литовской и даже отъ имени всего христіанскаго пролетаріата Россіи. Русскіе рабочіе имѣютъ свою собственную организацію и, безъ помощи п. с. п., уже опредѣлили свое отношеніе къ „Еврейскому Союзу“; тоже можно сказать и о литовскихъ рабочихъ, представителемъ которыхъ является „Литовская Соціалдемократія“, но отнюдь не п. с. п.

П. с. п. незнакома мудрая еврейская поговорка, совѣтующая не совать носа въ чужія дѣла. Мы ее дружески рекомендуемъ ей, а загѣмъ хотимъ спросить ее, съ какихъ это поръ отдѣльныя рабочія организаціи стали считаться вредными для развитія солидарности между рабочими различныхъ національностей? Намъ кажется, что до сихъ поръ никто еще не рѣшился утверждать, что существованіе отдѣльныхъ рабочихъ партій въ различныхъ странахъ ослабляетъ силу всемірнаго пролетаріата, — этого, надѣмся, не рѣшится утверждать и сама п. с. п. Очевидно, у п. с. п. имѣется въ запасѣ два различныхъ мнѣнія объ отдѣльныхъ рабочихъ организаціяхъ, и, судя по надобности, пускается въ ходъ то одно, то другое. Если рѣчь идетъ о такихъ рабочихъ, которые въ силу территориальныхъ или другихъ причинъ не могутъ пристать къ польской партіи, п. с. п. доказываетъ необходимость для этихъ рабочихъ особой организаціи; если же рѣчь заходитъ о такихъ рабочихъ, которыхъ она считаетъ возможнымъ привлечь къ польской партіи, то п. с. п. съ неменьшей убѣдительностью доказываетъ вредъ и нецѣлесообразность особой рабочей организаціи.

Что касается указанія п. с. п. на „особыя цѣли“, которыя ставитъ себѣ „Еврейскій Союзъ“, то это можетъ относиться только къ требованію гражданскихъ правъ для евреевъ, — требованію, которое, какъ читатель увидитъ изъ статьи „Наши цѣли“, входитъ въ интересы не только еврейскаго, но и христіанскаго пролетаріата.

Намъ остается только отвѣтить п. с. п. на направленное противъ „Еврейскаго Рабочаго Союза“ обвиненіе въ „руссификаторскихъ тенденціяхъ“. Для этого намъ придется сдѣлать довольно длинныя выписки изъ статьи „Дѣло еврейскаго пролетаріата“. Но пусть читатель не пугается: выписка, которую мы сейчасъ приведемъ, написана довольно живо и забавно и читается такъ же легко, какъ любая страничка французскаго водевиля. Выписка эта объяснитъ намъ, во-первыхъ, какъ понимаетъ п. с. п. руссификацію, а, во-вторыхъ, покажетъ, что въ распоряженіи п. с. п. имѣются не только историки-чудотворцы, но также и каррикатуристы и фальсификаторы, на обязанности которыхъ лежитъ извращеніе историческихъ фактовъ.

Вотъ эта выписка.

„Соціалистическое движеніе среди евреевъ, сравнительно съ движеніями другихъ народовъ, явленіе еще молодое, едва насчитывающее десять лѣтъ... собственно говоря, агитація въ средѣ еврейскихъ ремесленниковъ и рабочихъ началась въ концѣ 80-хъ годовъ, но сначала носила странный характеръ: образовывались кружки (какъ напр., въ Вильнѣ, Минскѣ и другихъ городахъ), въ которыхъ еврейская интеллигенція прежде всего обучала своихъ непросвѣщенныхъ адептовъ русскому языку. Въ этомъ проходила первый годъ агитаціи. Затѣмъ она начинала штудировать съ ними русскую радикальную литературу и набивать имъ головы мудростью Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и др. Превративъ такимъ образомъ, еврейскаго ремесленника или рабочаго въ кровнаго русскаго, интеллигенція начинала знакомить его съ естествознаніемъ, исторіей цивилизаціи и т. п., и только послѣ всѣхъ этихъ экспериментовъ она приступала къ просвѣщенію его цивилизованной головы пачалами социализма, но послѣднее рѣдко удавалось, потому что ученикъ нерѣдко, хватаявшись вершковъ, бросалъ работу и либо становился мелкимъ учителемъ, либо поступалъ въ какую-нибудь контору, неблагодарно расплевываясь навсегда со всѣми внушенными ему идеями; еще чаще случалось, что жандармы сажали ученика въ острогъ, поймавъ его за преступнымъ дѣломъ штудированія идей Бѣлинскаго или случаявъ употребленія буквы њ. Кружокъ распадался, что называется, даже не понюхавъ социализма и только приобщивъ, на радость русскаго правительства, еще нѣсколько человѣкъ къ русской культурѣ“.

Вотъ какъ говоритъ авторъ о началѣ еврейскаго рабочаго движенія, о вещахъ, относящихся еще ко времени существованія „кружковщины“. Мы не станемъ оспаривать хитроумныхъ выду-

докъ авторской фантазiи, — это завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что авторъ выставляетъ въ некрасивомъ, смѣшномъ свѣтѣ тѣ первые шаги еврейскаго движенiя, которые имѣли цѣлью подготовленiе агитаторовъ, когда агитацiя въ массѣ еще не начиналась, — тѣ первые шаги, съ которыми приходится считаться каждому движенiю: и русскому, и литовскому, и самому польскому, не смотря на то, что послѣднее имѣетъ такихъ мудрыхъ вожаковъ, какъ представители п. с. п., выскочившіе, надо полагать, какъ Минерва изъ головы Юпитера уже готовыми агитаторами, глядящими на все ясными и трезвыми очами, свободными отъ „кружковщины“ и доктринерскихъ воззрѣнiй на значенiе исключительно-экономической борьбы, чуждыми всѣхъ промаховъ, въ которыхъ обвиняютъ еврейскихъ социалистовъ. Впрочемъ, самъ авторъ не относится серьезно къ нарисованной имъ карикатурѣ и называетъ ее „бѣглымъ взглядомъ“ на развитiе социализма среди евреевъ; тутъ уже съ автора взятки гладки, такъ какъ „бѣглымъ взглядомъ“ не много увидишь.

Если мы спросимъ, въ чемъ сказалась русификаторская дѣятельность еврейскихъ социалистовъ за время „кружковщины“, п. с. п. отвѣтитъ намъ, что въ обученiи еврейскихъ рабочихъ русской грамотѣ и ознакомленiи ихъ съ идеями Бѣлинскаго, Добролюбова и другихъ радикальныхъ русскихъ писателей; слушая подобное толкованiе слова „русификацiя“, невольно начинаешь думать, что п. с. п. переноситъ свою ненависть къ русскому абсолютизму на весь русскiй народъ, и упрекъ въ шовинизмѣ, котораго нигдѣ въ еврейской нелегальной литературѣ не встрѣчается, не смотря на увѣренiя п. с. п., въ сущности польскими социалистами вполне заслуженъ. Мы до сихъ поръ думали, что подъ словомъ „обрусенiе“ слѣдуетъ понимать политику царскаго правительства, направленную къ тому, чтобы задушить литературу, языкъ и другiя проявленiя національнаго духа подвластныхъ Россiи народовъ, политику, изгоняющую польскiй и нѣмецкiй языки въ почтовыхъ, судебныхъ и другихъ правительственныхъ учрежденiяхъ, принудительно вводящую преподаванiе на русскомъ языкѣ въ учебныхъ заведенiяхъ тѣхъ губернiй, гдѣ главный контингентъ населенiя составляютъ нѣмцы, эсты и латыши, какъ напр., въ губ. Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, не допускающую изданiя жаргонныхъ газетъ и жаргонной литературы и т. д. и т. д. Но, видно, мы ошибочно думали; „русификацiей“ п. с. п. называетъ распространенiе въ Литвѣ идей друга рабочихъ, Добролюбова, и отца русскаго социализма, Плехановскаго. Какой позоръ!

Далѣ авторъ разсказываетъ, что подъ вліяніемъ польскаго соціалистическаго движенія и сношеній съ его вожаками (т. е. съ п. с. п.), еврейскіе соціалисты понемногу „разставались съ языкомъ Бѣлинскаго“, начинали говорить съ массою на жаргонѣ, который черезъ посредство жаргонныхъ воззваній, брошюръ и летучихъ листовъ сталъ языкомъ агитаціи въ массѣ. Начавшееся такимъ образомъ движеніе въ средѣ еврейскаго пролетаріата все крѣпло, развивалось и все болѣе принимало политическій характеръ. Вскорѣ затѣмъ основанъ былъ „Еврейскій Рабочій Союзъ“, служащій лучшимъ доказательствомъ того, какъ еврейское движеніе „бродитъ окольными путями“, все не попадая на „настоящій путь“, т. е. на тотъ путь, по которому давно уже съ шляхетскимъ говоромъ прогуливается п. с. п. Казалось бы, отъ „соціалистической русификаціи“ не должно было остаться и слѣда, такъ какъ русскій языкъ и русская радикальная литература были окончательно брошены, но нѣтъ: эта „русификація“ осталась, измѣнивъ только свою форму. „Еврейскій Союзъ“ старается привить еврейскому пролетаріату буржуазно-русификаторское развитіе, и „играетъ роль дружественнаго правительству союза не только въ Россіи, но и въ Польшѣ“.

„Русификація“ „Союза“ состоитъ прежде всего въ томъ, что онъ написалъ на своемъ знамени „всероссійскій“ (panrossyiskiy). Это выраженіе можно понять только въ томъ смыслѣ, что „Союзъ“ поставилъ себѣ задачей охраненіе цѣлости Россіи, т. е. борьбу противъ отдѣленія отъ нея какой-нибудь части, почему онъ, т. е. „Союзъ“ враждебно относится ко всякимъ попыткамъ покоренныхъ народовъ отдѣлиться отъ Россіи. Очевидно, у п. с. п. имѣются и чародѣи, читающіе чужія мысли, ибо только такимъ путемъ онъ могъ получить такіа свѣдѣнія.

Въ литературѣ, изданной до сихъ поръ „Еврейскимъ Союзомъ“, ни разу не былъ затронутъ вопросъ объ отдѣленіи Польши отъ Россіи. Наконецъ, „просматривая номера ‚Евр. Рабочаго‘ и ‚Рабочаго Голоса‘, на каждомъ шагѣ наталкиваешься на взгляды Каткова по отношенію къ Польшѣ и Литвѣ“. Чтобы понять всю ядовитость этого укула, бросаемаго п. с. п. „Евр. Союзу“, надо знать, что Катковъ былъ однимъ изъ реакціоннѣйшихъ русскихъ писателей, ненавидѣвшій поляковъ и совѣтовавшій русскому правительству окончательно задуть проявленіе польскаго національнаго духа. При этомъ п. с. п. ссылается только на одно мѣсто въ литературѣ „Союза“, въ которомъ она усмотрѣла взгляды Каткова; не трудно понять, что мѣсто это самое ужасное, како-

только п. с. п. могла найти. Подтверждение взглядов Каткова состоитъ, по объясненію п. с. п., вотъ въ чемъ: Варшава, Лодзь, Вильна, Домброво и другіе города стоятъ въ газетахъ „Еврейскаго Союза“ подъ рубрикой „Россія“. П. с. п. такъ ослѣплена своей враждой къ „Еврейскому Рабочему Союзу“, что не хочетъ понять, что слово „Россія“ здѣсь употребляется только какъ географическое обозначеніе. Если извѣстія изъ Варшавы помѣщаются въ „Рабочемъ Голосѣ“ подъ общей рубрикой „Что слышно въ Россіи“, то это только потому, что Варшава *фактически* входитъ въ Россію, какъ часть російской имперіи, и ничего не можетъ быть глупѣе, какъ заключать отсюда, что „Союзъ“ этимъ хочетъ показать, что Варшава должна принадлежать Россіи. Къ такимъ-то колоссальнымъ глупостямъ ведетъ п. с. п. слѣпая вражда къ „Евр. Союзу“.

За русификаторскія тенденціи и другія преступленія „Союза“ авторъ статьи „Дѣло еврейскаго пролетаріата“ пугаетъ еврейскихъ рабочихъ „политическимъ антисемитизмомъ“. „Допустимъ, говоритъ онъ, — что весь еврейскій пролетаріатъ проникнется буржуазными тенденціями „Союза“; что же изъ этого выйдетъ? Польскій пролетаріатъ... поневолѣ будетъ видѣть въ еврейскомъ пролетаріатѣ не брата, не товарища, а врага. Результатомъ этого можетъ быть то, что религіозный антисемитизмъ, ослабляемый социализмомъ, приметъ форму политическаго антисемитизма“. Польскій органъ „Работникъ“ идетъ еще дальше „Пшесдвнта“ и заявляетъ, что польскій антисемитизмъ „не только будетъ имѣть мѣсто среди польскаго пролетаріата“, но что онъ уже пустилъ въ немъ корни и что пока еврейскій пролетаріатъ не войдетъ въ организацію п. с. п., польскій антисемитизмъ не только не исчезнетъ, но будетъ все крѣпнуть. Польскій „Работникъ“ понимаетъ подъ политическимъ антисемитизмомъ вражду къ евреямъ, вызываемую тѣмъ обстоятельствомъ, что евреи вездѣ и всегда стремятся образовать „государство въ государствѣ“ и не принимаютъ участія въ рабочемъ движеніи того народа, среди котораго они живутъ.

Мы уже знаемъ, что п. с. п. комментируетъ исторію такъ, какъ ей выгодно въ каждомъ данномъ случаѣ. Здѣсь мы тоже встречаемся съ подобнымъ искаженіемъ исторіи. Недавно въ Германіи происходили бурные дебаты о германской революціи 1848 г. Консерваторы вслѣдствіи поносили мартовскую революцію, называя ее печальнѣйшей страницей германской исторіи, говоря, что ее сдѣлали евреи, поляки и французы, а что „истинные“ пѣмцы совер-

шенно не принимали въ ней участія. Вожакъ германской социаль-демократической партіи, Бебель, на это отвѣтилъ, что, во-первыхъ, главными дѣателями революціи были нѣмецкіе рабочіе, и что если евреи принимали въ ней участіе, то это неудивительно, такъ какъ они больше всего страдали отъ старыхъ порядковъ. Мы могли бы привести много другихъ примѣровъ изъ французской, германской и другихъ революцій, чтобы показать вѣрность словъ Бебеля, но недостатокъ мѣста вынуждаетъ насъ ограничиться нѣсколькими примѣрами.

Въ 1831 г. въ Россіи вспыхнуло польское возстаніе. „Какъ только сформировалась революціонная милиція, нѣкоторые евреи обратились къ полковнику, графу Любинскому, съ просьбой зачислить ихъ въ польскіе отряды. Они хотѣли пожертвовать жизнью за великое дѣло свободы, но Любинскій отказалъ имъ, такъ какъ они — евреи... Несмотря на высокомеріе польскихъ пановъ, евреи, особенно варшавскіе, цѣлыми массами становились подъ революціонное знамя“. („Исторія евреевъ“ проф. Греча, Т. XI, стр. 285-287.) А вотъ что мы читаемъ въ статьѣ „1849 годъ въ Польшѣ“, напечатанной въ томъ же № 4 „Шведска“, гдѣ говорится о политическомъ антисемитизмѣ: „Какъ въ Познани, такъ и въ Краковѣ, правительство пыталось разъединить евреевъ и поляковъ, но ничего не могло сдѣлать: наоборотъ, евреи и особенно еврейская интеллигенція поддерживали движеніе; раввинъ Майзельсъ и еще два еврея застѣдали въ главномъ комитетѣ, евреи принимали участіе въ манифестаціяхъ и дѣятельно помогали полякамъ въ ихъ борьбѣ на баррикадахъ 29-го апрѣля“. Этихъ фактовъ, надѣемся, достаточно, чтобы показать, какъ историки п. с. п. искажаютъ исторію, желая доказать, что евреи не принимали участія въ революціонномъ движеніи тѣхъ народовъ, среди которыхъ они жили.

Трудно ожидать, чтобы польскіе паны, еще далеко не свободные сами отъ религіознаго и расоваго антисемитизма, который они будто-бы хотятъ искоренить въ польской рабочей массѣ, вели себя безпристрастно по отношенію къ евреямъ. Да, мы открыто заявляемъ, что вожаки п. с. п., хотя бы они съ порицаніемъ говорили о враждѣ къ евреямъ, сами еще не свободны отъ расоваго антисемитизма, полученнаго ими въ наслѣдство отъ польской шляхты, ибо какъ иначе, какъ не враждой къ евреямъ, объяснить слѣдующую клевету автора статьи: „Дѣло еврейскаго пролетаріата“: „Съ тѣхъ поръ какъ образовался „Еврейскій Союзъ“, русскія и нѣмецкія газеты говорятъ объ энергіи молодой и, какъ

видно, очень сильной организаціи; каждая ничтожная стачка пяти ремесленниковъ, вызванная „Союзомъ“, тотчасъ же доводится до свѣдѣнія всей Европы; о каждомъ насиліи правительства, не только учиненномъ противъ „Союза“, но даже могущемъ быть учиненнымъ, говорится пространѣйшимъ образомъ во всѣхъ газетахъ. Однимъ словомъ, о „Евр. Союзѣ“ имѣются такія свѣдѣнія, что удивленная Европа думаетъ, что социалисты Россіи и Польши отреклись отъ своей независимости и пристали къ „Евр. Союзу“.

— Это мѣсто по духу очень напоминаетъ намъ нападки на евреевъ славнаго редактора „Новаго Времени“ Суворина: „Жиды захватили въ свои руки всю торговлю; жиды заполнили всѣ учебныя заведенія; жиды отовсюду вытѣсняють русскихъ; жиды завладѣли всей Россіей“, взываетъ Суворинъ. „Жиды захватили въ свои руки всѣ социалистическіе органы печати; жиды забрались во всѣ газеты, отъ русскихъ до нѣмецкихъ, и трубятъ по всей Европѣ о своей необыкновенной дѣятельности; жиды руководятъ всѣми русскими организаціями; жиды завладѣли всей революціонной Россіей“, — кричитъ п. с. п.

И здѣсь, и тамъ та же зависть къ энергіи и неутомимости евреевъ, та же вражда къ евреямъ, восанная съ молокомъ матери, та же ненависть, взрожденная на почвѣ низменныхъ инстинктовъ, тѣже человѣконенавистническіе крики: „жиды! жиды! гепъ! гепъ!“

Употребляя приемы автора „Дѣло еврейскаго пролетаріата“, который приписываетъ „Союзу“ возрѣнія Каткова и тяготѣнія къ еврейской буржуазіи, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что вожаки п. с. п. восприняли дома и въ школѣ суворинскія возрѣнія на евреевъ, придали этимъ возрѣніямъ социалистическую окраску и внушаютъ ихъ польскому пролетаріату. Сколько бы они ни говорили о вредѣ антисемитизма, — они, вожаки п. с. п. — родныя дѣти интернаціональной шайки жиждовъ...

НАШИ ЦѢЛИ („Arbeiterstimme“ № 9-10.)

Важнѣйшимъ событіемъ русской жизни за послѣднее время является образование „Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи“, соединившей въ одну политическую организацію отдѣльные соціалъдемократическіе союзы Россіи.

Постоянныя сношенія между тѣми городами, гдѣ существуетъ и все развивается рабочее движеніе, помощь, которую они оказываютъ другъ другу людьми, деньгами и литературой, привѣтствія, посылаемыя другъ другу по поводу новыхъ успѣховъ въ ихъ общемъ дѣлѣ борьбы съ буржуазіей, общія политическія требованія, одни и тѣже приемы борьбы съ буржуазіей, выборъ общихъ делегатовъ на заграничныя конгрессы рабочихъ, общія поздравленія, посылаемыя заграничному пролетаріату и т. д. — всё эти знакомые намъ факты доказываютъ, что появленіе Россійской Партіи не есть случайность, не результатъ дѣятельности нѣсколькихъ горячихъ головъ. Сама жизнь все болѣе совершенствовала организацію, связывавшую отдѣльные города, и образованіе Партіи явилось результатомъ предшествовашаго рабочаго движенія. Въ отдѣльныхъ группахъ русскаго пролетаріата чувствовалась сильная потребность вести борьбу сообща, вести ее болѣе планомерно, чѣмъ раньше; эта потребность создала Партію; потребность эта росла вмѣстѣ съ самимъ рабочимъ движеніемъ. Партія только усилила и придала извѣстную форму тому объединенію рабочихъ организацій въ Россіи, которое фактически уже раньше существовало; объединеніе и выражалось въ формѣ помощи другъ другу въ борьбѣ съ буржуазіей и правительствомъ. Партія, поставившая себѣ цѣлью объединеніе различныхъ группъ русскаго пролетаріата для общей и планомерной борьбы съ эксплуататорами, ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ въ виду лишить отдѣльныя, вошедшія въ ее составъ, организаціи самостоятельности. Она оставляетъ мѣстнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ союзамъ достаточно свободы, чтобы вести свои мѣстныя дѣла такъ, какъ они считаютъ это полезнымъ. Кромѣ широкой свободы самостоятельно вести свои мѣстныя дѣла, комитеты имѣютъ право отказаться отъ резолюцій или рѣшеній „Центральнаго Комитета“

Партія, если мѣстный комитетъ не находитъ возможнымъ выполнение этихъ рѣшеній въ силу условій даннаго мѣста.

Какъ относилась Партія къ организаціямъ цѣлой націи, ясно видно изъ того мѣста „Манифеста“, гдѣ говорится объ условіяхъ вступленія „Еврейскаго Рабочаго Союза“ въ Партію: „Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Россіи и Польшѣ“ вступаетъ въ Партію, какъ автономная организація, которая сохраняетъ свою самостоятельность только въ вопросахъ, касающихся еврейскаго пролетаріата“.

Или, иначе выражаясь, намъ слѣдуетъ понять это слѣдующимъ образомъ: положеніе евреевъ въ Россіи, политика царскаго правительства по отношенію къ нимъ и другія особенности (какъ напр., отдѣльный языкъ) создали у еврейскаго пролетаріата спеціальныя интересы, требующіе спеціальной защиты. Защиту-то этихъ спеціальныхъ еврейскихъ интересовъ можетъ взять на себя отдѣльная еврейская организація, имѣющая полное право защищать ихъ такъ, какъ она находитъ это нужнымъ, причемъ Партія не вмѣшивается въ дѣятельность этого Союза. Въ дѣлахъ-же, касающихся всего русскаго пролетаріата безъ различія національности и религіи, „Еврейскій Союзъ“ обязанъ, какъ часть Партіи, подчиняться „Центральному Комитету“. Понятно, что „Еврейскій Союзъ“ не имѣетъ особой привилегіи въ Партіи. Партія относится къ „Еврейскому Союзу“ такъ же, какъ она относится ко всякой рабочей организаціи, защищающей спеціальныя интересы рабочихъ какой-либо націи. Эта политика Партіи умна и практична. Партія не желаетъ, чтобы всѣ рабочіе союзы плясали по одной дудкѣ.

Дѣла, касающіяся отдѣльныхъ группъ рабочихъ, они оставляютъ за тѣми, которые сумѣютъ лучше справиться съ ними; общія же дѣла рѣшаются представителями всѣхъ группъ по одному опредѣленному плану.

Мы привѣтствуемъ съ радостью основаніе Партіи и надѣемся, что она внесетъ единство и планомерность въ экономическую борьбу русскаго пролетаріата и употребитъ всѣ средства для пробужденія его политическаго самосознанія, для выполненія его главной задачи — освобожденія отъ ига русскаго самодержавія и завоеванія политической свободы. При этомъ мы желаемъ указать на спеціальныя интересы еврейскаго пролетаріата, вынудившіе еврейскій пролетаріатъ къ образованію отдѣльной организаціи, и выяснить наши цѣли. Мы считаемъ это необходимымъ для того, чтобы наши товарищи ясно поняли положеніе „Еврейскаго Союза“

въ Партія. Для тѣхъ читателей, которые знакомы съ литературой „Еврейскаго Союза“ и „Группы еврейскихъ социалъдемократовъ въ Россіи“ это не представить ничего новаго. Вопросъ о необходимости для евреевъ имѣть свою особую организацію не разъ уже обсуждался въ печати; достаточно также говорили и о нашихъ дѣлахъ. Единственное, что можетъ дать читателю наша статья — это болѣе систематическое знакомство съ вопросомъ.

Еврей-работіе страдаютъ въ Россіи, какъ работіе и какъ евреи; они живутъ подъ двойнымъ гнетомъ: подъ гнетомъ законовъ, помогающихъ буржуазіи эксплуатировать рабочихъ, и специальныхъ законовъ, направленныхъ противъ евреевъ. Еврей-работіе лишены одного изъ важнѣйшихъ правъ, которое отличаетъ наемнаго рабочаго отъ раба; они лишены права свободно ѣздить, куда имъ угодно, или, вѣрнѣе, они имѣютъ это право только на небольшой площади — въ „чертѣ осѣдлости“, гдѣ царское правительство насильно заперло миллионы евреевъ.

Жизнь въ предѣлахъ нѣсколькихъ губерній дѣлаетъ невозможнымъ для евреевъ работать, гдѣ и что угодно. Кромѣ того, даже въ самой „чертѣ осѣдлости“ еврей-работій не имѣетъ права работать, гдѣ ему угодно: ему не даютъ работы на казенныхъ заводахъ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и т. п. Однимъ словомъ, даже въ самой чертѣ осѣдлости для евреевъ-работчихъ закрыты многіе пути, на которыхъ онъ могъ бы заработать кусокъ хлѣба. Кромѣ того, ненависть христіанскаго населенія къ евреямъ, какъ со стороны хозяевъ, такъ и со стороны рабочихъ, — ненависть, которую царская политика старается еще больше раздуть, приводитъ къ тому, что евреевъ-работчихъ неохотно принимаютъ въ христіанскія мастерскія, что еще болѣе усиливаетъ трудность полученія работы.

Исключительные законы противъ евреевъ въ чертѣ осѣдлости и прикрѣпленіе евреевъ-работчихъ къ одному и тому же мѣсту, еще болѣе затрудняющее пріисканіе работы, вызываютъ среди рабочихъ сильную конкуренцію, затрудняютъ имъ ихъ борьбу за экономическіе интересы и создаютъ большую резервную армію. Эта резервная армія представляетъ большую опасность для организованнхъ рабочихъ, добившихся улучшенія своего положенія, благодаря упорной борьбѣ, стоившей многочисленныхъ жертвъ.

Но исключительные законы противъ евреевъ представляютъ собою налку о двухъ концахъ. Одинъ конецъ бьетъ по еврейскому рабочему, другой — по христіанскому. Положеніе евреевъ въ Россіи приводитъ у нихъ къ длинному рабочему дню и низкой за-

рабочной платѣ и дѣлаетъ гнетъ капитализма для нихъ тяжелѣе, чѣмъ для русскаго. Если положеніе евреевъ въ Россіи ослабляетъ силы евреевъ-рабочихъ и въ состояніи лишить ихъ всѣхъ пріобрѣтеній борьбы, оно, съ другой стороны, приноситъ страшный ущербъ пролетарію-христіанину. Во-первыхъ, національная политика царскаго правительства, возбуждающая національную ненависть между евреями и христіанами, сильно затрудняетъ объединеніе ихъ для борьбы съ буржуазіей и съ деспотизмомъ. Такимъ образомъ, она ослабляетъ силы русскаго пролетаріата въ его борьбѣ. Эта правительственная политика мѣшаетъ христіанскому пролетаріату придти къ ясному и полному сознанию противоположности его интересовъ и интересовъ буржуазіи, къ сознанию того, что пролетаріи всѣхъ странъ и народовъ повсюду имѣютъ одинаковые интересы, противоположные интересамъ буржуазіи, безъ различія націи и религіи. Эта политика возбужденія національной розни затуманиваетъ классовое самосознаніе русскаго пролетаріата и отвлекаетъ его вниманіе отъ его настоящихъ враговъ и насущнѣйшихъ задачъ. Когда правительство начинаетъ замѣчать, что народныя массы, стонущія подъ тяжелымъ гнетомъ нищеты и самодержавія, начинаютъ терять терпѣніе, оно берется за свое излюбленное средство, за проведеніе національной политики⁴. Оно возбуждаетъ христіанское населеніе противъ еврейскаго, черезъ посредство своихъ помощниковъ внушаетъ населенію мысль, что еврей виноваты въ его нищетѣ и безпомощности. Такимъ образомъ, оно подготавливаетъ погромы, — дѣлаетъ евреевъ козлами отпущенія и избѣгаетъ такимъ путемъ воамездія за угнетеніе народа. Въ силу этого мы приходимъ къ заключенію, что уничтоженіе безправія евреевъ лежитъ въ интересахъ какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго пролетаріата. Но можетъ-ли Партія выполнить это, не опираясь на отдѣльную организацію еврейскаго пролетаріата? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: нѣтъ, она не въ состояніи это сдѣлать.

Партіи предстоить трудная задача; ея главная обязанность заключается въ борьбѣ за общіе политическіе и экономическіе интересы, затрагивающіе одинаково всѣ группы русскаго пролетаріата.

Эта главная задача Партіи и безъ того достаточно обширна и требуетъ напряженія всѣхъ ея силъ, такъ что Партія поневолѣ не въ состояніи будетъ заботиться о спеціальныхъ интересахъ иноплеменныхъ рабочихъ, и въ частности, объ интересахъ еврейскихъ рабочихъ. Партія не можетъ доставлять имъ своевременно

на ихъ родномъ языкѣ нужную нелегальную литературу, не можетъ помочь имъ въ достаточной мѣрѣ деньгами и людьми: Партія не въ состояніи всегда точно знать, какъ ведется борьба еврейскаго пролетаріата и въ силу этого не можетъ хорошо знать, его нужды и формулировать его требованія. Она не въ состояніи пользоваться для пропаганды идеи о гражданскомъ равноправіи среди еврейскаго пролетаріата позорными преслѣдованіями евреевъ царскимъ правительствомъ и, наконецъ, — это чрезвычайно важно — когда наступитъ рѣшительный и давно ожидаемый моментъ, Партія не съумѣетъ съ такою же энергіей и силой защищать спеціальныя интересы еврейской массы, съ какой она будетъ защищать интересы пролетаріата всей Россіи; послѣднее вѣдь является ея главной задачей; такая организація, важнѣйшей задачей которой является достиженіе гражданскаго равноправія для представляемой ею націи, можетъ употребить всю свою энергію для достиженія своей цѣли. Такимъ образомъ, мы видимъ, что только спеціальная еврейская рабочая организація можетъ взять на себя задачу доставленія необходимыхъ средствъ и силъ для веденія успѣшной борьбы еврейскаго пролетаріата. Только она одна можетъ во-время точно узнать о нуждахъ еврейскаго пролетаріата. Только она одна можетъ познакомить русскихъ рабочихъ съ политической и экономической борьбой еврейскаго пролетаріата посредствомъ статей въ главномъ органѣ Партіи и тѣмъ помочь развитію у русскаго пролетаріата сознанія солидарности ихъ общихъ интересовъ. Благодаря этому, у правительства отнимается возможность пользоваться національной враждой, въ интересахъ самодержавія и противъ интересовъ эксплуатируемыхъ рабочихъ массъ.

Въ силу этого, существованіе отдѣльной организаціи еврейскаго пролетаріата облегчаетъ Партіи ея тяжелую работу и сберегаетъ ея силы для выполненія первой и главной задачи Партіи*).

Но намъ могутъ задать слѣдующій вопросъ: да, все это вѣрно, но вы забываете при этомъ одно обстоятельство; отдѣльная организація еврейскаго пролетаріата, дѣйствительно, имѣетъ всѣ тѣ выгоды, о которыхъ вы говорили выше, но вредъ, приносимый ею, гораздо больше всей приносимой ею пользы. Благодаря существованію отдѣльной еврейской рабочей организаціи, еврейскій

*) Всѣ приведенные доводы въ пользу необходимости отдѣльной организаціи относятся къ рабочей организаціи каждой угнетаемой націи въ Россіи.

пролетаріатъ, разъединяя свои интересы съ интересами христіанскаго пролетаріата, тѣмъ самымъ сильнѣе отдѣляется отъ него. Отдѣльная еврейская рабочая организація есть тоже „налка о двухъ концахъ“. Однимъ концомъ она объединяетъ еврейскихъ рабочихъ съ христіанскими, а другимъ разъединяетъ, и разъединяетъ въ большей степени, чѣмъ объединяетъ. Этотъ вопросъ былъ впервые поставленъ польской соціалистической партіей, но въ такой безобразной формѣ, что не знаешь, чему больше удивляться, — невѣжеству-ли главарей польской партіи, грубости и легкомыслію, съ какимъ она бросаетъ въ лицо пролетаріату цѣлой націи свое обвиненіе въ „разъединеніи и отдѣленіи“, или тѣмъ доводамъ, одновременно и дѣтскимъ и недобросовѣстнымъ, какими она поддерживаетъ эти обвиненія.

Посмотримъ, отдѣляется-ли, дѣйствительно, еврейская рабочая организація еврейскій пролетаріатъ отъ христіанскаго?

Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, слѣдуетъ раньше точно опредѣлить, какъ понять слова „разъединеніе, отдѣленіе“. Придавая имъ разное значеніе, мы можемъ доказать все, что намъ угодно. Главные доводы авторы статьи въ „Przedswit“ъ, „Дѣло еврейскаго пролетаріата“ зиждутся на такой уловкѣ. Понимая слово „разъединеніе“ разное, въ зависимости отъ того, что ему хочется доказать, онъ, посредствомъ нѣсколькихъ смѣлыхъ фокусовъ приходитъ къ заключенію, что „Еврейскій Рабочій Союзъ“ пропитанъ буржуазными стремленіями“ и „полезенъ царскому правительству“.

Если бы еврейскій пролетаріатъ поставилъ себѣ такіа задачи, которыя были бы противны интересамъ христіанскаго пролетаріата, тогда и только тогда мы имѣли бы право утверждать, что еврейскій пролетаріатъ отдѣляетъ себя отъ христіанскаго. На практикѣ преслѣдованіе такихъ задачъ повело бы къ многочисленнымъ столкновеніямъ между тѣмъ и другимъ, что неизбежно помѣшало бы имъ идти рука объ руку.

Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ началось движеніе еврейскихъ рабочихъ они не переставали организоваться отдѣльно, и, однако, мы видимъ, что еврейскій пролетаріатъ прекрасно уживается съ христіанскимъ и идетъ съ нимъ рука объ руку.

Мы можемъ привести массу примѣровъ ихъ совмѣстной дѣятельности; приведемъ нѣсколько.

Въ Вильнѣ литовскіе и еврейскіе рабочіе всегда одновременно распространяли возванія съ однороднымъ содержаніемъ. Въ прош-

домъ году, когда въ Вильнѣ въ маѣ толковали о погромахъ, обѣ группы пролетаріата выпустили прокламаціи съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ. Въ Бѣлостокѣ происходятъ общія собранія еврейскихъ и христіанскихъ ткачей. Въ нѣкоторыхъ городахъ въ ремеслахъ, гдѣ евреи и христіане работаютъ въ однихъ и тѣхъ же мастерскихъ (на кожевенныхъ заводахъ, въ сапожныхъ и портняжныхъ мастерскихъ) они помогаютъ другъ другу во время стачекъ, устраиваютъ общія стачки. Они имѣютъ также общія организаціи, христіанскіе рабочіе принимаютъ участіе въ празднествахъ евреевъ, и наоборотъ. Съ перваго же момента своего основанія „Евр. Союзъ“ соединился съ „Союзомъ Русскихъ Соціалъдемократовъ“, т. е. онъ ему довѣрилъ представительство за границей; на интернаціональных конгрессахъ, въ Лондонѣ и Цюрихѣ, еврейскіе и христіанскіе рабочіе имѣли общихъ представителей; еврейскіе и христіанскіе рабочіе послали въ прошломъ году цюрихскому конгрессу общее поздравленіе, подписанное петербургскими и еврейскими союзами. Адресъ, посланный нѣмецкой соціалъдемократин въ память 50-лѣтія мартовской революціи былъ подписанъ „Евр Союзомъ“ и четырьмя русскими организаціями. Наконецъ, если у кого-нибудь оставалось бы сомнѣніе въ томъ, что еврейскіе и христіанскіе рабочіе идутъ рука объ руку, то фактъ присоединенія „Еврейскаго Союза“ къ „Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіи“ устраняетъ это сомнѣніе. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ на нападки господъ изъ п. с. п., давно уже потерявшихъ всякій стыдъ, лишь только дѣло идетъ о еврейскомъ пролетаріатѣ.

Въ своихъ отдаленныхъ и ближайшихъ цѣляхъ еврейскій пролетаріатъ солидаренъ съ „Россійской Соціалъдемократической Рабочей Партіей“. Отдѣльное выступленіе еврейскаго пролетаріата съ требованіемъ равныхъ гражданскихъ правъ не только не противорѣчитъ, какъ мы видѣли, интересамъ русскаго пролетаріата, но, наоборотъ, очень выгодно для него. Но, можетъ быть, намъ возразятъ: выставленіе требованіе гражданского равноправія, необходимаго для всей еврейской націи и организуясь въ отдѣльный отъ христіанъ „Еврейскій Союзъ“, мы тѣмъ самымъ дѣлаемъ шагъ вправо, къ эксплуататорамъ, такъ какъ тѣмъ самымъ еврейскій пролетаріатъ связываетъ свои интересы съ интересами буржуазіи.

И это цѣльное обвиненіе впервые выставила также п. с. п., которая полагаетъ, что важнѣйшей задачей еврейскаго пролетаріата въ настоящее время является отдѣленіе своихъ интересовъ отъ

интересовъ еврейской буржуазіи и освобожденіе отъ ея вліянія.

Прежде всего мы должны помнить, что требованіе гражданскихъ правъ является чисто пролетаріатскимъ требованіемъ, такъ какъ отъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ страдаетъ больше всего еврейскій пролетаріатъ; еврейская буржуазія, благодаря взяточничеству русскаго чиновничества, не чувствуетъ на себѣ всей тяжести исключительнаго положенія. Часто даже оно является для еврейской буржуазіи дѣломъ выгоднымъ, такъ какъ черта осѣдлости обезпечиваетъ ей дешевую рабочую силу. Хотя, съ другой стороны, уничтоженіе исключительныхъ законовъ можетъ и еврейской буржуазіи также принести пользу, но она никогда не пойдетъ рука объ руку съ еврейскимъ рабочимъ, такъ какъ, во-первыхъ, она сильно нанугана и раздражена борьбою еврейскаго пролетаріата противъ ея эксплуатациіи; во-вторыхъ, она слишкомъ забита, запугана, невѣжественна и политически совершенно не развита; она неспособна, поэтому, ни вести за собою массу, ни жертвовать своими интересами ради интересовъ всего своего класса. Этихъ причинъ вполне достаточно для объясненія того факта, что еврейская буржуазія не выступаетъ и не выступитъ противъ деспотическаго правительства. О вліяніи ея на еврейскую массу или участіи ея въ борьбѣ противъ деспотизма русскаго правительства не можетъ быть и рѣчи.

Да, буржуазія кое-что и дѣлаетъ. Она добровольно шпионитъ за своими рабочими; она выискиваетъ бунтавщиковъ и подстрекателей; она доноситъ на нихъ полиціи и жандармеріи; она борется противъ изданія легальныхъ книгъ, могущихъ быть полезными просвѣщенію и умственному развитію народа, и когда она хочетъ отдохнуть отъ прекраснаго занятія упроченія порядка, она занимается „сіонизмомъ“, мечтаетъ о еврейскомъ царствѣ въ святой землѣ, съ собственной полиціей, жандармеріей, съ собственнымъ „кошеринымъ“ чиновничествомъ и съ собственнымъ правительствомъ для вашего обездоленія народа, и нужно обладать большою долей наивности или безстыдствомъ п. с. п., чтобы утверждать, что *эти* буржуазія имѣетъ „страшное вліяніе“ на еврейскихъ рабочихъ и что „еврейскій пролетаріатъ пляшетъ подъ дудку еврейской буржуазіи“. Конечно, добившись равноправія, еврейскій пролетаріатъ добьется его и для буржуазіи, но это ужъ судьба всѣхъ политическихъ завоеваній пролетаріата; пролетаріатъ занимаетъ самое низшее положеніе въ обществѣ и поэтому онъ не можетъ освободиться отъ политическаго гнета, не освобождая отъ него всего общества, т. е. всей шайки стоящихъ

на вершинѣ общественной лѣстницы эксплуататоровъ. Когда русскій пролетаріатъ добьется политической свободы, то ею воспользуется, конечно, и русская буржуазія, и было-бы смѣшно отсюда выводить заключеніе, что русскій пролетаріатъ, добывающійся политической свободы, не отдѣлилъ еще своихъ интересовъ отъ интересовъ буржуазіи; также смѣшно обвинять еврейскій пролетаріатъ въ томъ, что онъ ставитъ себѣ буржуазныя цѣли, выставляя требованіе равноправія, которымъ воспользуется и еврейская буржуазія.

Итакъ, отдѣльная еврейская рабочая организація желательна и необходима въ интересахъ какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго пролетаріата. Но только такая организація, которая естественно выросла изъ борьбы еврейскаго пролетаріата противъ эксплуатаціи и связана съ нимъ тысячами нитей, можетъ оберегать и энергично защищать его интересы, и одновременно облегчать работу всей Россійской Партіи. Последняя поняла, что при такихъ условіяхъ ея работа можетъ имѣть усилѣннѣе; она достаточно политически развита, чтобы дать въ извѣстныхъ предѣлахъ самостоятельность еврейской организаціи. Она не хвастается, что беретъ на себя задачу разрѣшенія еврейскаго вопроса, чтобы не очутиться въ положеніи той синицы, которая хвасталась, что зажжетъ море. Моря она, конечно, не зажгла и должна была со стыдомъ улетѣть. Эту роль „знаменитой птицы“ Россійская Партія предоставляет п. с. н. Тотъ фактъ, что Россійская Партія правильно поняла свои задачи, что она не только общалась, но въ дѣйствительности признала за каждой націей право имѣть самостоятельную рабочую организацію — все это служить лучшей гарантіей того, что она привлечетъ къ себѣ всѣ живыя силы русскаго пролетаріата и принесетъ въ результатъ своей дѣятельности то, чего отъ нея ожидаютъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

(Рѣчь, произнесенная весной 1898 года по случаю пятидесятилѣтія со дня смерти Бѣлинскаго, на русскихъ собраніяхъ въ Женевѣ, Цюрихѣ и Бернѣ.)

Гг!

Прежде, чѣмъ говорить о значеніи Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго въ исторіи нашего умственнаго развитія, я позволю себѣ нѣсколько оживить въ вашей памяти образъ этого замѣчательнаго человѣка.

Характеризуя самъ себя, онъ говоритъ, что страстность составляетъ преобладающій элементъ его души.

„Эта страстность есть источникъ моихъ мукъ и радостей, — прибавляетъ онъ, — а такъ какъ судьба отказала мнѣ слишкомъ во многомъ, то я и не умѣю отдаваться на половину тому немногому, въ чемъ она мнѣ не отказала. Для меня и дружба къ мужчѣвъ есть страсть, и я бываю ревнивъ къ этой страсти“

Эта же основная черта характера Бѣлинскаго сказывается, разумѣется, и во всѣхъ его общественныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Она проявляется въ его статьяхъ, не смотря на то, что усердная рука цензора неутомимо и неуклонно стирала съ нихъ краски; она прорвалась бурнымъ потокомъ въ его знаменитомъ, негодующемъ письмѣ къ Гоголю; она придаетъ неотразимую прелесть вообще всей его перепискѣ, наконецъ, она же опредѣляетъ собою его отношеніе къ своимъ противникамъ. Онъ всегда былъ страстнымъ полемистомъ.

„У насъ нападаютъ иногда на полемику, особенно на журнальную — говоритъ онъ въ своей знаменитой первой статьѣ „Литературная мечтальнѣ“. Это очень естественно. Люди, хладнокровные къ умственной жизни, могутъ-ли понять, какъ можно предпочитать истину приличіямъ и изъ любви къ ней навлекать на себя ненависть и гоненіе? О, имъ никогда не постычь, что за блаженство, что за сладострастіе души сказать какому-нибудь гению въ отставкѣ

безъ мундира, что онъ смѣшонъ и жалокъ своими дѣтскими претензіями на великость, растолковать ему, что онъ не себѣ, а крикуну журналисту обязанъ своею литературною значительностью, сказать какому-нибудь ветерану, что онъ пользуется своимъ авторитетомъ на кредитъ, по старымъ воспоминаніямъ или по старой привычкѣ; — доказать какому-нибудь литературному учителю, что онъ близорукъ, что онъ отсталъ отъ вѣка, и что ему надо переучиваться съ азбуки; — сказать какому-нибудь выходни богъ вѣсть откуда, какому-нибудь пройдохѣ и Видоку (намекъ на Булгарина. Г. П.) какому-нибудь литературному торгашу, что онъ оскорбляетъ собою и эту словесность, которою занимается, и этихъ добрыхъ людей, кредитомъ которыхъ пользуется, что онъ надругался и надъ святостью истины, и надъ святостью знанія, заклеить его имя позоромъ отверженія, сорвать съ него маску, хотя бы она была и баронская (намекъ на Сенковского — „барона Врамбеуса“. Г. П.), и показать его свѣту во всей его наготѣ!.. Говорю вамъ, во всемъ этомъ есть блаженство невыяснимое, сладострастіе безграничное“.

Въ 1842 году, т. е. когда Бѣлинскій былъ уже далеко не юношей, онъ, въ одномъ изъ писемъ къ Боткину, такъ благодарить его за вѣсти о славнофилахъ:

„Спасибо тебѣ за вѣсти о славнофилахъ. Если не ошибаюсь въ себѣ и въ своемъ чувствѣ, — ненависть этихъ господъ радуешь меня, а смакую ее, какъ бога амброзію, какъ Боткинъ (мой другъ) всякую сладкую дрянъ; а былъ бы радъ ихъ мщенію... Я буду постоянно бѣсить ихъ, выводить изъ терпѣнія, дразнить. Бой мелочной, но все же бой; война съ лягушками, но все же немиръ съ баранами“.

Въ другомъ письмѣ, написанномъ около того же времени, онъ признается:

„Чувствую, теперь вполне и живо, что я рожденъ для печатныхъ битвъ, и что мое призваніе, жизнь, счастье, воздухъ, пища — полемика“.

То же чувствовали, — и вѣроятно еще болѣе живо, — его немалочисленные друзья и его безчисленные враги. Вотъ что говорить о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ Панаевъ:

„Для того, чтобы имѣть о Б. полное понятіе, видѣть его во всемъ блескѣ, надобно было навести разговоръ на тѣ общественные вопросы, которые живо его затрагивали, и раздражить его противорѣчіемъ; затронутый, онъ вдругъ вырасталъ, слова его лились потокомъ, все

фигура его дышала внутренней энергией и силой, голосъ по временамъ задыхался, всѣ мускулы лица приходили въ напряженіе... Онъ нападалъ на своего противника съ силой человѣка, власть имѣющаго, многоходомъ игралъ имъ, какъ соломенкой, издѣвался, ставилъ его въ комическое положеніе и между тѣмъ продолжалъ развивать свою мысль съ энергіей поразительной. Въ такіа минуты этотъ обыкновенно застѣнчивый, робкій и неловкій человѣкъ былъ неузнаваемъ“.

Почти буквально то же самое читаемъ мы въ „Выломъ и Дунахъ“ Герцена:

„Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладиаторская натура! да, это былъ сильный боецъ. Онъ не умѣлъ проповѣдывать, поучать, ему надобень былъ споръ! Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касалось до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерываться, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной повзвѣй развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась изъ горла; блѣдный, задыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ онъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный физической слабостью. Какъ я любилъ и какъ жалѣлъ я его въ эти минуты!“

Нечего и говорить, что врагамъ Бѣлинскаго, — т. е. тѣмъ, надъ которыми онъ издѣвался, которыхъ онъ ставилъ въ смѣшное положеніе и которыми онъ игралъ, какъ соломенкой, — та же самая страстность его характера представлялась очень неприятной чертою. Его называли литературнымъ бульдогомъ и упрекали въ нелюбви ко всему русскому: припомните извѣстные стихи, въ которыхъ авторъ говорить, обращаясь къ Бѣлинскому:

Нѣтъ, твой подвигъ не похваленъ,
Онъ Россіи не нравитъ;
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ не поэтъ и т. д.

Но вы, надѣюсь, не удивитесь, господа, если я скажу что этотъ „бульдогъ“, этотъ страстный и страшный по

ленить былъ чрезвычайно добродушенъ. Герой его юношеской драмы, Дмитрій Калининъ, говоритъ о себѣ;

„Ты не можешь себѣ представить, съ какими чувствами я всегда смотрѣлъ на несчастнаго. Если при мнѣ рассказывали о несправедливостяхъ, гоненіяхъ, жестокостяхъ сильныхъ надъ слабыми, о злоупотребленіи властей, то адъ бунтовала въ моей груди“.

Калининъ выражаетъ здѣсь то, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ происходило въ душѣ самого Бѣлинскаго. Заговоривъ объ этомъ предметѣ, я не могу устоять передъ искушеніемъ прочесть вамъ отрывокъ изъ его письма (отъ 8 сентября 1841 года) къ тому же Боткину.

„Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозреваетъ его возможности? Прочь же отъ меня блаженство, если оно — достоиніе мнѣ одному изъ тысячи! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ маленькими братьями моими... Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей... Подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло, и какъ будто не желаю услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идиотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабацѣ, — и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла! И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности! И послѣ этого имѣть ли право человѣкъ забиваться въ искусство, въ знаніи?“

Это какъ разъ та черта, которая получила выдающееся развитіе у нашихъ передовыхъ людей шестидесятихъ годовъ и которая легла въ основу ихъ отрицательнаго отношенія къ искусству, такъ плохо понятаго и такъ нелѣпо истолкованнаго русскими охранителями того времени и русскими декадентами нашихъ дней. Для передовыхъ людей шестидесятихъ годовъ вопросъ объ искусствѣ былъ прежде всего нравственнымъ вопросомъ; они спрашивали себя: имѣемъ ли мы право наслаждаться искусствомъ въ то время, когда большинство нашихъ ближнихъ лишено не только этого наслажденія, но и возможности удовлетворить самыя элементарныя, но за то и самыя насущныя, самыя неотложныя нужды. А ихъ обвиняли въ безнравственности, въ

глубости чувствъ, въ увности понятій и даже чуть-ли не въ равнодушія къ интересамъ тѣхъ самыхъ бѣдняковъ, ради которыхъ они отказывались и отъ наслажденія искусствомъ, и отъ прочихъ жизненныхъ благъ.

Только что приведенный мною отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину съ поразительной яркостью обнаруживаетъ полную неосновательность этихъ обвиненій.

Впрочемъ для меня важно здѣсь не то, что эти обвиненія неосновательны, а именно то, что Бѣлинскій въ послѣднюю эпоху своей жизни относился къ искусству совершенно такъ, какъ относились къ нему впоследствии Чернышевскій, Добролюбовъ и другіе передовые люди 60-хъ гг. Наше общественное движеніе этихъ годовъ, равно какъ и движеніе слѣдующаго десятилѣтія, было, въ своемъ крайнемъ проявленіи, движеніемъ того общественнаго слоя, которому присвоено у насъ мѣткое названіе разночинцевъ. По своему происхожденію Бѣлинскій принадлежалъ къ этому слою. Онъ былъ едва-ли не первымъ и безъ всякаго сомнѣнія самымъ яркимъ литературнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій мыслящихъ разночинцевъ. Онъ бился надъ тѣми самыми вопросами, надъ которыми впоследствии бились они; онъ мучился тѣми самыми муками, которыми суждено было мучиться имъ, и — гениальный разночинецъ — онъ въ общихъ чертахъ уже указалъ тотъ путь, который выведетъ способную къ развитію часть нашихъ разночинцевъ на путь плодотворной общественной дѣятельности. Въ этомъ и заключается великое общественное значеніе литературной дѣятельности Бѣлинскаго.*)

*) Этимъ же объясняется и то восторженное уваженіе, съ которымъ относились къ нему передовые разночинцы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Для характеристики этого отношенія я приведу два приѣра. Въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“ Чернышевскій, переходя къ оцѣнкѣ дѣятельности Бѣлинскаго, выражается такъ: „Если у каждаго изъ насъ есть предметы столь близкіе и дорогіе сердцу, что, говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя холодность и спокойствіе, старается

Въ статьѣ „Великое сердце“, первой главы которой напечатаны въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ и о которой мнѣ еще придется говорить сегодня, г. Венгеровъ называетъ покойнаго Василія Боткина источникомъ духовнаго возбужденія Бѣлинскаго. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это названіе справедливо. Но было бы очень интересно выяснить, существовала-ли и въ какой мѣрѣ существовала въ отношеніи Боткина къ искусству та черта, которую мы только-что видѣли въ отношеніи Бѣлинскаго къ этому предмету.*) Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, что она можетъ быть указана; во всякомъ случаѣ несомнѣнно,

избѣжать выраженій, въ которыхъ бы слышалась его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣренный, что, при соблюденіи всей возможной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча, — если, говоримъ мы, у каждаго изъ насъ есть такіе дорогие сердцу предметы, то критика гоголевскаго періода (т. е. критика Бѣлинскаго. Г. П.) занимаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ... Потому-то мы будемъ говорить о критикѣ гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ ничто, не выражающее всей полноты чувствъ“.

Другой примѣръ еще знаменательнѣе. Въ 1856 г. А. И. Левитовъ, тогда еще молодой студентъ медико-хирургической академіи, былъ высланъ административнымъ порядкомъ сначала въ Вологду, а потомъ въ Шенкурскъ. Положеніе его тамъ было, само собою разумѣется, тяжелое и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Переписывавшіеся съ нимъ друзья старались, какъ умѣли, поддерживать его бодрость. Въ апрѣлѣ 1859 г. одинъ изъ нихъ, нѣкто Фиделинъ, советуя ему продолжать начатія литературныя работы, писалъ: „вспомни о Бѣлинскомъ и ободрись... читай, читай, доставай [книги]... теперь много выходитъ книгъ, и книги все хорошія, опять напоминаю тебѣ Бѣлинскаго. Мнѣ хотѣлось бы даже послать тебѣ что-нибудь, да признаться... впрочемъ, нечего признаваться, — какъ достану рубль сер., то непремѣнно обѣщамъ тебѣ выслать первую часть сочиненій Бѣлинскаго“.... (См. стр. LXVI-LXVII статья Ф. Д. Нефедова: „Александръ Ивановичъ Левитовъ“, приложенной къ первому тому собранія соч. А. И. Левитова, изд. К. Т. Солдатенкова.) Такъ велико было значеніе Бѣлинскаго для разночинцевъ этого поколѣнія.

*) Само собою разумѣется, что я говорю о сороковыхъ годахъ, а не о томъ времени, когда Боткинъ дружилъ съ Фетомъ и направлялъ цензуру на сотрудниковъ „Современника“.

что ни у кого изъ западниковъ сороковыхъ годовъ она не достигала такого развитія, какъ у Бѣлинскаго. Въ этомъ отношеніи онъ подошелъ къ нашимъ просвѣтителямъ шестидесятыхъ годовъ ближе, чѣмъ кто бы то ни было изъ его современниковъ.

И не въ одномъ только этомъ отношеніи. Тотъ же г. Венгеровъ, въ той же, цитированной мною, статьѣ „Великое сердце“, говоритъ:

„Видъ самыя-то настоящіе великіе люди тѣ, которые не сами по себѣ, а отражаютъ великія эпохи. Второстепенно было бы значеніе Бѣлинскаго, еслибы онъ отражалъ одного Станкевича, одного Боткина, одного Бакунина, одного Грановскаго, одного Герцена. Но если онъ одновременно, и притомъ по отношенію къ большинству изъ нихъ съ безконечно большою силою и блескомъ, отражалъ и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановскаго, и Герцена, то это уже значитъ, что онъ является центральнымъ пунктомъ вѣнчательнейшей эпохи, выразителемъ самаго замѣчательнаго момента русской культуры, давшей ту плеяду великихъ писателей, которые поставили Россію на одинъ уровень съ великими литературными державами человѣчества“.

Это и такъ, и очень не такъ. Бѣлинскій, безспорно, „отражалъ“ и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановскаго, и Герцена и еще очень многихъ другихъ передовыхъ людей своего времени, т. е. иначе сказать, онъ безспорно отражалъ то, что было у него общаго со всѣми этими людьми вмѣстѣ взятыми и съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Но это не мѣшало ему „отражать“ прежде всего и ярче всего самого себя, какъ опредѣленную индивидуальность, со всѣми своими индивидуальными чертами. И говоря о значеніи Бѣлинскаго въ исторіи нашего умственнаго развитія, можно и должно было бы, я полагаю, спросить себя: не имѣли ли общаго историческаго значенія его индивидуальныя черты, его личныя особенности? Только при такой постановкѣ вопроса и можно выяснить себѣ, во всей ея полнотѣ, историческую роль великаго человѣка.

Взглянемъ же на эти особенности.

По своему образу мыслей Бѣлинскій, въ кружкѣ на-

шихъ западниковъ сороковыхъ годовъ, представлялъ крайнюю лѣвую. Герценъ не даромъ называетъ его въ своемъ „Дневникѣ“ фанатикомъ, человекомъ экстремы. Страстный боецъ, „жидъ“, ненавидѣвшій „филлистанъ“, онъ, наиримѣрь, никакъ не могъ простить Герцену его полудружескихъ связей съ московскими славянофилами. Когда Герценъ вступалъ съ нимъ въ объясненія по этому поводу, Бѣлинскій находилъ, что отъ его объясненій „попахиваетъ умѣренностью и благоразуміемъ житейскимъ, т. е. началомъ паденія и гнѣнія“*). О другомъ своемъ пріятелѣ, Грановскомъ, онъ отзывался съ большой похвалою, но, прибавлялъ онъ, одно въ немъ худо — модерація! Въ свою очередь Грановскій еще сильнѣе, чѣмъ Герценъ, поражался „крайностями“ Бѣлинскаго.

„Между Бѣлинскимъ и Грановскимъ была великая дружба — говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Кавелинъ, — но я думаю, что непосредственной симпатіи между ними не было, да и не могло быть. Это были двѣ натуры совершенно противоположныя... О Бѣлинскомъ Грановскій говорилъ всегда съ большимъ уваженіемъ, съ большой любовью, но прибавлялъ, что онъ страшно увлекается и впадаетъ въ крайности. Если бы эти натуры не сплочали въ тѣснѣйшій союзъ внѣшнія обстоятельства, благородство общихъ стремленій, личная безукоризненность, а также гнетъ мысли, науки, литературы, — Бѣлинскій и Грановскій навѣрное разошлись бы, какъ Грановскій впоследствии разошелся съ Герценомъ“ (**).

Изъ книги г. Пышина: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка,“ мы узнаемъ, что между Грановскимъ и Бѣлинскимъ часто велись споры о французской революціи, и что Грановскій не соглашался съ мнѣніемъ Бѣлинскаго „о Р.“, т. е. о Робеспьерѣ. Это совершенно понятно и это лишній разъ подтверждаетъ ту мысль Кавелина, что при другихъ общественныхъ условіяхъ эти люди далеко разошлись бы между собою.

Г. Венгерову, да и не одному г. Венгерову, хотѣлось

*) См. Пышина: Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. II, стр. 180

***) Тамъ же, т. II, стр. 230.

бы смягчить многія „крайности“ въ характерѣ и особенно во взглядахъ Бѣлинскаго, сдѣлать его, какъ говорятъ нѣмцы — salonfähig. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что, разорвавъ до извѣстной степени съ философией Гегеля, которой онъ такъ сильно увлекался прежде, Бѣлинскій перешелъ къ социализму.

„Ты знаешь мою натуру, — писалъ онъ Боткину, — она вѣчно въ крайностяхъ... Я теперь въ новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеею идей... альфой и омегой вѣры и знанія... она для меня поглотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою твою и всѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчался на пути жизни“.

Г. Венгеровъ очевидно имѣетъ въ виду это обстоятельство, когда говоритъ въ своей статьѣ:

„Самое лучшее характеристикою міросозерцанія кружка Бѣлинскаго и Герцена было бы назвать ихъ „социалистами“. Но я боюсь этого названія, позднее приобрѣшаго иной оттѣнокъ, воинственный. Я же, напротивъ того, сейчасъ собираюсь показать, что „социализмъ“ въ позднѣйшемъ смыслѣ, агрессивномъ, былъ чуждъ людямъ 40-хъ годовъ. Бѣлинскій въ одномъ письмѣ называетъ себя „социалистомъ“, но только въ смыслѣ человека, интересующаго по преимуществу „соціальными“, т. е. общественными вопросами. Да будетъ мнѣ позволено, поэтому, называть нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ не „социалистами“, а „общественниками“, и тогда подъ эту кличку подойдутъ и Герценъ, и Бѣлинскій, и безусловно мѣрные писатели, Григоровичъ Тургеневъ, Достоевскій, Салтыковъ, Некрасовъ и др.“

Г. Венгеровъ, какъ видно, плохо выяснилъ себѣ характеръ Бѣлинскаго, который въ своихъ увлеченіяхъ былъ всегда именно „агрессивенъ“.

„Я начинаю любить человечество маратовски — говоритъ онъ о себѣ: — чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечомъ истребилъ бы остальную“....

Сопоставьте съ этою маратовскою любовью къ человечеству его, упомянутое мною выше, пристрастіе къ Робеспьеру, и вы согласитесь, господа, что социализмъ Бѣлинскаго далеко не чуждъ былъ очень агрессивныхъ элементовъ.

Но „Гусскому Богатству“ не хочется согласиться съ этимъ, и вотъ оно, въ лицѣ г. Венгерова, употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы стереть яркія краски съ образа нашего великаго писателя. Для этого г. Венгеровъ прибѣгаетъ, между прочимъ, къ свидѣтельству Щедрина.

Щедринъ писалъ когда то:

„Изъ Франціи Сев-Симона, Кабэ, Фурье, Лух-Влана и въ особенности Жоржъ-Зандъ лилась въ насъ вѣра въ человечество; отсюда возсіала увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ“.

По этому поводу г. Венгеровъ замѣчаетъ:

„Въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоценны не только факты, но и общій тонъ. Рѣчь какъ будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ старикѣ только память сердца, тутъ не „борьба классовъ“, а человечество, не политическая экономія, а вѣра, и эта вѣра воспринята не сухо логически, потому что факты и цифры неотразимы, — она возсіала“ и т. д.

Итакъ, тутъ не борьба классовъ, а человечество; тутъ не политическая экономія, а вѣра. Оставимъ въ сторонѣ, какъ неумѣстный здѣсь, вопросъ о томъ, какъ относился къ „политической экономіи“ самъ Щедринъ. Но полезно будетъ выяснить, точно-ли „борьба классовъ“ не играла никакой роли въ социализмѣ Бѣлинскаго.

Чтобы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, достаточно прочитать статью его о романѣ Эжена Сю: „Парижскія тайны“. Въ этой статьѣ Бѣлинскій сожалеетъ о томъ, что парижскій рабочій народъ взялся за оружіе въ Іюль 1830 года, тогда какъ борьба буржуазинъ съ королевской властью была не его дѣломъ, не дѣломъ народа:

„Въ слѣбомъ и безумномъ самоотверженіи народъ не щадилъ себя, сражаясь за нарушеніе правъ, которыя нисколько не дѣлали его счастливымъ и, слѣдовательно, такъ же мало касались его, какъ и вопросъ о здоровьѣ китайскаго богдыхана“.

Затѣмъ Бѣлинскій оспариваетъ буржуазное понятіе о равенствѣ:

„Французскій пролетарій передъ закономъ равенъ съ самымъ богатымъ собственникомъ и капиталистомъ, тотъ и другой судится одинаковымъ судомъ и по винѣ наказывается одинаковымъ наказаніемъ; но бѣда въ томъ, что отъ этого равенства пролетарію ничуть не легче. Вѣчный работникъ собственника и капиталиста, пролетарій весъ въ его рукахъ, ибо тотъ даетъ ему работу и произвольно назначаетъ за нее плату. Этой платы бѣдному работнику не всегда станеть на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственникъ съ этой платы беретъ 99 процентовъ.... Хорошо равенство!“

Наконецъ Вѣлинскій бичуетъ безсердечіе и жадность буржуазіи и указываетъ на страданія парижскаго народа.

„Вѣдствія народа въ Парижѣ выше всякой мѣры превосходятъ самую сильную выдумку фантазій, — восклицаетъ онъ. Но искры добра еще не погасли во Франціи, — онѣ только подъ пепломъ и ждутъ благопріятнаго вѣтра, который превратилъ бы ихъ въ яркое и чистое пламя. Народъ — дитя, но это дитя растетъ и общается съблаться мужемъ, полнымъ силъ и разумомъ.... Онъ еще слабъ, но онъ еще одинъ хранитъ въ себѣ огонь національной жизни и свѣжій энтузіазмъ убѣжденія, погасшій въ слюяхъ образованнаго общества“ и т. д.

Я спрашиваю васъ, господа, какой видъ имѣетъ здѣсь „вѣра въ человечество“? Она исполнѣ и безъ остатка покрывается вѣрой въ народъ, понятіе о которомъ, въ свою очередь, совершенно покрывается понятіемъ о рабочемъ классѣ. Интересы и даже нравственность рабочихъ противопоставляются интересамъ и нравственности буржуазіи. Это ли не точка зрѣнія борьбы классовъ? Это-ли не та „узкость“, въ которой обвиняютъ нынѣшнихъ социалистовъ люди не способные до опредѣленныхъ понятій и считающіе широкими такіе общественные взгляды, которые въ дѣйствительности просто неясны и только неясны?

Спѣшу, однако, сдѣлать оговорку. Никто изъ нынѣшнихъ социалистовъ не согласится съ Вѣлинскимъ въ томъ, что вопросъ о политическихъ правахъ такъ же мало касается истинныхъ интересовъ народа, какъ и вопросъ о здоровьѣ китайскаго богдыхана. Это

ошибка. Безъ политическихъ правъ невозможно широкое развитіе рабочаго движенія, и вотъ почему тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, рабочіе всѣми силами должны стремиться къ ихъ завоеванію. Вотъ почему и у насъ въ Россіи первымъ крупнымъ шагомъ рабочаго движенія должно быть завоеваніе политической свободы. Бѣлинскому не ясна была связь экономическихъ интересовъ рабочаго класса съ его политическими правами. Въ этомъ состояла слабая сторона его социалистическихъ взглядовъ, какъ и всего тогдашняго, такъ называемаго теперь, утопическаго социализма. Но это не мѣшало ему стоять на точкѣ зрѣнія борьбы классовъ или, какъ выражается г. Венгеровъ, политической экономіи и приурочивать свою вѣру въ человечество исключительно къ вѣрѣ въ рабочій классъ. Въ виду этого всѣ попытки сдѣлать его *salonfähig* приходится признать совершенно неосновательными.

Разъ коснувшись вопроса о борьбѣ классовъ, я не могу оставить его, не постаравшись разрушить нѣкоторую ассоціацію идей, до сихъ поръ коренящуюся довольно прочно не только въ умахъ французскихъ и нѣмецкихъ филистеровъ, но къ сожалѣнію также и въ умахъ многихъ русскихъ людей, считающихъ себя „передовыми“. Я имѣю въ виду предразсудокъ противъ классовой борьбы. Говорятъ: зачѣмъ же защищать интересы одного только рабочаго класса? Это узко. Надо защищать интересы всего человечества. Но говорить такъ, значитъ играть словами. Я спрошу людей, занимающихся этой игрой, какъ чѣмъ то очень серьезнымъ: о какомъ „человѣчествѣ“ говорите вы? Если о трудящемся человечествѣ, если о тѣхъ, которые, трудясь сами, не сидятъ ни на чьей шеѣ, то ихъ интересы, говоря вообще, совпадаютъ съ интересами рабочаго класса. А если вы говорите о тѣхъ, которые не могутъ существовать, не эксплуатируя чужого труда, подобно тому, какъ паразитъ не можетъ жить, не высасывая чужихъ соковъ, то я позволю себѣ усомниться въ томъ, чтобы люди, стремящіеся къ добру и истинѣ, могли принимать къ

сердцу интереси этого будто бы человечества. Французская революція прошлаго вѣка была дѣломъ огромной важности для всего цивилизованнаго міра, хотя въ то же самое время она была фактомъ сословной борьбы, — именно фактомъ борьбы третьяго сословія противъ дворянства и духовенства. Что такое было третье сословіе? „Toute la nation moins les privilégiés“, отвѣчали тогдашніе французскіе революціонеры. Это было справедливое опредѣленіе, и вы согласитесь господа, что, защищая интересы всей націи минусъ — „привилегированные“, эти революціонеры совсѣмъ не грѣшили „узкостью“. Но вѣдь совершенно такой же отвѣтъ могутъ дать и нынѣшніе социалисты. Что такое интересы рабочаго класса? Это интересы всѣхъ тѣхъ, кто не живетъ эксплуатаціей чужого труда. Это опять вся нація, или, точнѣе, всѣ націи moins les privilégiés, минусъ — эксплуататоры. Интересы эксплуататоровъ — отрицательная величина; вычестъ ихъ изъ общихъ интересовъ всего народа значить прибавить къ его интересамъ вѣчто положительное. Кто объявляетъ войну войнѣ, тотъ стремится къ миру; кто объявляетъ войну экономической эксплуатаціи, тотъ становится на точку зрѣнія интересовъ рабочаго класса, но тѣмъ самымъ защищаетъ интересы всего человечества. Мнѣ очень жаль, что г. Венгерову не знакома эта безспорнѣйшая истина, такъ рѣзко и такъ ясно обнаружившаяся въ результатѣ общественнаго движенія нашего вѣка.

Но вернемся къ Бѣлинскому.

Герценъ рассказываетъ въ „Выломъ и Думахъ“, что комендантъ Петропавловской крѣпости Скобелевъ, встрѣчаясь съ знаменитымъ критикомъ на Невскомъ проспектѣ, шутя говорилъ ему: „Когда же къ намъ? У меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ; такъ для насъ и берегу.“ Эта милая шутка тюремщика хорошо рисуетъ взглядъ на Бѣлинскаго нашихъ тогдашнихъ „правящихъ сферъ“. Его считали крайне опаснымъ человѣкомъ. Всѣмъ вамъ, конечно, извѣстенъ эпизодъ, увѣковѣченный на картинѣ Наумова: Бѣлинскій передъ

смертью. Вотъ какъ онъ случился. Уже въ февралѣ 1848 года тогдашній начальникъ знаменитаго третьяго отдѣленія, Дуббельтъ, звалъ къ себѣ Бѣлинскаго для объясненій. Тотъ былъ уже очень боленъ и не могъ выходить изъ дому. На время его оставили въ покоѣ; но 27 марта къ нему на квартиру явился жандармъ съ новымъ приглашеніемъ. Появленіе этого жандарма и изображено Наумовымъ. Одинъ изъ друзей Бѣлинскаго такъ рассказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ визитомъ.

„Бѣлинскій, не встававшій уже съ кресла, задыхающимся отъ волненія и отъ слабости голосомъ просилъ меня... отыскать бывшаго его учителя Попова... (служившаго тогда въ 3-мъ отд. Г. П.) и узнать, для чего его требуютъ. Пріѣхавъ въ Пошову, я объяснилъ ему о тяжелой болѣзни Бѣлинскаго, приковавшей его къ креслу, и спросилъ, чего отъ него желаютъ. Поповъ вспомнилъ съ нѣжностью о дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго, выразилъ участіе къ его болѣзненному состоянію, просилъ меня успокоить больного и объяснить ему, что онъ вызывался не по какому-нибудь частному дѣлу или обвиненію, но какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, — единственно для того, чтобы лично познакомиться съ начальникомъ вѣдомства (гдѣ служилъ Поповъ), ходячкомъ русской литературы“.

Въ день похоронъ Бѣлинскаго къ немногимъ друзьямъ, провожавшимъ на Волково кладбище его тѣло, присоединилось, — какъ говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ Панаевъ — „три или четыре неизвѣстныхъ, вдругъ откуда то взявшіеся. Они остались на кладбищѣ до самаго конца погребенія и слѣдили за всѣмъ съ величайшимъ любопытствомъ, хотя слѣдить было совершенно нечего“. А когда у друзей Бѣлинскаго явилась мысль разыграть въ лотерею — въ пользу его, оставшагося безъ средствъ семейства — его библіотеку, и когда одинъ изъ нихъ вступилъ по этому поводу въ переговоры съ упомянутымъ уже выше Поповымъ, то произошло вотъ что:

„Услышавъ о смерти Бѣлинскаго, Поповъ выразилъ сожалѣніе о столь преждевременной кончавъ замѣчательнаго критика, но лишь

только ему сказано было о лотерей, онъ весь измѣнился въ лицѣ и отвѣтилъ въ самомъ раздраженномъ тонѣ — отказомъ. Его слова нѣтъ тотъ смыслъ, что для него имя Бѣлинскаго было равнозначительно имени государственнаго преступника....“

Бѣлинскій никогда не сдѣлалъ ничего преступнаго даже съ точки зрѣнія нашихъ законовъ, объявляющихъ преступными такія дѣйствія, которыя вездѣ на Западѣ считаются не только позволительными, но и вполне обыкновенными. И тѣмъ не менѣе, смотря на Бѣлинскаго, какъ на государственнаго преступника, третье отд. лишній разъ обнаружило свое тонкое чутье ищейки. Ему Бѣлинскій дѣйствительно долженъ былъ казаться преступникомъ. Вы помните, господа, о „маратовской“ любви Виссаріона Григорьевича къ человѣчеству; вы помните объ его пристрастїи къ Робеспьеру. Теперь я прибавлю, что, крайне нервный и искренній, онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать свои убѣжденія. Приведу пзъ воспоминаній Герцена два случая, чрезвычайно характерныхъ въ этомъ отношенїи.

„Разъ приходитъ онъ обѣдать къ одному литератору на страстной недѣлѣ, подають постныя блюда. Давно-ли, спрашиваетъ онъ, вы сдѣлались такъ богомольны? — Мы ѣдимъ, отвѣчаетъ литераторъ, постное просто на просто для людей. — Для людей? спросилъ Бѣлинскій и поблѣднѣлъ, — для людей? повторилъ онъ и бросилъ свое мѣсто. Гдѣ ваши люди? я имъ скажу, что они обмануты, всякій открытый порокъ лучше и человѣчественнѣе этого презрѣнія къ слабому и необразованному, этого лицемерїя, поддерживающаго невѣжество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну вась доску со всѣми царями, попами и плантаторами. Прощайте, я не ѣмъ постнаго для изученія, у меня нѣтъ людей!“

А вотъ второй случай.

Разъ на вечеринкѣ у того самаго литератора, который постился для своихъ „людей“, одинъ магистръ петербургскаго университета, по словамъ Герцена ослабившій свои способности философїей и филологїей, долго разсуждалъ на тему объ умѣренности и аккуратности и, коснувшись знаменитаго „Философическаго Письма“ Чаадаева, заявилъ, что авторъ этого письма не достоинъ уваженія. Присутствовавшій на вечеринкѣ Герценъ,

который был лично знакомъ съ Чаадаевымъ, сталъ возражать магистру, объясняя ему, какъ несправедливъ его отзывъ о человѣкѣ, смѣло высказавшемъ свое мнѣніе и пострадавшемъ за него. Магистръ отвѣчалъ, указывая на необходимость уважать разные „основы“. Споръ затягивался...

„Вдругъ мою рѣчь подкосилъ Бѣлинскій... — рассказываетъ Герценъ — онъ подошелъ ко мнѣ уже блѣдный, какъ полотно, и, ударивъ меня по плечу, сказалъ: Вотъ они высказались — инквизиторы, цензоры, на веревочкѣ мысль водить... и пошелъ, и пошелъ. Съ грознымъ вдохновеніемъ говорилъ онъ, приправляя серьезныя слова убійственными колкостями. „Что за обидчивость такая, нахами быть, не обижаемся, въ Сибирь посылаютъ, не обижаемся, а тутъ Чаадаевъ, видите, зашибилъ народную честь, не смѣй говорить! рѣчь — дерзость, лакей никогда не долженъ говорить! Отчего же въ странахъ больше образованныхъ, гдѣ, кажется, чувствительность тоже должна быть развита, чѣмъ въ Костромѣ да Калугѣ, — не обижаются словами?“

— Въ образованныхъ странахъ, сказалъ съ неподражаемымъ самодовольствомъ магистръ, есть тюрьмы, въ которыя запираютъ безумныхъ, оскорбляющихъ то, что цѣлый народъ чтитъ... и прекрасно дѣлаютъ.

Бѣлинскій выросъ, онъ былъ страшенъ, великъ въ эту минуту, скрестивъ на больной груди руки и глядя прямо на магистра, онъ отвѣтилъ глухимъ голосомъ:

— А въ еще болѣе образованныхъ странахъ бываетъ гильотина, которой казнятъ тѣхъ, которые находятъ это прекраснымъ.

Сказавши это, онъ бросился на кресло изнеможенный и замолчалъ. При словѣ гильотина хозяинъ поблѣднѣлъ, гости обезпокоились; сдѣлалась пауза. Магистръ былъ уничтоженъ...

Таковъ былъ „неистовый Виссаріонъ“. Войдите въ положеніе Дуббелта, господа, и скажите, развѣ онъ не обязанъ былъ, „по долгу службы и присяги“, видѣть въ немъ государственнаго преступника?

Но мы не служимъ въ третьемъ отдѣленіи, мы не клялись быть вѣрными жандармами его петербургскаго величества, и намъ позволительно смотрѣть на дѣло съ другой стороны. Въ нашихъ глазахъ „преступный“ образъ мыслей „неистоваго Виссаріона“ является однимъ изъ многихъ его правъ на нашу любовь и наше уваженіе. Мы

любимъ Бѣлинскаго, между прочимъ, и за то, что въ глазахъ Дуббеля, онъ былъ и не могъ не быть, престоупникомъ. Только смерть спасла Бѣлинскаго отъ очень основательнаго знакомства съ третьимъ отдѣленіемъ. Представляя себѣ сомнительное удовольствіе этого знакомства, мы съ тѣмъ большимъ чувствомъ повторимъ, вслѣдъ за Некрасовымъ:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Перехожу къ другой части своего чтенія. Напомнивъ вамъ, какъ чувствовалъ Бѣлинскій, я хочу теперь напомнить, какъ думалъ онъ, и что составляло главный предметъ его думъ въ теченіе его сознательной жизни.

Тотъ же Некрасовъ говоритъ, обращаясь къ нему.

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и работѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ — и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

На сколько справедливы слова поэта о „новыхъ стезяхъ“, проложенныхъ Бѣлинскимъ?

Что наша литературная критика вышла на новую стезю именно благодаря Бѣлинскому, это знаютъ даже тѣ, которые цѣнятъ въ немъ главнымъ образомъ „великое сердце“. И уже на основаніи того, что онъ сдѣлалъ для литературной критики, можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ словахъ Некрасова нѣтъ никакого преувеличенія. Но живой и сильный умъ Бѣлинскаго стремился проложить новыя „стези“ не только въ литературной критикѣ. Его упорная работа была направлена также и на социально-политическую область. И его попытка найти новый путь въ этой области заслуживаетъ даже большаго вниманія, чѣмъ сдѣланное имъ собственно въ литературѣ.

Эта попытка тѣсно связана съ его увлеченіемъ геге-

левской философией, смыслъ котораго намъ и надо выяснитьъ въ настоящее время.

Чтобы понять этотъ смыслъ, необходимо прежде всего представить себѣ ту эпоху, въ которой относятся юношескіе годы Бѣлинскаго. Ему было около пятнадцати лѣтъ, когда произошло извѣстное возстаніе декабристовъ. Оно вызвало очень много толковъ по всей Россіи и, разумѣется, произвело сильное впечатлѣніе на пылкаго, чрезвычайно даровитаго и рано развившагося юношу. Послѣ 14-го декабря еще болѣе усилилась та реакція, которая была сильна уже въ концѣ царствованія Александра I.

„Нравственный уровень общества палъ — говоритъ Герценъ — развитіе было прервано, все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные испуганные, слабые, потерянные, — были мелки, пусты, дрянъ александровскаго поколѣнія завла первое мѣсто“.

Легко представить себѣ нравственное состояніе людей, сохранившихъ лучшія преданія предшествовавшей эпохи и вдругъ увидѣвшихъ себя совершенно бессильными въ борьбѣ за свои идеалы.

„Ужасни были первые годы, послѣдовавшіе за 1825 — говоритъ Герценъ въ другомъ своемъ сочиненіи. Нужно было около десяти лѣтъ для того, чтобы опомниться отъ этого пораженія и преслѣдованія“*)

Что испытывалъ юноша Бѣлинскій въ продолженіе этого тяжелаго десятилѣтія? Какъ ни мало у насъ данныхъ для подробнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но у насъ имѣется, однако, его собственное свидѣтельство, имѣющее ту огромную цѣну, которую имѣетъ все, что говорилъ о себѣ этотъ безусловно правдивый человѣкъ. По его словамъ, въ юности онъ былъ полонъ героическихъ стремленій, горячо ненавидѣлъ существовавшій общественный строй и въ то же время мучительно сознавалъ себя нулемъ. Изъ подобнаго настроенія могло быть толь-

*) Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Paris, 1851, p. 97.

во два выхода: во-первыхъ, совершенный индифферентизмъ, полное забвеніе всякихъ идеальныхъ стремленій; во-вторыхъ, страстное исканіе въ политической литературѣ, въ наукѣ или въ философіи объясненія тяжелаго настоящаго и указанія на лучшее будущее. Бѣлинскій и его товарищи засѣли за философію.

Въ сосѣдней съ нами Германіи безраздѣльно господствовала тогда идеалистическая философія Гегеля. Когда Бѣлинскій ознакомился съ нею, она всецѣло захватила его и наложила свою глубокую печать на весь дальнѣйшій ходъ его умственного развитія.

Почему такъ сильно было ея вліяніе на него?

По той же самой причинѣ, по которой она подчинила себѣ самыя свѣжіе и самыя энергичныя умы тогдашней Германіи, а отчасти и всей западной Европы. Потому, что она была фокусомъ, въ которомъ сосредоточились всѣ результаты предшествующей работы философской мысли и изъ котораго выходили лучи, освѣщавшіе путь умственного и нравственного развитія цивилизованнаго міра. Мои слова могутъ показаться вамъ преувеличеніемъ; поэтому я спѣшу назвать имена Штрауса, Бруно Бауэра, Фейербаха, Лассалья, Энгельса и Маркса. Всѣ эти люди обладали выдающимися, а нѣкоторые изъ нихъ и прямо гениальнымъ умомъ; всѣ они сдѣлали чрезвычайно много для умственного развитія нашего вѣка, и ни одинъ изъ нихъ не отказался бы признать, что Гегелю обязанъ онъ былъ какъ своимъ могучимъ методомъ изслѣдованія, такъ и цѣлымъ рядомъ плодотворнѣйшихъ мыслей. Чтобы вы могли судить о томъ, какъ относились къ этому великому мыслителю гениальные люди, прошедшіе черезъ его школу, но впоследствии покинувшіе его точку зрѣнія, я рекомендую вамъ небольшую книгу Энгельса о Фейербахѣ, появившуюся въ восьмидесятыхъ годахъ по нѣмецки и вышедшую по русски въ Женевѣ.

Само собою разумѣется, что я не могу указать вамъ сегодня всѣ, хотя бы только наиболѣе замѣчательныя, стороны гегелевскаго міросозерцанія. Для этого у меня

не хватило бы времени. Я надѣюсь, однако, что мнѣ удастся отгнать важнѣйшую изъ нихъ. По крайней мѣрѣ, я попытаюсь сдѣлать это.

Въ исторіи умственнаго развитія человѣчества, — какъ и въ исторіи всякаго развитія, — послѣдующая фаза всегда тѣсно связана съ предъидущей, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякая послѣдующая фаза не только отличается отъ предъидущей, но во многихъ отношеніяхъ прямо противоположна ей. Это общее правило, которое нужно помнить при изученіи всякаго процесса развитія. И это общее правило блестяще оправдывается при изученіи преобладающаго теченія философской мысли въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка сравнительно съ ея главнѣйшимъ теченіемъ во второй половинѣ предъидущаго столѣтія.

Въ философіи восемнадцатаго вѣка, за немногими и не очень важными исключеніями, отсутствовала точка зрѣнія развитія. Этотъ коренной недостатокъ замѣчается какъ во взглядѣ философовъ того времени на природу, такъ и въ ихъ взглядѣ на исторію человѣчества. Историческій процессъ есть процессъ развитія, и потому, казалось бы, на исторію невозможно смотрѣть иначе, какъ съ эволюціонной точки зрѣнія. Однако, философы 18-го столѣтія смотрѣли на нее иначе, да и теперь еще далеко не каждый изъ насъ отдѣлился отъ воззрѣній 18-го столѣтія.

Для философовъ 18-го вѣка главной пружиной историческаго движенія было развитіе и распространеніе знаній, просвѣщенія, *des lumières*, какъ говорили они. Конечно, никому не придетъ въ голову оспаривать относительную правомѣрность этого взгляда. И въ настоящее время нѣмецкіе социалъдемократы поютъ въ своей марсельсѣ:

Der Feind, den wir am tiefsten hassen,
Der uns umlagert, schwarz und dicht,
Das ist der Unverstand der Massen,
Den von des Geistes Schwert durchbricht.

Всякому прогрессивному общественному дѣятелю всегда приходилось считаться на практикѣ съ неразвѣтностью массы. Но при теоретическомъ изученіи предмета можно и должно спросить себя: не обусловливается-ли само накопленіе знаній и распространеніе просвѣщенія нѣкоторыми, глубже лежащими причинами? Другими словами: при теоретическомъ изученіи предмета можно и должно задаться вопросомъ о томъ, нельзя-ли и на самое накопленіе знаній и распространеніе просвѣщенія смотрѣть какъ на процессъ развитія, подчиненный извѣстнымъ законамъ, которые можно открыть и опредѣлить подобно тому какъ изучаютъ и опредѣляютъ законы природы? Если — можно, то умственное развитіе человѣчества способно стать предметомъ научнаго изслѣдованія; если — нельзя, то о научномъ изученіи этого развитія нечего и говорить, потому что нѣтъ науки тамъ, гдѣ нѣтъ законосообразности явленій.

Разсуждая формально, каждый философъ 18-го вѣка, конечно, согласился бы съ тѣмъ, что явленія умственной жизни народовъ, какъ и всякія другія явленія, имѣютъ свои причины и потому могутъ быть изучаемы съ точки зрѣнія ихъ законосообразности. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Гельвецій, дѣлали даже чрезвычайно интересныя попытки подобнаго изученія. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ они продолжали смотрѣть на умственное развитіе человѣчества, какъ на послѣднюю причину историческаго движенія, и потому можно сказать, что, при изслѣдованіи этого движенія, ихъ научный анализъ останавливался тамъ, гдѣ ему нужно было начинаться. Вотъ почему у просвѣтителей восемнадцатаго вѣка не было научной философіи исторіи.

До поры до времени — напр., въ эпоху изданія знаменитой энциклопедіи — на это обстоятельство можно было не обращать вниманія. Главная историческая миссія просвѣтителей 18-го вѣка заключалась въ умственной борьбѣ съ устарѣлыми взглядами, завѣщанными временемъ расцвѣта абсолютной монархіи и пол-

наго и безспорнаго господства дворянства и духовенства. Въ этой умственной борьбѣ естественно и даже очень полезно было смотрѣть на ходъ идей, какъ на послѣднюю и самую глубокую причину хода вещей въ человѣческихъ обществахъ. Но вотъ разразилась гроза великой революціи; событія пошли одни за другими съ головокружительной быстротой и съ неумолимой силой могучихъ явленій природы. Общественное настроеніе измѣнялось очень часто, очень рѣшительно и совершенно неожиданно; ходъ общественной жизни и мысли не только повидимому, не оправдывалъ свѣтлыхъ надеждъ и отрадныхъ предсказаній философовъ, но прямо насмѣхался надъ ними. Тогда стало очевидно для многихъ, что ходъ идей не опредѣляетъ собою хода вещей, а, напротивъ, самъ опредѣляется этииъ послѣдними. И вотъ философы времени реставраціи стараются открыть законосообразность въ ходѣ умственнаго развитія человечества*); историки разсматриваютъ мысли людей, какъ продуктъ ихъ социальныхъ отношеній, и всѣ изслѣдователи общественной жизни все болѣе и болѣе переходятъ на точку зрѣнія развитія.

Этотъ переходъ нашелъ свое главное выраженіе въ философской системѣ Гегеля. Точка зрѣнія Гегеля есть точка зрѣнія развитія; это составляетъ самую важную сторону его философіи; и именно благодаря этой своей сторонѣ его философія приобрѣла такое могучее и такое плодотворное вліяніе на весь ходъ умственнаго развитія девятнадцатаго вѣка.

Ученіе о развитіи разсматриваетъ явленія съ ихъ преходящей стороны. Оно указываетъ причины, вызвавшія ихъ возникновеніе, и оно же открываетъ тѣ причины, которыя обусловили или должны обусловить со-

*) Именно въ это время Сен-Симонъ пытается установить свой законъ трехъ фазисовъ (теологическаго, метафизическаго и позитивнаго), связываемый обыкновенно и очень неосновательно съ именемъ Огюста Конта. Въ настоящее время на этотъ „законъ“ можно смотрѣть, какъ на одинъ изъ лучшихъ приѣмовъ невыработанности тогдашнихъ понятій о законосообразности въ историческомъ развитіи.

временемъ ихъ исчезновеніе. Старый революціонеръ, разсматривавшій съ этой точки зрѣнія, положимъ, фактъ возвращенія во Францію тѣхъ самыхъ Бурбоновъ, владѣтельству которыхъ былъ, казалось бы, нанесенъ окончательный ударъ низложеніемъ и смертью Людовика XVI, долженъ былъ чувствовать значительное облегченіе при мысли о томъ, что сама реакція, смѣнившая во Франціи могучій революціонный порывъ, есть лишь преходящее явленіе, прочное лишь до тѣхъ поръ, пока существуютъ вызвавшія его временныя причины. Открывъ эти причины, такой революціонеръ пріобрѣталъ возможность содѣйствовать ихъ устраненію, т. е. слѣдовательно новому торжеству дѣлу прогресса. Точка зрѣнія развитія, оказавшая такія важныя услуги наукѣ, явилась, вромѣ того, какъ бы нарочно придуманной для нравственнаго поддержанія и ободренія всѣхъ прогрессивныхъ новаторовъ, силы которыхъ въ началѣ всегда бывають очень незначительны. Герценъ былъ совершенно правъ, когда сказалъ, что философія Гегеля есть настоящая алгебра революціи.

Но эта алгебра революціи, это могучее орудіе революціоннаго мышленія, было гораздо болѣе сложно, чѣмъ простое орудіе отрицанія, употреблявшееся въ прошломъ вѣкѣ, и потому его дѣйствіе на молодые умы того времени должно было оказаться также несравненно сложнее. Мышленіе 18-го вѣка прекрасно характеризуется формулой: да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Оно знало лишь одно отношеніе къ данному явленію: оно могло только разъ навсегда осудить его или разъ навсегда признать его правомѣрность. Такъ, напр., на вопросъ о томъ, хорошо или нѣтъ господство духовенства, философъ 18-го вѣка могъ дать только одинъ отвѣтъ: оно очень вредно. Историческія причины возникновенія этого господства совершенно уходили изъ его поля зрѣнія. Не такъ представилось дѣло, напр., Сен-Симону, который смотрѣлъ на духовенство уже съ точки зрѣнія историческаго развитія этого сословія. Отрицая правомѣрность его господства

въ настоящее время, Сен-Симонъ указывалъ на его историческія заслуги и, становясь въ этомъ случаѣ въ противорѣчіе съ философами 18-го вѣка, онъ невольно преувеличивалъ важность этихъ заслугъ, — обстоятельство, которое, въ свою очередь, оставило замѣтный слѣдъ какъ на его собственныхъ взглядахъ, такъ и на возрѣвѣніяхъ его учениковъ.

Повторяю, отрицательныя доктрины нашего столѣтія гораздо болѣе сложны, чѣмъ отрицательныя доктрины прошлаго вѣка. Люди XIX-го вѣка, въ своемъ отрицаніи, обнаруживаютъ гораздо больше умственной требовательности, чѣмъ современники Дидро и Вольтера. Извѣстный нѣмецкій писатель и революціонеръ Арнольдъ Руге рассказываетъ, что въ первые дни его студенчества ему пришлось присутствовать на лекціи не помню уже какого профессора, говорившаго о религіи. Профессоръ обнаружилъ очень свободное къ ней отношеніе; „но именно это подѣйствовало на меня довольно неприятно, — говоритъ Руге, — не потому, чтобы я самъ былъ тогда вѣрующимъ человѣкомъ, а потому, что меня не удовлетворяла поверхностная манера отрицанія, свойственная 18-му вѣку“*). Руге, впоследствии сдѣлавшійся революціонеромъ, былъ въ то же время горячимъ приверженцемъ Гегелевской философіи.

Прибавлю, кромѣ того, что самъ Гегель, по причинамъ, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, перѣдко истолковывалъ свою алгебру революціи въ консервативномъ смыслѣ и опирался на свое знаменитое положеніе: „Was wirklich ist, das ist vernünftig“ для осужденія оппозиціонныхъ теченій своего времени.

Какъ же повліяла и какъ должна была повліять на Бѣлинскаго указанная мною самая важная сторона Гегелевой философіи?

Мы уже знаемъ, что онъ, не смотря на свою молодость, истинно чувствовалъ поверхностность, недостаточную обоснованность своего отрицанія; что онъ,

*) Цитирую на память, но за смыслъ ручаюсь.

по собственнымъ его словамъ, сознавалъ себя „нулемъ“ несмотря на весь пылъ своего „абстрактнаго“ героизма. Тотъ, чье отрицаніе основано на твердой конкретной почвѣ, нулемъ себя чувствовать не будетъ, хотя бы онъ и зналъ, что осуществленіе его идеала есть вещь очень далекаго будущаго. Изученіе Гегелевой философіи съ ея историческимъ взглядомъ на всѣ явленія, должно было привести Бѣлинскаго къ ясному сознанію того, что прежде онъ только чувствовалъ съ болью въ сердцѣ: онъ окончательно убѣдился въ совершенной необоснованности своего отрицанія. Какъ натура страстная и порывистая, онъ, отрицая свое прежнее отрицаніе, необходимо долженъ былъ дойти до крайности и осудить всякое отрицаніе вообще. Иначе сказать, онъ неизбѣжно долженъ былъ изъ пылакаго отрицателя стать не менѣе пылкимъ охранителемъ. Это новое настроеніе должно было поддерживаться въ немъ воспоминаемъ о тѣхъ нравственныхъ страданіяхъ, которыя онъ пережилъ въ пору своего, какъ онъ сталъ выражаться теперь, абстрактнаго героизма: инстинктъ нравственнаго самосохраненія долженъ былъ подсказать ему, что возвратъ къ отрицательной точкѣ зрѣнія непремѣнно означалъ бы также и возвратъ къ прежнимъ нравственнымъ мукамъ. И вотъ Бѣлинскій дѣлается усерднымъ комментаторомъ положенія: все дѣйствительное разумно, отождествляя понятіе: дѣйствительное — съ понятіемъ: существующее.

Оспаривая этотъ новый взглядъ Бѣлинскаго, Герценъ однажды сказалъ ему, думая поразить его своимъ ультиматумомъ: „знаете-ли вы, что съ вашей точки зрѣнія вы можете доказать, что чудовищное самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать?“

— Безъ всякаго сомнѣнія, смѣло отвѣчалъ Бѣлинскій.

Если бы Герценъ понималъ тогда, какой психологическій процессъ совершался въ головѣ его собесѣдника, то онъ могъ бы съ точностью предвидѣть утвердительный отвѣтъ Бѣлинскаго. Въ своемъ увлеченіи филосо-

фіей Гегеля, Бѣлинскій долженъ былъ начать именно съ оправданія самодержавія, крѣпостного права и прочихъ, подобныхъ имъ, гнусностей, такъ какъ эти гнусности, конечно, особенно сильно мучили его въ предъдущую фазу его умственного развитія.

Нужно-ли говорить вамъ, господа, что это увлеченіе консерватизмомъ было непродолжительное. Вы всё прекрасно знаете это; вы помните то, ставшее знаменитымъ, мѣсто изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину, гдѣ онъ, возвѣщая о своемъ возвращеніи къ отрпцанію, съ горькой шуткой восклицаетъ:

„Благодарю покорно, Егоръ Федорычъ (шуточное имя Гегеля въ кружкѣ Бѣлинскаго. Г. П.), кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филанстерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, — я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ, во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и проч. и проч., иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою“ и т. д.*)

Со времени такъ-называемаго разрыва съ Гегелемъ начался тотъ послѣдній фазисъ развитія Бѣлинскаго, въ которомъ онъ является такимъ рѣшительнымъ революціонеромъ. Я уже указалъ на нѣкоторыя черты, характеризующія этотъ періодъ его развитія. Теперь я укажу на нѣкоторыя другія.

У насъ принято думать, что „раскланявшись съ философскимъ колпакомъ“ Гегеля, Бѣлинскій совсѣмъ оставилъ его философію. Это большая ошибка. На самомъ дѣлѣ онъ отвернулся лишь отъ консервативной ея стороны, вполне усвоивъ ее теперь въ ея болѣе глубокомъ значеніи, т. е. какъ „алгебру революціи“. Рѣзко осуждая теперь свою статью о Бородинской годовщинѣ, онъ говоритъ, однако (и это забываютъ обыкновенно наши болѣе или менѣе „передовые“ легальные писатели):

„Конечно, идея, которую я силіяся развить въ статьѣ по слу-

*; Пылинъ, тамъ-же, II, стр. 105.

чаю книги Глинки о Бородинскомъ сраженіи, вѣрна въ своихъ основаніяхъ, но должно было развить в идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго, и безъ котораго исторія челоѣчества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото, — а если этого нельзя было писать, то долгъ чести требовалъ, чтобы уже и ничего не писать“.

Значить, идея, лежавшая въ основаніи этой статьи, была вѣрна. Какая же это идея? Это все та же основная идея всей философіи Гегеля: **идея законосообразнаго развитія**. Но какъ же было съ этой точки зрѣнія развить идею отрицанія примѣнительно къ русскимъ общественнымъ отношеніямъ? Нужно было показать, что тотъ общественный и политическій порядокъ, который такъ тяготилъ Бѣлинскаго и его единомышленниковъ, не могъ быть вѣчнымъ, что онъ имѣетъ лишь временное, преходящее значеніе, и что послѣдующее историческое движеніе непременно должно его смести съ лица русской земли, какъ смело оно, скажемъ, порядки удѣльно-вѣчевого періода. Сдѣлать это значило выработать цѣльную и стройную философію русской исторіи. Это невозможно было безъ помощи западно-европейской мысли, такъ какъ русская жизнь была еще слишкомъ неразвита. Но западно-европейская мысль сама находилась тогда, т. е. въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, въ переходномъ состояніи. Абсолютный идеализмъ Гегеля самъ оказался не въ силахъ открыть наиболѣе отдаленныя, глубже всѣхъ другихъ лежащая **причины историческаго движенія**; онъ сдѣлалъ лишь отдѣльныя, правда, въ высшей степени замѣчательныя указанія и намеки на эти причины*). А не выяснивъ ихъ, во всей ихъ полнотѣ, нельзя было уяснить себѣ и **смыслъ историческаго движенія**, т. е. слѣдовательно, нельзя было построить свои ожиданія отъ будущаго на прочной, реальной почвѣ. Правда, въ то время, о которомъ у насъ идетъ теперь рѣчь, идеализмъ Гегели

*) Интересующимся этимъ вопросомъ я позволю себѣ указать на мою статью: „Zu Hegel's sechzigstem Todestag“ въ ноябрьскихъ номерахъ „Neue Zeit“ за 1891 г.

уступалъ уже мѣсто матеріализму Фейербаха; но этотъ матеріализмъ былъ совсѣмъ несостоятеленъ въ дѣлѣ объясненія общественно-историческаго процесса. Въ этомъ отношеніи Фейербахъ былъ подчасъ гораздо большимъ идеалистомъ, чѣмъ самъ Гегель. Поэтому, Бѣлинскій не могъ опереться на матеріализмъ Фейербаха для систематическаго развитія своей идеи отрицанія. Онъ до глубины души ненавидѣлъ тогдашнюю русскую „дѣйствительность“, но онъ не зналъ и не могъ знать, откуда придетъ ея крушеніе, и онъ глубоко страдалъ отъ этого незнанія; его вѣра въ лучшее будущее повременамъ сильно колебалась.

„Увы, другъ мой, — пишетъ онъ Боткину — безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія ко всему этому, порыванія неровныя, безсильныя, безъ достиженія, болѣзненныя, недѣйствительныя. Вся наша жизнь, наши отношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой горькой истинѣ... Человѣчество есть абстрактная почва для развитія души индивидуума, а мы всѣ выросли изъ этой абстрактной почвы, мы — несчастныя Авахарисы новой Скионѣ. Оттого мы зѣваемъ, толчемся, суетимся, всѣмъ интересуемся, ни къ чему не прилѣпляясь, все пожираемъ, ничѣмъ не насыщаемся“.*)

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ:

„Безъ цѣли нѣтъ дѣятельности, безъ интересовъ нѣтъ цѣли, а безъ дѣятельности нѣтъ жизни. Источникъ интересовъ, цѣлей и дѣятельности — субстанція общественной жизни. Ясно-ли, логически-ли, вѣрно-ли? Мы люди безъ отечества, — нѣтъ, хуже, чѣмъ безъ отечества: мы люди, которыхъ отечество — призракъ, и двояли, что сами мы — призракъ, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность — призракъ?“**)

Я очень прошу васъ, господа, обратить вниманіе на эту черту психологіи Бѣлинскаго: она очень поучительна потому, что даетъ цѣнный матеріалъ для рѣшенія вопросовъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ такъ много и такъ страстно спорили въ Россіи не далѣе, какъ полтора-два года тому назадъ. Раскланявшись съ

*) Письмъ, II, стр. 114-115.

***) Письмъ, томъ II, стр. 122-123.

„колпакомъ“ Гегелю, Бѣлинскій вернулся къ отрицанію русской „дѣйствительности“. Но ему не удалось теоретически обосновать свое отрицаніе, „развить его идею“, т. е. найти въ самой нашей общественной жизни такія силы, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи непременно должны привести къ уничтоженію нынѣшнихъ ея безобразій. Поэтому у него явилось мучительное сознаніе своей беспочвенности. Россія стала казаться ему „призракомъ“ въ томъ смыслѣ, что онъ не видѣлъ въ ней здоровыхъ элементовъ, способныхъ къ дальнѣйшему здоровому развитію. А такъ какъ онъ мысллъ слишкомъ ясно и прошелъ слишкомъ хорошую школу для того, чтобы ему возможно было обманывать и убаюкивать себя фантастическими разсужденіями на тему о роли личности въ исторіи, то онъ съ обычной своей послѣдовательностью объявилъ, что и „сами мы“, т. е. люди отрицанія, „призраки“. Въ виду этого ему оставалось только сожалѣть о томъ умственномъ развитіи, благодаря которому онъ уже не могъ отказаться отъ отрицанія.

„Дѣйствительность разбудила насъ и открыла намъ глаза; но для чего?.. Лучше бы она закрыла намъ ихъ навсегда, чтобы тревожными стремленія жаднаго жизни сердца утолить сномъ ничтожества...

Но третій ключъ — холодный ключъ забвенья —
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолить“....*)

И это настроеніе Бѣлинскаго вовсе не было исключительнымъ: его испытывали всѣ его единомышленники и даже лучшіе изъ его противниковъ, т. е. наиболѣе образованные и чуткіе славянофилы. Чрезвычайно рѣзко сказывается оно въ „Дневникѣ“ Герцена:

„Поймутъ-ли, оцѣнятъ-ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ гамъ. Поймутъ-ли они, отчего мы лѣгитим, отчего мы ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и проч.? Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?... О, пусть они остановятся съ мыслью и съ

грустью перед камнями, подъ которыми мы уснемъ, мы заслужили ихъ грусть! Была-ли такая эпоха для какой-либо страны? Римъ въ послѣдніе вѣка существованія, и то нѣтъ... Тамъ были святы воспоминанія, было прошедшее, наконецъ, оскорбленный состояніемъ родины могъ успокоиться на догмѣ юной религіи, являвшейся во всей чистотѣ и познѣ. Намъ убиваетъ пустота и безпорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ — отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ“...*)

Нѣсколько далѣе тотъ же Герценъ пишетъ:

„Сегодня я читалъ какую-то статью о ‚Мертвыхъ Душахъ‘ въ ‚Отеч. Зап.‘; тамъ были приложены отрывки... Между прочимъ, русскій пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога); перечитываніе этихъ строкъ задушило меня какой-то безысходной грустью, эта степь Русь такъ живо представлялась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторился, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы проснулись, — спать бы себѣ, спать, какъ все около!..“

Не видя въ окружающей дѣйствительности ни одного здороваго, способнаго къ развитію (и, слѣдовательно, къ отрицанію) элемента, Бѣлинскій начинаетъ ожесточаться даже противъ тѣхъ, положенію которыхъ онъ всегда такъ страстно сочувствовалъ и за которыхъ онъ, разумѣется, готовъ былъ отдать послѣднюю каплю своей крови: я говорю о **крестьянахъ** и о **русскомъ народѣ вообще**. Послѣ смерти Кольцова онъ пишетъ въ письмѣ къ Боткину:

„Смерть Кольцова тебя поразила. Что дѣлать? На меня такіа вещи иначе дѣйствуютъ; я нохожъ на солдата въ разгарѣ битвы — наль другъ и братъ — ничего — съ Богомъ — дѣло обыкновенное. Оттого-то, вѣрно, потеря силнѣе дѣйствуетъ на меня тогда какъ и привыкну къ ней, нежели въ первую минуту. Объ отцѣ Кольцова думать нечего: такой случай могъ бы вооружить перо энергическимъ, громоноснымъ негодованіемъ гдѣ-нибудь, а не у насъ. Да и чѣмъ виновать этотъ отецъ, что онъ — мужикъ? И чт

*) На эту печальную сторону въ исторіи развитія нашей интеллигенціи слѣдуетъ обратить большое вниманія тѣмъ, которые до сихъ норъ предаются у насъ разлагольствованіямъ о роли личности въ исторіи, забывалъ, что роль эта сама опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ „субстанціей общественной жизни“.

онъ сдѣлалъ особеннаго? Воля твоя, а я не могу питать враждебности противъ волка, медвѣдя, или бѣшеной собаки, хотя бы кто изъ нихъ растерзалъ чудо генія или чудо красоты, такъ же какъ не могу питать враждебности къ паровозу, раздавленному на пути своемъ челоѣвѣка. Поэтому-то Христосъ, видно, и молился за палачей своихъ, говоря: не вѣдать бо, что творять. Я не могу молиться ни ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшенныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но не могу питать къ тому или иному личной невазиста“.*)

Эта психологическая невозможность уважать народъ, въ виду его азіатской отсталости, рядомъ съ горячей любовью къ тому же самому народу и невозможностью найти нравственный покой въ виду его страданій — составляетъ несомнѣнно самую трагическую черту въ положеніи нашихъ тогдашнихъ западниковъ. Она наложила свою печать на то, что можно назвать ихъ **практической политикой** и очень сильно повліяла на развитіе идей въ послѣдующемъ поколѣніи. Она заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія, но здѣсь я могу говорить о ней лишь постольку, поскольку она опредѣляла собою дальнѣйшій ходъ умственнаго развитія Бѣлинскаго.

Мы уже знаемъ, что, вернувшись къ отрицанію дѣйствительности, онъ увлекся социализмомъ, внеся въ это увлеченіе свою обычную страстность. Но это горячее увлеченіе продолжалось лишь нѣсколько лѣтъ. Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ онъ относится къ социализму очень скептически и даже совсѣмъ „**раскланивается**“ съ нимъ. Въ письмѣ къ Боткину отъ 6-го февраля 1847 года онъ съ похвалой отзывается о Литтрѣ, который нравится ему „именно потому, что онъ не принадлежитъ ни къ ворами-умникамъ ‚Journal des Debats‘ и ‚Revue des deux Mondes‘ (**), ни къ социалистамъ“, о которыхъ онъ теперь говоритъ, что они выродились изъ фантазій геніальнаго Руссо. Въ томъ

*) Пыпинъ, II, стр. 157.

**) Т. е. къ ограниченнымъ сторонникамъ и защитникамъ существующаго буржуазнаго порядка.

же письмѣ есть замѣчательный отзывъ о Луи Бланѣ:

„Кстати: въ Gazette de France я прочелъ отрывокъ изъ перваго тома „Исторіи Революціи“ Луи Блана. Это его сужденіе о Вольтерѣ! Святителя, да это Шевырева! Все, что говоритъ Луи-Бланъ въ порицаніе Вольтера, справедливо, да глупо то, что онъ не судитъ о немъ, а осуждаетъ его, и притомъ, какъ нашего современника, какъ сотрудника Journal des Debats. Луи Бланъ — историкъ современныхъ событій; но за прошедшее, сдѣлавшееся исторіей, ему, кажется, не слѣдовало бы браться“.

Въ письмѣ къ Анненкову (отъ 15-го февраля 1848 г. онъ выражается на счетъ Луи-Блана еще сильнѣе:

„Читаю теперь романы Вольтера и ежeminутно мысленно плюю въ рожу дураку, ослу и своту Луи-Блану“....*)

Замѣйте, господа: когда Бѣлинскій писалъ цитированную мною выше статью о „Парижскихъ Тайнахъ“ Эжена Сю, онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Луи Блана, къ которому питалъ тогда величайшее уваженіе. Теперь Луи Бланъ, въ своемъ отзывѣ о Вольтерѣ, кажется ему похожимъ на Шевырева. Почему же это? Вѣдь Бѣлинскій признаетъ, что этотъ отзывъ вѣренъ „самъ по себѣ“? Да, вѣренъ, но въ немъ недостаетъ исторической перспективы. Неумѣнье стать твердой ногой на историческую точку зрѣнія составляло Ахиллесову пяту тогдашняго социализма, который, именно въ виду этого его недостатка, называютъ теперь утопическимъ. Бѣлинскому, до конца жизни оставшемуся гегельянцемъ, долженъ былъ броситься и дѣйствительно бросился въ глаза этотъ недостатокъ тогдашняго социализма, и этимъ объясняются всѣ раздражительныя выходки его противъ социалистовъ въ письмахъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ его жизни. Его раздраженіе противъ утопическаго социализма, стоявшаго на почвѣ абстрактнаго отрицанія существующаго порядка вещей, выросло тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣзненнѣе сознавалъ онъ необ-

*) Опять за то отрицательное отношеніе къ Вольтеру, которое высказано было Луи Бланомъ въ его „Исторіи французской революціи“.

ходимость найти конкретную, действительную почву для своего отрицания действительности или, въ противномъ случаѣ, признать „призраками“ даже и тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые были у насъ представителями отрицательнаго направленія. Такъ какъ утопической социализмъ не далъ ему матеріала для такого обоснованія отрицательной идеи, то онъ, „раскланиваясь“ съ социализмомъ, начинаетъ внимательнѣе присматриваться въ исторической роли буржуазіи. Въ уже цитированномъ мною выше письмѣ къ Анненкову отъ 15-го февраля 1848 г. мы встрѣчаемъ слѣдующее, въ высшей степени важное мѣсто:

„Мой вѣрующій другъ*) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратъ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ навалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная, аркадская мысль! Послѣ этого отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и, наконецъ, перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, что значить великій человѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего показала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какал-нибудь мистическая цельность, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непременно нужно сойтись съ мистиками, піетистами и фантазерами, поимѣшанными на той же

*) Неизвѣстно, кого здѣсь имѣеть въ виду Бѣлинскій, но возможно, что Бакунина.

мысли. — тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилъ оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ социалистовъ и въ статьяхъ своихъ цитируютъ Жоржъ-Занда и Луи-Блана. Но довольно объ этомъ...*)

Очень можетъ быть, что этотъ отрывокъ показался вамъ слишкомъ длиннымъ; но я не могъ не привести его во всей полнотѣ, потому что основательное знакомство съ нимъ необходимо для всякаго, кто хочетъ дать себѣ отчетъ въ социально-политическихъ Бѣлинскаго, какъ они сложились въ самые послѣдніе годы его жизни. Въ нашей легальной литературѣ уже обращено было вниманіе на этотъ отрывокъ, но тамъ онъ подалъ поводъ къ весьма забавному недоразумѣнію. Г. Микотинъ рѣшилъ, что если, по мнѣнію Бѣлинскаго, все дѣлалось черезъ личности, то его точка зрѣнія была точкой зрѣнія современныхъ нашихъ субъективистовъ. Это большая наивность. Въ самомъ дѣлѣ, какакъ „личностей“ желалъ Бѣлинскій для Россіи? „Для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій“, говоритъ онъ. Иначе сказать: Россіи нуженъ царь, одушевленный ненавистью къ нашей „дѣйствительности“. Это очень характерно для тогдашнихъ взглядовъ Бѣлинскаго. Не открывъ въ народѣ никакихъ прогрессивныхъ элементовъ и не питая ни малѣйшей надежды на то, что протестъ противъ нашей печальной дѣйствительности выйдетъ изъ народной среды, Бѣлинскій поневолѣ повернулъ свои взоры къ царскому трону. Современный ему представитель царизма, императоръ Николай I, былъ тупъ, золъ, враждебенъ всякому движенію впередъ. На него надежда была плоха. Но Петръ I не былъ ни тупъ, ни враждебенъ прогрессу; онъ вызвалъ Московскую Русь изъ ея многовѣковой дремоты. Поэтому намъ надо желать появленія въ Россіи новаго Петра Великаго. Въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскій не разъ высказывалъ ту мысль, что развитіе Россіи совершалось сверху

*) Анненковъ и его друзья, стр. 610-612.

внизъ, а не снизу вверхъ, т. е. что все прогрессивное являлось у насъ по почину правительства, а не по почину народа*). Ту же мысль высказываетъ онъ и въ письмѣ къ Анненкову. Этотъ взглядъ имѣлъ огромное влияние на дальнѣйшее развитіе передовой русской мысли. Революціоннымъ разночинцамъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, вступившимъ въ революціонную борьбу съ правительствомъ, уже невозможно было думать, что осуществленіе ихъ идеаловъ придетъ „сверху“; они могли стать и остаться революціонерами, лишь питая твердое убѣжденіе въ томъ, что существующій порядокъ вещей будетъ разрушенъ „снизу“, т. е. народной революціей. Потому-то они такъ охотно и заимствовали у славянофиловъ ихъ идеализацію русскаго народа вообще и нѣкоторыхъ сторонъ правовой и экономической жизни народа въ частности**). Но что этотъ взглядъ Бѣлинскаго не имѣетъ ничего общаго съ „субъективной соціологіей“, достаточно показываетъ его происхожденіе. Подумайте: откуда онъ взялся у нашего критика? Онъ явился у него, какъ результатъ стремленія обосновать свою идею отрицанія на дѣйствительной (конкретной) почвѣ: не найдя въ народѣ залога самостоятельнаго прогрессивнаго движенія, Бѣлинскій вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, сознаться, что наше развитіе идетъ не снизу вверхъ, а сверху

*) См. напр., его статью „Петербургъ и Москва“, напечатанную въ сборникѣ „Физиологія Петербурга“, вышедшемъ въ 1845 г.

***) Напр., общины. Известный славянофилъ Ю. Самаринъ писалъ въ „Москвитинѣ“ 1847 г. (подъ псевдонимомъ М. З... К...): „Общянное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошлой, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего возносящагося на поверхности, зарыты въ его плодотворной глубинѣ“. Это главная мысль нашего народничества. Далѣе Самаринъ говоритъ, что западный міръ выражаетъ теперь требованіе общины (онъ разумѣетъ социалистическое движеніе), что это требованіе „совпадаетъ съ нашей субстанціей“ (курсивъ мой); что „въ оправданіе формулы мы приносимъ бытъ“ и что, наконецъ, въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западной. Это и до сихъ составляетъ все содержаніе народнической полемики противъ нѣкоторыхъ „сторонниковъ капитализма“.

внизъ и сталъ утѣшать себя надеждой на то, что, можетъ быть, и самъ Николай Павловичъ сдѣлаеть, наконецъ, что-нибудь для устраненія главнаго зла тогдашней Россіи, — крѣпостного права. Когда, въ концѣ 1847 г., пошли слухи о томъ, что Николай въ самомъ дѣлѣ собирается отмѣнить его, Бѣлинскій съ радостью подхватилъ этотъ слухъ и съ радостью сообщилъ о немъ своимъ друзьямъ, бывшимъ тогда за границей. Въ то же время онъ опасался, какъ бы наши прогрессисты не запугали правительства рѣзкими проявленіями своей враждебности къ нему. Такіе люди стали казаться Бѣлинскому вредными, такъ какъ они „раздражаютъ правительство, дѣлають его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ ровно ничего нѣтъ, и вызываютъ мѣры, крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія“. На этомъ основаніи онъ несочувственно отнесся къ Шевченку, сосланному тогда на Кавказъ солдатомъ. Такой взглядъ можетъ, конечно, показаться очень страннымъ со стороны тогдашняго Бѣлинскаго, автора извѣстнаго письма къ Гоголю. Но всякій, кто пойметъ происхожденіе этого взгляда, долженъ будетъ будетъ признать, что у Бѣлинскаго онъ явился, какъ результатъ стремленія связать свое отрицаніе съ существовавшимъ въ тогдашней Россіи соотношеніемъ общественныхъ силъ, а не какъ слѣдствіе „субъективнаго“ взгляда на исторію. Притомъ даже самъ Петръ Великій, по тогдашнему мнѣнію Бѣлинскаго, долженъ былъ бы, въ своей дѣятельности, подчиниться требованіямъ и законамъ прежде всего экономической дѣйствительности: „Внутренній процессъ гражданскаго развитія начнется въ Россіи не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“. Если это субъективизмъ, то непонятно, почему такъ боятся капитализма нынѣшніе русскіе субъективисты. Г. Мякотину слѣдовало бы выяснить себѣ и намъ это интересное обстоятельство.

Пойдемъ дальше. Бѣлинскій говоритъ, что славянофилы смотрять на народъ совершенно такъ, какъ смотрять на него социалисты. Это совершенно справедливо:

надо только помнить, что онъ говоритъ о социалистахъ-утопистахъ. Во взглядѣ славянофиловъ на народъ не было мѣста элементу развитія. Даже болѣе; И. С. Аксаковъ съ умилениемъ распространялся на тему о спасительной неподвижности русскаго народа. Та же спасительная неподвижность умиляла и его единомышленниковъ, принадлежавшихъ къ болѣе раннему періоду. Въ воззрѣніяхъ социалистовъ того времени элементъ развитія тоже не игралъ почти никакой роли. Въ существованіи и развитіи капитализма они видѣли одно только зло, не замѣчая его революціонной стороны. Идеализируя народъ, они идеализировали не ту способность развитія, которая заключается въ немъ, благодаря его общественно-экономическому положенію, а весь тотъ характеръ, который онъ имѣетъ въ настоящее время, и въ которомъ не можетъ не быть нѣкоторыхъ несимпатичныхъ чертъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго. Разъ открывъ Ахиллесову пяту утопическаго социализма, и ставъ въ противорѣчіе съ нимъ, Бѣлинскій съ обычной своей рѣзкостью указываетъ на слабыя стороны народнаго характера. Въ буржуазіи же онъ видитъ представительницу историческаго движенія. Переводя этотъ взглядъ его на нынѣшній нашъ языкъ, мы скажемъ, что Бѣлинскій лучше тогдашнихъ социалистовъ-утопистовъ понималъ историческую роль капитализма въ западной Европѣ и предугадалъ огромную важность его въ дѣлѣ устраненія нашего стараго, „патріархальнаго быта жизни“. Правда, сознавъ эту роль и эту важность, онъ тутъ же вдался въ другую крайность, отказавъ въ способности къ исторической самодѣятельности не только русскому крѣпостному крестьянину, но и французскому пролетарію. Это большая ошибка. Но она совершенно ничтожна въ сравненіи съ тою истинной, которая заключалась въ новомъ его взглядѣ.

Отрицая утопическій социализмъ, мысль Бѣлинскаго работала въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ уже начала тогда работать революціонная мысль Запада. Философія Гегеля смѣнилась философіей Фейербаха.

Философія Фейербаха уступила мѣсто революціонному научному соціалізму Маркса и Энгельса. **Этотъ** соціалізмъ былъ отвѣтомъ на всѣ теоретическіе запросы Бѣлинскаго. Онъ обосновалъ **идею отрицанія** на ходѣ историческаго развитія общественной жизни современныхъ цивилизованныхъ обществъ и понесъ эту, впервые неизбежно обоснованную идею въ ряды международнаго пролетаріата. Движеніе этого пролетаріата стало, по выраженію Энгельса, наслѣдникомъ нѣмецкой классической философіи. Вслѣдствіе этого и „народъ“ пересталъ быть жалкой, суетвѣрной и пнертной массой. Затронутый соціалистической пропагандой, пролетаріатъ есть самая живая, самая мыслящая часть современныхъ цивилизованныхъ обществъ. И не только въ Зап. Европѣ совершается это перерожденіе народа. На нашихъ глазахъ происходитъ пробужденіе и развитіе классового самосознанія и въ **русскомъ** рабочемъ классѣ. Это явленіе, важность котораго трудно было бы преувеличить, создаетъ новые шансы успѣха для всѣхъ тѣхъ, кто искренно ненавидитъ существующій порядокъ вещей и кто готовъ съ нимъ бороться. Теперь **идея отрицанія** обоснована у насъ самымъ ходомъ общественнаго развитія. Теперь наше отечество **уже не призракъ**, равно какъ **не призраки** и тѣ, которые стремятся завоевать для него лучшее будущее. Теперь только жалкій декадентъ могъ бы спросить себя: „зачѣмъ мы проснулись?“ Но декаденты и не задаются подобными вопросами.

Если бы Бѣлинскій дожилъ до нашего времени, то онъ отдохнулъ бы, наконецъ, душою. Онъ уже не называлъ бы себя **Анахарисомъ новой Греціи**. Нѣтъ, съ обычной своей страстностью, своими вдохновенными словами привѣтствовалъ бы онъ начинающееся пробужденіе русскаго пролетаріата и, умирая, искренно позавидовалъ бы тѣмъ счастливымъ, которые доживутъ до дня его побѣды.

Пора кончать, а я еще не говорилъ о литературно-критической дѣятельности Бѣлинскаго. Впрочемъ, я имѣлъ право не говорить о ней, такъ какъ ея смыслъ и значеніе

хоть отчасти выяснены въ нашей легальной литературѣ*). Здѣсь же мнѣ хотѣлось указать на то, что составляло самый главный предметъ, свитую святыхъ всей его умственной работы, начиная съ того времени, когда онъ впервые сбросилъ съ себя иго „абстрактнаго героизма“, и кончая послѣдними днями его многострадальной жизни. Этотъ главнѣйшій предметъ его умственной работы есть отрицаніе абстрактнаго, утопическаго иде-

*) Впрочемъ, я постараюсь характеризовать ее здѣсь въ немногихъ словахъ. Наши просвѣтителѣ шестидесятыхъ годовъ, Чернышевскій, Добролюбовъ и др., смотрѣли на Бѣлинскаго, какъ на своего учителя въ дѣлѣ литературной критики. Они были совершенно правы, и я уже сказалъ, что Бѣлинскій во многихъ отношеніяхъ былъ ихъ предшественникомъ. Но въ ихъ полѣ зрѣнія совершенно уходила другая сторона литературно-критической дѣятельности Бѣлинскаго, именно — его стремленіе освободить критическіе приговоры и сужденія отъ личныхъ вкусовъ и симпатій критика и поставить ихъ на объективную, научную почву. Это стремленіе было рѣзко выражено нитъ уже въ статьѣ о Бородинской годовщинѣ. „Мы думаемъ и убѣждены, — говоритъ онъ тамъ, — что уже проходить въ нашей литературѣ время безотчетныхъ возгласовъ съ „ахами“ и восклицательными знаками и точками для выраженія глубокихъ идей безъ всякаго смысла; что проходить уже время великихъ истинъ, съ диктаторской важностью изрекаемыхъ, и ни на чемъ не основывающихся, ничѣмъ не подтверждающихся, кромѣ личнаго мнѣнія и произвольныхъ понятій мнимаго мыслителя. Публика начинаетъ требовать не мнѣній, а мысли... Мнѣніе опирается на случайномъ убѣжденіи случайной личности, до которой никому нѣтъ дѣла, и которая сама по себѣ очень неважная вещь; мысль опирается на самой себѣ, на собственномъ внутреннемъ развитіи изъ самой себя, по законамъ логики“. Тутъ Бѣлинскій еще обѣими ногами стоитъ на почвѣ Гегелевскаго идеализма. Но впоследствии, напр., въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ о Пушкинѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, мѣстами покидаетъ идеалистическую почву и судить о нашемъ великомъ поэтѣ, рассматривая его какъ представителя лучшей, образованнѣйшей части нашего дворянства. Такая критика не похожа на критику шестидесятыхъ годовъ и совсѣмъ уже не имѣетъ ничего общаго съ „субъективной“ критикой нашихъ дней. Это зачатокъ научной критики, опирающейся на материалистическое пониманіе исторіи. Само собою разумѣется, что исторія литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго тѣснѣйшимъ образомъ связана съ общей исторіей его философскихъ воззрѣній. Здѣсь не мѣсто, однако, выяснять эту связь.

ала, стремленіе развить идею отрицанія, опираясь на закономѣрное развитіе самой общественной жизни. Съ этой стороны еще никто не смотрѣлъ на Бѣлинскаго, а она въ настоящее время важнѣе для насъ, чѣмъ всѣ остальные. Вѣдь у насъ до сихъ поръ еще не кончилась борьба людей, старающихся обосновать свое отрицаніе на конкретной почвѣ, съ представителями и защитниками абстрактныхъ идеаловъ, этими дон-Кихотами нашихъ дней.

Г. Плехановъ.

РАБОЧІЕ И ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ

Въ вышедшемъ съ годъ тому назадъ № 1-омъ газеты „Рабочая Мысль“ заявлялось, что брошюры, предназначенныя для рабочихъ, потому такъ скучны, что пишутся онѣ интеллигентами; вышедшій на дняхъ № 4-ый наполовину написанъ интеллигентами. Хорошо-ли это или дурно? Радоваться-ли намъ по этому поводу или огорчаться?

Жалобы редакціи перваго номера были постольку справедливы, поскольку рѣчь шла объ описаніи быта и образа жизни рабочихъ: понятно, что объ этихъ вещахъ лучше, живѣе, интереснѣе могутъ написать люди, сами близко знакомые съ тою средою, которую они берутся описывать. Несомнѣнно, однако, что такого рода знаніями рабочіе не могутъ ограничиться: въ своей борьбѣ они нуждаются въ массѣ другого рода свѣдѣній, въ опытныхъ совѣтникахъ и руководителяхъ, и пока рабочая среда не выдѣляетъ изъ себя достаточнаго количества вполне интеллигентныхъ людей, до тѣхъ поръ рабочее движеніе будетъ нуждаться въ интеллигентныхъ людяхъ изъ другихъ классовъ. Даже очень сплывня соціалдемократическія партіи, въ странахъ, гдѣ рабочее движеніе имѣетъ за своей спиной нѣсколько десятковъ лѣтъ, такихъ перебѣжчиковъ изъ привилегирован-

ныхъ словъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями. Съ этой точки зрѣнія можно бы, слѣдовательно, поздравить редакцію „Рабочей Мысли“ съ тѣмъ, что она перемѣнила свой взглядъ на интеллигенцію, — если бы интеллигенція „Рабочей Мысли“, дѣйствительно, давала рабочимъ тѣ полезныя свѣдѣнія, въ которыхъ они нуждаются. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о большинствѣ „писателей“ „Рабочей Мысли“.

Въ замѣткѣ подъ названіемъ „Во избѣжаніе недоразумѣній“ ред. № 4-го пытается опредѣлить свое отношеніе къ интеллигенціи и прежде всего считаетъ нужнымъ установить, что надо понимать подъ этимъ словомъ:

„Въ широкомъ смыслѣ подъ этимъ названіемъ идутъ представители „вольныхъ“ профессій: учителя, адвокаты, артисты, попы и др. Это междуклассовой элементъ; рассчитывать на этихъ господъ, вообще, такъ же не слѣдуетъ, какъ ждать отъ козла молока.

„Въ болѣе узкомъ (русскомъ) смыслѣ подъ интеллигентами подразумѣваются люди, не обученные никакому ремеслу и не получившіе спеціальнаго образованія (не сапожники, не портные, не адвокаты и т. д.), какихъ создаютъ въ изобиліи наши гимназій, городскихіа училища и т. д. Эти „интеллигенты“ по какому-то грустному (или смѣшному) недоразумѣнію считаютъ себя какъ бы прирожденными революціонерами. Но не можемъ же мы подписываться подъ всякимъ недоразумѣніемъ.

„Дальше. Часто подъ кличкой „интеллигента“ идетъ учащая молодежь, — преимущественно университетская. Она оказываетъ намъ много существенныхъ услугъ: собираетъ деньги, хранитъ и передаетъ литературу и т. д. Но никогда не слѣдуетъ забывать, что — сегодня революціонеры — они завтра будутъ прокурорами, судьями, инженерами, фабричными инспекторами, словомъ, чиновниками русскаго правительства. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы молодые люди, — прежде, чѣмъ окунуться съ голо-

вой въ море грязи, которое ихъ ожидаетъ, — хоть годъ другой прожили человѣческой жизнью, и чувствовали, что они дѣлаютъ хорошее дѣло, и мы съ удовольствіемъ принимаемъ ихъ услуги, какъ и услуги другихъ вашихъ доброжелателей, — „интеллигентовъ“ или неинтеллигентовъ. Но всякое вмѣшательство въ наши дѣла, которое идетъ дальше указанныхъ услугъ, мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ....

„Есть еще люди, которые также идутъ подъ кличкой интеллигента. Во всѣ времена встрѣчались отдѣльныя лица во всѣхъ общественныхъ классахъ, которыхъ — независимо отъ того, къ какому общественному классу они принадлежали — тянуло впередъ къ свободѣ, равенству. Есть такіе и въ наше время. Правильнѣе назвать ихъ идеологами (Бebelъ назвалъ ихъ очень мѣтко „бѣлыми воронами“).

„Сверхъ того, у насъ есть своя, такъ-наз. рабочая интеллигенція. Это знаетъ всякій, кто знакомъ съ рабочимъ движеніемъ на дѣлѣ... Кого интересуетъ сильнѣе вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ социализму, тѣмъ мы рекомендуемъ брошюру Бebelя „Академики и социализмъ“, которая издается нами нарочно для учащейся молодежи“.

Прежде всего русская учащаяся молодежь могла бы покорнѣе поблагодарить господъ редакторовъ за предлагаемую ей брошюру Бebelя. Брошюра хорошая, — нечего сказать, но если русскимъ рабочимъ скучно читать брошюры, написанныя русскими же интеллигентами, то русскіе интеллигенты, хотя скучать, быть можетъ, и не будутъ, но навѣрное найдутъ, что не для нихъ сказка сказана. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть общаго между нѣмецкимъ обуржуазившимся студентомъ, для котораго годы идеальныхъ мечтаній лежатъ далеко позади, еще за 1848 годомъ, и русскимъ мыслящимъ пролетаріемъ, котораго гнететъ нужда и давитъ сильная лапа самодержавія?

Поэтому, еслибъ редація выкинула изъ своей замѣтки первые три пункта, а въ четвертому прибавила, что „идеологами“ или „бѣлыми воронами“ въ Россіи при данныхъ историческихъ условіяхъ являются всѣ искренніе революціонеры, спорить было бы не съ чѣмъ.

Но не такъ обстоитъ дѣло. Пунетъ первый замѣтки утверждаетъ, что на представителей вольныхъ профессій (учителей, адвокатовъ, артистовъ, поповъ и др.) разсчитывать нельзя. Что, однако, должно означать это „нельзя разсчитывать“? То-ли, что этимъ людямъ такъ хорошо живется, что въ борьбѣ рабочаго класса имъ не мѣсто, или же, что рабочій классъ вообще не можетъ ждать отъ нихъ пользы? То и другое невѣрно. Масса городскихъ и сельскихъ учителей живетъ въ такой же страшной бѣдности, работаетъ въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ, какъ и многіе фабричные пролетаріи. Австрійскіе социалъдемократы не только съумѣли привлечь къ себѣ симпатіи тысячъ этихъ жалкихъ паріевъ, но и вовлекли ихъ въ свои ряды тѣмъ, что выступили на защиту свѣтской школы противъ духовной и вездѣ поддерживали народныхъ учителей въ ихъ борьбѣ за улучшение своего положенія.*) А съ другой стороны, развѣ не изъ представителей вольныхъ профессій набираются всѣ эти люди, устраивающіе въ городахъ воскресныя школы, вечерніе классы и т. п.? Развѣ рабочимъ такъ-таки не нужны тѣ знанія, которыя они тамъ получаютъ?

При русскихъ условіяхъ, при страшномъ гнетѣ самодержавія, при реакціонности промышленной буржуазіи, рабочій классъ могъ бы привлечь на свою сторону всѣ слои, не живущіе непосредственно эксплуатаціей трудящихся. Очень немногіе войдутъ въ рабочую партію, но до поры до времени всѣ они видѣли бы въ социали-

*) Не слѣдуетъ также забывать, что, кромѣ учителей учащихъ, есть учителя, не находящіе приложения своимъ силамъ, въ виду того, что и государственные и земскіе бюджеты удѣляютъ лишь жалкіе крохи на народное образованіе.

стической партіи не только своихъ союзниковъ, но и своихъ вождей.

Пунктъ второй говорить объ интеллигентахъ, необученныхъ никакому ремеслу и не получившихъ спеціальнаго образованія, по недоразумѣнію считающихъ себя „какъ бы прирожденными революціонерами“. По недоразумѣнію-ли? Въ такомъ случаѣ всю русскую исторію за послѣдніа 30-40 лѣтъ надо признать сплошнымъ недоразумѣніемъ. Недоразумѣніемъ были Чернышевскій и Добролюбовъ, недоразумѣніемъ было все революціонное движеніе 70-хъ годовъ, хожденіе въ народъ, „Земля и Воля“, „Народная Воля“? И если мы припомнимъ, что большинство нашихъ интеллигентныхъ революціонеровъ дѣйствительно не было обучено никакому ремеслу и не получило спеціальнаго образованія („недоучившимися мальчишками“ называла ихъ реакціонная печать), то намъ придется признаться, что недоразумѣніе это пустило очень глубокіе и широкіе корни. Было время, когда русскому интеллигенту стыдно было не быть революціонеромъ, а если теперь этого нѣтъ, то мы думаемъ, что недоразумѣніе не прекратилось, а именно началось. Да! До поры до времени русскій интеллигентъ — прирожденный революціонеръ, прирожденный протестантъ противъ современнаго социальнаго строя. И еслибы это прекратилось, то не рабочимъ пришлось бы этому радоваться, такъ какъ „необученный никакому ремеслу и не получившій спеціальнаго образованія“ интеллигентъ въ дѣйствительности есть пролетарій, кое-чему научившійся. Что эта наука можетъ пригодиться рабочимъ, въ этомъ не сомнѣвается, вѣроятно, и редація „Рабочей Мысли“.

Наконецъ, въ пунктѣ 3-мъ указываются интеллигенты, оказывающіе намъ много существенныхъ услугъ, противъ чего редація ничего не имѣетъ, но предупреждаетъ, что эти люди завтра будутъ судьями, прокурорами и т. д. Редація, конечно, очень милостива, принимая услуги этихъ блудныхъ овецъ, но почему она такъ заботливо относится къ завтрашнему дню? Про

людей, оказывающих *сегодня* много существенныхъ услугъ рабочему движению, мы слышали, что *завтра* они попадаютъ въ тюрьмы, въ Сибирь, на каторгу. Отсюда до прокурора не очень далеко, но совершенно въ другомъ смыслѣ, чѣмъ это полагаетъ „Рабочая Мысль“. А если эти люди, выйдя изъ тюрьмы или вернувшись изъ ссылки, пожелаютъ успокоиться на тепломъ мѣстечкѣ, то это *завтра* такъ далеко, что можно, право, *сегодня* спросить: „а какое намъ до этого дѣло?“ Знаемъ-ли мы, что ждетъ завтра самихъ насъ, и во что превратятся вороны (бѣлыя или сѣрыя), каркающія на столбцахъ „Рабочей Мысли“?

Мы не пишемъ панегирика интеллигенціи. Интеллигенція часто ошибалась, но ошибалась она искренно и своею общественною дѣятельностью расчистила путь рабочему движению. Что касается специально рабочаго движения, то мы, конечно, желаемъ ему полной самостоятельности и независимости, но, какъ мы видѣли, безъ помощи интеллигенціи обойтись теперь рабочимъ нѣтъ возможности. Имъ указываютъ на бѣлыхъ вороновъ, но какъ ихъ въ самомъ дѣлѣ отличишь отъ сѣрыхъ: вѣдь при царящей въ Россіи тѣмѣ такъ легко ошибиться! Вообще въ общественной жизни происходитъ то же самое, что и въ личной: чѣмъ самостоятельнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе боится онъ посяганій со стороны другихъ на его самостоятельность и тѣмъ охотнѣе онъ готовъ спросить совѣта у болѣе опытныхъ и знающихъ людей съ тѣмъ, конечно, чтобы принять тотъ совѣтъ, который *ему* покажется наиболѣе разумнымъ. Главная опасность русскаго рабочаго движения — въ недостаткѣ знанія, а не въ претензіи интеллиговъ на руководство движениемъ.

Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ сами вороны изъ „Рабочей Мысли“. Онѣ вѣдь тоже хотятъ руководить движениемъ, но смуту сѣютъ въ головахъ рабочихъ невозможную.

Начнемъ хотя бы съ передовой статьи.

„Намъ заданъ вопросъ: зачѣмъ и какъ организо-

ваться? — Зачѣмъ?... Да хоть затѣмъ, чтобы въ будущемъ не задавать подобныхъ вопросовъ“....

Такъ авторъ передовицы. Организоваться надо затѣмъ, чтобы не спрашивать. Неправда-ли, вамъ это напоминаетъ окрикъ папаша на ребятъ, пристающихъ къ нему съ вопросами: почему да отчего? Папаша самъ не въ состояніи отвѣтить на заданные вопросы, но признаться въ этомъ не хочетъ, чтобы не потерять своего авторитета.

О какого рода организаціяхъ идетъ рѣчь у автора передовицы, мы не узнаемъ. Такъ какъ ниже говорится о стачкахъ, о боевыхъ кассахъ, то можно догадаться, что рѣчь идетъ о профессиональныхъ организаціяхъ;— поэтому и мы позволимъ себѣ нѣсколько на нихъ остановиться.

Европейскій рабочій видитъ въ профессиональной организаціи средство для борьбы съ предпринимателями за улучшение условій своей жизни. Чтобы быть успѣшной, такая борьба требуетъ цѣлесообразнаго руководства, знакомства съ положеніемъ рабочаго рынка и полной, очень полной кассы. Профессиональные союзы поддерживаютъ безработныхъ, блюдаютъ за точнымъ исполненіемъ законовъ о рабочихъ и фабричныхъ правилъ, ведутъ переговоры съ хозяевами и проч. Наконецъ, такъ какъ рабочій вопросъ не есть исключительно вопросъ желудка, такъ какъ рабочее движеніе имѣетъ, между прочимъ, цѣлью поднять человѣчество на высшую ступень культуры, то не приходится забывать и о культурныхъ задачахъ этихъ организацій: о приученіи къ самоуправленію, къ демократическому веденію общественныхъ дѣлъ и т. п.

Стоитъ лишь перечислить эти задачи, чтобы понять, что тайная организація влкогода не можетъ достигнуть такой силы, чтобы съ успѣхомъ справиться хоть съ частью этихъ задачъ. Но если наша работа сведется даже только къ организаціи небольшихъ кружковъ изъ передовыхъ рабочихъ одного или нѣсколькихъ фабрикъ и заводовъ, то она все-таки будетъ имѣть громадное

революціонное значеніе: каждый такой кружокъ, каждая такая группа явится той ячейкой, около которой будетъ группироваться остальная неорганизованная масса, и изъ которой въ будущемъ возникнутъ болѣе обширныя организаціи. Въ настоящемъ, — это болѣе моральная, чѣмъ матеріальная сила, и при существующихъ условіяхъ эти организаціи будутъ больше заниматься политикой, чѣмъ профессиональными вопросами.

Авторъ передовицы думаетъ, однако, иначе. Онъ увѣряетъ насъ, что „дѣло современныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ на Западѣ началось съ того же, что и у насъ. Тѣ же условія, та же жизнь, тѣ же послѣдствія“...

Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ такъ. Конечно, дѣло рабочихъ на Западѣ началась съ того же, что и у насъ, т. е. съ нуля. Была эпоха — и такая эпоха была вездѣ — когда класса вольно-наемныхъ рабочихъ совсѣмъ не было и не было, слѣдовательно, рабочаго движенія. Но когда рабочее движеніе начиналось, оно начиналось не вездѣ при одинаковыхъ условіяхъ. Такъ, напр., въ Англіи рабочее движеніе началось черезъ сто лѣтъ сляшкомъ послѣ буржуазной революціи; во Франціи рабочее движеніе начало выступать на сцену лишь въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, а въ Германіи оно принимаетъ опредѣленную форму лишь послѣ революціи 48-го года. Уже одно это обстоятельство, а именно то, что попадобилась буржуазная революція для того, чтобы рабочее движеніе отъ кружковъ подмастерьевъ и ремесленниковъ перешло въ настоящую стадію своего развитія, должно было бы заставить прыснуть нашего автора. Эта революція (хотя и буржуазная) доставила всему населенію тѣхъ странъ (значить, и рабочимъ, а не только фабрикантамъ, купцамъ и банкирамъ) свободу личности, свободу слова, свободу передвиженія и проч. Правда, въ эпохи смутныя, въ эпохи обостренія борьбы между двумя классами, сильный классъ пользовался своею властью для того, чтобы въ свою пользу истолковать законъ (какъ это случилось въ Англіи) или совершить беззаконіе (какъ это бывало

на континентѣ). Но это были эпохи переходящія, и даже въ эти тяжелые дни угнетенные имѣли возможность апеллировать къ общественному мнѣнію, могли сами организоваться и вліять на своихъ отсталыхъ товарищей.

Такъ, при первомъ своемъ появленіи англійскіе трэдъ-юніоны не преслѣдовались. Гоненія начались лишь позже, а именно въ началѣ нашего столѣтія. Но вотъ что говорятъ объ этой эпохѣ (1800-1824 гг.) авторы лучшей до сихъ поръ исторіи трэдъ-юніоновъ, супруги Веббъ:

„Историки трэдъ-юніонскаго движенія, слѣдуя традиціи, представляютъ періодъ до 1824 г. эпохой непрекращающихся преслѣдованій и постоянныхъ запрещеній. Каждый союзъ, который можетъ похвалиться болѣе, чѣмъ полувѣковымъ существованіемъ, имѣетъ свою романтическую легенду о первыхъ дняхъ своего существованія. Полуночныя собранія патриотовъ среди полей, зарытыя ящики съ документами, тайная присяга, продолжительное тюремное заключеніе руководящихъ личностей, — все это находится въ сказаніяхъ болѣе старыхъ профессиональныхъ союзовъ и образуетъ матеріалъ, изъ котораго въ эпоху, не просвѣщенную историческимъ критицизмомъ, легко могла бы создаться полумифическая сказка. При болѣе точномъ изслѣдованіи вопроса о томъ, какое вліяніе фактически оказалъ на трэдъ-юніоны законъ о запрещеніи всѣхъ союзовъ наемныхъ рабочихъ, законъ, существовавшій въ Соедин. Королевствѣ до 1824 г., мы увидимъ, что за легендой кроется доля истины. Но мы найдемъ, что нѣкоторые рабочіе союзы были во всякое время признаваемы закономъ, что многимъ другимъ только отъ времени до времени ставились препятствія“...

И въ другомъ мѣстѣ, относящемся къ той же эпохѣ.

„Не слѣдуетъ, однако, предполагать, что каждый рабочій союзъ подвергался преслѣдованіямъ, или что

вождь трэдъ-юніона той эпохи проводилъ всю свою жизнь въ тюрьмѣ. Благодаря крайне недостаточной организаціи англійской полиціи и отсутствію государственной прокуратуры, союзы оставались неприкосновенными, пока какой-нибудь предприниматель, введенный изъ терпѣнія ихъ дѣятельностью, самъ на свой страхъ не начиналъ хлопотать о примѣненіи закона“.

Но важнѣе всего то, что краткіе эпизоды преслѣдованій происходили совсѣмъ на другой почвѣ, чѣмъ въ несвободныхъ странахъ: благодаря свободѣ слова и сходокъ, рабочіе могли устраивать съѣзды, агитировать въ печати и въ нѣсколько лѣтъ избавиться отъ закона, стояшаго вмѣ на пути.

А какъ было дѣло въ Германіи? Безформенная, неорганизованная борьба рабочихъ происходила тамъ и до революціи 1848 г. Рабочіе разбивали машины, жгли фабрики, убивали неприятныхъ имъ управителей. Иногда, какъ это было въ Берлинѣ, гдѣ рабочіе были болѣе развиты, стачки принимали болѣе мирный характеръ, и рабочимъ удавалось добиваться временныхъ уступокъ. Но это было только кое-гдѣ и кое-когда, а вообще государство расправлялось съ рабочими тѣми самыми „средствами“, какими нынѣ расправляется російскій царь и его прислужники. А вотъ что произошло послѣ 1848 года:

„Среди рабочихъ города Берлина — рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій наборщикъ Стефанъ Борнъ, одинъ изъ вождей тогдашняго рабочаго движенія — машиностроители и типографщики составляли передовой, чтобы не сказать аристократическій элементъ... Типографщики прежде всѣхъ другихъ рабочихъ стали требовать повышенія заработной платы. Я присутствовалъ на ихъ первомъ собраніи, они выбрали меня предсѣдателемъ и президентомъ особой комиссіи. Ихъ требованія были крайне справедливы, и характерно для того времени, что по-

надобилась политическая революція, прежде чѣмъ можно было подумать о выставленіи этихъ требованій (курсивъ нашъ). Безъ этой революціи вмѣшалась бы полицейская власть, предложеніе тарифа, поддерживаемаго угрозой стачки, не было бы дозволено, какъ мѣра, опасная для государства. Вождей рабочихъ просто судили бы, какъ „святелей смуты“, и въ лучшемъ случаѣ они отдѣлялись бы изгнаніемъ“

И не только для правильной организаціи стачекъ понадобилась революція: безъ нея невозможенъ былъ никакой общій планъ дѣйствій, никакая общая организація, охватывающая хоть сколько-нибудь значительное число рабочихъ изъ разныхъ городовъ, никакая общая программа дѣйствія, а послѣ революціи, въ концѣ августа 1848 года, могъ собраться въ Берлинѣ первый германскій рабочій конгрессъ.

Но нашего автора всѣ эти факты не убѣждаютъ. Вырвавши изъ исторіи рабочаго движенія нѣсколько эпизодовъ, онъ думаетъ, что доказалъ свою мысль (а чего нельзя доказать подобными отрывками?) и патетически восклицаетъ:

„Нѣтъ! довольно той лжи, по которой рабочее движеніе оттого развивается, что уже на лицо политическая свобода... Нѣтъ! настоящая свобода оттого развивается, что рабочіе двинулись и неудержимо стремятся впередъ! Истинна въ томъ, что всякая стачка, всякая касса, всякій рабочій союзъ только тогда становится законнымъ, когда сталъ уже дѣломъ обычнымъ, когда — запрещай его или дозволяй — все равно, ничего не подѣлаешь. Законъ дѣйствующій — это вѣдь лишь запись современныхъ житейскихъ взаимныхъ отношеній. Сила закона — сила обычая. Сьумѣть сдѣлать обычнымъ — значитъ сдѣлать законнымъ“.

Пафосъ автора, можно сказать, тутъ совершенно излишенъ: онъ или борется съ тѣнями или гонится за собственной тѣнью. Мы согласны, что „довольно той

лжи, по которой рабочее движение оттого развивается, что уже на лицо политическая свобода“, и можно смѣло сказать: нѣтъ въ Россіи въ настоящее время ни одной революціонной группы, которая бы не была съ этимъ согласна. Ниче революціонеры склонны думать наоборотъ, что политическая свобода въ Россіи явится слѣдствіемъ развитія рабочаго движенія и роста его классового самосознанія. Теоретическій основатель русской социалдемократіи, Г. В. Плехановъ, въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, именно въ „Нашихъ Разногласіяхъ“, вышедшихъ въ 1885 г., говоритъ:

„Но социалисту нужно подумать прежде всего о томъ, чтобы революціи была полезна для трудящагося населенія его страны... Мы замѣтимъ, что рабочій классъ извлечетъ тѣмъ большую пользу изъ своей политической борьбы, чѣмъ яснѣе будетъ для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами. Въ „западно-европейскихъ“ странахъ пролетаріатъ очень часто боролся противъ абсолютизма подъ знаменемъ и подъ верховнымъ руководствомъ буржуазіи. Отсюда являлась умственная и нравственная зависимость его отъ вожаковъ либерализма, вѣра въ исключительную святость либеральныхъ девизовъ, убѣжденіе въ неприкосновенности буржуазнаго порядка. Въ Германіи понадобилась вся энергія и все краснорѣчіе Лассалля, чтобы только *подорвать* духовную связь рабочихъ съ прогрессистами. Наше „общество“ лишено такого вліянія на рабочій классъ, и социалистамъ нѣтъ ни нужды, ни выгоды создавать его за-ново. Они должны указать рабочимъ ихъ собственное, рабочее знамя, дать имъ вожаковъ изъ ихъ собственной, рабочей среды, короче, должны позаботиться о томъ, чтобы не буржуазное „общество“, а тайныя рабочія организаціи приобрѣли господствующее вліяніе на умы рабочихъ. Этимъ въ значительной степени ускорится и ростъ русской рабочей социалистической партіи, которая

счумѣть завоевать себѣ почетное мѣсто среди другихъ партій, послѣ того какъ она еще въ пеленкахъ способствовала паденію абсолютизма и торжеству политической свободы“.

Нельзя также считать безусловно вѣрнымъ и слѣдующее изрѣченіе автора передовицы: „Всякая стачка, всякая касса, всякій рабочій союзъ только тогда становится законнымъ, когда сталь уже обычнымъ...“ Если повѣрить сторонникамъ этой самоновѣйшей теоріи, законы въ государствѣ составляются слѣдующимъ образомъ: люди втеченіе долгаго времени дѣлаютъ то, что фактически запрещено; первоначально это преслѣдуется, но затѣмъ чиновники привыкаютъ къ такому беззаконію, наступаетъ бездѣйствіе власти, а затѣмъ преподносится и законъ, дозволяющій то, что прежде было запрещено.

Однако, столь милое сердцу нашего автора англійскіе рабочіе поступали не такъ: коль скоро недостаткѣ какого-нибудь закона становились для нихъ чувствительными, они начинали агитацію по всей странѣ, созывали конгрессы, собирали митинги, вели пропаганду въ печати и собраніяхъ, привлекая вниманіе не только отсталыхъ слоевъ рабочаго населенія, но и другихъ классовъ населенія, и въ особенности парламента. Всѣ разговоры о томъ, что англійскіе рабочіе не занимаются политикою, вѣрны лишь въ томъ смыслѣ, что англійскіе рабочіе не образовали самостоятельной рабочей партіи, а силой своего вліянія заставляли то ту, то другую изъ буржуазныхъ партій проводить свои требованія, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что сила эта прямо пропорціональна объему политическихъ и личныхъ свободъ, которыми пользуются англійскіе рабочіе. Что на континентѣ Европы рабочіе образовали самостоятельныя политическія партіи, борющіяся въ парламентахъ и внѣ ихъ за новыя лучшія законы, мы думаемъ, всѣмъ извѣстно.

Политическая борьба, уже начатая русскими рабочими, должна только принять организованный харак-

теръ и выработать свойственные ей формы и методы. Стачки играли и будутъ еще играть въ Россіи свою роль революціоннаго воспитанія болѣе отсталыхъ массъ, не сознающихъ еще противоположности интересовъ своихъ и капиталистовъ. Можно, однако, тутъ же прибавить, что даже и этого воспитанія не совершила бы стачка, еслибы вслѣдъ за стачкой не появлялась прокламація (часто писанная и печатанная интеллигентами), объяснявшая значеніе только-что оконченной борьбы. Но передовымъ рабочимъ надо сдѣлать и дальнѣйшій шагъ и организовать въ политическую партію, представляющую и защищающую интересы рабочихъ не того ли другого завода или даже цѣлаго города, а всего русскаго пролетаріата. Разъ ставшимъ на эту точку зрѣнія передовымъ рабочимъ пришлось бы выработать свою соціально-политическую программу, начать агитацію въ пользу своихъ ближайшихъ требованій, и такимъ путемъ привлечь на свою сторону массу индифферентныхъ рабочихъ и нерабочихъ.

Вернемся, однако, къ нашему автору. „Раб. Мысль“ даетъ такую характеристику петербургскихъ рабочихъ: одна часть борется съ современнымъ строемъ, другая погружена въ семейныя нужды и молча все переносятъ, третья сознаютъ, хотя смутно, свое положеніе, но боятся за свою шкуру, видя силу хозяевъ и правительства и мало вѣря въ силы рабочихъ. Позвоительно спросить, согласны-ли эти третьи, боящіеся за свою шкуру, съ авторомъ передовицы, будто „довольно той лжи, по которой рабочее движеніе отъ того развивается, что уже на лицо политическая свобода“? И не думаетъ-ли авторъ, что при политической свободѣ эти-то, навѣрное, вошли бы въ ряды рабочей партіи? И нѣтъ-ли, такимъ образомъ, хоть доли правды въ этой лжи?

„Законъ дѣйствующій — это вѣдь лишь запись современныхъ житейскихъ отношеній“, хочетъ увѣрить насъ Лассаль въ реакціонной шкурѣ. Странно только послѣ этого, зачѣмъ авторъ зоветъ рабочихъ на

борьбу; не лучше-ли сидѣть сложа руки и ждать, пока измѣнятся „житейскія отношенія“? Законъ уже потому не можетъ быть записью „житейскихъ отношеній“, что отношенія эти включаютъ въ себѣ, между прочимъ, и борьбу, чего законъ записать не можетъ. Въ нашемъ мѣрѣ, гдѣ все течетъ, все измѣняется, измѣняются и „житейскія отношенія“; поэтому, если законъ ихъ „записалъ“, то сдѣлалъ онъ это по своей крайней ограниченности, ибо пока дѣлалась записъ, жизнь мѣнялась, а съ ней вмѣстѣ и „житейскія отношенія“. Законъ, изданный 20 лѣтъ тому назадъ, не выражалъ „житейскихъ отношеній“ уже черезъ годъ послѣ своего рожденія, а тѣмъ паче нынче. Русскому самодержавію можетъ быть будетъ очень пріятно убѣдиться, что оно выражаетъ „современныя житейскія взаимныя отношенія“, но удивительно, какъ такія мысли попали въ органъ петербургскихъ рабочихъ.

Тому же автору, очевидно, принадлежитъ статья за подписью „Ученикъ жизни“. Можно сказать, что вся его бѣда въ томъ и состоитъ, что учился-то онъ мало, и изъ книгъ мало, а изъ жизни и того меньше. Какъ „ученикъ жизни“, онъ боится всякъхъ принципиальныхъ задачъ рабочаго движенія. Все „дѣло въ томъ, чтобы работать и жить“. Русскому рабочему можно сжечь свои книги! Научная критика предлагаемыхъ ему социальнополитическихъ программъ излишняя роскошь: пусть онъ слѣдуетъ жизни! А если жизнь будетъ бить васъ по всѣмъ фибрамъ души вашей, то удалитесь въ укромное мѣстечко и займитесь успокоеніемъ нечистой совѣсти русскаго самодержавія, — что, молъ, и въ свободныхъ странахъ, въ Англіи, въ Бельгіи не лучше, чѣмъ у насъ. Безспорно, жизнь — великій учитель, и въ концѣ-то концовъ она выведетъ рабочій классъ на настоящій, правльный путь, но развѣ необходимо отдѣльнымъ представителямъ рабочаго класса, можетъ быть, цѣлому поколѣнію, пережить всѣ тѣ удары, которые соблаговолитъ преподнести намъ жизнь, не освѣщенная свѣтомъ знанія?

Конечно, не то знаніе, которое вырываетъ отрывки изъ исторіи рабочаго движенія и придаетъ имъ такое толкованіе, какое въ дѣйствительности оттуда не слѣдуетъ. И не то знаніе, которое ложно передаетъ факты, какъ это сдѣлалъ г. Храмовъ, рассказавшій читателямъ „Раб. Мысли“, что на штуттгартскомъ съѣздѣ германскихъ социалдемократовъ шель споръ между сторонниками политической и экономической борьбы, чего на самомъ дѣлѣ не было, или другой корреспондентъ, рассказавшій намъ о томъ, какъ французская буржуазія дрожала, узнавши о съѣздѣ гадистовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ правда то, что французская буржуазія занята была дѣломъ Дрейфуса и совершенно не думала о гадистахъ.

Если мы скажемъ, что послѣ этихъ писаній господъ изъ „интеллигенціи“, отдыхаешь душой при чтеніи безхитростныхъ и безыскусственныхъ корреспонденцій, писанныхъ рабочими, то надѣемся, никто не увидитъ въ этомъ заигрыванія съ представителями ручного труда и науськиванія на представителей умственнаго труда. Мы лишь воздаемъ каждому свое и, повторяя уже высказанную мысль, что русскій рабочій можетъ и долженъ идти рядомъ съ революціонной интеллигенціей, мы пожелаемъ только, чтобы среди этой интеллигенціи было поменьше родственниковъ Матрофана Простакова.

Въ заключеніе считаемъ уместнымъ напомнить слѣдующія строки изъ „Коммунистическаго Манифеста“.

„Соціалистическая и коммунистическая французская литература, возникшая подъ давленіемъ буржуазнаго господства и служившая литературнымъ выраженіемъ борьбы противъ этого господства, проникла въ Германію въ то время, когда тамошняя буржуазія только-что начала свою борьбу противъ феодальнаго абсолютизма.

„Нѣмецкіе мудрецы, философы и полуфилософы, съ жадностью набросились на эту литературу и забыли лишь то, что французскія отношенія не были пере-

несены въ Германію вмѣстѣ съ европейской литературой.

„Нѣмецкій социализмъ весьма кстатя забывалъ, что французская критика, неразумнымъ отголоскомъ которой онъ явился, имѣеть въ виду современное буржуазное общество, съ соответствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т. е. именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще идетъ рѣчь въ Германіи....

„Нѣмецкимъ абсолютнымъ правительствамъ, со всею ихъ свитою поповъ, школьныхъ учителей, помѣщиковъ и бюрократовъ, онъ (т. е. „истинный“ социализмъ) служилъ очень удобнымъ пугаломъ противъ буржуазіи съ ея грозными требованіями.

„Онъ представлялъ собою пріятное дополненіе къ неприятнымъ расправамъ съ помощью пуль и плетей, которыми тѣ же правительства подавляли возстанія нѣмецкихъ работниковъ“.

Мы рекомендуемъ это мѣсто благосклонному вниманію всѣхъ „учителей“ и „учениковъ“ жизни.

Д. Кольцовъ.

ПО ПОВОДУ НОВАГО НАРОДНАГО БѢДСТВІЯ.

I

Спѣшу предупредить читателя, во избѣжаніе недоразумѣнія. Я намѣренъ бесѣдовать съ читателемъ не о какомъ-нибудь новомъ, невиданномъ и не испытанномъ до сихъ поръ русскимъ народомъ несчастіи или горѣ, а наоборотъ, о такомъ бѣдствіи, которое уже неоднократно обрушивалось на него со всеми своими тяжелыми послѣдствіями. Если я называю его новымъ, то только въ томъ смыслѣ, что поводомъ для бесѣды о немъ послужило для меня новѣйшее его изданіе. Я

говору о новомъ неурожѣ и слѣдующемъ за нимъ по пятамъ голодѣ, тоже, какъ извѣстно, отнюдь не новымъ гостемъ на землѣ русской.

Тревожныя опасенія за урожай настоящаго года начали высказываться уже чуть не съ осени прошлаго года. А весной текущаго года въ печати уже раздавались такіе голоса: „Мы не рассчитались еще съ недородомъ 1897 г..... а голодная гроза надвигается вновь, заставляя Россію на этотъ разъ уже безъ всякихъ запасовъ“ (С.-Пет. В. № 96). Но то, что весной представлялось въ видѣ только еще надвигающагося грознаго призрака, теперь, въ сентябрѣ, когда я пишу эти строки, является уже несомнѣннымъ реальнымъ фактомъ, не оставляющимъ мѣста никакому успокоительному самообману. Уже въ іюнѣ „Торговопромышленная Газета“ сообщала, что на востокъ Россіи „остается довольно значительный районъ, гдѣ посѣвы сильно пострадали отъ продолжительной засухи и жаровъ“*), а въ началѣ августа въ № 17 этого правительственнаго органа мы уже находимъ и „общіе выводы объ ожидаемомъ урожаѣ хлѣбовъ и сборѣ сѣна“. Вотъ эти „выводы“.

„Подъ вліяніемъ крайне неравномѣрнаго распредѣленія атмосферныхъ осадковъ и несвоевременнаго ихъ выпаденія въ іюнѣ, въ общемъ, состояніе озимыхъ хлѣбовъ со времени уборки ихъ на огромномъ пространствѣ имперіи, обнимающемъ собою приуральскія и почти все приволжскія губерніи, а также прилегающія къ нимъ мѣстности центрального района, произошло замѣтное ухудшеніе“. Министерскіе органы избѣгаютъ ясности, когда имъ приходится сообщать извѣстія, рисующія бѣдственное положеніе народныхъ массъ. Они преподносятъ читателю такія сообщенія подъ толстой оболочкой запутанной фразеологіи, уснащенной множествомъ „но“ и разныхъ оговорокъ, такъ что

*) „Русское Богатство“, № 7, Хроника внутренней жизни.

истинное положение дѣлъ скрывается какъ бы въ туманѣ, и обыкновенному смертному бываетъ подчасъ не легко разглядѣть печальную истину. Литературные слуги царскаго правительства знаютъ, что ихъ хозяинъ не любитъ, чтобы обыватели волновались по поводу явленій и вопросовъ, касающихся даже ихъ собственной жизни и интересовъ. А ясное, правдивое указаніе на силу и размѣры надвигающагося народнаго бѣдствія только понапрасну встревожило бы тѣхъ подданныхъ, которые имѣютъ странную склонность болѣть душой и хлопотать о помощи, когда ихъ „близкимъ“ грозитъ какая-нибудь бѣда. Эту заботливость нашего правительства о душевномъ спокойствіи обывателей нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ истиннаго смысла официальныхъ сообщений и „выводовъ“ относительно размѣра настоящаго неурожая. Когда правительственный органъ заявляетъ, что „на огромномъ пространствѣ Имперіи произошло замѣтное ухудшеніе“ озимыхъ хлѣбовъ, то можно заранѣе быть увѣреннымъ, что этотъ районъ, или вѣрнѣе районы — постигнуты болѣе или менѣе крупнымъ неурожаемъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ той же статьѣ, изъ которой взяты вышеприведенныя строки, нѣсколько дальше уже прямо перечисляется цѣлый рядъ губерній, съ „плохимъ“, „неудовлетворительнымъ“ и „посредственнымъ“ урожаемъ озимыхъ хлѣбовъ. Отбросивъ въ сторону балластъ словечекъ и полуфразъ, рассчитанныхъ на то, чтобы подсластить горькую пилюлю и ослабить общее впечатлѣніе сообщаемыхъ фактовъ, мы въ итогъ получаемъ обширную полосу, обнимающую 21 губернію, съ урожаемъ частью просто плохимъ, частью „неудовлетворительнымъ“, а частью „посредственнымъ“, „пестрымъ“, т. е. въ сущности опять-таки неудовлетворительнымъ на крестьянскихъ земляхъ. Какъ ни маскируетъ правду канцелярско-литературный стиль хроникера министерской газеты, фактъ „недорода“ хлѣбовъ на этомъ огромномъ пространствѣ, населенномъ десятками милліоновъ лю-

дей, противъ воли автора, самъ собою рѣзко выступатъ и въ его обзорѣ. И онъ самъ долженъ въ концѣ концовъ признать, что плохой или неудовлетворительный районъ яровыхъ въ общемъ почти совпадаетъ съ подобнымъ-же райономъ озимыхъ хлѣбовъ. Кроме того, въ значительной части этого района, въ губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Нижегородской, Уфимской, Самарской, Астраханской и приуральскихъ и „травы уродились плохо“, такъ что „зимой будетъ ощущаться сильный недостатокъ въ кормахъ“. Узнаемъ мы также, что въ „сѣверныхъ, нѣкоторыхъ приозерныхъ и прилегающихъ къ нимъ промышленныхъ губерніяхъ... сѣна было собрано *значительно* меньше противъ средняго“.

Вотъ перечень губерній, охваченныхъ въ различной степени неурожаемъ озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ, а отчасти и травъ: Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская, Уфимская, Оренбургская, Пензенская, Донская Область, Вятская, Пермская (за исключеніемъ отдѣльныхъ уѣздовъ) — совсѣмъ плохой урожай; затѣмъ, съ урожаемъ пестрымъ, посредственнымъ, т. е. въ итогъ, менѣе плохомъ, губерніи: Вологодская, Костромская, Владимірская, Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Рязанская и Нижегородская.

Почти всѣ эти губерніи—рецидивисты по части неурожаевъ; большинство изъ нихъ перенесло это бѣдствіе въ 1891 и 92 годахъ и фигурировало также въ воззваніи Вольноэкономическаго Общества о помощи въ пользу населенія, пострадавшаго отъ неурожая прошлагодняго. А отдѣльные уѣзды и волости указаннаго района подвергались этому бѣдствію и въ промежуткѣ между означенными годами. Недаромъ само „Новое Время“, по словамъ „Торговопромышленной Газеты“ № 185, подчеркнуло „то обстоятельство, что недородъ какъ будто избралъ себѣ постоянное мѣстопробываніе въ заволжскихъ, средневожжскихъ и центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ“. Повторяясь все чаще и чаще, неурожай стали на Руси явленіемъ бо-

лѣ или менѣе хроническимъ, постояннымъ, неизмѣнно сопровождающимся длинной вереницей всевозможныхъ бѣдствій и страданій народныхъ массъ. За каждымъ крупнымъ неурожаемъ слѣдуетъ голодовка миллионovъ крестьянъ, а спутниками голода являются физическое истощеніе огромныхъ массъ населенія, распространеніе болѣзней и эпидемій и, наконецъ, усиленная смертность. Вместе съ людьми, голодаетъ и погибаетъ крестьянскій скотъ, въ лучшемъ случаѣ его продаютъ за безцѣнокъ или убиваютъ изъ за шкуры, а въ итогѣ всего получается все большее и большее разореніе крестьянскихъ массъ.

Освѣжимъ свои впечатлѣнія изъ недавняго прошлаго нѣсколькими примѣрами. „Уже въ сентябрѣ — писали изъ Петропавловскаго уѣзда въ „Р. Вѣдом.“ (№ 13 текущаго года) — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свой хлѣбъ былъ съеденъ... Множество семей отправляется по міру съ протянутой рукой и начинаетъ побираться. Но и „въ кусочки“ уходятъ еще не самые бѣдные, такъ какъ для того, чтобы ходить въ морозъ, нерѣдко за 60—70 в., необходимо имѣть хоть какую-нибудь теплую обувь и одежду, а весьма многіе лишены этого... На всю семью одинъ рваный полушубокъ...., втятся все днемъ и ночью на печкѣ—въ избѣ холодно. Дрова возятъ на себѣ, лѣсъ далеко, скотины никакой, единственная лошадь пала“.

А вотъ что сообщали комитету Вольноэкономич. Общества для помощи голодающему населенію.

„Приведу отрывки разговоровъ крестьянъ, которые мнѣ удалось запомнить во время выдачи: „Какая у Алеши топка?“—Послѣднія яблони у своей избы срубилъ анадысь“. — „Дворишко весь пожогъ“. — „Риги половинну пожгли, топлюсь амбарушкой“. — „Пять дней топки въ избѣ не было, ходили грѣться по соседямъ“. — „Дворъ есть“. — „Одинъ бочокъ“. — „Свинья только-что ходитъ“. — „Овцы изничтожились“. — „Лошадь на боку лежитъ“. — „Я свою даже подымать пересталъ“. — „Два дня не ѣвши“. — „Онъ лежитъ, почитай, двѣ недѣли, ничего не голоситъ; горячка его, знать, съѣла“. — „Онъ не ѣвши привыкъ, а внуки по ночамъ изъ-

за хлѣба кричать“. — Сѣмена? — спрашиваю. — „Нѣтъ“. — Чѣмъ же сѣять будешь? — „Не знаю, чѣмъ Господь пошлетъ“.

„Лошади не стоятъ, — обезсильли. Капусты и картофеля у очень немногихъ только есть, и то на короткое время. Страшная пужда и въ топливѣ. Мы купили хворосту по дешевой цѣнѣ и раздаемъ его по возу на семью, но обезсильенныя лошади большаго воза не дотащутъ; этихъ возиковъ хватить на недѣлю, много дѣй. Скоро весна, лошадей для весеннихъ работъ надо усиленно кормить, да и рабочимъ надо бы къ веснѣ давать выдачу, они вѣдь обезсильли. Грустно смотрѣть, какъ хозяева — не безлошадные — везутъ отъ насъ выдачу на ручныхъ салазкахъ, такихъ ужъ очень много. Опять бѣда, гдѣ взять сѣмянъ Почти ни у кого ихъ нѣтъ, а если есть, то все же на посѣвъ не хватить. Надежды на весенніе заработки не можетъ быть; всѣ, кто могъ, уже забрали подъ будущую работу и давно проѣли деньги. Многие жгутъ свои риги, амбары, дворы, раскрываютъ крыши на топку и кормъ. Одна баба говорила мнѣ, что лавки въ избѣ пожгли, другая — полъ въ хатѣ начинаютъ жечь, а еще третья говорила: „Мы нынче колесо разрубили, да имъ и топили“. Изъ сосѣдней Тамбовской губерніи ходитъ масса нищихъ!“

Въ хроникѣ внутренней жизни „Р. Бог.“ (№ 4) мы находимъ слѣдующую картину положенія населенія въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ въ прошломъ году:

„Отовсюду пишутъ, что соломенные крыши скормлены скоту или пошли на топливо, жгутъ риги, амбары, дворы, изгороди, даже лавки и поля избъ... Бывали случаи, что наиболѣе бѣднымъ выдавалось попечительствомъ или частными лицами даровое топливо, но и тутъ затрудненіе: обезсильенныя лошади не въ состояніи провезти даже на незначительномъ разстояніи небольшой возъ хворосту. Изъ многихъ мѣстъ поступаютъ извѣстія о массовомъ падежѣ скота отъ безкормицы“.

Если бы мы даже ничего не знали о нормальномъ положеніи нашихъ сельскихъ массъ, то однихъ этихъ примѣровъ было бы совершенно достаточно для того, чтобы догадаться о крайне печальныхъ условіяхъ ихъ обычнаго, повседневнаго существованія. Только крестьянство, уже прежде доведенное до состоянія нищеты и разоренія, могло очутиться, подъ вліяніемъ мѣстнаго неурожая, въ такомъ безвыходномъ и безпомощномъ состояніи. Но кто же теперь не знаетъ, что, говоря словами Толстого,

„положеніе большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бывает провести черту между тѣмъ, что можно назвать голодомъ, и нормальнымъ состояніемъ и что та помощь, которая нужна въ нынѣшнемъ (голодномъ) году, была также нужна, хотя и въ меньшей степени, и въ прошломъ, и во всякое время“.

И именно въ этомъ страшно тяжеломъ „нормальномъ положеніи“ огромнаго большинства сельскаго населенія лежитъ ближайшая, непосредственная причина, какъ неурожаевъ, столь часто посѣщающихъ обширныя полосы имперіи, такъ и повальныхъ голодовокъ, вызываемыхъ ими. Припомнимъ, въ общихъ чертахъ, каково это состояніе, каковы тѣ общественныя условія, въ которыхъ нашимъ сельскимъ массамъ приходится жить и бороться за свое существованіе.

Положеніе этихъ массъ уже скоро послѣ освобожденія ихъ отъ помѣщичьей власти начало вызывать тревожныя опасенія въ кругу образованныхъ людей, интересующихся общепароднымъ благосостояніемъ. И самому правительству пришлось снарядить особую комиссію специально для изслѣдованія хозяйственнаго положенія деревенскаго населенія. И вотъ на основаніи данныхъ, собранныхъ этими комиссіями въ началѣ 70-хъ годовъ, покойный профессоръ Янсонъ показалъ, что уже въ то время даже въ чисто земледѣльской, черноземной, трехпольной полосѣ

„въ 62%⁰ уѣздовъ... всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получать съ своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба, а въ остальныхъ 38%⁰ уѣздовъ въ такомъ положеніи находится значительная часть этихъ крестьянъ“*).

По расчету того же ученаго, даже высшіе надѣлы уже въ его время не давали „никакихъ избытковъ“ на продажу для выручки денегъ „на необходимыя расходы для покупки соли, дегтя, на ремонтъ одежды и хозяйственныхъ орудій“... За двадцатилѣтіе, протекшее со времени появленія цитированнаго изслѣдованія,

*) „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, стр. 68—69.

вслѣдствіе роста населенія и дробленія надѣловъ, несоотвѣтствіе ихъ съ домашними и хозяйственными нуждами крестьянъ, конечно, еще болѣе увеличилось.

Мудрецы волчьей породы стараются увѣрить себя и другихъ, что источникомъ этого несоотвѣтствія является не малоземелье, а первобытныя орудія и плохая обработка крестьянами своей земли, вообще ихъ неумѣнье перейти къ „раціональной системѣ сельскаго хозяйства“. Но мудрецы эти нарочно закрываютъ глаза на обстоятельства, лишаящія огромное большинство крестьянъ возможности перейти къ лучшимъ способамъ веденія своего земледѣльческаго хозяйства. А между тѣмъ, непосредственныя препятствія къ улучшенію нашего крестьянскаго хозяйства сами собою бросаются въ глаза и давно уже и неоднократно указывались въ нашей печати, за исключеніемъ, конечно, безстыдно реакціонныхъ органовъ. Кто не знаетъ, напримеръ, что темнота и невѣжество, царящія въ нашихъ деревняхъ, играютъ чрезвычайно большую роль въ безсиліи и безпомощности нашихъ крестьянскихъ массъ? Точно также всѣ мало мальски развитые люди знаютъ, что главной помѣхой для распространенія образованія въ народѣ является правительство, боящееся просвѣтлѣнія умовъ, какъ чортъ лапана. Известно также, какимъ страшнымъ бременемъ ложатся на плечи крестьянъ подати и налоги. По вычисленію г. Николай — она, „подати, вмѣстѣ съ косвенными налогами“ въ 1890 г. „не только поглотили весь валовой доходъ съ крестьянскихъ земель, но превысили его“ еще на нѣсколько процентовъ. А весь государственный доходъ „въ 1889—90 годахъ сталъ превышать на 62—69%“ валовой доходъ крестьянъ съ надѣльныхъ земель. Разумѣется, не весь государственный доходъ падаетъ на крестьянъ; но главнымъ то образомъ онъ все-таки ложится на ихъ плечи. Это во первыхъ. А во вторыхъ, съ 1890 года обыкновенные доходы казны увеличились почти на 400 милліоновъ рублей, прибли-

зительно на 40 проц. Поэтому, очень вѣроятно, что весь доходъ съ надѣльной крестьянской земли забираетъ себѣ казна — подъ видомъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Но это лишь общій итогъ. А вѣдь среди сельскаго населенія имѣются и зажиточные слои, съ надѣлами, доходъ съ которыхъ превышаетъ платежи и налоги, лежащіе на нихъ. Какъ извѣстно, крестьяне, получившіе, при освобожденіи отъ помѣщиковъ, самые меньшіе и наиболѣе плохіе надѣлы, больше всѣхъ и обременены налогами. Принимая все это въ расчетъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что большинству крестьянъ приходится отдавать казнѣ не только все то, что они получаютъ со своихъ надѣловъ, но и значительную часть своихъ стороннихъ заработковъ.

Такое неслыханное и невиданное въ цивилизованномъ мірѣ несоотвѣтствіе между экономическими средствами сельскихъ массъ и податнымъ бременемъ, возложеннымъ на нихъ, уже само по себѣ является чрезвычайнымъ препятствіемъ для улучшения ихъ хозяйства. Но препятствіе это оказалось совершенно неодолимымъ въ связи съ другимъ условіемъ народной жизни, оставленнымъ намъ въ наследство, вмѣстѣ съ податнымъ гнетомъ крестьянъ, эпохой крѣпостного права. Ихъ освободили отъ помѣщичьей власти, но, вмѣстѣ съ государственными крестьянами, оставили въ крѣпостной зависимости отъ царскаго правительства. Чтобы обезпечить царской казнѣ неправоное поступленіе налоговъ съ крестьянъ, ихъ прикрѣпили къ надѣльной землѣ. Члены сельскаго общества связаны круговой порукой передъ правительствомъ относительно уплаты податей и повинностей, которыми обложена предоставленная имъ земля, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ самовольно отказаться отъ своего надѣла и стать мѣщаниномъ или просто переселиться въ другіе края*).

*) Чтобы выйти изъ сельскаго общества, крестьянинъ долженъ

Правительство недаромъ прикрѣпило крестьянъ къ землѣ и къ „миру“; оно имѣло полное основаніе опасаться, что многіе изъ нихъ совсѣмъ бросятъ свои надѣлы и разбредутся во все стороны — лишь бы избавиться отъ платежей за землю, не дающую имъ самимъ средствъ къ жизни. Вѣдь уже при освобожденіи ихъ отъ помѣщичьей власти, крестьяне во многихъ мѣстахъ отказывались вступить во владѣніе предоставленными имъ надѣлами и начальству пришлось прибѣгнуть къ помощи розогъ и военныхъ командъ, чтобы насильно навязать имъ эти надѣлы.

„Непомѣрно высокіе платежи за землю, мѣстами совершенно нигде не годную, или розги и арестантскія роты — вотъ тотъ единственный выборъ, который предоставило „свободному“ крестьянину будто бы народолюбивое правительство Александра Ш*).

Печальные результаты государственнаго закрѣпощенія крестьянъ обнаружались съ достаточной силой уже въ началѣ 70-хъ годовъ.

„Въ такой полосу, какъ черноземная, трехпольная“, удобреніе „на крестьянскихъ поляхъ является необходимостью... Уменьшеніе скота должно считаться однимъ изъ рельефныхъ признаковъ упадка благосостоянія земледѣльца“, а между тѣмъ „скотоводство вездѣ сократилось и вездѣ въ силу однихъ и тѣхъ же причинъ—

получить отъ него и волостного старшины *увольненіе*. А вызывать такое увольненіе правительство разрѣшаетъ подъ такими условіями: 1) сельское общество должно взять на себя ручательство за уплату половины капитальнаго долга, причитающагося на выкупной казенной ссудѣ на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго; 2) другая половина этой ссуды должна быть уплачена самимъ увольняемымъ; 3) на семействѣ увольняемаго не должно быть никакихъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ недоимокъ и подати должны быть сполна уплачены до января слѣдующаго года; 4) онъ долженъ обезпечить содержаніе малолѣтнихъ и другихъ неспособныхъ къ труду членовъ своей семьи, остающихся въ деревнѣ; 5) наконецъ, кромѣ разныхъ другихъ требованій, предписывается сельскимъ властямъ не выдавать увольненія лицамъ, состоящимъ подъ судомъ и слѣдствіемъ. („Неурожай и народное бѣдствіе“, стр. 130—131).

*) „О задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, Плеханова

уменьшенія или отръзки пастбищъ и продажи за недоимки**).

Этотъ итогъ получился Яснономъ изъ данныхъ, собранныхъ въ докладахъ комиссiи для изслѣдованiя положенiя сельскаго хозяйства. Уменьшенiе крестьянскаго скота вслѣдствiе „недостатка пастбищъ и покосовъ“, съ одной стороны, и „безпощадной продажи его за недоимки“, съ другой, констатировано имъ въ губернiяхъ: Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Рязанской, Тульской и Курской. Относительно западныхъ, чисто земледѣльческихъ, уѣздовъ Смоленской губернии правительственная комиссiя сообщала:

„80% крестьянскихъ дворовъ не имѣютъ ни одной коровы и 40% ни одной лошади; поэтому урожаи пшени, и хлѣбъ начинаютъ крестьяне покупать съ января и даже декабря; крестьяне же, которые имѣютъ хлѣбъ круглый годъ (и то не съ своего наѣла, а съ прирванной земли), составляютъ такую рѣдкость, что извѣстны поименно въ окрестности“.

Въ 13 нечерноземныхъ губернiяхъ (великорусскихъ) постѣвы уменьшились съ 1856 по 1871 г. на 14,6%.

„а урожай на 27,8%, такъ что населенiе обеспечено своимъ хлѣбомъ менѣе, чѣмъ прежде, имѣя теперь 2,25 четв. на человѣка, вмѣсто 3,06 четв. Количество крупнаго рогатаго скота и лошадей, т. е. рабочей силы и удобренiя, уменьшилось на 17,6% — сильнѣе, нежели сократились запашки, чѣмъ и объясняется еще болѣе сильное уменьшенiе урожайности**). (Тамъ же, 34).

Нашему десятилѣтiю суждено было освѣтить положенiе дѣлъ въ деревнѣ фактами, настолько яркими, что и камнямъ пришлось заговорить. Раздались тревожные голоса и въ лагерь людей, которыхъ никто не станеть заподозривать въ манин народолюбiя. Такъ, напримѣръ, нашъ министръ земледѣлiя, г. Ермоловъ, наканунѣ призванiя своего на этотъ постъ, написалъ цѣлую книгу, подъ многообѣщающимъ и (для бюрократа) не совѣтъ благонамѣреннымъ заглавiемъ: „Неурожай

*) „Опытъ статистическаго изслѣдованiя о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, стр. 75—76.

***) Курсивъ мой.

и Народное бѣдствіе“. Въ этой книгѣ мы находимъ слѣдующія, любопытныя въ устахъ кандидата на министерскій постъ, признанія:

„Помимо продажъ на покрытие дѣйствительной потребности крестьянъ въ покупныхъ продовольственныхъ средствахъ... существуютъ еще... *вынужденныя продажи, являющаяся результатомъ существующей у насъ системы взиманія податей*, невыгоды коей еще усугубляются связанной съ ней *круговой порукой*“ (стр. 154).

Курсивъ въ этой неуклюжей фразѣ принадлежитъ почтенному автору, пожелавшему, очевидно, такимъ образомъ, подчеркнуть тѣсную связь разоренія крестьянства съ крѣпостной зависимостью послѣдняго отъ государства, зависимостью, лишаящей его даже свободы распоряжаться по своему усмотрѣнію продуктами своего труда и своей собственностью. Какъ бы велика ни была нужда крестьянина въ хлѣбѣ, собранномъ имъ со своего поля, для прокормленія своей семьи и своего скота, какъ бы разорительна ни была для него продажа его лошади или коровы — все равно, и хлѣбъ, и необходимый скотъ, и изба, и послѣдній домашній скарбъ — все это должно быть и будетъ продано за безцѣнокъ, разъ подати не внесены. Если крестьянинъ хочетъ избѣгнуть прямой принудительной продажи своей собственности съ молотка, ему приходится

„немедленно послѣ сбора урожая спѣшить къ кулаку или скупщику и отдавать ему за рубль то, что стоитъ два и три рубля, продать не во время, въ такую минуту, когда предложеніе превышаетъ спросъ, когда невольной нуждой его въ деньгахъ пользуются разные спекулянты, когда эти вынужденныя, одновременныя продажи роняютъ на рынкѣ и безъ того низкія цѣны всѣхъ продуктовъ земледѣлія“ (157).

Такимъ образомъ, благодаря своему закрѣпощенію государству, крестьянинъ вынужденъ „отчуждать“ за безцѣнокъ продукты своего труда, необходимые ему самому, отчуждать — кулакамъ, скупщикамъ, ростовщикамъ. Но частенько начальство прямо отбираетъ у него его собственность.

„Законъ — говоритъ нашъ министръ земледѣлія — не допускаетъ

продажи крестьянской избы, надѣла, лошади, и всего, что считается неотъемлемой принадлежностью крестьянскаго хозяйства. Но если надѣла нельзя продать, то его можно отобрать у несправнаго плательщика и сдать въ постороннія руки; точно такъ же, путемъ личныхъ взысканій съ недоминика (напр. заключеніи подъ арестъ), до тѣлеснаго наказанія включительно, можно побудить крестьянина заложить свою корову, лошадь, которая у него впоследствии все равно отберется ростовщикомъ, ссудившимъ ему деньги на уплату податей, или тѣмъ, болѣе состоятельнымъ, домохозяиномъ, который уплатилъ за него подати въ силу круговой поруки. Такимъ образомъ и лошади, и корова, если не продаются непосредственно при самомъ взысканіи податей, то крестьянинъ все равно ихъ лишается вслѣдствіе такого взысканія“.

Точно также крестьянинъ лишается нерѣдко своего надѣла, путемъ сдачи его въ аренду. Весьма естественно, что при такой вынужденной сдачѣ крестьянской надѣльной земли въ аренду, она идетъ за ничтожную цѣну.

„Такъ, извѣстны случаи, когда, въ тѣхъ самыхъ уѣздахъ, гдѣ... арендная плата, при сдачѣ ея крестьянамъ, составляетъ 15—20 р. за озимую десятину... надѣльная земля неисправныхъ плательщиковъ сдавалась въ аренду за недомку по два рубля въ годъ за десятину“ (стр. 166—7).

Однако, кормиться и содержать семью нужно же какъ-нибудь. И вотъ крестьянинъ, хлѣбъ, скотъ и надѣлъ котораго перешли, по милости начальства, въ руки кулаковъ и скупщиковъ, обращается затѣмъ къ этимъ же кулакамъ и скупщикамъ, какъ къ благодѣтелямъ и спасителямъ своимъ. Вслѣдствіе малоземелья, ему и безъ того, сейчасъ же послѣ отмены помѣщичьей крѣпостной власти, пришлось наброситься на аренду земли у помѣщиковъ и у кулаковъ—и, конечно, на разорительныхъ для себя условіяхъ, отдававшихъ его нерѣдко въ кабалу тѣмъ и другимъ. Въ какую же страшную кабалу онъ попадаетъ къ деревенскимъ хищникамъ, когда ему приходится у нихъ покупать — въ кредитъ — отобранные ими же у него хлѣбъ и скотъ, и арендовать у нихъ обратно надѣлъ, отданный имъ чуть не даромъ или за ведро водки!

„Однажды заложивъ такому ростовщику, крестьянинъ уже поч-

ти никогда не может выбраться изъ той пелли, которою тотъ его опутываетъ, и которая его большею частью доводитъ до полного раззоренія. Нерѣдко крестьянинъ уже и пашеть, и сѣять, и хлѣбъ собираетъ только для кулака*.

Такъ говорить сановный авторъ, свидѣтельствомъ котораго мы уже неоднократно пользовались.

Не странно ли толковать, при такихъ условіяхъ, о томъ, что если бы да кабы крестьяне бросили свои первобытные приемы земледѣлія, то большинство изъ нихъ, а можетъ и всѣ, чуть не благоденствовали бы на своихъ надѣлахъ? Тутъ

„поневоля станешь держаться старыхъ приемовъ въ обработкѣ земли и терпѣть порождаемые ими неурожаи и безкормицу, которые, съ ослабленіемъ плодородія пахатныхъ угодій, будутъ повторяться чаще и чаще. Какого же ждать тутъ иного исхода, кромѣ упадка и полного разстройства крестьянскихъ хозяйствъ“.

Слова эти принадлежатъ не какому-нибудь ярому народолюбцу; они заимствованы Плехановымъ изъ статьи „одного изъ опытныхъ сельскихъ хозяевъ“, написанной по поводу неурожая 1891 г., и появившейся въ „Моск. Вѣдом.“*).

Малоземелье, въ особенности недостатокъ лѣса, пастбищъ и луговъ у крестьянъ, непомерное обремененіе ихъ налогами, лишеніе ихъ свободы распоряжаться своей личностью и своимъ имуществомъ, дабы они не могли ускользнуть отъ уплаты этихъ налоговъ, затѣмъ, какъ слѣдствіе всего этого, страшная задолженность и кабальная зависимость отъ кулаковъ, скупщиковъ и ростовщиковъ—вотъ главныя или наиболѣе бросающіяся въ глаза звенья той цѣпи фактовъ и явленій, началомъ которой можно считать — хотя строго говоря оно зарыто еще дальше въ нашѣмъ историческомъ прошломъ — отмену помѣщичьяго крѣпостного права, а концомъ — неурожай и голода нашего десятилѣтія. Подъ совокупнымъ вліяніемъ указанныхъ фактовъ, уже въ

*) Плехановъ, „Задачи социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ“.

70-х годах обнаружился убыль скота у крестьян и ослабление урожайности, т. е. плодородия их земель. А въ слѣдующемъ десятилѣтіи констатировано было уже, что четверть крестьянъ совсѣмъ не имѣетъ лошадей и что въ поволжскихъ губерніяхъ урожай сталъ представлять собою, по выраженію Плеханова, только счастливую случайность. Да и въ центральной-черноземной полосѣ тогда уже появились тревожные симптомы истощенія естественныхъ силъ почвы. По заявленію курскаго губ. земства, приводимому Плехановымъ въ его брошюрѣ „Всероссійское Разореніе“, почва Курской губерніи „до того истощилась, что уже не можетъ давать сколько-нибудь хорошихъ урожаевъ“. Наше десятилѣтіе показало, что и посредственные урожаи являются уже счастливымъ исключеніемъ въ центральныхъ и поволжскихъ губерніяхъ черноземной полосы.

Неурожай являются какъ бы этапами на пути разоренія сельскихъ массъ. Каждый изъ нихъ указываетъ, какъ далеко онѣ подвинулись впередъ по этому пути, и въ свою очередь является источникомъ дальнѣйшаго ухудшенія ихъ положенія, подготавливая тѣмъ самымъ почву для новаго, еще болѣе опустошительнаго неурожая.

„Главное, что грозитъ дальнѣйшимъ разстройствомъ—это убыль скота, достигающая въ нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ уѣздовъ 30 и болѣе процентовъ. Только было начала прикормливаться послѣ 1891 года нужная скотинка, и вотъ опять ее смело, какъ ни бывало. А потомъ страшная задолженность... Необходимыя деньги (для продовольствія) доставались продажей и залогомъ всего, что только оставалось: рабочаго инвентаря, земли, будущаго труда. Изъ кабальной зависимости, въ которую станеть этимъ путемъ бѣднѣйшее населеніе къ мѣстнымъ богатымъ, оно выйдетъ только нищимъ“ („Р. Б.“ № 6. Хроника внутр. жизни).

Таково было послѣдствіе прошлогодняго неурожая. Такими-же красками рисовали положеніе деревни подъ вліяніемъ этого неурожая и органы, далеко не демократическіе, въ родѣ, напримѣръ, „Новаго Времени“,

которое въ № 7948 слѣдующими словами характеризовало послѣдствія этого неурожая:

„Помощь извнѣ необходима. Населеніе, если продержится, то это достигнется только полнымъ разореніемъ, т. е. промѣномъ необходимаго скуднаго инвентаря на хлѣбъ; скоро явятся вѣроятно и суррогаты хлѣба—сорная паровая растительность, вонюка и др. травы, также гнилые мороженные остатки забытаго въ поляхъ картофеля. Но для будущихъ невзгодъ явится еще большее количество ослабленныхъ, которые не въ состояніи выдерживать и слабые толчки недородовъ: сократятся силы, сократится число лошадей и инвентаря вообще, сократится и наличность яровыхъ сѣмянъ и все это вызоветъ сокращеніе посѣвовъ, а слѣдовательно, и будущихъ урожаевъ“.

Въ неурожаяхъ и сопровождающихъ ихъ бѣдствіяхъ отражается, такимъ образомъ, лишь особенно ярко общее положеніе деревенскихъ массъ, въ нихъ съ особенной силой проявляются разрушительныя тенденціи, присущія условіямъ существованія, въ которыя эти массы поставлены, со времени уничтоженія помещичьей власти, открывающаго собою эпоху интенсивнаго развитія капитализма въ Россіи. Бѣдствіе, обозначаемое словомъ „неурожай“, порождено этими условіями; но будучи слѣдствіемъ ихъ, оно само является и причиной, обостряющей и ускоряющей ихъ губительное дѣйствіе на деревенское населеніе, при томъ причиной, становящейся почти что такимъ же постояннымъ явленіемъ русской жизни, какъ и тѣ условія ея, которыя вызвали его на свѣтъ божій. Заглавіе настоящей статьи показываетъ, что мы считаемъ такіе неурожай, какъ прошлогодній и нынѣшній, бѣдствіемъ не только для крестьянства, но и для всей Россіи, для всего русскаго народа, а, слѣдовательно, и для рабочаго класса. Читатели, знакомые съ брошюрами Плеханова, написанными имъ по поводу голода 1891-92 г., знаютъ, что на страницахъ нашихъ изданій не впервые высказывается такой взглядъ на значеніе этого явленія въ русской жизни. Сами названія этихъ брошюръ—„Все-россійское разореніе“ и „Задачи социалистовъ въ борь-

бѣ съ голодомъ“ достаточно ясно выражаютъ отношеніе ихъ автора и издателей къ бѣдствію, о которомъ въ нихъ идетъ рѣчь.

Такъ какъ неурожай являются лишь особенными острыми моментами въ процессѣ разоренія сельскихъ массъ и въ то-же время сами становятся почти что хроническимъ бѣдствіемъ русской жизни, то вопросъ о значеніи ихъ для пролетаріата, можно сказать, совпадаетъ съ вопросомъ о вліяніи на его положеніе общихъ, постоянныхъ условій существованія этихъ массъ. Въ неурожайные годы вліяніе это должно выражаться въ болѣе острыхъ формахъ, но оно не можетъ отличаться существенно по своему основному характеру и основнымъ тенденціямъ.

II

Что положеніе дѣлъ въ деревнѣ не можетъ быть безразлично для русскаго пролетаріата, это само собою ясно вытекаетъ изъ того обстоятельства, что вслѣдствіе юности русскаго капитализма, деревня играетъ еще у насъ первостепенную роль и какъ главный резервуаръ, доставляющій промышленности рабочія силы, и какъ рынокъ для сбыта промышленныхъ издѣлій. Отъ состоянія сельскаго хозяйства и положенія деревенскихъ массъ зависитъ, главнымъ образомъ, большее или меньшее обиліе рабочихъ рукъ въ городахъ и промышленныхъ центрахъ. Съ другой стороны, потребности и покупательныя средства этихъ же массъ, состояніе и запросы сельскаго хозяйства не могутъ не оказывать сильнаго давленія на ходъ и направленіе нашей промышленности, а, слѣдовательно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и на размѣры спроса на рабочія силы. Уже однихъ этихъ элементарныхъ соображеній достаточно, чтобы напередъ понять, какъ серьезно затрогиваютъ жизненные условія нашей деревни интересы русскаго рабочаго класса. Но ими далеко не ис-

черпывается значеніе этихъ условій для сформированныхъ и формирующихся кадровъ нашего промышленнаго пролетаріата.

Прежде, чѣмъ идти дальше, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по адресу читателей, которые, по примѣру Николая — она, всѣ бѣдствія русскаго народа, все „горе земли русской“, всѣ отрицательныя явленія русской жизни склонны огульно объяснять цитатами изъ „Капитала“, формулирующими общія, всемірныя тенденціи капитализма на высшихъ ступеняхъ его развитія. Я не привожу такихъ цитатъ и почти что не говорю о прегрѣшеніяхъ промышленнаго капитализма передъ нашими народными массами. Но это отнюдь не потому, чтобы я не признавалъ ихъ силы и значенія въ русской жизни и склоненъ былъ умалять успѣхи Россіи въ развитіи крупнаго капиталистическаго производства. Но распространяться обо всемъ этомъ въ каждой статьѣ и статейкѣ — 13 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ „Нашихъ Разногласій“ — кажется мнѣ теперь излишнимъ. Это во первыхъ. А во вторыхъ, — и это самое главное — для того вопроса, который насъ здѣсь занимаетъ, рѣшающимъ моментомъ является не вліяніе капиталистической промышленности на деревню, а наоборотъ, вліяніе послѣдней на развитіе первой. Рабочія массы Россіи страдаютъ, такъ сказать, въ квадратъ, сравнительно со своими западными братьями: отъ отрицательныхъ сторонъ капиталистическаго производства, осложняемыхъ и обостряемыхъ въ своихъ проявленіяхъ устарѣлымъ общественно-политическимъ строемъ, въ рамкахъ котораго оно развивается. Взаимодѣйствіемъ и взаимнымъ противорѣчіемъ этихъ двухъ факторовъ опредѣляется содержаніе и направленіе русской жизни. Но промышленный капитализмъ вступаетъ еще только въ періодъ юности, и ему предстоитъ еще, сравнительно, долгая жизнь; сословно же самодержавный строй нашего государства находится уже въ періодъ дряхлости, и гибель его необходима

для обезпеченія здороваго роста и развитія первому, и въ особенности она необходима для народныхъ массъ. Борьба съ капитализмомъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не завоеуетъ господствующаго положенія въ государствѣ и не заложитъ основъ социалистической организаціи общества. Борьба-же съ устарѣлыми общественными отношеніями, внутри которыхъ онъ до сихъ поръ развивается у насъ, является злобою только сегодняшняго дня. Они препятствуютъ широкой организаціи освободительнаго движенія нашего рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ грозятъ подорвать въ немъ жизненныя силы и способности для предстоящей борьбы за его окончательное освобожденіе. А центръ тяжести этихъ отношеній, фундаментъ, поддерживающій ихъ, лежитъ въ деревнѣ, въ закрѣпощеніи крестьянъ въ государствѣ.

Дѣйствіе государственнаго закрѣпощенія сельскихъ массъ выражается непосредственно и прежде всего въ томъ, что пролетаризируемые ихъ слои находятся въ кабалѣ и порабошеніи у кулаковъ, ростовщиковъ, скупщиковъ и у своихъ бывшихъ помѣщиковъ. Однимъ изъ прямыхъ послѣдствій этого двойнаго рабства является то, что „избыточное“ земледѣльческое населеніе, выталкиваемое изъ деревни, попадаетъ въ руки новыхъ эксплуататоровъ, слишкомъ обезсиленнымъ, невѣжественнымъ и нетребовательнымъ, чтобы быть въ состояніи оказывать имъ серьезное сопротивленіе. Затѣмъ, несвободное состояніе крестьянскаго сословія является благодатной почвой для процвѣтанія хищническихъ элементовъ капитализма, а потому самому становится все больше и больше тормазомъ для такого капиталистическаго развитія, при которомъ спросъ на рабочія силы могъ бы рости въ большемъ соотвѣствіи съ быстротой ихъ „освобожденія“ въ земледѣліи. Наконецъ, тѣмъ самымъ, что порабошеніе крестьянъ даетъ такой широкій просторъ хищническимъ методамъ эксплуатаціи народныхъ массъ и національныхъ

средствъ, оно замедляетъ развитіе политическаго недовольства въ эксплуататорскихъ классахъ и поддерживаетъ существованіе царско-полицейскаго самодержавія.

Обратимся, однако, къ фактамъ.

Мы видѣли, что надѣлы огромнаго большинства крестьянъ не даютъ имъ средствъ даже на собственное продовольствіе и что „весь валовой доходъ“ съ нихъ поглощаютъ „подати вмѣстѣ съ косвенными налогами“. По вычисленію Л. Н. Маресса, въ сборникъ „Вліяніе урожаявъ и хлѣбныхъ цѣнъ“, больше 70% крестьянскаго населенія въ европейской Россіи не получаетъ со своихъ надѣловъ хлѣба для собственнаго прокормленія и только около одной десятой части крестьянъ имѣеть продовольствіе не только для себя, но и для своего скота, а частью можетъ еще и продавать хлѣбъ для покупки другихъ предметовъ необходимости. Специально въ нечерноземной полосѣ 95%, т. е. почти все крестьянское населеніе не имѣеть достаточныхъ продовольственныхъ средствъ для себя и скота, а у 81,7% не хватаетъ хлѣба и для себя лично (VIII, Введеніе). А между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ одни только прямые налоги, земскіе и мірскіе сборы превышаютъ „нормальный доходъ отъ земли“ (Янсонъ). Такъ, напримѣръ, по земскимъ даннымъ 70-хъ годовъ, эти налоги и сборы поглощали въ Новгородской губерніи не только земельный доходъ крестьянъ, но еще 600.000 съ лишнимъ рублей изъ другихъ источниковъ. Какіе же это источники? Отвѣтъ:

„ $\frac{1}{3}$ всей рабочей силы въ губерніи добываетъ средства *крупный годъ* въ своихъ хозяйствахъ; кромѣ того, зимой еще $\frac{1}{3}$ мужской рабочей силы идетъ на сторонніе заработки“ (Янсонъ, 34-5).

Значитъ, даже надѣльная земля *вмѣстѣ* съ арендуемой не даетъ достаточныхъ средствъ къ жизни. Правда, здѣсь рѣчь идетъ о нечерноземной губерніи. Но вѣдь и въ черноземной полосѣ арендованіе земель является для крестьянъ въ большинствѣ случаевъ толь-

ко новымъ источникомъ кабальной зависимости отъ кулаковъ и помѣщиковъ. Ростовщикъ, говоритъ г. Сазоновъ въ своей книгѣ „Ростовщичество-Кулачество“, „производить поѣзды и косятъ луга даровымъ трудомъ“. Если не такъ явно и грубо, то по существу все же и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ даровой трудъ крестьянина-арендатора и должника играетъ не малую роль. Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ

„обработка и уборка владѣльческой пахоты полусвободнымъ трудомъ съемщиковъ встрѣчается чаще всего въ числѣ условій при наѣмѣ земель“). (Курсивъ здѣсь, какъ и вездѣ, безъ спеціальнаго указанія, мой).

„Даровой трудъ“ крестьянъ даетъ огромные барыши кулакамъ и освобождаетъ большинство помѣщиковъ отъ необходимости обзавестись надлежащимъ инвентаремъ для веденія разумнаго хозяйства; но самимъ крестьянамъ онъ, разумѣется, не можетъ давать достаточныхъ средствъ къ жизни и на уплату податей. А потому имъ приходится искать „стороннихъ заработковъ“, не только внѣ своего хозяйства, но и внѣ земледѣлія вообще.

„Избыточное“ земледѣльческое населеніе ищетъ убожища въ мѣстныхъ и отхожихъ промыслахъ. Объ его положеніи и заработкахъ въ мѣстныхъ промыслахъ даютъ нѣкоторое представленіе слѣдующія сообщенія, относящіяся къ Тверской губерніи**).

„Масса сапожниковъ, хотя и работаютъ у себя на дому, но работаютъ большею частью на болѣе или менѣе крупныхъ хозяевъ, отъ которыхъ они получаютъ сырой матеріалъ, имъ же и сдаютъ изготовленный товаръ; но даже и самостоятельно работающіе кустари, находясь почти въ постоянномъ долгу у крупныхъ скупщиковъ, по необходимости должны продавать свой товаръ почти за безцѣнокъ тѣмъ же скупщикамъ“.

Эти послѣдніе, т. е. формально самостоятельные кустари

„могутъ въ Суворовской волости зарабатывать до 3 — 4 р. въ

*) Карышевъ, цитировано у Николая — она, 151.

***) „Сельскохозяйственный обзоръ Тверской губ.“ за 1895 г.

ведѣлю. Такихъ семей въ этой волости 10,4⁰/₁₀; остальные же ⁹/₁₀ сапожниковъ зарабатываютъ 1 р.—1 р. 50 к. въ недѣлю. Въ Корчевскомъ уѣздѣ всѣ дѣла промышленниковъ ведутся съ перекупщиками, кулаками и кабатчиками, которые скупаютъ за *безцѣнокъ* у *вѣль* безъ исключенія хлѣбъ, дѣсь и сапоги”.

Еще хуже, если это возможно, положеніе гвоздарей и кузнецовъ, которымъ

„хозяева съ осени... даютъ въ подати (курсивъ въ источникѣ) денегъ и желѣзо”.

Заработокъ мужчинъ не превышаетъ 98 копѣекъ—1 рубль въ недѣлю, женщинъ—40 копѣекъ. Относительно лѣсныхъ промысловъ сообщается, что въ волости Застолбской (Бѣжецкаго уѣзда)

„дѣлали дранку, чашки, телеги и сажи, но прекращаютъ. Стали промыватьсл. Появились мѣстные балкиры кабатчики, которые изъ за процентовъ (разумѣется, ростовщическихъ) даютъ денегъ ильмымъ обществамъ для взноса податей”.

И вотъ въ итогъ всѣ 39548 мѣстныхъ „промышленниковъ“ Тверской губерніи зарабатываютъ 1,293,700 рублей, т. е. 32 рубля съ копѣйками на семью въ годъ, меньше 3 р. въ мѣсяцъ, около 10 коп. въ день.

Неудивительно, поэтому, что „отходъ на сторону развивается“, что мѣстные (кустарные) промыслы падаютъ, и „уходъ (крестьянъ) на фабричныя работы“ все болѣе и болѣе увеличивается. Въ 1893 году въ Тверской губерніи изъ волостей выдано было 310,120 видовъ на отлучку, а въ слѣдующемъ году уже 317,654. Въ сочиненіи г. Туганъ-Барановскаго „Русская Фабрика въ прошломъ и настоящемъ“ приводятся сравнительныя данныя отхода на заработки изъ 8 уѣздовъ Тверской губерніи съ 1887 года по 1895 г. За этотъ промежутокъ количество паспортовъ, выданныхъ волостнымъ правленіемъ изъ этихъ уѣздовъ возросло въ крупныхъ числахъ съ 168,000 до 240,000, приблизительно на 42% (стр. 462). Въ томъ же трудѣ названнаго автора сообщается, что „отходъ мужчинъ“ изъ Псковской губерніи увеличился за послѣднія 25 лѣтъ въ 4 раза. Подобныя же сообщенія имѣются и изъ

другихъ мѣсть. Въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи „22% всѣхъ хозяевъ (крестьянъ) живутъ отхожимъ промысломъ“. Въ Киевской губерніи „число уходящихъ рабочихъ удвоилось, возросло съ 45000 до 85000 (за 8 лѣтъ). Изъ Черниговской губерніи въ началѣ 80-хъ годовъ уходило на заработки около 90,000 челов., а теперь 172,000, т. е. почти вдвое больше.

„Цѣлая треть крестьянскихъ хозяйствъ (Черниг. губ.) должна искать заработка далеко на сторонѣ, и не случайно, временно, а постоянно, изъ года въ годъ“*).

„Куда же бѣжить мужикъ изъ деревни? спрашиваетъ г. Туганъ-Барановскій. На фабрики и въ города“ — отвѣчаетъ онъ, въ унисонъ со всѣми наблюдателями и изслѣдователями русской жизни. Но, увы! и здѣсь мужикъ не находитъ себѣ убѣжища. Промышленность и города не въ состояніи поглотить миллионныя массы, выбрасываемыя изъ деревни. На основаніи данныхъ сельскохозяйственнаго департамента, г. Николай — онъ опредѣлялъ число „рабочихъ совершенно излишнихъ“ въ 5,588,000 человекъ. А со времени выхода его книги „перенаселеніе“ еще увеличилось. Въ своей пѣмецкой брошюрѣ о политикѣ нашего министерства финансовъ, профессоръ Исаевъ говоритъ, ссылаясь на сборникъ канцеляріи Комитета министровъ, что въ Европейской Россіи $6\frac{1}{2}\%$ населенія „не могутъ найти себѣ заработка“. Наша резервная рабочая армія представляетъ собою, слѣдовательно, населеніе (не считая дѣтей) въ шесть или семь миллионъ, т. е. гораздо болѣе многочисленное, чѣмъ все взрослое городское населеніе.

„Если же припомнить, говоритъ г. Николай — онъ, что въ числѣ всѣхъ занятыхъ рабочихъ находится 27,4 милл. сельскихъ, занятыхъ въ продолженіе года (всего) 4, 5, 6 мѣсяцевъ, въ лучшемъ случаѣ. — то намъ представится потрясающая картина народно-общественнаго хозяйства: вынужденная праздность десят-

*) „Новое Слово“, годъ 1896, книга X. Обзорѣніе внутренней жизни.

ковъ миллионъ лѣтъ, при отсутствіи необходимыхъ предметовъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей....” („Очерки“, 302).

Авторъ цитированнаго труда объясняетъ это явленіе „капитализаціей промысловъ“, т. е. вытѣсненіемъ фабрично-заводскими издѣліями продуктовъ крестьянскаго домашняго производства для собственнаго потребленія и мелкаго кустарнаго для сбыта. Конечно, поступательное движеніе крупной промышленности играло тутъ видную роль. Но онъ забываетъ прибавить, что побѣда этой промышленности надъ крестьянской въ высокой степени облегчена и подготовлена была насильственной экспроприаціей крестьянства, при самомъ освобожденіи его отъ помѣщичьей власти, и податной политикой правительства, ввалившаго главное бремя платежей и повинностей на спину малоземельныхъ сельскихъ массъ. Это во первыхъ. А во вторыхъ, для русской демократіи всѣхъ оттѣнковъ и направленій очень важно помнить и другое различіе принципиальнаго значенія между перенаселеніемъ у насъ и въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ. Въ этихъ странахъ оно выражаетъ противорѣчіе между производительными силами и буржуазно-капиталистическимъ строемъ общества, т. е. указываетъ на чрезвычайно высокое развитіе ихъ. У насъ же оно имѣетъ своимъ главнымъ источникомъ слишкомъ медленное развитіе капиталистическаго производства, *сравнительно съ той* быстротой и интенсивностью, съ которыми первобытныя силы капитализма производятъ свои опустошенія въ деревнѣ. А поддерживаются эти силы, на счетъ и въ ущербъ росту высшихъ формъ капитализма, главнымъ образомъ, „старымъ порядкомъ“, т. е. сословно-самодержавнымъ строемъ нашего государства.

Деревня является, естественно, главнымъ очагомъ и оплотомъ хищническихъ элементовъ капитализма. Вотъ какъ ихъ характеризуетъ гнъ Саоновъ въ названной выше книгѣ:

„Ростовщики—говорить этот писатель—настоящего хозяйства никогда не ведутъ, и если производить посѣвы и косать дуга, то все ларовымъ трудомъ должниковъ.. Опасны, страшно вредны эти люди, именующіеся купцами; они не интересуются никакимъ производствомъ, не имѣютъ ни фабрикъ, ни заводовъ, не ведутъ даже правильной торговли“.

И съ какой стати они будутъ интересоваться производствомъ или вести хотя бы „правильную торговлю“, когда у нихъ имѣется возможность, безъ всякаго риска и хлопотъ, получать на свой капиталъ сотни процентовъ, закабалывая себѣ своихъ должниковъ. Ростовщику не зачѣмъ лишать ихъ „хозяйственной самостоятельности“, когда онъ въ каждую минуту можетъ отобрать ихъ надѣлы и затѣмъ у нихъ-же за эти надѣлы получать по 10 — 12 рублей аренды съ десятины; да сверхъ того еще „разныя работы, услуги, платежи натурой“ („Неурожай и Народное бѣдствие“, 181). Наоборотъ, оставляя ихъ „самостоятельно хозяйничать“ на надѣльной и арендованной землѣ, онъ тѣмъ крѣпче держитъ мѣстное населеніе въ своихъ сѣтяхъ, тѣмъ безопадиѣе грабитъ его и обираетъ, освобождая себя въ то-же время отъ труда, денежныхъ затратъ и риска, связанныхъ съ болѣе сложной системой хозяйства, съ рациональной эксплуатацией земли или съ „правильной торговлей“. Ростовщики и кудачи скупаютъ и арендуютъ, поэтому, большія пространства земли у помѣщиковъ и казны специально затѣмъ, чтобы сдавать ихъ подесятинню въ аренду нуждающимся крестьянамъ.

„Самыми выгодными — говоритъ авторъ только что цитированной книги — считаются, въ этомъ отношеніи, тѣ имѣнія, которыя находятся въ такой мѣстности, гдѣ. . . имъ (крестьянамъ) некуда быкаетъ иногда(?) выгнать корову и выпустить курицу, безъ того, чтобы она не попала на чужую землю“.

При такихъ условіяхъ — справедливо замѣчаетъ авторъ этихъ строкъ, г. Ермоловъ — все умѣнье „хозяйничать“ заключается въ умѣнии „эксплуатировать нуж-

ду и бѣдность окрестнаго населенія**). Не даромъ между такими хозяевами-кулаками сложилась циническая поговорка: „сторона у насъ богатая, потому — кругомъ народъ бѣдный“ (187). А такихъ „помѣщичьихъ имѣній и земель перешла“ въ руки кулаковъ „масса“.

Если бы у насъ не существовала такая широкая возможность „хозяйничать“ даже безъ собственнаго инвентаря, обладая лишь искусствомъ самымъ первобытнымъ способомъ „эксплуатировать нужду и бѣдность окрестнаго населенія“, если бы не это счастливое обстоятельство, то огромное большинство дворянъ-землевладельцевъ уже стояло бы передъ роковой дилеммой: советамъ уступить свои родовыя владѣнія денежнымъ и предприимчивымъ крестьянамъ и разночинцамъ, или же — самимъ перейти къ болѣе высокимъ и сложнымъ системамъ хозяйства. Какъ ни трудно потомкамъ помѣщиковъ конкурировать съ кулаками по части коммерческой изворотливости и хищнической изобрѣтательности, получать высокую аренду съ малоземельныхъ, закрѣпощенныхъ государству крестьянъ, взимать съ нихъ огромные штрафы за пойманную корову или козу и пользоваться ихъ „даровымъ трудомъ“ и у дворянина хватаетъ ума. При томъ же правительство для того и посадило крестьянамъ на шею земскихъ начальниковъ, выбиравшихъ изъ дворянъ, чтобы эти новые начальники радѣли о выгодахъ помѣщиковъ и обезпечивали самыхъ неумѣлыхъ и захудалыхъ изъ нихъ противъ строптивыхъ мужиковъ.

Въ результатъ всего этого выходитъ то, что крестьяне обрабатываютъ своими первобытными орудіями и скотомъ, исхудалымъ отъ безкормицы, не только свои надѣлы, но и большую часть земель, принадлежащихъ кулакамъ, кунцамъ, дворянамъ, вообще крупнымъ землевладельцамъ. Народная масса, вынужденная работать

*) Авторъ умалчиваетъ о подобныхъ же подвигахъ помѣщиковъ.

даромъ или за безцѣнокъ на кулаковъ и помѣщиковъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ — и опять таки далеко не всегда и вездѣ добровольно — хозяиномъ въ основномъ производствѣ Россіи, непосредственно заправляетъ земледѣіемъ страны, не имѣя средствъ для самаго скуднаго содержанія себя и своего скота. Чтобы составить себѣ хотя бы только очень общее, приблизительное представленіе о томъ, какое значеніе, конечно, отрицательное, это имѣетъ для роста нашей промышленности, обратимъ вниманіе на слѣдующія отрывочныя данныя относительно сельскаго хозяйства въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Теперь фермеръ пахетъ, сѣетъ и жнетъ машинами. Машина жнетъ, связываетъ въ снопы, а помощью пара производится молотба. Онъ можетъ читать во время пахоты утреннюю газету и слѣдить на крытыхъ козлахъ въ то время, когда жнетъ (Николай — онъ, стр. 217).

Однихъ только жней со сноповязалками изготовлялось уже въ прошломъ десятилѣтіи больше 100,000 штукъ ежегодно, „требующихъ“ болѣе 1,800,000 пудовъ веревокъ „для связыванія всей пшеницы одного урожая“. Но уже въ теченіе 60 и 70-хъ годовъ быстро росло производство сельскохозяйственныхъ орудій. Въ 1860 году на заводахъ изготовлялось ихъ приблизительно на 35 милліоновъ рублей, а черезъ 20 лѣтъ уже почти на 140 милліоновъ, т. е. въ 4 раза больше, а число рабочихъ на этихъ заводахъ возросло съ 14,8 тысячъ до 40,2; почти утроилось (Тамъ-же, 129—130).

Сравните теперь съ этими отрывочными, но тѣмъ не менѣе, достаточно наглядно говорящими сообщеніями, тотъ фактъ, что въ черноземной полосѣ около половины пшеницъ не содержатъ скота и не имѣютъ своего инвентаря, что въ 36,7% изъ нихъ нѣтъ даже построекъ и въ столькихъ же не употребляются удобрения*). Да и остальные частновладельческія земли обрабатываются въ большей части Россіи преимуще-

*) „Вліаніе урожаявъ и хлѣбныхъ цѣнъ“, I, 137—138.

ственно крестьянскимъ инвентаремъ. А извѣстно, каковъ этотъ инвентарь. Нашимъ „самостоятельнымъ“ и полусамостоятельнымъ землевладѣльцамъ приходится

„пахать землю допотопной сохой, боронить сучковатымъ деревомъ (смыковкой), собирать зерна руками, очищать вѣтрами, перемалывать, если не въ домашней ступѣ или кадушкѣ, то на вѣтрянкѣ, въ которомъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, а наконецъ, даже тщательно обвязывать шоссированную дорогу, по которой на некованной лошади и въ розвальняхъ безъ подрѣзовъ нельзя ему (земледѣльцу) и ѣздить зимой, не рискуя собой и лошадейкой“...*)

Вполнѣ естественно, что земледѣльческое хозяйство, въ которомъ преобладаютъ такія жалкія орудія, не можетъ и въ отдаленной степени предъявлять промышленности такіе запросы и давать ему такіе импульсы, какъ въ тѣхъ передовыхъ странахъ, въ которыхъ оно играетъ видную роль. Неудивительно, что въ Россіи, земледѣльческое населеніе которой чуть не втрое больше Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, земледѣльческихъ орудій на заводахъ произведено было въ 1895 г. всего на 7 милліоновъ рублей**), т. е. въ 20 разъ меньше, чѣмъ въ названной республикѣ около 15 лѣтъ тому назадъ. Значитъ, сельское хозяйство этой страны предъявляетъ и соответственно большій спросъ на каменный уголь, чугунъ, желѣзо и сталь, расширенное производство которыхъ, въ свою очередь, даетъ дальнѣйшіе толчки другимъ отраслямъ промышленности, увеличивая тѣмъ самымъ и спросъ на рабочія руки.

Разумѣется, не болѣе интенсивенъ, или точнѣе, столь же относительно ничтоженъ спросъ нашихъ „самостоятельныхъ земледѣльцевъ“ и на промышленныя издѣлія для личнаго, не хозяйственнаго потребленія. Сель-

*) Ходатайства Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ, Петербургъ, 1890 г.; стр. 175

**) „Производительныя силы Россіи“, изд. министерства финансовъ.

ское населеніе уже втянуто въ круговоротъ денежнаго хозяйства и — вѣдь съ міру по ниткѣ, бѣдному рубаха — конечно, извѣстная часть его расходовъ попадаетъ въ карманы представителей кустарно-ремесленного производства и крупной промышленности. Но львишую долю своихъ жадныхъ „доходовъ“ наши производители хлѣба тратятъ на обратную покупку своего же хлѣба у кулаковъ, на аренду чужой земли (а иногда и своей собственной), на проценты ростовщикамъ, да на подати, ради взноса которыхъ имъ приходится продавать за безцѣнокъ необходимый имъ самимъ хлѣбъ и влѣзать въ сѣти деревенскихъ кулаковъ. На другія потребности у самыхъ счастливыхъ изъ нихъ остаются гроши, а у большинства и на хлѣбъ съ мякиной нѣтъ средствъ.

И такъ, мы имѣемъ передъ собою такое положеніе вещей. Деревня выталкиваетъ огромныя массы, цѣлыя милліоны избыточнаго населенія, кочующаго по всей Россіи въ поискахъ за заработкомъ и хлѣбомъ.

Но оно оказывается излишнимъ не только у себя дома, но и на всемъ пространствѣ своего обширнаго отечества. Излишнимъ потому, что интенсивность роста промышленности далеко отстаетъ отъ той энергіи, съ которой капитализмъ, въ образѣ святой троицы — ростовщика, торговца и царскихъ слугъ — экспроприруетъ, разоряетъ и гонитъ сельскія массы изъ ихъ родныхъ мѣстъ въ города и на фабрики.

Непрерывно возростающій потокъ такихъ огромныхъ массъ не можетъ не дѣйствовать угнетающимъ образомъ на уже занятые въ промышленности слои народа. Но угнетающая сила напора этихъ массъ должна еще удвоиваться и утроиваться отъ того, что онѣ выходятъ изъ закрѣпощенной и закабаленной среды и сами состоятъ изъ людей несвободныхъ. Въ главѣ, носящей характерное названіе „Алебастровый вампиръ“, мы читаемъ въ цитированной уже книгѣ г. Сазонова слѣдующія строки:

„Среди этихъ рабочихъ отчаяніе слышится въ каждомъ словѣ, во всей фигурѣ. Здѣсь не услышишь рязкой брани, негодованія на учителя своего, не увидишь никакой попытки выбиться изъ этого положенія, да и возможности нѣтъ. Убиты силы, притуплены чувства, порабощена воля, угнетено подъ пятой кулака — в царскихъ чиновниковъ, прибавимъ мы отъ себя — человеческое достоинство“.

А вотъ и оффиціальныи комментарий къ этой характеристикѣ психическаго состоянія крестьянъ-рабочихъ у „Алебастроваго вампира“. Въ № 37 министерскаго органа „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“ помѣщена статья: „Податное дѣло въ 1891 г.“, сообщающая очень любопытныя свѣдѣнія о дѣятельности полицейскихъ властей въ области „примѣненія мѣръ взысканія“ податей съ крестьянъ. Изъ нея узнаемъ, что въ означенномъ году, помимо описи и продажи имущества у недоимщиковъ въ 18.000 селеній, въ 14 губерніяхъ примѣнена была еще „система отдачи въ заработки“; во многихъ другихъ мѣстахъ „часть заработка крестьянъ, работающихъ на фабрикахъ“ была задержана въ пользу казны. Кроме того, за неуспѣшное взысканіе податей было около 7000 случаевъ наказанія арестомъ волостныхъ старшинъ, старостъ и сборщиковъ податей, не считая 2270 случаевъ ареста самихъ недоимщиковъ. Не забудьте, что эти сообщенія относятся къ голодному году, а потому, наввно выбалтываетъ министерскій органъ, приведенныя имъ

„свѣдѣнія не могутъ, разумѣется, служить полной характеристикой *обычнаго* порядка примѣненія мѣръ взысканія по Европейской Россіи и особенно въ *пострадавшихъ* губерніяхъ“.

Кромѣ того, вслѣдствіе „недостаточности данныхъ для *нѣкоторыхъ* мѣстностей“ свѣдѣнія, сообщаемыя имъ,

„могутъ быть признаны лишь *весьма* приближительными, намѣчающими только въ *самыхъ* общихъ чертахъ дѣятельность органовъ полиціи и должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія“. (Куреневъ здѣсь и выше мой).

Значить, въ дѣйствительности, даже въ годъ ужас-

ныхъ бѣдствій, и даже въ „пострадавшихъ губерніяхъ“, власти въ гораздо большемъ масштабѣ, чѣмъ можно судить по приведеннымъ даннымъ, *отдавали* крестьянъ-недомышниковъ въ заработки или насильно забирали себѣ заработокъ тѣхъ, которые сами поступали на фабрику, въ расчетъ спасти себя и свои семьи отъ голодной смерти. Какими же числами выражается *обычная* „дѣятельность органовъ полиціи“ въ области взысканія податей и недоимокъ, когда она необуздывается мрачнымъ зрѣлищемъ страданій въ буквальномъ смыслѣ голодающаго населенія и совершенной невозможностью путемъ какихъ бы то ни было злѣрствъ выколачивать изъ него доходъ для казны? Сколько тысячъ старшинъ, старостъ и сборщиковъ подвергаются ежегодно арестамъ и даже тѣлесному наказанію за свою недостаточно лютую жестокость при выколачиваніи податей изъ разоренныхъ и бѣдствующихъ крестьянъ? Какъ велико въ обыкновенное время число недоимщиковъ, наказываемыхъ розгами, арестомъ, *отдаваемыхъ* властями, какъ въ старину крѣпостные помѣщикамъ, въ заработки? У сколькихъ десятковъ тысячъ крестьянъ отбираютъ, при обычномъ, т. е. ничѣмъ нестѣсняемомъ „примѣненіи мѣръ взысканія“, послѣднюю козу, дающую молоко для маленькихъ дѣтей, и удерживаютъ заработокъ, на который семья рассчитывала купить хлѣбъ для себя и кормъ для своей тощей коровы или лошади?

На эти шекотливые вопросы мы едва-ли когда-нибудь дождемся отвѣта.

При такомъ беззавѣннѣ, при такомъ всевластіи начальства не только надъ имуществомъ, но и надъ личностью крестьянина, надъ его тѣломъ и его рабочей силой, неудивительно, что деревенскія массы попадаютъ въ лапы предпринимателей въ такомъ состояніи забитости, въ какомъ г. Сизоновъ встрѣтилъ рабочихъ у Быкова, владѣльца алебастровой горы въ Муромскомъ уѣздѣ. „Фактически ему (Быкову) легко“ дер-

жать своихъ рабочихъ въ безусловномъ подчиненіи и покорности.

„Дѣло въ томъ, что осенью и зимой Быковъ даетъ крестьянамъ задатки *но чрезъ старостъ, которые вычитая нужное на подати*“, выдаютъ „изъ волости обязательства отъ лица каждаго работать у Быкова“.

Но они вмѣстѣ съ тѣмъ закабалены и кулакомъ. И результатомъ всего этого выходитъ то, что въ среднемъ рабочій получаетъ у него не больше 15 коп. въ день. Но и этотъ нищенскій заработокъ

„всецѣло идетъ на *подати, недоимки и проценты на долгъ кулаку*“.

Г-нъ Сазоновъ, какъ извѣстно, вѣрить или дѣлаетъ видъ, что вѣрить въ спасительную силу царской власти по отношенію къ народнымъ массамъ. Тѣмъ характернѣе слѣдующее, невольное вырвавшееся у него замѣчаніе, по поводу вышеприведеннаго факта:

„И вѣроятно среди этихъ мучениковъ мало недоимщиковъ, и вѣроятно, мѣстная администрація получаетъ награды и благодарности отъ начальства .. за усердіе“.

Нужно ли доказывать, что въ неурожайные годы степень забитости и безсилія крестьянскихъ массъ должна еще значительно увеличиться и что появленіе этихъ массъ въ городахъ въ такіе моменты въ сильной мѣрѣ увеличиваетъ армію безработныхъ и ея напоръ на занятыхъ въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ рабочихъ? Интенсивная постройка желѣзныхъ дорогъ въ послѣдніе годы дала сильный толчекъ горной и металлургической промышленности. Это обстоятельство, конечно, ослабило гибельное дѣйствіе прошлогодняго неурожая на рабочія массы. И тѣмъ не менѣе вотъ что писалъ „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли“ по поводу этого неурожая.

„Въ общемъ рабочій рынокъ хлѣбороднаго района почти повсемѣстно находился подъ угнетающимъ влияніемъ двухъ зависящихъ другъ отъ друга факторовъ—неудовлетворительнаго урожая и образованія, въ связи съ этимъ, избытка предложенія свободныхъ рукъ... Пришлый людъ, не находя привычной работы, на-

правляется въ *крупные торговые* центры, въ расчетъ на городскую работу, или возвращаются безъ успѣха обратно.... Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ предполагаемый спросъ на уборку хлѣбовъ превышаетъ даже наличность *мѣстныхъ* рабочихъ, этимъ послѣднимъ приходится также сниматься съ мѣста и идти въ городъ или чужіе уѣзды за поисками заработковъ*, гдѣ „при видимомъ отсутствіи на нихъ спроса“, они все таки остаются „только потому, что ни откуда нѣтъ слѣдовъ о требованіяхъ на рабочія руки“).

Съ наступленіемъ голодовокъ, потокъ деревенскихъ массъ въ города и промышленные районы еще болѣе увеличился и положеніе этихъ массъ на новыхъ мѣстахъ еще ухудшилось. Въ „Р. Вѣдом.“ сообщали зимой съ юга, что тамъ *небывалый* наплывъ рабочихъ изъ центральной полосы. Все они говорятъ, что вслѣдствіе недорода хлѣбовъ, дома прокормиться и прокормить семью невозможно, что и вынуждаетъ ихъ идти „на зимніе заработки“. Главной приманкой для пришлыхъ рабочихъ являются металлургическіе заводы и угольные шахты. Участъ рабочихъ, *тщетно* предлагающихъ свой трудъ, во многихъ случаяхъ прямо ужасна: имъ приходится питаться „Христа ради — или голодать“***). Въ апрѣльской книжкѣ „Р. Бог.“ мы находимъ такіа сообщенія:

„Взрослое населеніе голодающихъ губерній, бросая свои семьи на произволъ судьбы, ищетъ работы... Бдутъ изъ губерній Смоленской, Рязанской, Тульской, Черниговской, Костромской, Ярославской и др. въ южныя губерніи... Но что они найдутъ тамъ“?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ слѣдующія строки, заимствованныя „П. В.“ изъ „Новаго Обзорнія“:

„Попрежнему многотысячная толпа рабочаго люда „преть“ на „авось“, куда глаза глядятъ, — глаза, которые, къ сожалѣнію, очень часто дальше своего носа ничего не видятъ. Попрежнему даже въ такихъ крупныхъ центрахъ сѣвернаго Кавказа, какъ Екатеринбургъ, Ставрополь и Владикавказъ, рабочимъ негдѣ укрыться въ лѣтній зной и осеннюю непогоду, и они принуждены ва-

*) „Неурожай и продовольственная нужда“, В. Михайловскаго. „Новое Слово“, сентябрь 1897 г. (Курсивъ мой).

**) „Русское Богатство“, № 2, Хроника внутренней жизни, стр. 194.

латься по площадямъ и укрываться подъ заборами и плетнями; въ случаѣ же болѣзни, они, лишенные какой бы то ни было врачебной помощи, принуждены умирать, буквально среди улицы, безъ всякаго призора. Попрямому рабочіе подвергаются всевозможнымъ притѣсненіямъ, прижимкамъ, обесчистыванію, обману со стороны всевозможныхъ прохожимцевъ, умѣющихъ такъ или иначе „надуть“, „облапошить“ „мужика дурака“.

Въ „Курской Газетѣ“ (№ 41) сообщалось, что „многіе... потянулись на югъ, въ „Юзовку“, надуть ли только работу тамъ, или только потратить послѣдніе гроши?“

Мы уже знаемъ, что это опасеніе вполнѣ оправдалось. Рабочіе „тщетно“ предлагали свой трудъ на металлургическихъ заводахъ юга — имъ пришлось голодать и „побираться Христа ради“.

Нужно ли спеціально доказывать, что такой „небывалый наплывъ рабочихъ“ долженъ былъ очень плохо отразиться и на положеніи тѣхъ счастливицевъ, которымъ удалось найти работу на этихъ заводахъ? Есть ли основаніе сомнѣваться въ томъ, что заводчики воспользовались „небывалымъ“ притокомъ голоднаго, совершенно уже нетребовательнаго рабочаго люда, чтобы понизить плату или въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи ухудшить положеніе и своихъ старыхъ рабочихъ? Какъ то трудно вѣрится, чтобы они отказались отъ удобнаго повода увеличить свои барыши на счетъ рабочихъ только потому, что по случаю неурожая „и цѣны на жизненные припасы поднялись“.

Такъ сказалось дѣйствіе неурожая въ годъ „особеннаго оживленія промышленности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ“, подъ вліяніемъ усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и „энергичнаго развитія мѣновыхъ отношеній на отдаленныхъ окраинахъ Россіи“*). Но вѣдь такая энергія въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ не можетъ вѣчно продолжаться и казенные заказы заводчикамъ также не могутъ расти съ такой правильностью,

*) Обзоръ экономической жизни за прошлый годъ въ Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества, 1898 г. I.

чтобы обеспечивать нашей промышленности постоянное „оживление“. Наоборотъ, нужно полагать, что чѣмъ дольше будетъ продолжаться современное положеніе крестьянства, тѣмъ больше будетъ изсякать финансовый источникъ для такихъ заказовъ и обусловливаемаго ими „оживленія промышленности“. Т. е., съ дальнѣйшимъ разореніемъ деревенскаго населенія и ростомъ постоянной арміи излишнихъ въ деревнѣ рабочихъ рукъ, будетъ ослабѣвать и хотя бы отчасти только уравнивающее дѣйствіе такихъ временныхъ импульсовъ для нашей промышленности, какіе дало ей настоящее десятилѣтіе. А какова, такъ сказать, естественная, внутренняя тенденція неурожаевъ, не уравниваемая благоприятнымъ стеченіемъ временныхъ обстоятельствъ, наглядно показываютъ слѣдующія строки.

„Неурожай, посѣтившій въ прошломъ году (1891) Россію, лишилъ нѣсколько милліоновъ человѣкъ возможности хоть сколько-нибудь сносно удовлетворять самыя необходимѣйшія свои потребности въ теченіе цѣлаго года; слѣдовательно, вся эта много-милліонная масса голодающаго люда должна была отказаться отъ потребленія продуктовъ кустарной и фабричной промышленности, такъ какъ ей предстояло заботиться исключительно только о приобрѣтеніи одного хлѣба. Результатомъ такого положенія дѣлъ должна была явиться съ одной стороны дороговизна хлѣба, а съ другой — *переполненіе рынка продуктами кустарнаго и фабрично-заводскаго производства*, „застой въ мѣстной (Московской губ.) промышленности“*). А потому „дешевизна заработной платы не бывала, на половину ниже прежней цѣны, и при томъ и этой работы недостаточно“.

Тутъ рѣчь идетъ о *мистныхъ* крестьянахъ и рабочихъ въ одномъ изъ главныхъ промышленныхъ районовъ Россіи. Какъ же губительно долженъ былъ отразиться неурожай 91 и слѣдующаго года на заработкахъ и положеніи рабочихъ массъ пришлыхъ изъ неурожайныхъ мѣстъ въ менѣе промышленно-развитыхъ и всецѣмъ непромышленныхъ „торговыхъ центрахъ“. И какъ

*) „Статистич. ежегодникъ Моск. губ.“ Цитирую изъ сборника: „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ и т. дал., т. II, стр. 105.

велико должно было быть угнетающее давленіе этихъ миллионѣвъ голодающихъ и безработныхъ на мѣстное рабочее населеніе этихъ центровъ?

Но мы уже знаемъ, что и въ обычное время, по меньшей мѣрѣ, около шести миллионѣвъ человекѣвъ не могутъ найти заработка въ Европейской Россіи. Съ другой стороны, и неурожай стали у насъ уже почти постояннымъ бѣдствіемъ, непрерывно обостряющимъ дѣйствіе общихъ условій существованія крестьянства, создавшихъ эту огромную армію „лишнихъ“ рабочихъ рукъ. Слѣдовательно, есть полное основаніе опасаться, что она и впредь будетъ расти съ такой же или даже съ еще большей быстротой, чѣмъ до сихъ поръ. Избытокъ крестьянскаго населенія напираетъ на рабочее населеніе городовъ и производитъ такой же избытокъ и въ рядахъ городского пролетаріата.

Какъ извѣстно, безработныхъ имѣется достаточно и въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ. Но что придаетъ этому явленію у насъ специально опасный характеръ, такъ это то обстоятельство, что наша резервная рабочая армія вербуетъ и большей частью сама состоитъ изъ полусвободныхъ, поработенныхъ государству и кулакамъ вародныхъ массъ, у которыхъ совсѣмъ „убиты силы, притуплена воля“. Это съ одной стороны. А съ другой — и уже выдѣлившійся изъ этихъ массъ городской пролетаріатъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ, не успѣлъ еще значительно подняться надъ ихъ культурнымъ и социальнымъ уровнемъ. Для такого, еще сравнительно малочисленнаго и культурно неокрѣпшаго класса промышленныхъ рабочихъ непрерывный напоръ миллионѣвъ несвободныхъ, измученныхъ, безсильныхъ и безкультурныхъ полупролетаріевъ-крестьянъ не можетъ не представлять серьезной опасности.

Подводя итогъ вышесказанному, я позволю себѣ прибѣгнуть къ сравненію для иллюстраціи своего вывода по вопросу о значеніи положенія нашихъ деревен-

скихъ массъ для городского пролетаріата, хотя и прекрасно знаю, что всякое сравненіе хромаетъ. Положеніе уже вполне сформированныхъ кадровъ нашего промышленнаго пролетаріата, на который со всѣхъ сторонъ напираетъ избыточное населеніе деревень, напоминаетъ нѣсколько положеніе зародышей культурныхъ центровъ въ эпоху великаго переселенія народовъ. Едва успѣетъ какое-нибудь племя привыкнуть къ осѣдой жизни и къ мирнымъ занятіямъ, какъ новая волна варваровъ, еще незатронутыхъ культурой, нагрянетъ и если не совсѣмъ, то на половину разрушитъ только что заложенный фундаментъ культуры — и многіе годы должны пройти прежде, чѣмъ полуживой зародышъ цивилизаціи снова получитъ возможность развиваться. И передовыя группы нашего рабочаго класса представляютъ собою небольшіе культурные оазисы, разбросанные по обширной пустынѣ всенароднаго варварства. Вокругъ нихъ, сравнительно недавно только выдѣлившаяся изъ крестьянскаго населенія масса городскихъ рабочихъ, не очень многочисленная и еще малокультурная, съ низкимъ уровнемъ потребностей. А на нее напираютъ многомилліонныя массы еще болѣе невѣжественнаго и нетребовательнаго рабочаго люда, гонимаго нуждой и голодомъ изъ деревень. Трудно скоро ассимилировать себѣ, претворить въ свою социальную плоть и кровь такія массы. Еще труднѣе это сдѣлать, когда онѣ прогрессивно и непрерывно возрастающими потоками приливаютъ въ центры городской жизни и промышленности. Но трудность эта становится совсѣмъ неодолимой, когда онѣ состоятъ изъ людей, даже граждански несвободныхъ, которыхъ государство держитъ въ рабствѣ и отдаетъ во власть кулакамъ и помещикамъ и на произволъ земскихъ и иныхъ начальниковъ. И чѣмъ дольше крестьянство будетъ оставаться въ теперешнемъ своемъ положеніи, тѣмъ большія арміи физически и морально обезсиленныхъ, голодныхъ и забитыхъ кочевниковъ оно будетъ высылать

„въ города и на фабрики“, тѣмъ болѣе покорными и податливыми орудіями онѣ окажутся въ рукахъ предпринимателей—противъ сформированныхъ кадровъ нашего промышленнаго пролетаріата. А въ случаѣ чего, и само правительство, во главѣ реакціонеровъ и демагоговъ, можетъ воспользоваться ими противъ революціоннаго меньшинства нашего рабочаго класса.

Такая перспектива не можетъ не вызывать опасеній за будущее нашего рабочаго движенія, не можетъ не заставлять тревожиться за успѣхъ и прочность усилій революціоннаго авангарда русскихъ рабочихъ въ дѣлѣ организациі ихъ для широкой, систематической классово-вой борьбы. А если такъ, то и вопросъ объ устраненіи общественно-политическихъ условій, порождающихъ эту опасность, долженъ остановить на себѣ серьезное вниманіе революціонныхъ представителей нашего пролетаріата.

Ш

Нѣкоторые изъ читателей, быть можетъ, выставятъ противъ заключительныхъ строкъ предыдущей главы такого рода соображеніе.

Русскіе рабочіе очень недавно начали бороться съ предпринимателями изъ-за мелкихъ улучшеній въ условіяхъ найма и работы; въ нихъ теперь только начинается пробуждаться сознаніе своихъ правъ на лучшую жизнь и на отстаиваніе этихъ правъ противъ алчныхъ стремленій хозяевъ. Революціоннымъ представителямъ нашего пролетаріата предстоитъ, поэтому, еще много работы въ дѣлѣ воспитанія и организациі рабочихъ для борьбы съ ихъ непосредственными эксплуататорами, на почвѣ повседневныхъ, мелкихъ нуждъ и потребностей.

А между тѣмъ, задача, вытекающая для революціоннаго авангарда рабочихъ изъ предыдущаго изложенія, увлекала-бы его въ совершенно другую сторону общественной дѣятельности и неминуемо привела бы даже къ тому, что ему пришлось-бы разсѣяться по безконечному пространству земли русской и потонуть въ необозримомъ мірѣ деревенскихъ массъ. Стало бытъ, выдвигая передъ нимъ на очередь вопросъ о борьбѣ съ жизненными явленіями, только косвенно затрагивающими интересы промышленныхъ рабочихъ, мы тѣмъ самымъ выступаемъ на дорогу, ведущую къ напрасному отвлеченію ихъ лучшихъ, наиболее сознательныхъ и революціонныхъ силъ отъ борьбы за непосредственные интересы своего класса, отъ работы, выполнение которой составляетъ или должно составлять теперь ихъ единственную, неотложную задачу.

Такъ какъ я обращаюсь преимущественно къ читателямъ, знакомымъ съ социалъдемократической прессой, то мнѣ незачѣмъ доказывать здѣсь, что я цѣлкомъ стою на той точкѣ зрѣнія, которая признаетъ организацію русскихъ рабочихъ массъ для борьбы за ихъ классовые интересы главной или даже единственной задачей революціонныхъ представителей нашего пролетаріата. Но именно за *классовые* интересы, за свободу и благосостояніе всего пролетаріата, какъ недѣлимаго цѣлаго, охватывающаго всѣ угнетенные слои и профессіи людей, живущихъ продажей своей рабочей силы. Есть огромная, принципиальная разница между движеніемъ, направленнымъ на защиту интересовъ всего рабочаго класса, и частными успіями мѣстныхъ или профессиональныхъ группъ улучшить свое положеніе. Освободительное движеніе перваго рода, т. е. сознательно социалъдемократическое, не исключаетъ движенія втораго рода, а, наоборотъ, заключаетъ его въ себя, какъ часть, какъ фундаментъ, такъ какъ социалъдемократическое движеніе является политическимъ обобщеніемъ частныхъ, болѣе элементарныхъ, усилій

пролетариата ослабить гнетъ предпринимателей и кульминаціоннымъ пунктомъ его освободительныхъ стремленій. Но нельзя того-же сказать, обратно, о частныхъ интересахъ и попыткахъ отдѣльныхъ рабочихъ слоевъ и группъ завоевать для себя лучшія условія жизни. Эти интересы и попытки сами по себѣ могутъ иногда не только не совпадать съ интересами освободительнаго движенія пролетариата, какъ класса, но даже прямо идти въ разрѣзъ съ ними. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, напомнимъ, что нѣкоторые изъ ремесленныхъ союзовъ Англіи выступаютъ противъ восьмичасоваго рабочаго дня и серьезнаго ограниченія права капиталистовъ на эксплуатацію дѣтей и подростковъ. А между тѣмъ, осуществленіе того и другого требованія было бы чрезвычайно важнымъ шагомъ впередъ въ освободительной борьбѣ пролетариата, какъ цѣлаго класса. Отдѣльные слои пролетариата могутъ улучшать свое положеніе на счетъ остальныхъ, менѣе счастливыхъ братьевъ своихъ. Но этотъ путь, какъ извѣстно, излюбленъ господами, въ родѣ нѣмецкаго профессора Брентано, мечтающими объ образованіи рабочей аристократіи, нѣчто въ родѣ рабочаго „средняго сословія“, которое служило бы буржуазному обществу оплотомъ противъ революціоннаго пролетариата. Соціалдемократія, стремящаяся къ освобожденію всего рабочаго класса, не можетъ, разумѣется, не относиться съ безусловной враждой къ такимъ методамъ и тенденціямъ въ рабочемъ движеніи.

Но, въ такомъ случаѣ, и вопроса не можетъ быть о томъ, какъ бы серьезное отношеніе со стороны социалдемократовъ къ явленіямъ деревенской жизни не отразилось вредно на нашемъ рабочемъ движеніи. Скорѣе позволительно поставить обратный вопросъ: какъ могутъ они въ своей пропагандистской и агитаціонной дѣятельности обходить молчаніемъ эти явленія, не разъяснять ихъ значенія для классовыхъ интересовъ пролетариата, не предя этимъ его освободительному движе-

нію? Даже на почвѣ элементарныхъ столкновеній рабочихъ съ отдѣльными хозяевами, оставаясь лишь на почвѣ огражденія интересовъ рабочихъ путемъ регулированія спроса и предложенія труда, на которой либеральнымъ буржуа такъ хотѣлось бы удержать потокъ рабочаго движенія, словомъ, не выходя даже за тѣсныя рамки чисто „экономической борьбы“, такъ настойчиво рекомендуемой пролетаріату этими сомнительными друзьями, социалдемократу далеко не всегда легко было-бы оставлять безъ вниманія факты и явленія деревенской жизни. Не легко, по крайней мѣрѣ, для того, кто не одаренъ счастливою способностью не видѣть дальше своего носа.

Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что на одной или нѣсколькихъ фабрикахъ рабочіе собираются объявить стачку, какъ разъ въ такое время, когда начался „небывалый наплывъ пришлыхъ рабочихъ“ въ города и на фабрики. Пораженіе рабочихъ неизбежно, такъ какъ, по случаю неурожая, милліоны людей сократили покупки промышленныхъ издѣлій, сокращается и производство этихъ издѣлій, а въ то-же время милліоны голодныхъ людей просятъ хлѣба и работы на какихъ угодно условіяхъ. Что можетъ и обязанъ дѣлать агитаторъ въ виду такого положенія вещей? Отвѣтъ самъ собою ясенъ: его прямая обязанность — правдиво и просто обрисовать рабочимъ это положеніе, разъяснить имъ, что вслѣдствіе неурожая и голода, отношеніе между предложеніемъ и спросомъ на трудъ до крайности неблагоприятно для нихъ и что, слѣдовательно, моментъ для стачки выбранъ самый неподходящій. Но этимъ далеко еще не кончается его задача, какъ пропагандиста и агитатора. Матеріальныя пораженія сами по себѣ еще отнюдь не страшны съ точки зрѣнія развитія классового сознанія и солидарности въ рабочей массѣ, если только они не сопровождаются упадкомъ духа и чувствомъ полного безсилія и безвыходности. А такой моральный результатъ почти неизбеженъ во

всѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительная причина пораженія не выяснена или представляется, какъ сила безусловно neodолимая, стоящая внѣ власти человѣческой. И такое именно впечатлѣнiе должно оставить въ умахъ рабочихъ поражение, при предполагаемыхъ условiяхъ, если вы не объясните имъ главныхъ, общественно-политическихъ причинъ самого неурожая и тѣмъ самимъ не укажете выхода изъ современнаго положенiя и не откроете утѣшительной перспективы въ будущемъ. Указанiями на необходимость „единенiя“, какъ на всемирный, безусловно всемогущiй талисманъ, горю не поможешь въ данномъ случаѣ, даже подсластить горькую пилюлю не удастся. Даже наоборотъ: чувство безсилiя и безнадежности еще глубже и острѣе ввѣдрится въ умы и сердца. А иной рабочiй можетъ даже съ досады и такую фразу ляпнуть: „Точно попугай, ни къ селу, ни къ городу, одно и то-же слово повторяетъ: единенiе, единенiе! Видно, твердо заучилъ это слово, а не видитъ того, что оно тутъ совсѣмъ не къ мѣсту. Какъ будто мы не готовы были дружно дѣйствовать! Вѣдь ясно, что вся бѣда въ неурожай, а неурожай — отъ бога; противъ бога, известно, ничего не подѣлаешь“.

Такое умозаключенiе будетъ совершенно разумно и логично. Предупредить его и бороться съ нимъ успѣшно однимъ только путемъ и возможно: необходимо дать накипѣвшему недовольству наиболѣе рациональное выраженiе и направить негодованiе рабочихъ на тотъ пунктъ, изъ котораго исходитъ народное бѣдствiе и въ которомъ лежитъ причина, не только внезапнаго пониженiя заработной платы, но и совершеннаго безсилiя ихъ передъ хозяевами. Необходимо, однимъ словомъ, разъяснить имъ очевидную связь постигшей ихъ бѣды съ общественными причинами неурожая и голода, указать пути, ведущiе къ устраненiю этихъ причинъ, и призвать ихъ къ неустанной пропагандѣ и дѣятельному распространенiю брошюръ, листовъ и воззванiй,

въ которыхъ указываются источникъ общественнаго горя и средства для борьбы съ нимъ*).

Но дѣятельность русскихъ социалдемократовъ въдѣ не исчерпывается и не можетъ исчерпываться одной только сферой непосредственныхъ столкновений рабочихъ съ хозяевами. Не можетъ уже по той простой причинѣ, что такія столкновения далеко не вездѣ и не каждый день и даже не каждый мѣсяць случаются, а искусственно вызывать ихъ—что, впрочемъ, далеко не во власти агитаторовъ — во многихъ случаяхъ прямо преступно бываетъ. Кромѣ того, умственные запросы и общественныя потребности довольно значительныхъ круговъ рабочихъ уже далеко переросли примитивную сферу интересовъ и вопросовъ, обнимаемыхъ частной борьбой отдѣльныхъ группъ съ отдѣльными предпринимателями. Что же дѣлаютъ и должны будутъ дѣлать центральные рабочіе кружки, въ которыхъ группируются пропагандисты, агитаторы и организаторы нашего движенія, въ періоды стачечнаго затишья, въ промежуткахъ, подчасъ довольно продолжительныхъ, отъ одного момента волненій на фабрикахъ и заводахъ до другого? Повторять на разные лады ту несомнѣнную истину, что капиталисты богатѣютъ на счетъ рабочихъ и что только путемъ единенія послѣдніе могутъ успѣшно бороться съ предпринимателями? Но въдѣ такая

*) Я, разумѣется, не думаю, что все причины и слѣдствія неурожая и голода, какъ и средства борьбы съ ними, должны быть сразу указаны и разъяснены въ первомъ же воззваніи,—не сообщаясь со степенью развитія даннаго круга рабочихъ, съ обстоятельствами времени и мѣста. Въ жизни дѣла складываются гораздо сложнѣе, чѣмъ на бумагѣ, на которой можно намѣтить только основныя черты того или другого явленія и общее направление известной дѣятельности. Я исхожу изъ того убѣжденія, что детальнѣй, такъ сказать, педагогическій вопросъ о томъ, въ какихъ дозахъ и формахъ слѣдуетъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ, вести агитацію, предполагаемую въ текстѣ, что этотъ вопросъ лучше всего рѣшать мѣстные дѣятели. Практика и здравый смыслъ, руководимые рациональными взглядами, подскажутъ имъ наибольшее цѣлесообразное рѣшеніе его.

пропаганда или агитація можетъ, пожалуй, вызвать недоумѣніе и даже прямо опротивѣть и не особенно смышленнымъ рабочимъ. Въдѣ сама повседневная жизнь представитъ имъ не мало примѣровъ, наглядно показывающихъ, что „единеніе“, при настоящихъ условіяхъ, достижимо въ довольно скромныхъ размѣрахъ, да и то только въ извѣстные моменты, и что уже по одному этому вѣчное прославленіе его, какъ безусловно-всемогущаго орудія борьбы противъ хозяевъ, звучитъ какъ бы горькой ироніей. Если же пропаганда и агитація выходятъ за узкія рамки вопроса о частныхъ отношеніяхъ и столкновеніяхъ рабочихъ той или другой фабрики со своими хозяевами, если та и другая вращаются въ широкомъ кругу экономическихъ, политическихъ и умственныхъ интересовъ всего рабочаго класса, то какъ-же можетъ русскій пропагандистъ или агитаторъ не касаться фактовъ и явленій деревенской жизни, такъ сильно и непосредственно затрогивающихъ эти интересы? Въдѣ одной изъ существеннѣйшихъ задачъ социалъдемократической пропаганды является разъясненіе рабочимъ тѣхъ національныхъ общественныхъ (въ широкомъ смыслѣ) условій, которыя мѣшаютъ или благопріятствуютъ ихъ освободительному движенію, одной изъ главнѣйшихъ задачъ агитаціи является возбужденіе и развитіе въ нихъ недовольства и ненависти противъ порядковъ и людей, загораживающихъ пролетаріату путь къ свободѣ и благосостоянію. Игнорируя такіе факты первостепенной важности, какъ государственное закрѣпощеніе нашихъ деревенскихъ массъ и его отрицательное вліяніе на всю русскую жизнь, не пользуясь такими общенародными бѣдствіями, какъ неурожай и голодъ, для агитаціи среди рабочихъ противъ порядковъ, вызывающихъ эти бѣдствія, для возбужденія и распространенія среди нихъ негодованія, ненависти противъ охранителей сословно-самодержавнаго строя нашего государства, оставляя все это въ сторонѣ, русскіе социалъдемократы верну-

лись бы въ сущности опять къ тому періоду нашего движенія, который авторы брошюры „Объ Агитаціи“ характеризовали такими словами:

„Научный социализмъ, явившійся на западѣ теоретическимъ выраженіемъ рабочаго движенія, у насъ превращается въ абстрактную теорію, нежелающую спуститься съ заоблачныхъ высотъ научнаго социализма“.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ порядки, угнетающіе крестьянъ, не угнетаютъ рабочихъ, не только косвенно, но и самымъ прямымъ, и непосредственнымъ образомъ? Развѣ царское самовластіе и полицейскій произволъ не даютъ имъ себя чувствовать изо дня въ день? Развѣ сами они не терпятъ отъ сословной приниженности и безправія? А фундаментомъ всему этому служитъ государственное закрѣпощеніе крестьянъ. Съ уничтоженіемъ царскаго самодержавія рухнетъ и этотъ фундаментъ. Но, съ другой стороны, подкапывая его, мы тѣмъ самымъ увеличиваемъ неустойчивость и опирающагося на него государственнаго зданія. Пропаганда и агитація среди рабочихъ, на почвѣ народныхъ бѣдствій, порождаемыхъ крѣпостнымъ состояніемъ деревенскихъ массъ, не только не могутъ, поэтому, отвлекать социалъдемократовъ отъ ихъ непосредственной задачи, не только не идутъ въ разрѣзъ съ нею, но, наоборотъ, сливаются съ ней, какъ часть съ тѣмъ цѣлымъ, съ которымъ она органически связана.

Но я чуть было не забылъ курьезнаго предположенія на счетъ ухода социалъдемократическихъ пропагандистовъ и агитаторовъ въ деревню. Впрочемъ, предположеніе это уже само собою устраняется всѣмъ вышесказаннымъ. Не о революціонномъ воздѣйствіи на крестьянъ шла выше рѣчь. Я говорилъ исключительно о необходимости разъяснять самимъ городскимъ рабочимъ громадное отрицательное значеніе для нихъ жизненныхъ условій и бѣдствій деревенскаго населенія; выясняя имъ это значеніе, развивая въ нихъ страстное стремленіе бороться противъ этихъ условій, мы

дѣлаемъ въ одно и то-же время двойное дѣло: расширяемъ и углубляемъ классовое сознание и революціонныя стремленія городского пролетаріата, и создаемъ силу для рѣшительной борьбы съ врагомъ, угнетающимъ не только крестьянъ; но и его самого. Но этимъ самымъ подготавливается почва для вліянія социальной демократіи и на деревенскія массы. Во первыхъ, среди промышленныхъ и вообще городскихъ рабочихъ не мало такихъ элементовъ, которые не совсѣмъ порвали еще съ деревнею и ежегодно возвращаются на родину на цѣлые мѣсяцы. Во вторыхъ, мы не видимъ причины почему бы листкамъ и воззваніямъ социалдемократовъ по поводу конкретныхъ случаевъ и страданій, вызванныхъ въ городѣ неурожаемъ и голодовками, не проникать и въ среду „пришлыхъ“ изъ разныхъ угловъ Россіи крестьянъ. Черезъ посредство этихъ кочующихъ массъ пропаганда и агитація на почвѣ и по поводу бѣдствій, сопровождающихъ неурожай и вообще вызываемыхъ положеніемъ крестьянства, будутъ отраженнымъ образомъ оказывать свое воздѣйствіе и на деревенское населеніе.

Я разсматривалъ до сихъ поръ неурожай и голодъ, какъ бѣдствія исключительно народныя, въ тѣсномъ смыслѣ слова; но они представляютъ серьезную опасность и для самихъ высшихъ классовъ, и для государства, какъ это старался доказать г. Ермоловъ, въ вышецитированномъ трудѣ, уже въ 1892 г. Его установившіе образованные представители крупныхъ землевладѣльцевъ и бюрократіи тогда уже заявляли, что необходимо обратиться „къ самому корню переживаемыхъ нами явленій“, что въ противномъ случаѣ Россіи грозитъ

„участь самая печальная и безотрадная, такъ какъ никакое богатство, никакая мощь русскаго народа не въ состояніи вынести тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыя нынѣ переживаетъ русская земля, если они періодически будутъ повторяться“.

Но „корень“ этихъ явленій заключается въ основ-

номъ противорѣчіи, характеризующемъ русское сельское хозяйство съ того времени, какъ оно вовлечено въ круговоротъ мірового товарнаго производства.

Необходимыми условіями борьбы за существованіе на почвѣ товарнаго производства являются, какъ извѣстно, свобода и равноправіе гражданъ, какъ въ сферѣ ихъ индивидуальной экономической дѣятельности, такъ и въ области коллективныхъ, групповыхъ и классовыхъ усилій для отстаиванія своихъ интересовъ. Только при такихъ условіяхъ борьба эта принимаетъ характеръ вполне свободнаго экономического соперничества, въ которомъ побѣду рѣшаютъ превосходство въ техникахъ и размѣрахъ производства или торговли, знаніе условій и состоянія рынка и обладаніе достаточно значительнымъ кредитомъ. Развитие производительныхъ силъ является тутъ необходимымъ орудіемъ, спутникомъ и слѣдствіемъ экономической борьбы. Наше же сельское хозяйство, давно уже ставшее производствомъ товарнымъ, до сихъ поръ развивается еще на почвѣ и въ атмосферѣ совершеннаго порабоженія огромнаго большинства „сельскихъ хозяевъ“ и привилегій незначительнаго меньшинства ихъ, землевладѣльцевъ-дворянъ. Объ экономической борьбѣ въ современномъ смыслѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Страшно было бы говорить о такой борьбѣ тамъ, гдѣ главная масса товаропроизводителей состоитъ изъ государственныхъ рабовъ, продукты и трудъ которыхъ явно грабительскими способами присваиваются казною и всевозможными хищниками. Гибельное дѣйствіе этого внутренняго противорѣчія въ условіяхъ русскаго сельскаго хозяйства должно было, разумѣется, еще сильно обостриться тѣмъ обстоятельствомъ, что оно втянуто было въ сферу мірового обмѣна подъ сильнымъ политическимъ и экономическимъ давленіемъ далеко опередившемъ Россію капиталистическаго строя, въ эпоху господства промышленнаго капитализма, когда, подъ вліяніемъ его успѣховъ, и производительныя силы дѣ

сельскомъ хозяйствѣ этихъ странъ начали быстро прогрессировать. Другими словами: историческій моментъ, въ который Россія вступила на путь интенсивнаго развитія капитализма, требовалъ, чтобы ея сельское хозяйственное производство поставлено было въ условія, наиболее благоприятныя для возможно болѣе быстрого развитія и усовершенствованія его техническихъ и коммерческихъ средствъ. Въ действительности же оно — по причинамъ, которыхъ касаться здѣсь не мѣсто — очутилось въ условіяхъ, приведшихъ къ обратному результату: неполноправная, несвободная и невѣжественная масса крестьянъ лишена была всякой возможности думать, а тѣмъ болѣе стараться объ усовершенствованіяхъ въ земледѣліи и объ улучшеніяхъ въ условіяхъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, а помѣщики, унаслѣдовавшіе отъ добраго стараго времени привычку тратить доходы отъ своихъ родовыхъ имѣній, а отнюдь не хозяйничать на капиталистическихъ основаніяхъ, также оказались неспособными заботиться о поднятій сельскохозяйственной техники до уровня запросовъ, предъявляемыхъ къ сельскому хозяйству капитализмомъ. И вотъ въ результатъ получилось, во первыхъ, истощеніе естественныхъ силъ почвы не только на крестьянскихъ, но и на частновладельческихъ земляхъ, а во вторыхъ, такое ухудшеніе климатическихъ и вообще естественныхъ условій русскаго земледѣлія, что, какъ говорить г-нъ Ермоловъ, можно подумать,

„что совершается въ природѣ какой то небывалый переворотъ, . . . который грозитъ гибелью цѣлой обширной части государства, на которую надвигаются зной и сушь безплодныхъ среднеазиатскихъ степей“.

Къ этому присоединяется еще одна бѣда, уже прямо бьющая землевладельцевъ по карману.

„Являющійся послѣдствіемъ такихъ вынужденныхъ продажъ (крестьянскихъ продуктовъ) избытокъ предложенія. . . ведетъ къ такому паденію цѣнъ на хлѣбъ, на табакъ и на другіе продукты

полеводства, отъ котораго страдаютъ и землевладельцы“. („Неурожай и пародное бѣдствіе“, 172).

Но въ такомъ случаѣ „даровой трудъ“ и высокая аренда (работой или долей урожая) теряютъ для землевладельцевъ свою привлекательность. Что пользы въ нихъ, когда

„пониженіе рыночныхъ цѣнъ хлѣба, которое является результатомъ вынужденныхъ его продажъ на уплату податей, распространяется и на многіе другіе продукты земледѣлія“

и препятствуетъ превращенію плодовъ чужого труда въ деньги? Но и это не все. Все большая и большая доля въ конецъ разореннаго крестьянства перестаетъ „самостоятельно хозяйничать“, какъ на своей, такъ и на чужой землѣ — и вотъ помѣщикамъ и даже кулакамъ приходится самимъ начать хозяйничать, собственными орудіями и скотомъ, на свой страхъ и рискъ. И начать это приходится уже послѣ того, какъ хищническая эксплуатація земли и первобытная обработка ея превратили ее „въ жалкія, истощенныя поля“ и когда всемірный рынокъ переполняется дешевыми сельскохозяйственными продуктами заокеанскихъ странъ, дешевыми, вслѣдствіе высокаго развитія ихъ сельскохозяйственной техники и усовершенствованныхъ средствъ сообщенія. Безправное состояніе цѣлаго сословія, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, начинается, такимъ образомъ, давать себя чувствовать оборотной стороной и эксплуатирующему, привилегированному меньшинству сельскаго населенія.

Въ итогъ получается перспектива превращенія наиболѣе плодородныхъ и цвѣтущихъ

„нѣкогда областей Россіи... въ безводныя, бесплодныя и песчаныя пустыни“.

Спеціально же о черноземной полосѣ такой компетентный представитель интересовъ крупнаго земледѣлія, какъ г. Ермоловъ, уже въ началѣ текущаго десятилѣтія писалъ, что положеніе ея

такъ серьезно и будущее ея такъ страшно, что должно оста-

новить на себѣ самое серьезное вниманіе и правительства, и науки, и самихъ сельскихъ хозяевъ, для которыхъ дальнѣйшій исходъ изъ этого положенія составляетъ, можно сказать, вопросъ жизни и смерти“.

Но „безъ совокупныхъ *моцныхъ* усилій“ этихъ трехъ факторовъ

„не можетъ быть никакого исхода изъ настоящаго тяжелаго положенія“.

И на первомъ планѣ должны стоять, конечно, индивидуальныя и общественныя усилія сельскихъ хозяевъ, только ихъ энергичная самодѣятельность — хозяйственная и общественная — можетъ толкать правительство впередъ по пути скорого осуществленія всѣхъ „мѣропріятій“, необходимыхъ для коренного улучшенія, какъ естественныхъ и техническихъ условій русскаго земледѣлія, такъ и условій сбыта его продуктовъ. Но мудро ожидать „моцныхъ усилій“ и вообще широкой самодѣятельности отъ „сельскихъ хозяевъ“ тамъ, гдѣ они, строго говоря, и не составляютъ еще сельскохозяйственного класса въ настоящемъ смыслѣ слова, гдѣ огромное, подавляющее большинство изъ нихъ состоитъ изъ людей даже граждански неполноправныхъ и несвободныхъ, а меньшинство, въ свою очередь, распадается на слои, изъ которыхъ одинъ, дворянскій, въ массѣ своей больше мечтаетъ и хлопочетъ о новыхъ привилегіяхъ и подачкахъ отъ царской милости, чѣмъ о рациональномъ хозяйствѣ, между тѣмъ какъ остальные, непривилегированные имушіе слои деревни, больше заняты грабежемъ и обираніемъ закабаленныхъ имъ безправныхъ крестьянскихъ массъ, чѣмъ сельскохозяйственнымъ производствомъ. Образованіе вліятельнаго и энергически отстаивающаго аграрные интересы класса сельскихъ хозяевъ является однимъ изъ важнѣйшихъ условій для осуществленія въ полномъ объемѣ стремленій и пожеланій нашихъ передовыхъ аграріевъ. Но на пути къ этому стоитъ, какъ преграда, государственное закрѣпощеніе крестья-

явъ и привилегированное положеніе землевладельческаго дворянства. Устраненіе этого тормазы, уничтоженіе остатковъ сословной организаціи эпохи помѣщичьяго крѣпостного права, является, слѣдовательно, первымъ серьезнымъ и рѣшительнымъ шагомъ на пути прочнаго и значительнаго подъема производительныхъ силъ нашего сельскаго хозяйства. И въ самомъ дѣлѣ, самые умѣренныя изъ либеральныхъ аграріевъ, политически столь благонадежныя, какъ ихъ официальный представитель въ высшей бюрократіи, министръ земледѣлія, и они добиваются измѣненія податной системы и уничтоженія круговой поруки, отмены тѣлесныхъ наказаній и ограниченій свободы передвиженія крестьянъ, водворенія „законности“ и гражданскаго равноправія*).

По скольку передовые аграріи стоятъ за окончательное раскрышеніе крестьянскаго сословія, они сходятся съ либерально-демократической оппозиціей. Но они поютъ болѣе или менѣе въ унисонъ съ либеральными представителями свободныхъ профессій и въ нѣкоторыхъ другихъ, очень существенныхъ пунктахъ. И тѣ, и другіе указываютъ на необходимость предоставленія возможно болѣе широкаго простора общественной инициативѣ и самостоятельности; тѣ и другіе добиваются всеобщаго распространенія въ народѣ элементарнаго образованія; точно такъ-же оба эти лагеря нашей легальной оппозиціи громятъ филиппиками противъ „капитализма“, т. е. выступаютъ противъ политики покро-

*) Чтобы предупредить недоразумѣніе со стороны читателей, претендующихъ на званіе „справедливый“, заявляю, что я отнюдь не думаю отрицать гуманитарную подкладку въ мотивахъ и соображеніяхъ, лежащихъ въ основѣ этой программы-минимумъ нашей легальной оппозиціи. Сказаннымъ въ текстѣ я хотѣлъ лишь подчеркнуть *объективную*, живленную связь ея съ той частью программы передовыхъ аграріевъ и другихъ представителей умѣреннаго либерализма, которая относится къ поднятію и развитію національныхъ производительныхъ силъ въ интересахъ самихъ высшихъ классовъ и государства.

вительства промышленной буржуазіи, на счетъ остальныхъ классовъ населенія. Сельскохозяйственный кризисъ, толкающій даже такихъ, несомнѣнно благонадежныхъ, людей, какъ министръ земледѣлія, на путь обращенія „къ корню“ нашихъ неурожаевъ и голодовокъ, придаетъ непреодолимую силу всѣмъ этимъ стремленіямъ, превращая ихъ изъ нѣжнаго продукта благородной идеологіи въ элементарное требованіе суровой дѣйствительности. Но каждый шагъ впередъ на пути осуществленія этихъ стремленій равносиленъ выпаденію камня изъ фундамента, поддерживающаго зданіе абсолютизма, потому что не можетъ не способствовать развитію взаимнаго антагонизма между дворянствомъ и торговопромышленной буржуазіей до степени классовой борьбы, несомнѣнно безопасной для самодержавнаго трона, и не вліять на настроеніе имущихъ массъ, въ смыслѣ ослабленія въ нихъ вѣрноподданическихъ чувствъ и пробужденія политическихъ интересовъ.

Объемъ Сборника и рамки предлагаемой статьи не позволяютъ мнѣ подробнѣе остановиться на сельскохозяйственномъ кризисѣ, переживаемомъ Россіей, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ высшихъ классовъ и рассмотреть вліяніе, которое онъ долженъ имѣть на ихъ отношенія къ правительству и между собою. Я коснулся этихъ вопросовъ лишь затѣмъ, чтобы хоть въ немногихъ словахъ подчеркнуть тотъ фактъ, что въ разстройствѣ русскаго сельскаго хозяйства рѣзко выступаетъ наружу несомѣстность нашего устарѣлаго социальнаго-политическаго строя не только съ насущными интересами народныхъ массъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и съ ростомъ производительныхъ силъ націи вообще, требуемымъ ея капиталистическимъ развитіемъ. Такъ называемый аграрный вопросъ, обнимающій у насъ задачу радикальнаго раскрышенія крестьянъ и обезпеченія сельскому хозяйству условій, возможно болѣе благоприятныхъ для поднятія его про-

производительности и для выгоднаго сбыта его продуктовъ, является, такимъ образомъ, центральнымъ пунктомъ русской жизни и почвой, на которой развивается антагонизмъ между сторонниками національнаго капиталистическаго прогресса—подъ флагомъ антикапиталистическимъ(!)—и абсолютизмомъ, почвой, содержащей въ себѣ сѣмена подготовляющихся столкновений между эксплуататорскими классами и правительствомъ. На этой почвѣ встрѣчаются, поэтому, и болѣе или менѣе сходятся даже ближайшіе интересы и стремленія всѣхъ оттенковъ демократіи и умѣреннаго либерализма. Поэтому, по сколько социалъдемократы будутъ удѣлять вниманіе въ своей пропагандѣ и агитаціи положенію дѣлъ въ деревнѣ, по столько они явятся выразителями общенациональныхъ интересовъ и тѣмъ самымъ будутъ выдвигать сознательные слои рабочихъ на историческую арену въ роли революціонныхъ представителей этихъ интересовъ*). Въ другой статьѣ, помѣщенной въ настоящемъ Сборникѣ, я указалъ, въ силу какихъ особенностей историческаго положенія главныхъ классовъ въ современной Россіи, нашъ пролетаріатъ какъ-бы исторически предназначенъ къ такой роли, и въ силу какихъ обстоятельствъ и соображеній я считаю чрезвычайно важнымъ, чтобы русскіе социалъдемократы сознательно и систематически стремились эксплуатировать эту тенденцію положенія вещей и превратили ее изъ потенциальнаго состоянія въ реальный фактъ. Здѣсь я могу, поэтому, ограничиться только общимъ замѣчаніемъ, что, ведя среди рабочихъ пропаганду и агитацію по поводу фактовъ и явленій, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ отрицательнымъ

*) Фактически революціонный авангардъ нашихъ рабочихъ дѣйствуетъ въ пользу этихъ интересовъ во всѣхъ сферахъ своей общественной дѣятельности. Но въ области агитаціи на почвѣ явленій и вопросовъ, о которыхъ въ текстѣ идетъ рѣчь, историческая роль пролетаріата въ современной Россіи бросалась бы сама собою въ глаза.

итогамъ капитализма въ деревнѣ, развивающагося въ оковахъ абсолютизма, социалъдемократы могутъ въ одно и то-же время, съ одной стороны, обезпечить революціонному пролетариату сочувствіе и даже прямую поддержку въ другихъ прогрессивныхъ слояхъ населенія, а съ другой—способствовать обострѣнію взаимныхъ отношеній высшихъ классовъ и правительства. Результатъ одинаково существенный, какъ со спеціальной точки зрѣнія интересовъ рабочаго движенія, такъ и съ общереволюціонной точки зрѣнія вопроса о расширеніи круга оппозиціонныхъ элементовъ и организаціи похода противъ абсолютизма въ національномъ масштабѣ.

П. Аксельродъ.

Рабочее движеніе за границей.

Международный конгрессъ по законодательству объ охранѣ рабочихъ.

1. ВВЕДЕНІЕ.

Почти въ каждой европейской странѣ повторялась одна и та же исторія: рабочее движеніе развивается въ могучую общественную силу и начинаетъ требовать законодательной защиты отъ чрезмѣрной эксплуатаціи и злоупотребленій. Въ отвѣтъ на эти требованія буржуазія кричитъ: „Мы не можемъ! Конкуренція другихъ странъ не позволяетъ намъ поставить нашихъ рабочихъ въ лучшія условія, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, хотя мы сами отъ души готовы были бы сдѣлать вамъ всевозможныя уступки“. Такимъ образомъ, буржуазія первая стала кричать о международномъ урегулированіи рабочаго законодательства. Искренно-ли она кричала или нѣтъ, мы судить не будемъ, но нашлись люди, повѣрившіе ей искренности и начавшіе хлопотать объ осуществленіи такого международнаго соглашенія. Маленькая Швейцарія, самая демократическая страна европейскаго континента, стала во главѣ этого движенія. Уже въ 1876 г. тогдашній президентъ Швейцарскаго Національнаго Совѣта (законодательной палаты), Эмиль Фрей, указалъ на желательность международнаго соглашенія по вопросамъ фабричнаго законодательства. Въ декабрѣ 1890 г. тотъ же Фрей предложилъ Союзному Совѣту (швейцарскому правительству) начать переговоры съ правительствами промышленныхъ странъ о выработкѣ общаго для всѣхъ этихъ странъ фабричнаго законодательства. Но правительства отнеслись отрицательно къ предложенію швейцарцевъ.

Но какъ разъ въ это время правительства начинаютъ чувствовать сильное давленіе рабочихъ партій. Пролет-

тариать, правда, не попадался на удочку буржуазіи, утверждавшей, что никакія уступки безъ международнаго соглашенія невозможны; пролетариатъ боролся въ предѣлахъ каждой отдѣльной страны и завоевывалъ себѣ одно право за другимъ, но въ то же время передовые борцы рабочей арміи издавна поняли, что борьба съ капитализмомъ должна все болѣе и болѣе раздвигать національныя рамки и выходить за ихъ предѣлы, въ виду международного характера самого капитализма. Еще въ 1866 г. Международное Общество Рабочихъ, на своемъ конгрессѣ въ Женевѣ, выставило цѣлый рядъ требованій въ защиту трудящихся всѣхъ странъ. Въ 1883 г. съѣздъ швейцарскихъ рабочихъ въ Цюрихѣ рѣшилъ предложить правительству возобновить переговоры, начатыя въ 1880 г. Около того же времени конгрессъ французскихъ рабочихъ принялъ резолюцію въ пользу международного фабричнаго законодательства. Въ 1886 г. нѣмецкіе социальдемократы внесли въ рейхстагъ предложеніе о созывѣ правительствомъ международной конференціи съ цѣлью установленія слѣдующихъ общихъ для всѣхъ государствъ нормъ:

- 1) Рабочій день не долженъ нигдѣ превышать 10 часовъ.
- 2) Ночная работа (за кое-какими исключеніями) воспрещается.
- 3) Воспрещается работа дѣтей моложе 14 лѣтъ.

Въ томъ же году въ Парижѣ международная конференція, созванная французскими рабочими синдикатами, приняла слѣдующее рѣшеніе:

„Предлагается рабочимъ разныхъ странъ оказывать давленіе на свои правительства съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе позаботились о заключеніи международныхъ договоровъ и соглашеній по вопросу о законодательной охранѣ рабочихъ“.

Въ 1887 г. нѣмецкая социальдемократическая партія на своемъ съѣздѣ въ С.-Галленѣ рѣшила созвать осенью слѣдующаго года международный съѣздъ рабочихъ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ съѣздъ этотъ не состоялся, но въ 1889 г. международный съѣздъ рабочихъ въ Парижѣ выставилъ цѣлый рядъ требованій по вопросу о международномъ регулированіи рабочаго законодатель-

ства*). Эти требованія были подтверждены и отчасти расширены на слѣдующихъ конгрессахъ — въ 1891 г. въ Брюссель, въ 1893 г. въ Цюрихъ и въ 1896 г. въ Лондонѣ.

Въ томъ же 1889 г. швейцарское правительство опять вступило въ переговоры съ различными государствами о созывѣ международной конференціи въ Бернѣ, и на этотъ разъ истрѣтило больше сочувствія въ правительственныхъ сферахъ промышленныхъ государствъ. Но въ это время съ мыслью о созывѣ международной конференціи носился и германскій императоръ. По его предложенію швейцарское правительство отказалось отъ своего плана, и въ 1890 г. состоялась берлинская конференція, на которой представлены были правительства Австріи, Англіи, Бельгіи, Даниі, Голландіи, Италіи, Испаніи, Люксембурга, Норвегіи, Португаліи, Франціи, Швейцаріи, Швеціи. Рѣшенія ея, однако, остались на бумагѣ и не дали никакихъ результатовъ до нынѣшняго дня.

Такой исходъ берлинской междуправительственной конференціи не могъ, конечно, ослабить энергію организованнаго пролетаріата въ борьбѣ за свободу и благосостояніе своего класса. Сознательные и организованные рабочіе разсчитываютъ прежде всего на силы и энергію пролетаріата; они прекрасно знаютъ, что высшіе классы и правительства тогда лишь дѣлаютъ что-либо серьезное въ пользу эксплуатируемыхъ и трудящихся

*) Вотъ эти требованія:

1. Нормальный 8-ми часовой рабочий день.
2. Запрещеніе труда дѣтей моложе 14 лѣтъ.
3. Ограниченіе 6-ю часами рабочего времени подростковъ отъ 14 до 18 лѣтъ.
4. Запрещеніе ночныхъ работъ, за исключеніемъ тѣхъ производствъ, природа которыхъ требуетъ непрерывности.
5. Запрещеніе труда женщинъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя особенно вредны для женскаго организма.
6. Безпрерывный отдыхъ, по крайней мѣрѣ, въ 36 ч. въ недѣлю.
7. Запрещеніе вредныхъ для здоровья производствъ.

классовъ, когда они вынуждаются къ этому продолжительными, неутомимыми усиліями этихъ классовъ, когда они находятся подъ сильнымъ давленіемъ „снизу“. И вотъ въ 1893 г. раб. организація Швейцаріи снова принимаютъ рѣшеніе вызвать во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ такое давленіе на правительство въ пользу международнаго рабочаго законодательства. Мы говоримъ о сѣздѣ „Союза Швейцарскихъ Рабочихъ“ въ г. Билѣ.

Союзъ этотъ представляетъ собою организацію, въ которую входятъ рабочія общества Швейцаріи всякихъ направленій, начиная съ социалдемократической партіи и кончая католическими рабочими кружками; имѣются въ немъ и союзы безъ всякой опредѣленной политической и религіозной окраски. Такая организація возможна лишь въ Швейцаріи, въ этой маленькой демократической странѣ, гдѣ каждый привыкъ уважать права другого и не давать въ обиду своихъ, гдѣ граждане издавна получили возможность добиваться всякихъ улучшеній въ общественномъ строѣ жизни законными путями, и гдѣ господствующіе классы привыкли бороться съ представителями угнетенныхъ классовъ не помощью висѣлицъ, тюремъ и каторги, а мирными средствами пропаганды и агитаціи.

Представители названнаго Союза на сѣздѣ въ гор. Билѣ признали необходимымъ созвать конгрессъ изъ делегатовъ отъ рабочихъ организацій различныхъ странъ „со спеціальной цѣлью обсудить и рѣшить вопросъ объ интернаціональномъ рабочемъ законодательствѣ“. Центральному комитету „Союза“ поручено было заняться приготовленіемъ и устройствомъ этого конгресса. Въ 1897 г. всѣ приготовленія были закончены, и на 23-е августа было назначено первое засѣданіе конгресса.

2. Организація и внѣшняя обстановка конгресса.

Въ одномъ изъ красивѣйшихъ зданій г. Цюриха, въ

такъ-называемомъ „Тонгалле“, расположенномъ на берегу Цюрихскаго озера, засѣдалъ втеченіе послѣдней недѣли августа этотъ своеобразный по своему составу конгрессъ.

Организаціонный комитетъ, выбранный изъ среды членовъ швейцарскаго рабочаго союза, разослалъ въ первыхъ числахъ апрѣля 1897 г. всѣмъ рабочимъ обществамъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ циркуляръ съ предложеніемъ прислать своихъ представителей на этотъ конгрессъ. „Приглашаются на этотъ конгрессъ, говорится въ циркулярѣ, представители всѣхъ рабочихъ союзовъ, безъ различія политическихъ и религіозныхъ воззрѣній, — союзовъ, которые признають справедливость и необходимость государственнаго вмѣшательства въ пользу рабочаго класса путемъ сокращенія рабочаго дня, запрещенія работъ въ воскресные дни, специальной охраны дѣтей, подростковъ и женщинъ, и обязующихся добиваться въ своей странѣ соотвѣтствующихъ законовъ“. Кромѣ того, на конгрессъ были допущены въ качествѣ гостей отдѣльныя лица (ученые и политики), интересующіяся вопросами фабричнаго законодательства, съ правомъ только совѣщательнаго голоса. Такимъ образомъ, число всѣхъ участниковъ достигло 571, изъ нихъ 180 гостей. Представлены были: Америка, Англія, Австрія, Бельгія, Венгрія, Голландія, Германія, Данія, Італія, Испанія, Россія, Франція, Швейцарія и Швеція. Изъ 391 депутатовъ, явившихся съ полномочіями отъ рабочихъ обществъ, 202 представляли социалъдемократическія рабочія организаціи, 133 — отъ христіанскихъ социалистовъ и 56 — отъ такъ-наз. нейтральныхъ, т. е. не принадлежащихъ ни къ какой политической или религіозной партіи. Русскія рабочія организаціи были представлены четырьмя социалъдемократами.

Вопросы, подлежащіе обсужденію конгресса, были слѣдующіе: 1) Воскресный отдыхъ; 2) Работа дѣтей и подростковъ; 3) Работа женщинъ; 4) Работа взрослыхъ мужчинъ; 5) Ночной трудъ и трудъ въ производствахъ, вредныхъ для здоровья; 6) Способы и пути къ осуще-

ствленію рабочаго законодательства и 7) Учрежденіе международной комиссіи для рабоч. законодательства.

Швейцарскій организаціонный комитетъ позаботился о томъ, чтобы по каждому вопросу былъ прочтенъ собранію конгресса подробный докладъ, за которымъ должны были слѣдовать пренія. Засѣданія конгресса происходили по утрамъ отъ 8-12 ч., начинались чтеніемъ доклада, по вопросу, стоявшему на очереди въ назначенный день, затѣмъ слѣдовали пренія, заканчивавшіяся принятіемъ опредѣленнаго постановленія или въ формѣ, предложенной докладчикомъ, или же въ формѣ, взмѣненной конгрессомъ. Послѣ обѣда происходили засѣданія комиссій конгресса, на которыхъ шло предварительное обсужденіе отдѣльных вопросовъ, стоявшихъ на очереди на слѣдующій день.

Общія засѣданія происходили въ огромномъ концертномъ залѣ. На возвышенія, гдѣ обыкновенно помѣщаются артисты, поставлены столы для предсѣдателя, двухъ вице-предсѣдателей, секретарей, записывающихъ всѣ рѣчи, и переводчиковъ*). Залъ представлялъ оригинальное зрѣлище: на скамьяхъ, гдѣ во время концертовъ помѣщаются зрители, теперь засѣдали представители рабочихъ организацій, и тутъ, рядомъ съ простымъ рабочимъ, сидѣлъ ученый профессоръ, рядомъ съ атеистомъ — католическій попъ, рядомъ съ сторонникомъ гражданскаго и политическаго безправія женщины — женщины-писательницы, женщины-агитаторы. На конгрессѣ были представители швейцарскаго правительства (Союзаго Совѣта), а также делегаты отъ правительствъ отдѣльных кантоновъ. Присутствовалъ, между прочимъ, и представитель французскаго правительства, присланный министерствомъ торговли. Правительства остальной Европы не нашли нужнымъ прислать отъ себя уполномоченныхъ. — Къ засѣданіямъ конгресса

*) На конгрессѣ рѣчи произносились на англійскомъ, нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ, и каждая рѣчь, сказанная на одномъ изъ нихъ, переводилась на два другіе.

допущена была и посторонняя публика, для которой отведено было мѣсто на галлереяхъ, окружающихъ съ трехъ сторонъ залъ.

3. Воскресный и праздничный отдыхъ.

Докладчикомъ по этому вопросу явился католическій священникъ, профессоръ католическаго университета во Фрибургѣ, Бекъ, но такихъ священниковъ можно встрѣтить только въ Швейцаріи, да, пожалуй, еще въ Бельгіи. Г. Бекъ говоритъ горячо, красиво и убѣдительно. Необходимость воскреснаго отдыха, для него, внѣ всякихъ сомнѣній: рабочіе должны требовать воскреснаго отдыха, потому что одинъ день отдыха въ недѣлю 1) необходимъ для поддержанія здоровья рабочихъ; 2) даетъ возможность, отдохнувши отъ физическаго труда, заняться своимъ образованіемъ, расширеніемъ своихъ познаній; 3) даетъ возможность рабочему и работницѣ пожить въ своей семьѣ; 4) позволяетъ религіознымъ людямъ выполнять свои религіозныя обязанности и 5)... но тутъ мы предпочитаемъ привести слова самого Бека

„Мы всѣ, восклицаетъ онъ, рѣшительные сторонники демократіи и какъ таковыя стоимъ за всеобщее избирательное право. Мы всѣ хотимъ, чтобы народы сами собой управляли, а разумное пользованіе политическими правами предполагаетъ политическое воспитаніе и политическую организацію“.

а для этого, какъ доказываетъ дальше въ своей рѣчи Бекъ, рабочему необходимо имѣть хоть одинъ свободный день, когда онъ могъ бы подумать о своихъ гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ.

Въ преніяхъ, соц.-дем. напираютъ, между прочимъ на то, что воскресенье, какъ и другіе праздничные дни, должны стать для рабочихъ днемъ духовнаго и эстетическаго наслажденія, днемъ, въ который трудящаяся масса, занятая въ продолженіе всей недѣли физическимъ трудомъ, имѣла бы возможность знакомиться съ завоеваніями человѣческой культуры, могла бы посѣщать театры и музеи, лекціи и общественныя собранія. Со-

ціалдемократи предложили зміняти въ указанномъ смыслѣ представленную Беконъ резолюцію. Послѣдній, съ своей стороны, присоединился къ поправкамъ, внесеннымъ соц.-демократ. ораторомъ, Пернсторферомъ.

Принятая конгрессомъ резолюція требуетъ:

1) Запрещеніа, подъ страхомъ наказанія, воскресной работы для всѣхъ рабочихъ и служащихъ по найму;

2) Исключенія допускаются лишь въ непрерывныхъ производствахъ, а также въ такихъ профессіяхъ, выполненіе которыхъ въ воскресные дни лежить въ интересахъ умственного и эстетическаго развитія народа (явар., театри, музея, желѣзныя дороги, пароходы и проч.);

3) Исключенія эти не должны устанавливаться произволомъ чиновниковъ и полицейскихъ, а должны быть ясно указаны въ законѣ;

4) Тѣ рабочіе, которымъ, на основаніи указанныхъ исключеній, приходится работать въ воскресенье, должны быть свободны отъ работъ каждое второе воскресенье, а вѣсто выпадающаго воскресенья, имъ долженъ быть данъ другой день отдыха въ недѣлю;

5) Отдыхъ въ воскресные или другіе дни долженъ продолжаться не менѣе 86 часовъ.

Англійская делегація потребовала замѣны воскресенья другимъ днемъ отдыха въ недѣлю, объясняя свое требованіе тѣмъ, что въ Англіи вкоренился тотъ унылый характеръ чисто религіознаго празднованія воскреснаго дня, противъ котораго направлена предложенная конгрессу резолюція. Но на это англійскимъ социалистамъ справедливо было замѣчено, что имъ легче вліять на измѣненіе характера празднованія воскреснаго дня у себя на родинѣ, чѣмъ заставить все европейское населеніе измѣнить свои прибрѣтенныя вѣками привычки.

4. Работа дѣтей и подростковъ.

По этому вопросу докладъ былъ прочтенъ социальдемократомъ, д-ромъ мед. Геригомъ. По его мнѣнію, слишкомъ продолжительная работа въ раннемъ возрастѣ вредитъ развитію организма и ведетъ къ вырожденію. Помѣшать этому можетъ только государственная власть, но мѣры, принятія до сихъ поръ, весьма недостаточны.

во Франціи не дозволяется работа дѣтей моложе 13 л., въ Германіи и Швейцаріи — моложе 14, въ Бельгіи и Россіи — моложе 12, въ Англии — моложе 11. Также разнообразны и законы о работѣ подростковъ: во Франціи подростки моложе 16 лѣтъ не должны работать болѣе 10 часовъ въ сутки, въ Россіи дѣти 12-15 лѣтъ не могутъ работать болѣе 6 часовъ. А между тѣмъ, чрезмѣрная работа въ этомъ возрастѣ ведетъ къ многочисленнымъ болѣзнямъ, къ прекращенію роста, къ искривленію позвоночника и другихъ частей тѣла, особенно ногъ, къ порокамъ сердца и сердечныхъ клапановъ, къ близорукости и глухотѣ, къ болѣзни органовъ дыханія и чахотѣ. Чтобы помѣшать вырожденію народа, необходимо принять весьма энергичныя мѣры къ прекращенію этого зла. Каковы должны быть эти мѣры? Докладчикъ указываетъ на то, что въ гимназіяхъ, гдѣ учатся дѣти достаточныхъ родителей, учебныхъ часовъ полагается 5-6, и то съ перерывами, въ здоровыхъ помѣщеніяхъ, и поэтому предлагаетъ для подростковъ 15 лѣтъ допустить рабочій день въ четыре часа, и 6 час. для болѣе взрослыхъ, 16-19 лѣтъ. Эти мѣры должны быть распространены не только на фабрики, но и на ремесла и на домашнее производство. Кромѣ того, докладчикъ указываетъ на то, что вопросъ о дѣтскомъ трудѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ объ обязательномъ обученіи.

Но именно изъ-за этого вопроса на конгрессѣ возгорѣлась война. Въ то время, какъ социалдемократы заявляютъ, что вопросъ о дѣтскомъ трудѣ не можетъ быть отдѣленъ отъ школьнаго вопроса, что необходимо установить обязательное обученіе для всѣхъ дѣтей опредѣленнаго возраста до вступленія на фабрику и обязательныя повторительныя курсы для подростковъ, — христіанскіе социалисты и консервативныя социальники хотѣли бы раздѣлить эти два вопроса и на конгрессѣ не заниматься вопросомъ о школѣ! Есть, однако, и тутъ исключенія; таковъ, напр., бельгійскій священ-

никъ Даэнсъ, произведшій очень симпатичное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

„Мы должны дать дѣтямъ возможность — говорилъ онъ — стать мужчинами, чтобы они были въ состояніи защищать себя. Поэтому я не понимаю, почему хотѣть отдѣлать вопросъ о дѣтскомъ трудѣ отъ вопроса о школѣ. Я являюсь сторонникомъ обязательнаго школьнаго обученія“.

Другимъ пунктомъ разногласій явился вопросъ объ отношеніи къ земледѣльческимъ работамъ. Такъ какъ земледѣльческіе рабочіе еще плохо организованы, то и представителей отъ нихъ на конгрессѣ не было, но тѣмъ-то и отличаются достигшіе классового самосознанія рабочіе, что они выступаютъ на защиту интересовъ всего рабочаго класса, всѣхъ его слоевъ. Неудивительно, поэтому, что на конгрессѣ такъ же много занимались сельскими рабочими, какъ и городскими; точно также неудивительно, что на конгрессѣ съ тѣмъ же интересомъ говорилось о школахъ, лекціяхъ, музеяхъ и проч., какъ и о заработной платѣ и длинѣ рабочаго дня.

Наконецъ, третьимъ спорнымъ пунктомъ явился вопросъ объ опредѣленномъ возрастѣ для допущенія дѣтей на фабрику. Дальше всѣхъ въ этомъ отношеніи шли англичане, требовавшіе, чтобы дѣти, не достигшіе 16 лѣтъ, не допускались ни въ какой работѣ по найму.

Послѣ долгихъ споровъ была, наконецъ, принята слѣдующая резолюція:

1) Запрещается нанимать на работу дѣтей моложе 5 лѣтъ. Всѣ дѣти моложе 15 лѣтъ должны посѣщать народную школу.

2) Рабочій день подростковъ 15-18 лѣтъ не долженъ продолжаться долѣе 8 час.; подрядъ можно работать не долѣе 4 часовъ, загѣмъ долженъ наступить перерывъ, не менѣе полутора часовъ.

3) Подросткамъ и ученикамъ должно дать достаточно времени на посѣщеніе общеобразовательныхъ и профессиональныхъ школъ; это время входитъ въ число рабочихъ часовъ.

4) Подросткамъ до 18 лѣтъ запрещается всякая работа въ воскресные и праздничные дни (безъ исключеній).

4. Женскій трудъ.

Единогласіе царило на конгрессѣ только въ вопросѣ о воскресномъ отдыхѣ; всѣ прочія резолюціи принимались большинствомъ голосовъ: социальдемократовъ противъ христіанскихъ социалстовъ. Эти послѣдніе при томъ утверждали, что они не противники той или иной мѣры, но находятъ ее неосуществимой въ данное время: конгрессъ долженъ не только принимать рѣшенія, но и позаботиться о возможности ихъ приведенія въ дѣйствіе; социальдемократы же дескать увлекающіеся фантазеры.

Наступилъ, однако, моментъ, когда фантазерами оказались сами христіанскіе социалсты, и фантазерами весьма и весьма реакціонными. Съ ихъ стороны внесено было слѣд. предложеніе:

„Работа женщинъ въ рудникахъ, каменоломняхъ и на крупныхъ фабрикахъ должна быть запрещена“.

Это предложеніе вызвало цѣлую бурю протестовъ со стороны социальдемократовъ, и пренія по этому поводу заняли большую часть дня, такъ что въ этотъ день конгрессъ имѣлъ и послѣобѣденное засѣданіе. Возраженія социальдемократовъ сводились, главнымъ образомъ къ слѣдующему: вовлеченіе женщинъ въ сферу современной промышленности есть несомнѣнное зло, такъ какъ женщина-работница еще больше, чѣмъ мужчина, страдаетъ отъ эксплуатаціи капитала. Но, во-первыхъ, запрещеніе работы женщинъ во многихъ случаяхъ невыполнимо (нельзя; напр., лишать вдовъ возможности хоть какъ-нибудь содержать семью); во-вторыхъ, отнимая у женщинъ возможность зарабатывать себѣ хлѣбъ въ крупной промышленности и оставляя имъ открытымъ лишь ремесла и мелкое производство, мы не улучшаемъ, а ухудшаемъ положеніе женщинъ (гигіеническія условія труда на фабрикахъ лучше, чѣмъ въ мастерской мелкаго хозяина или въ собственной конурѣ, заработная плата выше, рабочій день короче, возможна организація и борьба и т. д.); наконецъ, въ са-

момъ фактѣ вовлеченія женщинъ въ процессъ капиталистическаго производства крестся и значительное добро, которое сторонникамъ человѣческаго развитія надо всячески отстаивать. На эту положительную сторону процесса указывали, главнымъ образомъ, въ своихъ рѣчахъ двѣ представительницы германскаго пролетаріата, г-жи Лили Браунъ и Клара Цеткинъ.

„Женщина не прежде всего жена, какъ мужчина не прежде всего мужъ: они оба прежде всего люди. Это право быть человекомъ женщина завоевываетъ себѣ только тогда, когда она экономически независима отъ мужа. Трудъ же дѣлаетъ ее и умственно независимой.

„Классовая борьба пролетаріата можетъ привести къ побѣдѣ только тогда, когда весь онъ, а значитъ, и женщины, примутъ въ ней участіе... Женщина должна участвовать въ этой борьбѣ, какъ равная, а не какъ рабыня. Въ прежнія времена движеніе въ пользу равноправія женщинъ исходило отъ высшихъ классовъ; иниці же въ первый разъ начинаютъ шевелиться и масса пролетаріатокъ... Соціалсты хорошо видятъ тѣ бѣдствія, которыя сопровождаютъ женскій трудъ; но они знаютъ, что это зло не есть слѣдствіе женскаго труда вообще, а слѣдствіе эксплуатаціи женскаго труда капиталистами. Поэтому, не о запрещеніи, а о защитѣ женскаго труда должна идти рѣчь“.

Въ концѣ концовъ предложеніе христіанскихъ соціалистовъ отвергнуто было большинствомъ 165 голосовъ противъ 98, а по вопросу о защитѣ женскаго труда почти единогласно приняты слѣд. требованія:

1) 8-часовой рабочий день для всѣхъ работницъ и вообще для всѣхъ служащихъ по найму женщинъ (число часовъ въ недѣлю не должно превышать 44, т. е. въ субботу женщины должны освобождаться отъ работъ въ полдень и пользоваться непрерывнымъ отдыхомъ, по крайней мѣрѣ, въ 42 часа до утра понедѣльника);

2) Строжайшее запрещеніе предпринимателямъ давать своимъ работницамъ на домъ сверхурочныя работы;

3) Освобожденіе отъ всѣхъ работъ беременныхъ женщинъ втеченіе 8 недѣль, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, 6 недѣль должны приходиться на время послѣ родовъ, при чемъ государство или община должны выдавать ей за это время определенное вознагражденіе соотвѣтственно ея заработной платѣ;

4) Выдача женщинамъ одинаковой съ мужчинами платы за одинаковый трудъ.

5. Трудъ взрослыхъ мужчинъ.

Здѣсь главнымъ пунктомъ споровъ былъ 8-мичасовой рабочий день. Тогда какъ для передовыхъ рабочихъ восьмичасовой рабочий день является лозунгомъ борьбы, отступить отъ котораго значило бы для нихъ отказаться отъ самыхъ заветныхъ своихъ желаній, въ отсталыхъ мѣстностяхъ идея о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ медленно проникаетъ въ головы и имѣетъ еще множество противниковъ. Тогда какъ социалъдемократія указывала на восьмичасовой рабочий день, какъ на одно изъ наиболѣе справедливыхъ требованій рабочихъ, удовлетвореніе котораго послужило бы къ физическому и моральному подъему всего класса рабочихъ, другіе члены конгресса упорно противились проведенію подобнаго требованія. Между тѣмъ, социалъдемократы указывали на то значеніе, какое можетъ имѣть короткій рабочий день не для однихъ фабричныхъ рабочихъ: они требовали, чтобы сокращеніе рабочаго дня коснулось и рабочихъ, занятыхъ въ мелкомъ и домашнемъ производствахъ; они указывали на необходимость одинаковой защиты какъ для сельскихъ, такъ и для городскихъ рабочихъ; они, наконецъ, подчеркивали, что только восьмичасовой день можетъ дать рабочему время и возможность мыслить и жить по человѣчески. Все это, однако, не убѣдило противниковъ, и единогласіе не было достигнуто и въ этомъ вопросѣ. Какъ бы то ни было, большинство членовъ конгресса высказалось за постепенное введеніе максимальнаго рабочаго дня въ 8 час.

6. Ночная работа и работа въ производствахъ, вредныхъ для здоровья.

По этимъ двумъ пунктамъ на конгрессѣ опять царилъ полное единодушіе. Прекрасные доклады бывшаго профессора московскаго университета, Ф. Эрисмана, были встрѣчены аплодисментами со стороны членовъ конгресса всѣхъ направленій. Проф. Эрисманъ собралъ

богатый материалъ для своихъ двухъ докладовъ и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, принятымъ въ формѣ резолюцій всѣмъ конгрессомъ:

А) По вопросу о ночной работѣ:

1) Ночная работа, т. е. работа съ 8 час. вечера до 6 час. утра, должна быть запрещена для всѣхъ рабочихъ всякаго возраста и пола.

Исключенія могутъ допускаться только для тѣхъ отраслей промышленности, которыя по техническимъ условіямъ нуждаются въ непрерывномъ производствѣ, и только для тѣхъ ея частей, для которыхъ непрерывность необходима; однако, въ этихъ случаяхъ все рабочее время не должно превышать установленнаго закономъ максимальнаго рабочаго дня, и рабочіе не могутъ ставиться на ночную работу безъ ихъ на то согласія.

Въ законѣ должны быть точно обозначены тѣ отрасли производства, въ которыхъ, на основаніи вышеприведеннаго, допускается ночная работа.

2) Сверхурочныя работы должны быть запрещены дѣтямъ, подросткамъ обоюго пола до 18 лѣтъ и женщинамъ. Взрослымъ мужчинамъ таковая можетъ быть, въ видѣ исключенія, дозволена, но она не должна распространяться на часы, которые закономъ причисляются къ ночнымъ.

Въ чрезвычайно исключительныхъ случаяхъ удлинненіе рабочихъ часовъ можетъ быть дозволено лишь тогда, когда, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, производство остановилось, и отъ этого предпринимателю или рабочимъ грозитъ значительный матеріальный убытокъ.

Накопленіе заказовъ не должно служить поводомъ къ сверхурочнымъ работамъ.

Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя по своей природѣ требуютъ непрерывности производства, работы должны распределяться между тремя восьмичасовыми сдѣнами, слѣдующими другъ за другомъ въ опредѣленные часы.

Чтобы этимъ рабочимъ обезпечить полный воскресный отдыхъ въ 24 часа, необходимо, чтобы въ воскресные дни вступала еще одна резервная сдѣна.

Б) Работа въ производствахъ, вредныхъ для здоровья.

1) Въ законѣ должно быть точно обозначено, какія производства оны признаетъ вредными для здоровья.

2) Правительственное разрѣшеніе на открытіе такого вреднаго для здоровья производства должно выдаваться только въ томъ слу-

чай, если приняты всѣ предписанныя закономъ мѣры къ устраненію вреднаго момента. Слѣдуетъ въ особенности требовать такого устройства всего заведенія, чтобы, посколькy это возможно при данномъ состояніи техники, вредныя вещества не попадали въ воздухъ, которыми дышутъ рабочіе.

3) Дѣтямъ, подросткамъ моложе 18 лѣтъ и женщинамъ работа во вредныхъ для здоровья производствахъ и въ рудникахъ должна быть безусловно запрещена.

4) Въ производствахъ, вредныхъ для здоровья, рабочее время должно быть ниже установленнаго закономъ максимальнаго рабочаго дня, при чемъ сокращеніе рабочаго времени должно соразмѣряться со степенью вредности даннаго производства и никоимъ образомъ не должно превышать восьми часовъ.

5) Въ указанныхъ производствахъ должны периодически производиться врачебныя осмотры для освидѣтельствованія состоянія здоровья рабочихъ.

Кромѣ того, должны быть назначены отвѣтственные и снабженные должной властью инспектора, которые надзирали бы за введеніемъ и употребленіемъ всѣхъ охранительныхъ мѣръ.

6) Слѣдуетъ установить отвѣтственность предпринимателей за причиненный въ такихъ производствахъ вредъ здоровью и жизни рабочихъ.

7) При чрезвычайной вредности какой-нибудь отрасли производства, техническіе приемы котораго никоимъ образомъ не могутъ быть измѣнены, слѣдуетъ запретить самое употребленіе вреднаго вещества.

Это не пожеланія какого-нибудь мечтательнаго фялантропа, а выводы науки, основанныя на многихъ наблюденіяхъ врачей, фабричныхъ инспекторовъ и всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей фабричной жизни.

7. Средства и пути къ проведенію фабричнаго законодательства.

Докладчикъ, вождь католическихъ рабочихъ, Декуртинсъ, очертилъ вкратцѣ исторію различныхъ попытокъ по вопросу о международномъ рабочемъ законодательствѣ, попытокъ, кончавшихся до сихъ поръ неудачно, въ виду противодѣйствія высшихъ классовъ всякой серьезной реформѣ, слѣдующимъ образомъ закончилъ свою патетическую рѣчь:

„Рабочіе взяли въ свои руки регулированіе этого дѣла; ихъ поддерживаетъ сильное общественное мнѣніе, все болѣе и болѣе склоняющееся на ихъ сторону, и высшіе классы должны будутъ склониться передъ силою общественного мнѣнія. — А мы всё, хотя и расходимся въ нашихъ политическихъ и религиозныхъ воззрѣніяхъ, въ одномъ, однако, мы всё согласны, — въ признаніи необходимости законодательной защиты дѣтей, женщинъ, подростковъ и взрослыхъ рабочихъ... Въ настоящее время можно съ полнымъ правомъ сказать, что четвертое сословіе является носителемъ всей культуры; если рабочимъ удастся создать и поддержать рабочее законодательство, этимъ самымъ они создадутъ твердый оплотъ для нашей культуры. Будемъ же всё участвовать въ созданіи этой опоры“.

Докладчикомъ предложены слѣд. мѣропріятія:

1) Начать широкую агитацію въ пользу національнаго и интернаціональнаго рабочаго законодательства помощью рефератовъ, собраний и литературы.

2) При пользованіи политическими правами слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чтобы во всѣхъ законодательныхъ учрежденіяхъ отстаивалось и проводилось рабочее законодательство.

2) Для содѣйствія развитію интернаціональнаго рабочаго законодательства слѣдуетъ устраивать періодическіе интернаціональные конгрессы.

4) Интернаціональное рабочее законодательство должно охватить слѣд. пункты: установленіе предѣльнаго возраста для занятыхъ на фабрикахъ дѣтей и подростковъ, запрещеніе работы женщинъ въ производствахъ, вредныхъ для здоровья, запрещеніе воскресной работы, установленіе максимальнаго рабочаго дня и учрежденіе международной комиссіи по рабочему законодательству.

Въ этой резолюціи совершенно упущено было изъ виду существенная разница между условіями и средствами рабочаго движенія въ странахъ политически свободныхъ и въ странахъ полусвободныхъ или деспотическихъ. Мало того, въ засѣданіи секціи докладчикъ специально подчеркнул необходимость для рабочихъ держаться „законныхъ путей“ въ борьбѣ за свои права. Противъ внесенія такой оговорки въ резолюцію заявила протестъ русская делегация, и слова эти исключены были изъ резолюціи; заявленіе русскаго делегата рѣшено было занести въ протоколъ.

Упущеніе Декуртинса объясняется просто тѣмъ, что

онъ, какъ гражданинъ вполне свободнаго швейцарскаго народа, забылъ о томъ, что есть государства, въ которыхъ у рабочихъ нѣтъ законныхъ путей для борьбы. По той же причинѣ въ его резолюціи не было специальныхъ требованій политическаго характера — свободы союзовъ и правъ, дающихъ пролетаріату возможность участвовать въ законодательствѣ. На эту сторону вопроса обратили вниманіе австрійскіе социалъдемократы и внесли соотвѣтствующую резолюцію, которая и была принята.

Чѣмъ отличалась новая резолюція (впрочемъ, принятая безъ всякихъ преній почти всѣмъ конгрессомъ) отъ резолюціи докладчика, объяснилъ въ своей рѣчи германскій социалъдемократъ Кваркъ:

„Кто не стремится къ энергичной фабричной инспекціи, свободѣ союзовъ и собраній, тотъ не желаетъ честнаго фабричнаго законодательства, хотя бы онъ сто разъ заявлялъ о своемъ сочувствіи. Всѣ юридическія предписанія современнаго классоваго государства являются классовыми законами въ духѣ господствующихъ классовъ; если же угнетеннымъ классамъ удастся провести какія-нибудь мѣры въ свою пользу, какъ законодательство въ защиту рабочихъ, то эти мѣры выполняются лишь слегка или вовсе не выполняются административными органами, набирающимися изъ тѣхъ же высшихъ классовъ. Отсюда „двойственность законовъ“ въ современныхъ культурныхъ государствахъ. — Внесенная нами (т. е. социалъдемократами) резолюція пытается расширить тѣ условія, при которыхъ не достигшій еще господства классъ могъ бы провести нѣкоторыя мѣропріятія въ свою пользу и взять на себя контроль за ихъ правильнымъ выполненіемъ. Безъ этихъ средствъ всякое рабочее законодательство ничто иное, какъ обманъ“.

Съ своей стороны, русская делегація почла нужнымъ подчеркнуть въ особой резолюціи совершенное безправіе русскихъ рабочихъ, вслѣдствіе деспотическаго государственнаго строя Россіи. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени конгрессъ рѣшилъ въ послѣдній день засѣданій ограничить время, предоставленное каждому оратору, пятью минутами. Вслѣдствіе этого русскому делегату, П. Б. Аксельроду не удалось сказать всего того, что онъ имѣлъ въ виду говорить отъ имени русской деле-

гаціи по поводу прочтенной имъ на конгрессѣ резолюціи. Впрочемъ, рѣчь его была вскорѣ послѣ конгресса напечатана въ официальномъ научно-публицистическомъ органѣ германской социальдемократіи, „Новое Время“, а затѣмъ цѣликомъ воспроизведена въ протоколѣ конгресса, такъ что, навѣрное, будетъ прочтена всѣми его посѣтителями и, такимъ образомъ, произведетъ свое дѣйствіе.

Обращая вниманіе читателя на прилагаемую здѣсь рѣчь Аксельрода, мы, съ своей стороны, хотѣли бы въ объясненіе этой рѣчи указать на одно обстоятельство. Появленіе русской делегаціи на цюрихскомъ конгрессѣ могло показаться многимъ болѣе, чѣмъ страннымъ: тутъ рѣчь должна была идти о созданіи законовъ въ защиту трудящихся, а развѣ русскіе социальдемократы, развѣ русскіе рабочіе имѣютъ какое-нибудь вліяніе на законодательство своей страны? Правда, какъ разъ незадолго до Цюрихскаго конгресса русскіе рабочіе завоевали себѣ новый законъ, ограничивающій рабочій день 11½ часами. Но представителямъ несоціалистическихъ партій Европы (да, пожалуй, и многимъ социалистамъ) вовсе не было ясно, что законъ является именно завоеваніемъ рабочихъ, и въ нѣкоторыхъ докладахъ, представленныхъ христіанскими социалистами, подчасъ слышался комплиментъ по адресу царскаго правительства, его гуманности по отношенію къ рабочимъ. Нелишне было открыть глаза всѣмъ этимъ людямъ, сорвать передъ ними завѣсу, скрывающую отъ нихъ истинное положеніе дѣлъ на нашей родинѣ. Такова и была цѣль русскаго оратора, къ рѣчи котораго мы отсылаемъ читателя.

Принятая единогласно резолюція гласитъ:

Для осуществленія требуемыхъ конгрессомъ мѣръ необходимы:

1) Однородная фабричная инспекція, распространяющаяся на крупныя и мелкія фабрики, на рудники, ремесла, домашнюю промышленность, торговлю, пути сообщения и сельское хозяйство, поскольку въ этой послѣдней отрасли примѣняется машин. производство. Служащіе въ этой инспекціи должны — больше, чѣмъ это дѣлается

теперь — набираться среди подготовленных къ этому дѣлу специалистовъ, а помощники ихъ и помощницы — изъ среды рабочихъ; число ихъ должно быть достаточно для того, чтобы они были въ состояніи посѣтить хоть разъ въ полгода каждое заведеніе; они должны обладать исполнительной властью и быть вполне независимы. Отчеты этихъ чиновниковъ и чиновницъ должны публиковаться въ концѣ каждаго года и продаваться по ихъ заготовительной цѣнѣ.

Для сельскаго хозяйства должны быть назначены особые инспектора. — Для надзора за исполненіемъ предписаній, касающихся работницъ, должны назначаться оплачиваемыя государствомъ инспектрисы, избираемыя отчасти изъ среды работницъ.

2) Полная свобода коалицій (т. е. союзовъ и собраній) для всѣхъ рабочихъ, работницъ и служащихъ, въ особенности же официальное признаніе всѣхъ созданныхъ рабочими комиссій, камеръ, секретаріатовъ для контроля за рабочимъ законодательствомъ, точно также профессиональных союзовъ и ихъ права надзора.

Нарушеніе права коалицій (предпринимателями) должно быть наказуемо.

3) Введеніе всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права для выборовъ во всѣ представительныя учрежденія для обезпеченія за рабочимъ классомъ надлежащаго вліянія на всѣ парламенты.

4) Энергичная агитація профессиональных и политическихъ организацій въ пользу фабричнаго законодательства путемъ рефератовъ, печати, собраній и, главнымъ образомъ, въ парламентахъ.

Затѣмъ принята была еще резолюція объ учрежденіи международной комиссіи по рабочему законодательству, цѣлью которой было бы собраніе и изданіе всевозможныхъ матеріаловъ по данному вопросу, и послѣ нѣсколькихъ рѣчей, въ которыхъ гости-иностранцы благодарили хозяевъ-швейцарцевъ за радушный пріемъ и за прекрасное устройство конгресса, конгрессъ былъ закрытъ рѣчью предсѣдателя, выразившаго увѣренность, что работа этихъ восьми дней не пропадетъ даромъ.

Д. Кольцовъ.

Заявленіе русской делегаціи на Дюринскомъ международномъ рабочемъ конгрессѣ.

Какъ авторъ этого заявленія, я считаю нужнымъ предпослать

ему нѣсколько словъ, резюмирующихъ соображенія. въ силу которыхъ оно было составлено.*)

Русскимъ рабочимъ приходится взять на себя историческую задачу, которую на Западѣ выполнила буржуазія. На нихъ долю выпадаетъ почетная, но чрезвычайна трудная историческая миссія организовать на широкихъ основаніяхъ систематическую борьбу съ угнетающимъ и разоряющимъ русскій народъ царскимъ самовластіемъ. Но западной буржуазіи гораздо легче было бороться съ абсолютизмомъ, чѣмъ нашему пролетариату. Ея господствующее положеніе въ экономической жизни и обладаніе образованіемъ облегчали ей эту борьбу уже тѣмъ, что давали ей много средствъ къ тому, чтобы вліять и производить давленіе на правительство и въ тоже время увлекать за собою народныя массы, когда дѣло доходило до рѣшительныхъ съ нимъ сраженій. Русскій же пролетариатъ, какъ классъ угнетенный, только-что начинающій пробуждаться къ сознательной жизни, не можетъ, конечно, теперь еще располагать такими большими средствами воздѣйствія на государственную власть и на другіе классы населенія. Кроимъ того — и это обыкновенно упускается изъ виду — военныя, административныя и даже финансовыя средства борьбы за свое существованіе, которыми располагаетъ царское правительство, гораздо значительнѣе тѣхъ, которыя находились въ распоряженіи правительства Западной Европы въ эпохи тамошнихъ революціонныхъ движеній буржуазіи въ 17-мъ, 18-мъ и даже въ началѣ нашего вѣка.

Трудности положенія нашего революціоннаго пролетариата уравновѣшиваются, однако, вли точнѣе, могутъ быть до извѣстной степени уравновѣшены двумя благоприятными обстоятельствами. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что собственныя потребности и интересы заставляютъ высшіе классы и правительство пересаживать на русскую почву плоды промышленнаго, техническаго и умственнаго прогресса передовыхъ народовъ. Мало того, нѣкоторые, и при томъ наиболѣе образованные слои этихъ классовъ, вынуждены своимъ положеніемъ и потребностями искать опоры у пролетариата и сознательно способствовать подъему умственныхъ силъ и развитію самостоятельности народныхъ массъ. Въ другомъ родѣ, но не менѣе важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что начало революціоннаго пробужденія русскихъ рабочихъ совпало съ временемъ, когда въ передовыхъ странахъ Запада братья ихъ стали уже огромной сознательной революціонной силой, близкой, если не къ достиженію

*) Одно изъ нихъ, очень существенное, указано выше Кольцовымъ въ его отчетѣ о конгрессѣ.

господства, то къ приобрѣтенію рѣшительнаго вліянія на вѣдшую политику европейскихъ государствъ. Благодаря этому обстоятельству, нашъ революціонный пролетаріатъ имѣетъ или скоро будетъ имѣть возможность тѣснить русское правительство извнѣ — посредствомъ воздѣйствія рабочихъ партій Запада на отношеніе къ нему западныхъ націй и правительствъ. Съ дальнѣйшимъ усиленіемъ вліянія этихъ партій на общество и государство, мы можемъ приобрѣсти въ нихъ могущественныхъ помощниковъ для того, чтобы толкать наше правительство на путь уступокъ требованіямъ русскаго пролетаріата и упраздненія самодержавія. Но само собою разумѣется, что для обезпеченія себѣ такой вѣдшей поддержки, мы должны не упускать подходящихъ поводовъ къ тому, чтобы выяснять и подчеркивать первостепенное, жизненное значеніе нашей революціонной борьбы для самого западнаго пролетаріата и для европейской демократіи вообще.

Эта-то мысль и служила для русской делегаціи на Цюрихскомъ конгрессѣ рѣшающимъ моментомъ для опредѣленія ею своихъ задачъ на немъ. Мы полагали, что главнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы обратить вниманіе конгресса на успѣхи и значеніе рабочаго движенія въ Россіи и указать ему, а черезъ него, всѣмъ приверженцамъ интернаціональнаго „рабочаго права“ на обязанности ихъ по отношенію къ нашему революціонному пролетаріату — съ точки зрѣнія ихъ собственныхъ стремленій и интересовъ всей европейской культуры. Нечего и говорить, что сдѣлать это болѣе всего умѣстно было при обсужденіи вопроса о путяхъ и средствахъ для осуществленія цѣлей конгресса. То обстоятельство, что вопросъ этотъ обсуждался уже въ послѣднемъ засѣданіи, когда всѣ были крайне утомлены и стремились скорѣе закончить конгрессъ, помѣшало представителю русской делегаціи сказать все то, что онъ собирался говорить. Но резолюція наша все-таки была прочитана и затѣмъ, вмѣстѣ съ настоящимъ заявленіемъ, внесена въ протоколъ, напечатанный въ значительномъ числѣ экземпляровъ. Этими сдѣланнымъ во всякомъ случаѣ первый шагъ въ указанномъ направленіи.

П. А.

„М. Р.

„Русская делегація присоединяется, разумѣется, къ резолюціи, требующей обезпеченія коалиціонныхъ правъ и свободы для рабочихъ; вѣдь нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ пролетаріатъ не страдаетъ такъ сильно отъ недостатка этихъ правъ и свободы вообще какъ именно въ Россіи. На Зап. сознательный пролетаріатъ стремится къ

расширенію политическихъ правъ своего класса, въ Россіи же ему приходится добиваться еще только признанія за нимъ въ принципѣ элементарной свободы коллективно отстаивать свои интересы и бороться за свое благосостояніе. Эту коренную разницу въ правовомъ положеніи русскихъ рабочихъ и ихъ западныхъ братьевъ слѣдовало бы специально подчеркнуть въ резолюціи о коалиціонной свободѣ. Къ сожалѣнію, этого не сдѣлано. Ситне не понимаютъ голодныхъ, а въ политическомъ отношеніи западные народы являются, сравнительно съ русскими, сытыми.

Оставляя совершенно вѣтши специальную безправность русскихъ рабочихъ, резолюція этииъ ставитъ нашу государственный строй на одну доску съ конституціонными формами западныхъ государствъ и, такъ сказать, затушевываетъ ихъ принципиальную противоположность. А русскій рабочий классъ игнорируется при этомъ — какъ не имущая никакого значенія сила. Косвенно и безсознательно оказывается, такъ образомъ, услуга русскому правительству.

Русская делегация наиѣревалась внести въ комиссію на обсужденіе особую резолюцію о коалиціонной свободѣ. Намъ пришлось, однако, отказаться отъ своего наиѣренія — благодаря настоятельнымъ просьбамъ и совѣтамъ нашихъ партійныхъ друзей и товарищей разныхъ націй. Но мы считаемъ себя обязанными въ интересахъ русскаго пролетаріата, по крайней мѣрѣ, прочесть на конгрессѣ и мотивировать нашу резолюцію.

Резолюція эта гласитъ:

„Принимая во вниманіе, что серьезная международная защита рабочихъ невозможна безъ свободы союзовъ, собраній и печати, и что, благодаря царскому деспотизму, пролетаріатъ самаго большого государства Европы лишень этой именно легальной почвы для отстаиванія своихъ интересовъ;

„принимал, далѣе, въ соображеніе быстрые усилія капитализма въ Россіи — въ значительной мѣрѣ, при содѣйствіи иностранныхъ капиталистовъ и ихъ капиталовъ — усилія, съ желѣзной необходимостью вызывающіе къ жизни классовое движеніе среди русскихъ рабочихъ, развитие котораго совершается подъ вліаніемъ идей и содѣйствій того же движенія на Западѣ, —

„конгрессъ объявляетъ:

„интересы интернаціональной охраны рабочихъ и всей европейской культуры настоятельно требуютъ, чтобы могущественнѣйшему и въ культурномъ отношеніи наиболѣе важному социальному движенію нашего времени обезпечена была возможность свободно развиваться въ Россіи мирными и законными путями. Конгрессъ

приглашаетъ всѣ рабочіа организаци и всѣхъ друзей пролетаріа, безъ различія направленія, агитировать всѣми средствами и со всей энергіей въ смыслѣ этой резолюціи“.

Спрашивается, однако: представляетъ-ли русскій пролетаріатъ въ самомъ дѣлѣ, такую социальную-политическую силу, съ которой слѣдуетъ считаться на интернаціональномъ рабочемъ конгрессѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего знать, имѣется ли въ Россіи рабочее движеніе въ современномъ смыслѣ и можетъ-ли оно производить давленіе на правительство. Пусть говоритъ за насъ само правительство. Въ отчетѣ Государственнаго Совѣта за 1886 г. мы находимъ слѣдующія сгрови:*)

„Вслѣдствіе быстрого промышленнаго прогресса, вызвавшаго къ жизни въ послѣднее время совершенно новыя отрасли производства, у насъ все болѣе и болѣе усложняются взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Возникшее въ 1884 и 1885 гг. броженіе среди фабричныхъ рабочихъ Московской и Владимирской губ. явно обнаружило наличность многихъ, крайне отрицательныхъ сторонъ фабричной жизни. Предпріятыя разслѣдованія обнаружили, однако, что причины, вызвавшія волненія, не случайнаго характера, а что онѣ лежатъ въ ненормальныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ. Порождаемое этими причинами недовольство толкаетъ рабочихъ, благодаря трудности для нихъ, какъ для людей темныхъ, отстаивать свое право законными средствами, на путь стачекъ и безпорядковъ, сопровождаемыхъ насиліемъ. Кромѣ того, подъ влияніемъ постепенно накапливающагося въ рабочемъ классѣ недовольства, онъ становится благоприятной, воспріимчивой почвой для всякихъ преступныхъ ученій, стремящихся къ низверженію всего общественнаго и государственнаго порядка. Этими объясняется тотъ фактъ, что въ послѣднее время (1886 г.!) представители антиправительственной пропаганды устремили свое вниманіе на рабочее движеніе и нерѣдко вращаются въ рядахъ рабочихъ. Въ силу этого, а также во избѣжаніе фабричныхъ стачекъ и безпорядковъ, и-во внут. дѣлъ признало необходимымъ, безъ дальнѣйшихъ замедленій, предпріяты пересмотръ постановленій промышленнаго устава, съ цѣлью урегулированія взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ“.

Съ тѣхъ поръ рабочее движеніе въ Россіи сдѣлало огромный шагъ впередъ: съ одной стороны, стихійное движеніе охватило бо-

*) Не имѣя подъ рукою подлинника, мнѣ приходится переводить обратно съ нѣмецкаго извлеченія изъ него въ Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik.

лѣ широкія массы и глубже проникло въ нихъ, а съ другой — сильно возросло вліяніе идеологическихъ представителей пролетаріата на эти массы. Это проявилось наружу въ періодъ стачекъ 1895 и начала 1896 гг. Но съ особенною силой обнаружилось вліяніе рабочихъ организацій на массу по случаю огромной петербургской стачки послѣ коронаціи и движеній слѣдующаго года. Оно проявилось двоякимъ образомъ: 1) въ томъ, что стачечники поручили петербургскому „Союзу Борьбы“ формулировать ихъ требованія и просили его составлять прокламаціи и распространять ихъ; затѣмъ, — въ образцовомъ порядкѣ, въ какомъ прошла стачка 30.000 рабочихъ. Если она и началась стихійно, то, во всякомъ случаѣ, во главѣ ея очень скоро стала организованный авангардъ петербургскихъ рабочихъ.

Опять-таки, и въ этомъ, новомъ, фазисѣ нашего рабочаго движенія самому правительству пришлось признать и констатировать его ростъ и давленіе его на государственную власть.

Г-да! Было бы очень странно съ нашей стороны, если бы мы стали подвергать сомнѣнію правдивость правительства какъ разъ въ данномъ случаѣ. Это равносильно было бы проявленію какого-то особаго, ничѣмъ неоправдаемаго скептицизма по отношенію къ русскому рабочему движенію. Лишь чувства и интересы національнаго шовинизма способны питать такой скептицизмъ. Но, само собою разумѣется, члены нашего конгресса выше подозрѣній въ подобныя чувства и мысли. Но именно поэтому онъ произвелъ бы на нашихъ организованныхъ рабочихъ несомнѣнно удручающее дѣйствіе, если бы отнесся къ нимъ, не какъ къ соратникамъ и товарищамъ борющагося европейскаго пролетаріата. И развѣ собственныя насущныя интересы послѣдняго не требуютъ, чтобы начинающемуся въ Россіи рабочему движенію оказана была всевозможная поддержка, развѣ не въ собственномъ интересѣ западныхъ рабочихъ всячески способствовать укрѣпленію позиціи представителей этого движенія въ общественномъ мнѣніи цивилизованнаго міра, изолируя въ тоже время морально царское самодержавіе въ этомъ мирѣ! Вѣдь стремленія и задачи, воодушевляющія нашъ конгрессъ, вытекаютъ изъ сознанія недостаточности однихъ лишь національныхъ средствъ для достиженія и проведенія въ жизнь полной охраны рабочихъ „Условія пользованія рабочей силой въ одной странѣ вліяютъ на положеніе рабочихъ въ сосѣднихъ странахъ“, совершенно справедливо замѣтилъ національный совѣтникъ Декуртинсъ въ своемъ докладѣ. И точно также справедливо заключеніе, сдѣланное имъ въ этого замѣчанія: „Такъ какъ и рынокъ труда, и промышленность стали интернаціональными, то и для установленія рабочаго права національныя границы не могутъ и не должны служить преградой“.

Г-да! Россія далеко ушла впередъ по пути капитализма и теперь уже едва-ли можетъ считаться ничею не значащей силой на аренѣ „интернаціональной промышленности“. Достаточно сослаться на тотъ фактъ, что ея текстильная промышленность, по числу веретенъ (около шести милліоновъ) занимаетъ, послѣ Англіи, первое мѣсто въ Европѣ. Примите также во вниманіе, что поступательный ходъ нашего промышленнаго развитія во все болѣе возрастающей степени ускоряется энергическимъ воздѣйствіемъ капиталистовъ съ Запада. Ваши соотечественники-капиталисты приносятъ въ Россію свои капиталы, свою предпримчивость, а отчасти привозятъ съ собою и технически подготовленный персоналъ рабочихъ. Уже эти общія замѣчанія достаточны, чтобы понять, какое огромное значеніе для пролетаріата 3. Европы могутъ имѣть „условія пользованія рабочей силой“ въ Россіи, самомъ большемъ европейскомъ государствѣ, теперь уже насчитывающемъ у себя населеніе въ 130 мил. душъ. Условія же эти таковы, что, не будучи устранены, дадутъ себя чувствовать европейскимъ рабочимъ самымъ тяжелымъ и неприятнымъ образомъ.

Вовлеченіе Россіи въ сферу интернаціональной охраны рабочихъ можетъ, слѣдовательно, уже въ ближайшемъ будущемъ оказаться для западно-европейскаго пролетаріата насущнымъ, жизненнымъ вопросомъ. Но дѣйствительному, серьезному распространенію „рабочаго права“ на Россію стоитъ, какъ „національная ограда“, десятичлѣсскій строй нашего государства. Рабочее движеніе должно, поэтому, у насъ съ неизбежною необходимостью развиваться въ сознательную принципиальную борьбу за политическую свободу. Но само собою очевидно, что процессъ этотъ былъ бы значительно ускоренъ и облегченъ, если бы борющійся пролетаріатъ всего цивилизованнаго міра обезпечилъ своимъ русскимъ товарищамъ сильную поддержку со стороны общественнаго мнѣнія Европы. Такой образъ дѣйствія западныхъ рабочихъ не остался бы безъ вліянія даже на правительство наше. Не думайте, что царская бюрократія совершенно равнодушна и нечувствительна къ тому, что о ней говорятъ и думаютъ на Западѣ. Такой толстокожестью и тупостью отличаются лишь такіе заплесневѣлые „государственные мужи“, какъ Побѣдоносцевъ и Деляновъ. Большинство же представителей нашей высшей бюрократіи слишкомъ заражено духомъ капиталистической цивилизаціи и слишкомъ близко сопрякасается съ Западомъ, чтобы оно могло съ презрительнымъ высокомеріемъ относиться къ его общественному мнѣнію. Давленіе этого общественнаго мнѣнія на русское правительство будетъ, разумѣется, неизбѣжно усиливаться по мѣрѣ того, какъ будетъ расти непосредственное вліяніе самихъ западныхъ на-

родовъ на ихъ правительства въ области интернаціональнаго рабочаго законодательства. Вѣдь само собою очевидно, что вмѣстѣ съ углубленіемъ и расширеніемъ агитациі въ пользу этого законодательства, вліяніе ея должно будетъ сказаться и въ сферѣ виѣшней политики.

Многочуважаемые члены конгресса! Если русская делегація придаетъ таковой вѣсь иностраннымъ вліяніямъ и вoadѣйствіямъ, то отнюдь не вслѣдствіе недовѣрія къ внутренней силѣ русскаго рабочаго движенія. Наоборотъ, если бы у насъ не было полного довѣрія къ его внутренней жизнеспособности, мы не рѣшились бы, отъ имени русскаго организованнаго пролетаріата, апеллировать къ вашей помощи и солидарности. Но, господа, развѣ русскій народъ — первый и единственный въ Европѣ, который въ борьбѣ съ абсолютизмомъ нуждается въ иностранныхъ импульсахъ? Вѣдь ничто иное, какъ бури великой французской революціи и громъ пушекъ ея арміи пробудили отъ политической летаргіи западно-европейскіе народы и дали имъ толчекъ къ внутреннимъ преобразованіямъ. Еще въ 40-хъ годахъ Карлъ Марксъ ожидалъ для революціонизировастья Германіи рѣшительнаго толчка изъ Франціи: вѣнне галльскаго пѣтуха должно было, по его мнѣнію, пробудить пѣмецкій народъ къ рѣшительной борьбѣ съ абсолютизмомъ. Что-жъ! Очень недурно было бы, если бы и русскій народъ получилъ со стороны сосѣднихъ націй подобный толчекъ.

Если бы германскій пѣтухъ заплѣлъ надлежащимъ образомъ, онъ несомнѣнно вызвалъ бы у насъ такое же народное движеніе, какое въ 1848 г. французская февральская революція вызвала въ Германіи и Австріи. Впрочемъ, еще большой вопросъ, не окажется ли русскій народъ въ силахъ, безъ всякаго виѣшняго толчка со стороны сильнаго и революціоннаго взрыва у сосѣднихъ націй, собственной инициативой нанести рѣшительный ударъ царскому абсолютизму.

Въ заключеніе я позволю себѣ еще разъ подчеркнуть внутреннюю логическую связь нашей резолюціи съ требованіями и заключеніями конгресса. Какъ въ проектированныхъ г. Декургтинсомъ, такъ и въ предложенныхъ комиссіей резолюціяхъ, указываются пути и средства, предполагающія, какъ вѣчто само собою подразумевающееся, правовую почву конституціонныхъ государствъ. Этими самымъ признается, какъ абсолютно необходимое условіе для полнаго осуществленія законодательной защиты рабочихъ, наличность однороднаго, хотя бы формально неодинаковаго, государственнаго фундамента во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Съ такимъ взглядомъ индифферентное отношеніе къ царскому самовластию несовмѣстимо. Тѣ, которые раздѣляютъ этотъ взглядъ и наитрепни со-

образно ему дѣйствовать, не могутъ остановиться передъ государственнымъ строемъ Россіи или пройти мимо него, потому что онъ находится въ полномъ противорѣчій съ общей всему Западу правовой почвой и является полнѣйшимъ отрицаніемъ ея. Европѣ, заявилъ г. Декуртинсъ, „выпало на долю разрѣшить великую культурную задачу созданія и водворенія рабочаго права и такимъ путемъ не только обезпечить миръ и благосостояніе у себя дома, но и закрѣпить за собою роль руководящей культурной силы по отношенію къ другимъ частямъ свѣта“.

Перспектива, рисуемая намъ г. Декуртинсомъ, прекрасна и несколько не утопична. Но на пути къ ея осуществленію стоитъ, словно гигантская стѣна, варварскій государственный строй самой большой страны въ Европѣ, — строй, опирающійся въ тоже время и на новѣйшія средства капиталистической цивилизаціи. И до тѣхъ поръ, пока эта варварская сила не будетъ уничтожена на туземной европейской почвѣ, Европа едва-ли въ состояніи будетъ съ успѣхомъ играть роль носительницы культуры на другихъ материкахъ. Скорѣе можетъ случиться обратное: самодержавному царю удастся стать во главѣ варварскихъ странъ — противъ цивилизованныхъ.

Открытое, энергическое выступленіе противъ русскаго абсолютизма, организація систематическаго похода противъ него на Западъ является, такимъ образомъ, настоятельнымъ, жизненнымъ интересомъ для всѣхъ серьезныхъ друзей интернаціональной охраны рабочихъ и прогресса. Было бы, поэтому, весьма желательно, чтобы передовые борцы за „интернаціональное рабочее право“ поставили себѣ задачей возбудить общественное мнѣніе цивилизованнаго міра противъ царскаго режима и сдѣлать его ненавистнымъ этому міру. Это то въ особенности имѣла въ виду русская делегація своей проэктивированной резолюціей.

Вы видите теперь, съ какими надеждами представители организованнаго пролетаріата Россіи являются на международные рабочіе конгрессы. Организационному комитету будущаго конгресса придется принять это въ соображеніе, когда онъ будетъ рѣшать вопросъ, — слѣдуетъ-ли опять почтить русскихъ рабочихъ приглашеніемъ участвовать на конгрессѣ.

И. Аксельродъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

За недостаткомъ времени, на конгрессѣ не читались сочувственные адреса, приславшіеся изъ разныхъ странъ. Для рус-

скаго адреса бюро конгресса сдѣлало, однако, исключеніе, которое президентъ мотивировалъ слѣдующими словами: „Такъ какъ русскіе рабочіе лишены свободы слова, печати и коалицій, то мы считаемъ себя обязанными прочитать здѣсь ихъ адресъ. Будемъ надѣяться, что имъ скоро будетъ дана свобода, которая является лучшей основой всякой правомѣрной власти“. Конгрессъ встрѣтилъ это заявленіе одобреніями и тѣмъ показалъ свою съ нимъ солидарность*).

Международному конгрессу для законодательной защиты труда, собирающемуся въ Цюрихѣ въ 1897 г. отъ „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ и „Еврейской рабочей социалъдемократической организаціи одного изъ городовъ Западной Россіи“.

Фабричное законодательство царской Россіи такъ же молодо, какъ и вызвавшее его рабочее движеніе. Волненія рабочихъ 1884 и 1885 годовъ вызвали законъ отъ 3-го іюня 1885 г. — о воспрещеніи ночной работы женщинамъ и подросткамъ на фабрикахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, и въ особенноти закона 3-го іюня 1886 г. — о взаимныхъ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими. Волненія же 1896 и 1897 гг. вызвали къ жизни законъ отъ 2-го іюня 1897 г. объ ограниченіи продолжительности рабочаго дня.**) Параллельно съ этимъ шло распространеніе фабричнаго законодательства и спеціальнаго фабричнаго надзора на все болышій и болышій районъ Россійской Имперіи. Такъ, первоначально (въ 1886 г.) „особыя правила объ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ“ имѣли силу только въ трехъ губерніяхъ, въ 1887 г. — въ 5 губ., въ 1894 г. уже въ 18 губ., въ 1896 г. — въ 26 губ., теперь же на основаніи новаго указа — уже всѣ 34 губ. Россіи подчинены фабричному надзору. Но русское фабричное законодательство — это единственная область общаго русскаго законодательства, обнаруживающая нѣкоторые признаки прогрессивной жизни. Остальныя же области русскаго законода-

*) Русскій текстъ этого адреса былъ въ свое время, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ, переданъ въ бюро конгресса. Тамъ оригиналь (кромѣ перваго листка) затерялся, такъ что намъ пришлось перевести его обратно съ нѣмецкаго.

**) Чтобы рѣзче отбѣнить, на сколько развитіе фабричнаго законодательства зависитъ всецѣло отъ рабочаго движенія, укажемъ на крайнюю отсталость законодательства о наймѣ на сельскія работы. Недавно же выработанный проекутъ сенатора Звягинцева является положительно драконовскимъ.

тельства обогащаются все новыми поправками, сводящими на ничто все либеральныя реформы Александра II.

Кромѣ поправокъ, открыто вводимыхъ въ законодательство и урѣзывающихъ права русскихъ обывателей, министерства дѣйствуютъ еще путемъ обязательныхъ для подвѣдомственныхъ имъ областей, секретныхъ предписаній. Каждое новое движеніе русскаго пролетаріата создаетъ рядъ такихъ секретныхъ предписаній. Такъ напр., во время с.-петербургскихъ стачекъ 1896-97 гг. министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ редакціямъ газетъ и журналовъ секретныя циркуляры, запрещавшіе помѣщать какого-либо рода замѣтки, статьи, свѣдѣнія о рабочемъ днѣ, заработной платѣ и вообще объ отношеніяхъ фабричныхъ рабочихъ къ ихъ хозяевамъ-фабрикантамъ (январскій циркуляръ 1897 г.), а также свѣдѣнія о стачкахъ и волненіяхъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ (майскій циркуляръ 1896 г.). Въ виду всего этого, въ виду отсутствія элементарнѣйшихъ правъ у русскихъ рабочихъ, можетъ показаться совершенно призрачнымъ значеніе фабричнаго законодательства въ Россіи, тѣмъ болѣе, что юридическая отвѣтственность нарушителей фабричныхъ законовъ ничтожна, а новый законъ о сокращеніи рабочаго дня даже никакихъ *спеціальныхъ* наказаній не устанавливаетъ за нарушение его, и слѣд., оно будетъ наказываться 29 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями — за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ или полицейскихъ властей, а равно и земскихъ и общественныхъ учрежденій. За такое неисполненіе полагается максимумъ штрафъ въ 50 руб.

Все это можетъ привести къ выводу, что участіе русскихъ рабочихъ въ конгрессѣ для законодательной защиты труда не имѣетъ для нихъ особаго значенія.

Но мы, русскіе рабочіе, не смотря на отсутствіе у насъ тѣхъ элементарныхъ правъ, которыя служили бы гарантіей въ точномъ исполненіи фабричныхъ законовъ, — заинтересованы въ его расширеніи. Вамъ, западноевропейскимъ братьямъ нашимъ, давно уже пользующимся свободой печати, сходовъ, стачекъ, свободой устраивать союзы и проч. политическими правами, вамъ, которые настолько срослись со всѣмъ этимъ, что лишеніе этой свободы равносильно для васъ лишенію возможности дышать, — вамъ можетъ показаться непонятной, прямо призрачной борьба рабочихъ, не пользующихся хотя бы частью изъ перечисленныхъ правъ. Между тѣмъ, такая борьба имѣетъ мѣсто въ нашемъ отечествѣ. Русскій рабочій, только-что пробуждающійся для борьбы, вырос-

шій въ атмосферѣ безправія и покорности, находитъ въ легальной защитѣ, предоставляемой ему фабричнымъ законодательствомъ, нѣкоторую опору, поддерживающую въ немъ сознание человѣческаго достоинства. Нижеслѣдующее покажетъ это яснѣе.

Законъ о 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ въ ремесленномъ производствѣ, изданный въ 1875 г., создалъ нелегальную почву для агитаціи, принявшей широкія размѣры преимущественно въ западной Россіи. Нечего удивляться, что до недавняго времени законъ этотъ оставался мертвой буквой, и что одновременно съ общимъ развитіемъ промышленности въ Россіи постепенно удлинялся рабочий день ремесленника. Еще 5 лѣтъ тому назадъ рабочий день въ 15, 16 и болѣе часовъ былъ не рѣдкостью въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Однако, постоянное ухудшеніе условій труда въ концѣ концовъ толкнуло подмастерьевъ на борьбу: давно забытый законъ былъ вытащенъ на свѣтъ божій и сталъ лозунгомъ агитаціи. Полиція, фабричная инспекція и прочія учрежденія принуждены были въ этомъ спорѣ стать на сторону борющихся рабочихъ. Но для того, чтобы добиться официального признанія этихъ требованій, рабочимъ необходимо было собраться, чтобы сообща обсуждать свой образъ дѣйствія. Собранія привели къ организаціи тайныхъ обществъ борьбы противъ предпринимателей вообще и за 12-ти часовый рабочий день въ частности, а введеніе 12-ти часового рабочаго дня, явившееся слѣдствіемъ этой борьбы показало рабочимъ, что только въ дружномъ дѣйствіи залогъ ихъ успѣха. Это сознание привело, конечно, къ расширенію и болѣе тѣсному сближенію тайныхъ обществъ.

Такъ развивается рабочее движеніе среди ремесленного населенія той части Россіи, которая охвачена была этимъ движеніемъ. Какъ видите, законъ о 12-ти часовомъ рабочемъ днѣ играетъ важную роль въ расширеніи агитаціи въ пользу сокращенія рабочаго дня и въ развитіи чувства солидарности среди рабочихъ. Этотъ законъ все сильнѣе и сильнѣе будитъ потребность въ свободѣ союзовъ, собраній и печати. Борясь за проведеніе въ жизнь вышеуказаннаго закона, рабочіе все болѣе и болѣе приходятъ къ убѣжденію, что предприниматели составляютъ враждебный классъ, для успѣшной борьбы съ которымъ необходимы опредѣленные политическія права.

Рабочіе убѣждаются, что полиція, жандармы и другіе власть имущіе суть враги ихъ класса, съ особымъ рвеніемъ преслѣдующіе ихъ за солидарную борьбу и даже за *признанья законамъ права*. Рабочій, по утвержденію русскаго закона, русскаго прави-

тельства и его прислужниковъ, имѣть право защищать свои права, но можетъ дѣлать это только *въ одиночку*; всякая дѣятельность сообща, скопомъ ему запрещена. А между тѣмъ, рабочій въ одиночку *не въ состояніи* защищать свои права: такого рода защита для него не что иное, какъ полное подчиненіе произволу предпринимателя.

Изъ этого положенія рабочіе видятъ одинъ исходъ, — въ требованія политическихъ правъ. Другіе законы въ защиту трудящихся имѣютъ и будутъ имѣть то же самое значеніе, они все болѣе и болѣе будутъ указывать рабочимъ на необходимость завоеванія политическихъ правъ.

Особенно крупное значеніе будетъ имѣть новый законъ о сокращеніи рабочаго дня (изданный 2/14 іюня настоящаго года). Изданіе этого закона, бросающаяся всѣмъ въ глаза уступчивость правительства по отношенію къ требованіямъ рабочихъ, выставленнымъ въ первый разъ лѣтомъ 1896 г., объясняется боязнью; чтобы экономическая агитація рабочихъ не перешла на политическую почву. И этотъ страхъ является лучшимъ ручательствомъ за то, что и въ будущемъ правительство будетъ уступать передъ натискомъ экономическихъ требованій рабочихъ. Законъ 2/14-го іюня 1897 г. укрѣпляетъ надежду и поддерживаетъ бодрость сознательной части русскаго пролетаріата. Ибо какъ ни несовершененъ и недостаточенъ этотъ законъ, онъ въ глазахъ самихъ рабочихъ является прежде всего свидѣтельствомъ силы ихъ объединенія и доказываетъ, что солидарной дѣятельностью можно *заставить правительство уступить*.

Этотъ законъ убѣждаетъ рабочихъ въ цѣлесообразности преслѣдуемаго закономъ массоваго движенія противъ чрезмѣрной длины рабочаго дня и, такимъ образомъ, санкціонируетъ это запрещенное движеніе, которое — мы убѣждены въ этомъ — вскорѣ охватитъ всѣ фабричныя города нашего отечества и рядомъ съ этимъ разбудитъ и укрѣпитъ потребность въ свободѣ собраній, печати и стачекъ, а также и въ другихъ политическихъ правахъ. Выросшій въ тупой некорности русскій рабочій находитъ защиту въ законодательствѣ, созданномъ массовымъ движеніемъ пролетаріата, и это обстоятельство поднимаетъ въ его собственныхъ глазахъ его человѣческое достоинство и его значеніе, какъ представителя опредѣленнаго класса. Въ этомъ именно смыслѣ развитіе русскаго фабричнаго законодательства важно для русскаго пролетаріата, какъ одинъ изъ тѣхъ факторовъ, которые содѣйствуютъ подкапыванію абсолютизма.

Вы видите, дорогие товарищи, что для насъ, русскихъ рабочихъ, расширеніе фабричнаго законодательства въ данный историческій моментъ важно не только само по себѣ, какъ защита нашего здоровья, здоровья нашихъ дѣтей и женъ, но и какъ факторъ, необыкновенно способствующій пробужденію нашего классового самосознанія и нашего политическаго чувства и такимъ образомъ явно подкапывающій русскій абсолютизмъ.

Мы шлемъ вамъ привѣтъ, товарищи, и желаемъ благополучнаго окончанія вашихъ трудовъ, которые дадутъ намъ, какъ и западноевропейскимъ товарищамъ, драгоценный пароль для агитаціи въ борьбѣ съ нашими эксплуататорами.

*С.-Петербургскій Союзъ за Освобожденіе Рабочаго Класса.
Еврейская Соціалъдемократическая Организациія одного
изъ городовъ западной Россіи.*

Борьба англійскихъ машиностроителей.

Борьба англійскихъ машиностроителей безспорно была крупнѣйшимъ событіемъ 1897 г. Всѣ политическія событія, дававшія обильную пищу газетнымъ борзописцамъ: греко-турецкая война, юбилей королевы Викторіи, визиты коронованныхъ особъ и ихъ рѣчи другъ другу, стоятъ, по значенію своему, далеко ниже градіознаго *соціального* зрѣлища, какое представляла собою героическая семимѣсячная борьба машиностроителей съ соединенными силами великобританскихъ капиталистовъ. Рабочіе всего міра слѣдили за ходомъ этой борьбы съ напряженнымъ вниманіемъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые лишь смутно понимали ея причины, были проникнуты сознаніемъ, что на карту поставлено гораздо больше, чѣмъ повышеніе платы или уменьшеніе рабочаго дня, что дѣло идетъ не объ одной изъ тѣхъ мелкихъ стычекъ, которыя изо дня въ день, изъ года въ годъ происходятъ между рабочими и предпринимателями, но о генеральномъ сраженіи, исходъ котораго долженъ имѣть огромное вліяніе не только на судьбу англійскихъ ма-

шиностроителей или английских рабочих вообще, но и для рабочих всего мира.

Борьба окончена, и становится возможным понять тѣ pouчeнiя, котopыя изъ нея вытекаютъ.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенiю исторiи стачки¹ небезполезно ближе познакомить читателя съ организацiей английскихъ машиностроителей.

Союзъ машиностроителей — самый большой рабочей союзъ въ мiрѣ. При началѣ борьбы онъ имѣлъ 95.000 членовъ и обладалъ состоянiемъ въ 360.000 фунт. ст., что составляетъ 3.500.000 руб. Таковы были результаты неустанной организацiонной работы въ теченiе цѣлой половины вѣка. Онъ образовался въ 1851 г. изъ слиянiя нѣсколькихъ мелкихъ обществъ, возникшихъ за долго до того времени. Всего въ немъ числилось членовъ непосредственно послѣ его основанiя — 5.000. Девизомъ его были слова: „Всѣ люди — братья“.

Немедленно послѣ основанiя союза капиталисты замѣтили, что среди рабочихъ проявились новыя вѣянiя, и они употребили всѣ усилiя, чтобы его уничтожить. Когда въ Лондонѣ произошла незначительная стачка, они удалили съ фабрикъ всей страны рабочихъ, принадлежавшихъ къ союзамъ.

Послѣ продолжительной борьбы рабочiе были побѣждены. Хозяева воспользовались своей побѣдой, чтобы заставить рабочихъ дать письменное обязательство не вступать въ союзъ. Только подъ этимъ условiемъ ихъ принимали на фабрики. Однако, немного времени спустя, союзъ сталъ сильнѣе и могущественнѣе прежнего.

Тутъ начались политическiя преслѣдованiя, продолжавшiяся 20 лѣтъ и грозившiя усиленному развитiю рабочаго движенiя. Но и отсюда рабочiе вышли побѣдителями, и никто не боролся мужественнѣе и настойчивѣе машиностроителей за полное признанiе закономъ права существованiя рабочихъ союзовъ. Во всѣхъ дви-

женіяхъ рабочаго класса за послѣднія 50 лѣтъ мы встрѣчали во главѣ его машиностроителей, которые вполне заслужили почетный титулъ, данный имъ К. Марксомъ: „передовые бойцы всего рабочаго класса“. Естественно, что въ такомъ старомъ и сильномъ союзѣ сказывается и консервативный духъ. Методы борьбы, столько разъ приводившіе машиностроителей въ прежніе годы къ побѣдѣ, кажутся многимъ членамъ союза единственно пригодными для всѣхъ временъ, и они относятся съ величайшимъ недоумѣніемъ ко всякаго рода нововведеніямъ. Они упускаютъ изъ виду, что экономическое развитіе непрерывно идетъ впередъ, что вслѣдствіе этого политика и тактика предпринимателей мѣняется, а слѣдовательно возникаетъ потребность въ новыхъ орудіяхъ борьбы и для рабочихъ. Въ этомъ именно отношеніи союзъ машиностроителей грѣшилъ до сихъ поръ. Вотъ примѣръ, наглядно подтверждающій сказанное.

Ко времени основанія союза чартистское движеніе было уже окончательно разбито. Какъ извѣстно, главной цѣлью этого движенія было добиться всеобщаго избирательнаго права, чтобы съ его помощью завоевать для рабочихъ политическую власть. Это революціонное движеніе продолжалось 20 лѣтъ и отвлекло всѣ силы рабочаго класса. Когда оно потерпѣло крушеніе, рабочие ударились въ крайность: они отказались отъ самостоятельной политической борьбы и приложили всѣ усилія къ организаціи рабочихъ союзовъ для борьбы съ отдѣльными капиталистами. Въ политической же борьбѣ они шли въ хвостъ либеральной партіи, и, поражая многократно предпринимателей при помощи своихъ союзовъ, не переставали выбирать депутатами въ парламентъ своихъ собственныхъ эксплуататоровъ или ихъ представителей. Только съ 1880 года развивается теченіе, благоприятное идеѣ самостоятельнаго выступленія рабочихъ на парламентскихъ выборахъ. Но машиностроители до послѣдняго времени составляли самое консервативное крыло рабочей арміи. Они долго отказывались признать, что многое можетъ быть достигнуто

путемъ политической борьбы скорѣе и легче, чѣмъ борьбою чисто экономической. Еслибы они употребили хоть часть огромныхъ средствъ, поглощенныхъ стачкой за 8-мичасовой рабочій день, на политическую агитацію въ пользу того же требованіи — 8-мичасовой рабочій день былъ бы уже введенъ законодательнымъ путемъ.

Такъ же консервативны были машиностроители по отношенію къ необученнымъ рабочимъ. Членомъ союза, по его статутамъ, можетъ быть только тотъ, кто пропелъ пятилѣтній срокъ ученія и зарабатываетъ опредѣленную плату. Отсюда дѣлался выводъ, что опредѣленную работу могли производить только члены союза, такъ какъ они получили на то право, благодаря своему ремесленному образованію. Все это цѣховыя воззрѣнія, совершенно негодныя для нашего времени.

Слѣдствіемъ этого было исключеніе изъ союза всѣхъ рабочихъ, не прошедшихъ предписаннаго учебнаго времени, или обратившихся къ машиностроительной работѣ лишь въ зрѣломъ возрастѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, союзъ оказывалъ сопротивленіе введенію новыхъ машинъ, уменьшающихъ запросъ на трудъ обучавшихся рабочихъ. Это антикультурное стремленіе не привело, однако, къ цѣли. Число машиностроителей, раздѣлявшихъ такія устарѣлыя понятія, начало, поэтому, въ послѣдніе годы замѣтно уменьшаться. Молодые члены ихъ союза все больше и больше проникаются социалистическимъ духомъ. Какъ сильно уже значеніе социалистическихъ элементовъ въ этомъ союзѣ, видно изъ того, что имъ удалось поставить во главѣ его генеральнымъ секретаремъ убѣжденнаго социалиста Бернса. Этотъ же Бернсъ выступилъ руководителемъ движенія, о которомъ идетъ рѣчь въ нашей статьѣ.

II.

Къ началу 1897 г. среди лондонскихъ членовъ союза машиностроителей возникло сильное движеніе въ пользу введенія 8-мичасоваго рабочаго дня. Съ 1871 г., когда

былъ завоеванъ 9-тичасовой день, т. е. втеченіе болѣе четверти вѣка лондонскіе рабочіе-машиностроители не добились никакого дальнѣйшаго сокращенія рабочаго времени. Плата оставалась тоже безъ измѣненія (18-19 руб. въ недѣлю) въ продолженіе всего этого времени, между тѣмъ какъ въ провинціи, благодаря необыкновенно благопріятнымъ экономическимъ условіямъ, было достигнуто нѣкоторое повышеніе заработной платы. Однако, лондонскіе рабочіе предпочли требовать только сокращенія рабочаго дня. Они образовали вмѣстѣ съ шестью другими лондонскими союзами рабочихъ металлической индустріи центральный комитетъ и разослали наканунѣ 1-го мая 1897 г. всѣмъ капиталстамъ этой индустріи циркуляръ, въ которомъ предъявили требованіе 8-мичасоваго рабочаго дня. Въ своемъ циркулярѣ рабочіе писали, что Лондонъ колоссально выросъ съ 1871 г., что квартиры въ центральной части города стали недоступны по цѣнѣ для рабочихъ, такъ что они принуждены проживать въ отдаленныхъ предмѣстьяхъ, между тѣмъ какъ фабрики, само собою разумѣется, остались на прежнихъ мѣстахъ. Чтобы дойти до фабрики, рабочему требуется часъ, а то и два и, конечно, столько же на обратный путь домой. Онъ долженъ покидать домъ, когда семья еще спитъ, и возвращается, когда она уже уснула; можетъ-ли быть при такихъ условіяхъ рѣчь о семейной жизни? И гдѣ же рабочему взять время для своего духовнаго развитія, для участія въ политической жизни и пользованія своими гражданскими правами? Если же предприниматели скажутъ, что введеніе 8-мичасоваго дня при той же заработной платѣ настолько увеличитъ издержки производства, что сдѣлаетъ для нихъ невозможной конкуренцію съ иностранными производителями, то это будетъ лишь пустая отговорка. 8-мичасовой день пересталъ быть новостью, послѣдствія которой нигдѣ и никогда не виданы. Ограничиваясь примѣрами изъ машинной индустріи, достаточно привести фирму Мэзера и Плэтга, около Манчестера, которая ввела у себя 8-часовой день

уже пять лѣтъ тому назадъ. Ея примѣру послѣдовали Аглэпъ въ Сондерландѣ, Кэйтъ въ Авротѣ, Гальсъ въ Лондонѣ, наконецъ, три года тому назадъ морское и военное министерства, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, ввели 8-часовой день въ большихъ государственныхъ мастерскихъ въ Пульничѣ. И всюду, безъ исключеній, результаты были тѣ-же: рабочіе производили въ 8 час. столько же, сколько и въ 9, а иногда и больше, предприниматели же дѣлали экономію на топливѣ, смазочныхъ матеріалахъ, освѣщеніи, машинаы ихъ меньше изнашивались, — словомъ, 8-мичасовой день оказался не только благомъ для рабочихъ, но и выгоднымъ для капиталистовъ. Эти аргументы были настолько сильны, что побудили нѣсколькихъ предпринимателей сдаться на требованія рабочихъ. Другіе не поддавались на аргументы союза, но просто боялись его могущества и его полныхъ деньгами кассъ. Благодаря этому, 150 фирмъ ввели у себя 8-мичасовой день. Противъ него были самыя сильныя тузы, вродѣ Сименса.

Положеніе было слѣдующее: около 3.000 рабочихъ имѣли 8-часовой день уже нѣсколько лѣтъ, 7.000 добились его въ маѣ и іюнѣ путемъ мирныхъ переговоровъ, и всего лишь 40 фирмъ, на которыхъ работало 3.000 человекъ, отказывались уступать требованіямъ рабочаго союза. Борьба, слѣдовательно, должна была ограничиться однимъ только Лондономъ, да и тутъ рѣшено было начать стачку всего лишь на трехъ заводахъ, дававшихъ работу приблизительно 1.500 рабочимъ. Но и въ случаѣ объявленія стачки на всѣхъ 40 заводахъ, благоприятный исходъ ея казался несомнѣннымъ. Для поддержанія 3.000 стачечниковъ не предвидѣлось надобности даже трогать сбереженія союза, составляющія 3.500.000 руб. Мало того, и въ экстренныхъ сборахъ не было нужды: для обезпеченія стачечниковъ противъ голода и лишеній совершенно достаточно были бы обыкновенныя недѣльные взносы членовъ союза, составляющіе въ кассу его 2.500.000 руб. въ годъ.

Разсчеты эти, однако, не оправдались. Рабочимъ нѣ-

сколькихъ лондонскихъ фирмъ пришлось вступить въ борьбу не съ одними только своими хозяевами, а съ могущественнымъ союзомъ заводчиковъ сѣверной Англіи, къ помощи котораго обратились вожаки упомянутыхъ лондонскихъ фирмъ. Союзъ этотъ образовался въ 1896 году съ тайной надеждой добиться уничтоженія организаціи рабочихъ машиностроителей. Президентъ его, Диръ, бывшій полковникъ, состоитъ директоромъ огромнаго завода Армстронга, на которомъ работаетъ до 20 тысячъ человекъ. Армстронгъ стоялъ во главѣ предпринимателей и въ 1871 г., — въ борьбѣ противъ требованія рабочими 9-ти часоваго рабочаго дня. До сихъ поръ еще онъ не примирился съ тогдашнимъ пораженіемъ предпринимателей. Директоръ его, Дайръ, съ радостью ухватился, поэтому, за предложеніе коноводовъ 40 лондонскихъ фирмъ, рѣшивъ, что настала для капиталистовъ часъ расплаты съ рабочимъ союзомъ. Онъ надѣялся даже, что теперь удастся совсѣмъ уничтожить его. И въ этомъ стремленіи нашель онъ для себя усерднаго помощника въ лицѣ Александра Сименса, руководителя лондонскихъ предпринимателей, рѣшившихъ не уступать требованію рабочаго союза.

3-го іюля должна была начаться стачка у трехъ главнѣйшихъ машиностроительныхъ фирмъ Лондона. Но за два дня до этого срока выступилъ на сцену союзъ предпринимателей и превратилъ мѣстную стачку полуторы тысячъ лондонскихъ рабочихъ въ громадную борьбу капиталистовъ-машиностроителей всей Англіи съ организованными рабочими-машиностроителями. Союзъ предпринимателей заявилъ, что лишь только въ Лондонѣ начнется стачка, всѣ члены пхъ союза немедленно откажутъ отъ работы четвертой части занятыхъ на пхъ заводахъ организованныхъ рабочихъ. И онъ исполнилъ свою угрозу: 15-го іюля четвертая часть рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ членовъ хозяйскаго союза, была уволена.

III.

Прежде чѣмъ описывать загорѣвшуюся такимъ образомъ борьбу, мы упомянемъ объ одномъ эпизодѣ, очень характерномъ для англійскаго рабочаго движенія, хотя далеко не служащемъ къ чести его.

Мы уже говорили, что движеніе въ пользу 8-мичасоваго рабочаго дня не ограничивалось одними машиностроителями, въ нему присоединились рабочіе другихъ отраслей металлургіи, организовали особый „комитетъ дѣйствій“, который и разослалъ предпринимателямъ вышеупомянутый циркуляръ.

Въ комитетѣ этомъ имѣли мѣсто представители слѣдующихъ рабочихъ союзовъ: союзъ строителей паровыхъ котловъ, 84.000 чел.; союзъ инструментальныхъ рабочихъ, 24.000 членовъ; машинистовъ, 41.000 членовъ; нѣсколько незначительныхъ союзовъ и, наконецъ, союзы котельщиковъ и строителей пароходовъ, 40.000 членовъ. Изъ каждой сотни кузнецовъ-котельщиковъ 96 рабочихъ принадлежатъ къ союзу. Ихъ вождь, Робертъ Найтъ, одаренъ замѣчательными административными способностями, но онъ рѣшительный и типичный сторонникъ „исключительно-экономической“ борьбы.

Никто не сомнѣвался, что котельщики на трехъ забастовавшихъ машиностроительныхъ заводахъ примутъ участіе въ стачкѣ и что ихъ постигнетъ со стороны предпринимателей такая же кара, какъ и остальныхъ членовъ.

Манифестъ комитета ко всѣмъ рабочимъ Лондона носить еще подписи представителей союза котельщиковъ, но на слѣдующій день союзъ машиностроителей получилъ изъ Ньюкэстля, гдѣ находится центральный комитетъ союза котельщиковъ, извѣщеніе, что участіе послѣднихъ въ стачкѣ на трехъ заводахъ противорѣчитъ статутамъ ихъ союза. Спрашивается, зачѣмъ же было участвовать въ общемъ комитетѣ? Зачѣмъ было поддерживать движеніе, чтобы оставить его въ рѣшительный моментъ?

Среди лондонских котельщиков такое поведение их вождей вызвало сильное негодование. Они намѣревались принять участие въ стачкѣ, не смотря на данный пароль. Но въ рукахъ центрального комитета были сильныя принудительныя средства. Онъ объявилъ, что лондонцы, въ случаѣ стачки, не получаютъ никакого вспомошествованія, и что стачка, возникшая вопреки рѣшенію союзныхъ властей, не можетъ считаться законной, и потому члены союза не только не обязаны препятствовать наплыву рукъ въ Лондонъ на смѣну стачечниковъ, но даже сами имѣютъ полное право ихъ замѣстить.

Центральный комитетъ въ состояніи былъ исполнить свою угрозу и даже не побоялся организовать систематической подрывъ стачки. Лондонскіе котельщики сдались и отстали отъ движенія. Дѣлу рабочихъ нанесенъ былъ страшный ударъ, а предприниматели радовались. Борются не только съ машиностроителями, но и съ мощнымъ союзамъ котельщиковъ они, можетъ быть, и побоялись бы. Нужно было разгромить сначала машиностроителей, а тамъ наступить очередь и другихъ. Такова была вполне естественная политика предпринимателей, и котельщики дѣйствовали имъ на руку. Это было печальное явленіе, но его нельзя обойти молчаніемъ. Во-первыхъ, потому, что оно указываетъ на отсутствіе единства въ синдикальномъ рабочемъ движеніи Англіи, а во-вторыхъ потому, что оно служитъ лучшимъ поученіемъ рабочимъ другихъ странъ въ томъ, что побѣда дается лишь цѣною тѣсной сплоченности всего рабочаго класса. Съ отступленіемъ котельщиковъ борьба ограничилась почти исключительно машиностроителями, такъ какъ небольшіе союзы не имѣли значенія.

IV.

Союзъ предпринимателей выступилъ на сцену съ великимъ шумомъ. Онъ утверждалъ, что всѣ крупнѣйшія фирмы приклянули къ нему, что всѣ будутъ вѣрны

знамени и забудутъ личные расчеты и конкуренцію. И къ этомъ, по его словамъ, надо видѣть лучшее доказательство тому, что всѣ предприниматели считаютъ политику союза машиностроителей пагубной для промышленности, и убѣждены, что либо этотъ союзъ долженъ исчезнуть, либо погибнетъ машиностроительная, главнѣйшая промышленность Англій. Поэтому, всѣ усилія хозяйскаго союза направлены были на то, чтобы привлечь на свою сторону всѣхъ заводчиковъ Англій.

Большое число среднихъ и мелкихъ предпріятій находится въ зависимости отъ колоссальныхъ заводовъ Армстронга, Сименса и т. п. Стоило только намекнуть этимъ заводчикамъ, работавшимъ исключительно для крупныхъ капиталистовъ, что можно брать инструменты не у нихъ, а у кого-нибудь другого, чтобы они согласились войти въ союзъ капиталистовъ и распустить своихъ рабочихъ. Кто знаетъ взаимную зависимость родственныхъ отраслей производства, тотъ понимаетъ, въ какой мѣрѣ мелкія мастерскія зависятъ отъ крупныхъ заводовъ. Часто мелкій капиталистъ обладаетъ лишь кажущейся независимостью, а на самомъ дѣлѣ является приказчикомъ крупнаго патрона. Только заводчики, вроде Гэрландъ и Вольфа или Фэрфильда рѣшились навлечь на себя гнѣвъ лорда Армстронга. Остальнымъ пришлось примкнуть къ союзу предпринимателей.

Такимъ образомъ, число лишенныхъ заработка членовъ союза машиностроителей росло съ каждой недѣлей. Медлившіе заводчики удаивались визита полковника Дайра или другой персоны изъ союза предпринимателей, — и на слѣдующій день рабочіе находили въ мастерской объявленіе, что съ ближайшей субботы начнется „лов-аутъ“, т. е. что они лишаются работы. Это повторялось сотни разъ. Союзъ предпринимателей, осуждаемый всѣми порядочными людьми, тѣмъ не менѣе преуспѣвалъ. Кто не подчинялся ему добровольно, тому грозили, и страхъ поддерживалъ среди господъ „союзниковъ“ повиновеніе полковнику Дайру и лейтенанту Сименсу. Въ серединѣ іюля 18.000 чел. лишены были ра-

боты, въ концѣ августа — 45.000, въ концѣ сентября 56.000, наконецъ, въ январѣ послѣ семимѣсячной борьбы — 90.000. Правда, число лишенныхъ работы машиностроителей было не болѣе 30.000; но ихъ союзная касса должна была помогать всѣмъ жертвамъ лок-аута: обученнымъ рабочимъ, не принадлежавшимъ къ союзу, но объявившимъ себя съ нимъ солидарными, и тысячамъ поденщиковъ и чернорабочихъ, которые потеряли работу изъ-за стачки машиностроителей. Союзъ предпринимателей могъ гордиться тѣмъ, что число безработныхъ въ ихъ промышленности достигло колоссальныхъ размѣровъ. Но если онъ предполагалъ въ нѣсколько недѣль привести союзъ машиностроителей къ банкротству, то онъ очень ошибался. Если бы дѣло шло только о финансовыхъ средствахъ, то стачка могла длиться еще мѣсяцы, не истощивъ кассы рабочаго союза.

Политика предпринимателей, состоявшая въ постоянномъ расширеніи поля борьбы, и средства, употреблявшіяся имъ для этого, весьма характерны. Они доказываютъ, что конечною его цѣлью было уничтоженіе союза машиностроителей, ради стремленій нѣсколькихъ машиностроителей къ неограниченной власти. Иначе почему же было принуждать къ лок-ауту предпринимателей, бывшихъ со своими рабочими въ наилучшихъ отношеніяхъ? Вскорѣ о 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ перестали и разговаривать. Какъ ни важенъ этотъ вопросъ, но и онъ отошелъ на задній планъ передъ еще болѣе значительнымъ вопросомъ — о правѣ рабочихъ заключать между собою союзы.

V.

Борьба продолжалась уже три мѣсяца. Большая публика относилась къ ней безучастно. Не было ничего такого, что могло удовлетворить жажду публики къ сенсационнымъ событіямъ. Въ Англии давно привыкли

къ стачкамъ. Всякіе драматическіе эпизоды совершенно отсутствовали; а конца борбѣ не предвидѣлось.

Но съ машиностроительной промышленностью связаны чрезвычайно важные національные интересы. Помимо вреда для всего народнаго хозяйства, стачка грозила еще другою опасностью: патриоты со страхомъ предвидѣли задержку въ постройкѣ военныхъ кораблей. Лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до забастовки парламентъ вотировалъ громадныя суммы для постройки броненосцевъ, миноносковъ и т. п. Машиностроители и кораблестроители рисовали слабость стараго флота самыми черными красками. Парламентъ былъ охваченъ патриотической горячкой и вотировалъ миліоны, чтобы въ кратчайшій срокъ сдѣлать англійскій флотъ сильнѣе соединенныхъ флотовъ Франціи и Россіи. Англія не можетъ строить свои корабли за границей; поэтому, приостанавливая работу, фабриканты ничѣмъ не рисковали, барыши были у нихъ, такъ-сказать, уже въ карманѣ. Но что же будетъ съ безопасностью Англии, которой угрожаетъ такая опасность, по ихъ собственнымъ словамъ? Неужели ихъ патриотизмъ не достаточно великъ, чтобы заставить ихъ протянуть руку рабочимъ съ предложениемъ мира? Правительство торжественно къ нимъ обращалось въ этомъ смыслѣ. Министръ торговли совѣщался въ концѣ сентября съ секретаремъ союза машиностроителей, Бернсомъ, и представителемъ союза предпринимателей, полковникомъ Дайромъ. Познакомившись съ требованіями обѣихъ сторонъ, онъ предложилъ имъ конференцію для заключенія мира. Рабочіе изъявили свое согласіе на предложеніе министра торговли, но предприниматели отклонили его подъ разными предлогами.

Отвѣтъ предпринимательскаго союза министру торговли былъ такъ ясенъ, что и слѣпой долженъ былъ увидѣть, въ чемъ дѣло. Общественное мнѣніе начало просыпаться. Но прежде всего вокругъ машиностроителей стали группироваться организованные рабочіе,

можно сказать, всего міра. Это было самое отрадное явленіе за все время борьбы. Не проходило дня безъ того, чтобы машиностроители не получили новаго доказательства сочувствія и солидарности съ ними рабочихъ европейскаго континента, Америки и Австрали.

VI.

Правительство, между тѣмъ, ждало своихъ заказанныхъ кораблей. У него было очень простое средство обуздать высокомеріе предпринимателей. Во всѣхъ договорахъ назначены штрафы на случай, если фабриканты не точно выполнятъ заказы казны. Отъ штрафовъ они освобождены только въ случаѣ стачки; но въ данномъ случаѣ дѣло шло не о стачкѣ, а о лок-аутѣ, т. е. о произвольномъ распушеніи рабочихъ хозяевами, прекращеніе котораго вполнѣ зависѣло отъ самихъ хозяевъ. Правительству стоило только заявить имъ: „Мы не подаримъ вамъ вашихъ штрафовъ и настаиваемъ на своевременномъ выполненіи заказовъ“, — и дѣло было бы кончено.

Такъ и поступило бы правительство, дѣйствительно стоящее на стражѣ общенародныхъ интересовъ. Но для такихъ правительствъ нѣтъ мѣста въ капиталистическихъ странахъ. Если социальнополитическіе взгляды англійскихъ государственныхъ людей отстаютъ, какъ небо отъ земли, отъ взглядовъ нѣмецкихъ министровъ (не говоря уже объ австрійскихъ и русскихъ), то это все же не мѣшаетъ тому, чтобы и англійское правительство являлось не болѣе, какъ „комитетомъ, избраннымъ буржуазіей для завѣдыванія ея дѣлами“.

20-го октября министерство послало предпринимателямъ и рабочимъ официальное предложеніе общей конференціи на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Союзъ предпринимателей не признаетъ за рабочими союзами права вмѣшательства въ руководство предпріятіемъ, но въ то же время заявляетъ, что не желаетъ мѣшать ихъ законной дѣятельности. Съ своей стороны,

рабочій союзъ, настаивая на правѣ коалицій, заявляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ совершенно не намѣренъ претендовать на вмѣшательство въ управленіе предприятиями хозяевъ.

2) Требованіе 8-мичасового рабочаго дня, предъявленное только лондонскимъ предпринимателямъ, берется назадъ.

3) Для рѣшенія вопроса о рабочемъ днѣ устроена будетъ особая конференція между союзомъ предпринимателей и заинтересованными рабочими союзами.

4) О составѣ этой конференціи рѣшатъ между собою представители союзовъ предпринимателей и рабочихъ.

Предприниматели не могли не видѣть впечатлѣнія, произведеннаго ихъ рѣшеніемъ 4-го октября. Не только рабочіе, но и широкіе круги буржуазіи, государственные люди, парламентскіе дѣятели, епископы, ученые, — всѣ громко порицали заносчивость, побудившую предпринимателей отклонить вмѣшательство „третьихъ лицъ“.

Бросать еще разъ такой дерзкій вызовъ общественному мнѣнію страны было рискованно, а потому они послѣ напрасныхъ попытокъ разными хитростями уклониться отъ предложеннаго министромъ совѣщанія, рѣшили принять предложеніе.

17-го ноября полковникъ Дайръ и Гендерсонъ, какъ представители фабрикантовъ, сошлись съ генеральнымъ секретаремъ союза машиностроителей, Бернсомъ, и президентомъ Зеллякомъ для того, чтобы сговориться на счетъ конференціи. Имъ не удалось придти къ соглашенію на счетъ общаго предсѣдателя конференціи: предприниматели и слышать объ этомъ не хотѣли. Обѣ стороны должны были послать на конференцію по 14 делегатовъ, а делегаты каждой партіи, въ свою очередь, должны были выбрать изъ своей среды по отдѣльному предсѣдателю.

VII.

Теперь уже изданъ стенографическій протоколъ за-сѣданій конференціи; онъ занимаетъ 69 печатныхъ стра-

ницѣ, сообщаетъ намъ каждое слово, сказанное делегатомъ, и знакомитъ насъ, такимъ образомъ, съ интимными мыслями обѣихъ воюющихъ сторонъ. Интересно также взаимное обращеніе предпринимателей и представителей рабочихъ, даже въ такую пору, когда уже 5 мѣсяцевъ длится борьба между трудомъ и капиталомъ, которая, конечно, не могла ихъ настроить особенно дружелюбно. Вотъ одинъ примѣръ: обѣ стороны имѣли свои особыя комнаты для частныхъ совѣщаній и удалялись въ нихъ, если считали нужнымъ посоветоваться между собою конфиденціальнымъ образомъ. Но однажды, когда предпринимателямъ нужно было сговориться такимъ образомъ, ихъ предсѣдатель, полковникъ Дайръ, попросилъ рабочихъ депутатовъ удалиться. По окончаніи совѣщанія ихъ пригласили обратно, и полковникъ Дайръ снова открылъ совмѣстное совѣщаніе слѣд. словами: „Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ преніямъ, позвольте мнѣ просить у васъ извиненія за то, что я пригласилъ васъ удалиться. Я надѣюсь, что вы не увидите въ этомъ умышленной невѣжливости. Собственно, мы должны были удалиться, но я убѣжденъ, вы повѣрите, что моя неловкость не была преднамѣренной“. Можете себѣ вообразить вѣчто подобное въ Россіи?! Предприниматель, какъ полковникъ Дайръ, дающій работу болѣе 20.000 рабочимъ, проситъ извиненія у рабочихъ делегатовъ за нарушеніе нѣтъ правилъ вѣжливости!

Къ сожалѣнію, этотъ вѣжливый тонъ не совсѣмъ гармонировалъ съ предложеніями предпринимателей. Послѣдніе настаивали на томъ, чтобы рабочій союзъ не вмѣшивался въ договоръ рабочихъ съ ними. Договоръ между рабочимъ и нанимателемъ долженъ-де быть основанъ на свободѣ, а не на условіяхъ, предписанныхъ посторонними. Но вѣдь рабочіе именно для того и основываютъ союзы, чтобы достигнуть дѣйствительной, а не этой мнимой „свободы“. Они отказываются отъ „свободы“ заключать порознь самостоятельные договоры съ предпринимателями и поручаютъ своимъ уполномо-

нымъ вести переговоры съ фабрикантами отъ имени всѣхъ рабочихъ. Чѣмъ сильнѣе рабочій союзъ, тѣмъ легче ему заставить предпринимателей согласиться на выгодныя для рабочихъ условія работы. Поэтому-то рабочіе соглашались на конференцію только подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы предприниматели обязались заранѣе признать за союзомъ машиностроителей право заключать договоры объ условіяхъ работы для всѣхъ его членовъ. Фабриканты согласились на это, — и вдругъ, наперекоръ своему собственному слову, они предъявили на конференціи требованіе, чтобы рабочіе отказались отъ участія союзовъ въ установленіи условій работы, чтобы снова каждый предприниматель непосредственно „договаривался“ съ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, т. е. заставлялъ его продавать свою рабочую силу за самую ничтожную плату.

Вся страна возмутилась, когда стали извѣстны результаты семидневныхъ засѣданій конференцій (въ послѣднихъ числахъ ноября и началѣ декабря). Предложенія отвергнуты были стачечниками, да и рабочіе другихъ профессій пришли въ негодованіе. Если капиталисты осмѣлились приступить съ такими требованіями къ механикамъ, то что будетъ съ другими, болѣе слабыми союзами? Неужели напрасно велась 50 лѣтъ борьба рабочихъ союзовъ противъ анархіи „свободнаго договора“? Неужели только для того рабочіе борзались и голодали цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, чтобы поднестъ позорному игу предпринимателей. Поразительно повела себя въ этомъ вопросѣ часть буржуазіи. Первый юристъ Англіи, сэръ Эдвардъ Клеркъ, занимавшій при двухъ консервативныхъ министерствахъ должность хранителя большой печати имперіи, заявилъ, что предприниматели нарушили свое обѣщаніе, данное до конференціи. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ промышленниковъ Англіи, сэръ Ф. Мэпинъ, который недавно еще защищалъ поведеніе предпринимателей, открыто перешелъ теперь на сторону ихъ обвинителей и упрекалъ федерацію предпринимателей въ томъ, что она съ преступнымъ легкомыс-

ліємъ наносить вредъ промышленности и всей націи. Профессора Оксфордскаго университета выпустили прокламацію, въ которой они объявляли условія предпринимателей совершенно невозможными. Всѣ извѣстные знатоки рабочаго движенія соединились для протеста, въ которомъ они доказывали, что требованія предпринимателей совершенно исключаютъ возможность существованія рабочихъ союзовъ. Это было замѣчательное зрѣлище. Можно было даже усумниться, что въ Англій сѣ существуетъ классовая борьба, хотя краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ ея и являлась именно эта борьба рабочихъ-машиностроителей. Если сравнить поведеніе англійской буржуазіи съ подлымъ и возмутительнымъ поведеніемъ нѣмецкой прессы и нѣмецкой буржуазіи во время стачки судорабочихъ въ Гамбургѣ, то легко впасть въ это заблужденіе. Но стоитъ только открыть глаза, и мы увидимъ, что разумное поведеніе англійской буржуазіи является лишь цѣной, которую она платитъ за то, чтобы удержать англійскій пролетаріатъ отъ политической самодѣятельности, она лишь потому осуждаетъ выходки такихъ ретивыхъ своихъ сыновъ, какъ полковникъ Дайръ, что эти выходки могутъ подѣйствовать развивающимъ образомъ на мысль англійскихъ рабочихъ и поколебать въ нихъ стремленіе примириться съ существующимъ экономическимъ строемъ, стремленіе, развившееся, благодаря успѣхамъ ихъ профессиональных или промышленныхъ союзовъ. Англія — единственная страна, въ которой фабричныя рабочіе составляютъ большинство взрослога населенія мужского пола; поэтому буржуазія имѣетъ, конечно, всѣ основанія бояться того момента, въ который рабочіе поймутъ, что они должны захватить въ свои руки политическую власть.

Союзъ предпринимателей рѣшилъ обнародовать комментарий къ своимъ предложеніямъ, написанный совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ сами эти предложенія. Но поясненія подписаны были однимъ лишь секретаремъ союза, и предприниматели отказались внести ихъ въ самый текстъ договора. Заявленія хозяйскаго союза, раз-

считанныя на то, чтобы ослабить впечатлѣніе поведенія его представителей на конференціи, не могли, поэтому, никого ни обмануть, ни удовлетворить.

VII.

14-го декабря конференція возобновила свои засѣданія. Зелликсъ, представитель союза машиностроителей, открылъ ее указаніемъ на единодушное голосованіе рабочихъ относительно результатовъ первой конференціи. Предприниматели готовы были начать новые переговоры и обнаруживали желаніе придти къ соглашенію.

Переговоры длились четыре дня, и результаты ихъ были значительно благопріятнѣе для рабочихъ. Правда, ихъ предложеніе сократить рабочій день до 51 часа въ недѣлю, т. е. на 3 часа, было отклонено. Но во многихъ другихъ пунктахъ они добились значительныхъ уступокъ. За рабочимъ союзомъ признано было право вмѣшиваться въ измѣненія условій работы, подтверждено было, что право заключать съ предпринимателями договоры относительно высоты рабочей платы принадлежитъ всему рабочему союзу (а не только отдѣльнымъ рабочимъ), признано было за нимъ право указывать на злоупотребленія и недостатки на фабрикахъ и требовать ихъ устраненія. Не удалось, однако, рабочимъ добиться признанія извѣстнаго минимума заработной платы; кромѣ того, нѣкоторые другія условія были, по меньшей мѣрѣ, очень подозрительны для рабочихъ. Возьмемъ, напр., § 6, который гласитъ: „Обученіе рабочихъ“. Въ немъ сказано: предприниматели отвѣчаютъ за продукты, производимые при помощи ихъ машинъ, и оставляютъ за собою право выбирать, по своему усмотрѣнію, рабочихъ для надзора за этими машинами, а также опредѣлять условія этой работы. Предприниматели считаютъ своимъ долгомъ поощрять способныхъ рабочихъ, гдѣ бы они ни были, и оставляютъ за собою право выбирать, обучать и давать работу такимъ рабочимъ, которые, по ихъ мнѣнію, лучше всего

годятся для различныхъ работъ, вводимыхъ на ихъ фабрикахъ“.

Параграфъ этотъ слишкомъ неясенъ, допускаетъ слишкомъ много толкованій, невыгодныхъ для рабочихъ и ихъ союза, чтобы они могли согласиться принять его. Такъ же неясны и противорѣчивы были и нѣкоторыя другія предложенія предпринимателей. Все зависить отъ того, какое придать толкованіе параграфу, и рабочіе не ошибались, не довѣряя честности фабрикантовъ. Все поведеніе этихъ послѣднихъ давало поводъ къ этимъ подозрѣніямъ, и, не смотря на достигнутыя уступки, рабочіе громаднымъ большинствомъ (42.080 противъ 8.515) отвергли новый договоръ и объявили, что не примутъ его даже въ томъ случаѣ, если предприниматели согласятся еще на сокращеніе рабочаго времени до 51 часа въ недѣлю. Они считали и новыя условія несовмѣстимыми съ дальнѣйшимъ существованіемъ ихъ организаціи.

Итакъ, рѣшено было бороться дальше. Но, разумѣется, исходъ борьбы теперь зависѣлъ цѣлкомъ отъ той поддержки, которую стачечникамъ окажутъ другіе рабочіе союзы. Если бы денежные сборы достигли хотя бы такихъ размѣровъ, чтобы избавить уволенныхъ рабочихъ только отъ голода, стачечники готовы были бы еще 6 мѣсяцевъ сносить всѣ лишенія, налагаемыя на нихъ этой борьбой. Совѣтъ лондонскихъ союзовъ созвалъ на 1-ое января конференцію всѣхъ англійскихъ трэдс-юніоновъ. Представители 1.500.000 организованныхъ рабочихъ послѣдовали этому зову и рѣшили предложить рабочимъ союзамъ добровольное обложеніе, которое приносило бы еженедѣльно 100.000 руб. Если бы это осуществилось, машиностроители могли бы еще долгое время держаться противъ капиталистовъ. Тѣ 60.000 машиностроителей, которые имѣли еще работу, платили изъ своего недѣльнаго заработка 10 проц. и больше въ кассу борьбы, которая вовсе еще не была пуста. Эти взносы да 100.000 рублей еженедѣльныхъ сборовъ, помощь съ континента и отъ друзей рабочихъ среди ан-

гліійской буржуазіі, — положеніе стачечниковъ, какъ видимъ, было не безнадежно.

VIII.

Въ это время умеръ сэръ Франкъ Локвудъ, либеральный депутатъ г. Іорка, и необходимы были новые выборы на его мѣсто. Консерваторы выставили своимъ кандидатомъ лорда Чарльза Бересфорда; его конькомъ былъ флотъ, рабочимъ же вопросомъ онъ очень мало интересовался. Либералы выставили кандидатомъ сэра Христовора Фурнесса, одного изъ крупнѣйшихъ судовладѣльцевъ Англіи, члена союза предпринимателей. Слѣдуя паролю этого союза, онъ, конечно, тоже уволилъ своихъ рабочихъ. Іоркъ, старая епископальная резиденція, не принадлежитъ къ промышленнымъ центрамъ, но все же и въ немъ рѣшающую силу представляютъ рабочіе. Консерваторъ Бересфордъ не могъ рассчитывать на ихъ симпатіи. Но, съ другой стороны, могли-ли они голосовать за либерала, который, правда, принадлежалъ къ умѣренному крылу хозяйской федерація, но все же послушался команды Дайра и Сименса?

Рабочимъ всически старался доказать, что сэръ Христоворъ Фурнессъ не могъ дѣйствовать иначе. Каждый организованный рабочій съ презрѣніемъ смотритъ на того, кто идетъ противъ товарищей, объявившихъ стачку. Сэръ Христоворъ Фурнессъ не одобряетъ политики предпринимателей. Но развѣ этотъ союзъ не является, такъ сказать, трэд-юніономъ предпринимателей? Развѣ можно было ожидать отъ Фурнесса такого поступка, который всѣ считали бы безчестнымъ, если бы его совершилъ рабочій?

Всѣ эти доводы не касались, однако, сути дѣла. Вѣдь никто не думалъ сомнѣваться въ личной честности либерального кандидата. Рѣчь шла лишь о томъ, заслуживаетъ-ли этотъ кандидатъ голосовъ пролетаріата. Личная честность одна не даетъ еще права быть представителемъ рабочихъ въ парламентѣ. Пусть предпри-

ниматели дают свои голоса г. Фурнессу, — рабочие, обладающие классовым самосознанием, ни минуты не будут сомневаться в томъ, что они должны стать къ нему въ самую рѣзкую оппозицію.

Сэръ Христофоръ Фурнессъ, дѣйствительно, провалился. Предприниматели получили, такимъ образомъ, очень чувствительный урокъ. Многие владѣльцы машиностроительныхъ фабрикъ и корабельныхъ верфей засѣдаютъ въ англійскомъ парламентѣ, и теперь они почувствовали сильныя опасенія на счетъ своихъ мандатовъ. Кромѣ того, какъ разъ предстояло открытіе сессіи парламента. Если борьба будетъ продолжаться до того времени, въ палатѣ общинъ немедленно откроются жаркія пренія по этому вопросу, и отъ нихъ нельзя будетъ отдѣлаться парю красивыхъ словъ. Результатомъ юрскихъ выборовъ было, вслѣдствіе всего этого, то, что воинствующій пылъ господъ фабрикантовъ поостылъ. Правда, они остались непреклонными относительно требованія сокращенія рабочаго дня, но за то по самому важному вопросу — по вопросу о правѣ рабочаго союза вмѣшиваться въ отношенія и договоры рабочихъ и хозяевъ — союзъ предпринимателей пошелъ на рѣшительныя уступки.

Но это послѣднее обстоятельство сильно ослабило усердіе другихъ рабочихъ въ сборѣ денегъ для стачечниковъ. Увѣренность въ томъ, что опасность, грозившая союзу машиностроителей, миновала, что нападенія предпринимателей на основныя права рабочихъ организацій отбито, ослабила въ рабочей массѣ интересъ къ борьбѣ машиностроителей. Въ виду этого, комитетъ ихъ рѣшилъ взять обратно требованіе о сокращеніи рабочаго дня.

23-го января представители рабочихъ и хозяевъ окончательно формулировали новый договоръ. Рабочіе приняли его большинствомъ 28.588 голос. противъ 13.727, и 28-го января договоръ былъ подписанъ. Тысячи рабочихъ воздержались отъ голосованія. Если бы комитетъ предложилъ отвергнуть эти условія, рабочіе съ эн-

тузіазмомъ послѣдовали бы этому совѣту, хотя и знали, что должны будутъ удовлетвориться скудными вспомошествованіями. Правленіе союза не хотѣло обрекать рабочихъ на такія жертвы. Въ вопросѣ о сокращеніи рабочаго времени предприниматели твердо рѣшили не уступать. А покушеніе ихъ на рабочіе союзы, какъ на законныхъ представителей рабочихъ интересовъ, было отбито. Ничего другого не оставалось, какъ заключить миръ или вѣрнѣе, перемиріе. Рано или поздно, а 8-ми-часовой рабочій день будетъ завоеванъ рабочими. Что не удалось на этотъ разъ, удастся въ будущемъ!

Борьба кончилась 1-го февраля, и на фабрикахъ снова закипѣла работа.

Х.

Какой же урокъ могутъ извлечь изъ этой борьбы машиностроители, а за ними и всѣ остальные рабочіе всего міра?

Одно слово говоритъ намъ все: это — *организация*.

I. *Организация въ собственной специальности*. Не всѣ англійскіе рабочіе-машиностроители принадлежатъ къ союзу. Тысячи механиковъ стоятъ еще внѣ его; въ мирное время они пользуются тѣми выгодами, которыя имъ доставляетъ этотъ союзъ; во время борьбы они измѣняютъ своимъ борющимся братьямъ.

II. *Организация рабочихъ-неспециалистовъ* (необученныхъ рабочихъ). Поденныхъ рабочихъ, которые продаютъ за безцѣнокъ свою рабочую силу сегодня въ одной, завтра въ другой отрасли промышленности, рабочіе-специалисты считаютъ какъ бы рабочими низшаго класса и даже нѣсколько презираютъ ихъ. Но именно имъ принадлежитъ послѣднее слово чуть-ли не въ каждой борьбѣ рабочихъ съ ихъ эксплуататорами. Безъ организацій, безпомощные, неумѣлые, они служатъ въ рукахъ предпринимателей орудіемъ противъ стачечниковъ, они поступаютъ такъ подъ вліяніемъ голода. Они — словно камень, подвизанный на шею самыхъ сильныхъ организацій обученныхъ рабочихъ и влекущій ихъ

ко дну. Эти послѣдніе необходимо должны взять на себя организацію чернорабочихъ, такъ какъ они сами не въ состояніи сдѣлать этого.

III. *Организація организацій.* Борьба одной организаціи есть борьба всѣхъ организацій. Побѣда одной есть побѣда всѣхъ, поражение одной — поражение всѣхъ. Съ одной стороны, весь рабочій классъ, съ другой — вся буржуазія. Въ разгарѣ борьбы поздно уже организовать борьбу.

IV. *Организація политической борьбы.* Часто всѣ рабочіе извѣстной спеціальности не могутъ еще совладать даже съ однимъ фабрикантомъ. Несомнѣнно также, что всѣ рабочіе одной отрасли промышленности слабѣе, чѣмъ всѣ предприниматели въ той же отрасли. Но *голось* самага бѣднаго рабочаго при выборахъ имѣеть такую же силу, какъ и голосъ самага могучаго эксплуататора. Какой-нибудь Дайръ можетъ держать въ своихъ рукахъ подъ угрозой голода тысячи рабочихъ. Но передъ избирательной урной онъ такой же смертный, какъ и каждый изъ „его“ рабочихъ.

Могучая борьба англійскихъ машиностроителей не говоритъ намъ ничего новаго. Но она подтверждаетъ старыя истины. Эта борьба велась въ громадныхъ размѣрахъ, — тѣмъ убѣдительнѣе ея мораль. Пусть каждый рабочій пойметъ ее и приметъ въ свѣдѣнію, — тогда наша побѣда обезпечена!

Д-ръ Карпелесъ.

Пролетаріатъ и послѣднія событія въ Италіи.

Новый, 1898 годъ не предвѣщалъ ничего хорошаго итальянскому народу. Экономическія условія итальянской націи были въ самомъ ужасномъ состояніи и не замедлили еще болѣе ухудшиться.

Въ зелѣдѣльческомъ отношеніи годъ былъ совершенно неудачнымъ: урожай хлѣба наполовину погябъ; недо-

статокъ капиталовъ, непостоянство погоды, проливные дожди и сильныя градобитія, — цѣлая масса экономическихъ и физическихъ причинъ произвели упадокъ національнаго земледѣлія, который выразился фактически въ уменьшеніи количества всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ.

Къ этимъ постояннымъ причинамъ нужно прибавить причины, проистекающія изъ международныхъ отношеній. Испанско-американская война, грозившая прекращеніемъ американскаго вывоза, ожесточила спекуляцію на хлѣбъ. Такимъ образомъ, дѣло дошло до того, что этотъ товаръ, который годъ тому назадъ продавался на итальянскомъ рынкѣ за 17 франковъ 100 килограм. (около 2 руб. за пудъ), сталъ теперь продаваться по удвоенной цѣнѣ, по 33-34 франка.

Но если были причины, экономическія и случайныя, вызвавшія неурожай и голодъ, то не менѣе значительны были причины постоянныя, корни которыхъ питались въ самыхъ глубинахъ итальянской политики и экономики.

Первая причина недовольства должна быть отнесена къ милитаризму, который поддерживается не желаніемъ народа, а исключительно желаніемъ династической клки, вѣрной историческимъ традиціямъ Сардинскаго королевства. Милитаризмъ поддерживается также господствующими классами, которые въ военныхъ поставкахъ имѣютъ неизсякаемый источникъ обогащенія, а въ арміи — одно изъ самыхъ страшныхъ полицейскихъ средствъ, чтобы поддерживать народъ въ нуждѣ, обусловливаемой такою степенью эксплуатаціи, которой нѣтъ равной на всей поверхности земного шара. Въ половинѣ итальянскаго государства заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ едва достигаетъ 60-70 сант. въ день (20-25 коп.), а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италия и во всей Сицилія человекъ, работающій весь годъ, зарабатываетъ самое большое 30-40 франковъ (10-14 руб.) и пищу, которая могла бы удовлетворить развѣ свиней.

Милитаризмъ и династія втянули Италію въ несчастную африканскую войну, которая привела къ неопра-

вимою гябели чести арміи и монархическаго чувства населенія. Эта проклятая война погубила 6.000 молодых итальянцевъ и пробила глубокія бреши въ государственномъ бюджетѣ. Правительство созналось въ израсходованіи приблизительно миллиарда, но можно быть увѣреннымъ, что израсходовано гораздо больше. А народъ, который держали подъ впечатлѣніемъ мнимыхъ или преувеличенныхъ побѣдъ, получилъ такой сильный ударъ вслѣдствіе постыднаго пораженія при Абба-Каримѣ, что призракъ этого несчастнаго похода, послѣ истекшихъ уже двухъ лѣтъ, все еще тяжелымъ бременемъ лежитъ на сознаніи крестьянъ и рабочихъ. Депутаты, которые считались настоящими хозяевами своихъ избирательныхъ округовъ, потерпѣли поражение на послѣднихъ выборахъ исключительно потому, что вотировали за продолженіе африканскаго похода. Во время послѣднихъ мрачныхъ дней въ Миланѣ возставшій народъ, подъ градомъ картечи, кричалъ солдатамъ, грозя кулаками: „А, если бы здѣсь были абиссинцы, вы бы давно показали имъ пятки!“

Для тщеславной политики понадобилось приналечь на податное сословіе и вслѣдствіе жестости классовой политики почти вся тяжесть налоговъ обрушилась на пролетаріатъ. Наибольшимъ налогомъ въ Италіи обложены предметы первой необходимости, такъ какъ дѣло не сводится къ однимъ государственнымъ налогамъ, но задолжавшіе муниципалитеты слѣдуютъ примѣру центральной власти. Такимъ образомъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе военныхъ расходовъ, потребованныхъ тройственнымъ союзомъ, область налоговъ разрослась до невѣроятныхъ предѣловъ.

Экономическія причины разочарованія въ новомъ режимѣ, который, при своемъ основаніи, щедро осыпалъ народъ обѣщаніями и лестью, удваиваются причинами нравственнаго свойства, непосредственно проистекающими изъ причинъ экономическихъ. Внѣшняя политика, навязанная націи противъ ея желанія, заслуженно презираемая колоніальная политика, являющаяся исключи-

тельно добычей предпринимателей, безстыдство правительства, которое развращало всѣ общественныя службы, продажность внизу, испорченность и цинизмъ, нагло выставлющіеся вверху, — все это вмѣстѣ составляло нѣчто цѣлое, что должно было положить зародыши возстанія въ голодный и отчаявшійся народъ.

Чувство преданности династїи было поражено всѣмъ этимъ въ самое сердце. Итальянскій народъ поддался солдатской храбрости короля Виктора Эммануила, но никогда не одобрялъ криводушной политики его преемника. Въ немъ итальянскій народъ видѣлъ виновника братоубійственнаго союза съ Австріей, ожесточеннаго гонителя всякой конституціонной свободы, главнаго виновника Эртрейскихъ пораженій. Въ оппозиціонныхъ газетахъ намекали, что королевское жалованье въ 16 милліоновъ франковъ (6 мил. руб.) золотомъ слишкомъ велико для страны голода и нищеты, какова Италия; но этотъ голосъ не былъ услышанъ, и итальянскій король продолжаетъ быть по отношенію къ національному богатству наилучше оплачиваемымъ монархомъ всего земного шара.

Король совершенно отдѣленъ отъ народа, а высшая буржуазія не скрываетъ своего глубокаго равнодушія по отношенію къ современному положенію дѣлъ. Безнадежныя экономическія условія за эти послѣдніе годы получили новый ударъ, который до сихъ поръ еще оказываетъ въ высшей степени разрушительное дѣйствіе. Политика тройственнаго союза имѣла своимъ прямымъ слѣдствіемъ разрывъ торговыхъ договоровъ съ Франціей. Въ это время разразился страшнѣйшій кризисъ въ области винодѣлія, которому предшествовало нападеніе филлоксеры. Кризисъ этотъ окончательно погрузилъ цѣлыя провинціи въ самую ужасную нужду.

Промышленные кризисы большихъ городовъ, политическіе разбои и систематическое расхищеніе банковъ, субсидированныхъ государствомъ, въ которыхъ государство должно было возмѣщать изъ своего бюджета милліоны, украденные депутатами и банкирами, экономи-

ческія бѣдствія, военныя неудачи, нравственный упадокъ, — все соединилось, чтобы вызвать въ Италіи въ крайвей степени тревожное и порывистое состояніе умовъ.

Всѣ эти причины увеличили жизненность и силу революціонныхъ партій: республиканцевъ и социалистовъ. Республиканская партія имѣла большое значеніе во время національной революціи. Но подчинивъ впоследствии свою тактику интересу національнаго объединенія, она провела много лѣтъ въ бездѣйствіи. Въ настоящее время она проснулась и возродилась въ партію, полную такой силы и порыва, какихъ у нея никогда не было до сихъ поръ.

Съ паденіемъ революціонной поззіи 1848 и 1859 гг., рабочіе, впавшіе въ самую ужасную нужду, легко поддались пропагандѣ социалистовъ. Въ 1882 году итальянская буржуазія съ нескрываемою радостью говорила, что въ Италіи нѣтъ социалистовъ. Въ 1898 году социалисты насчитываются сотнями тысячъ, имѣютъ 18 депутатовъ въ національномъ парламентѣ, сдѣлались хозяевами всѣхъ синдикатовъ и рабочихъ обществъ, — словомъ, пробили глубокую брешь въ душѣ и умѣ итальянскаго народа. Соціализмъ проникъ даже въ среду буржуазіи: адвокаты, профессора, врачи — отирьски мелкой и крупной буржуазіи — сотнями открыто заявили себя социалистами. Писатели, какъ Де-Амичисъ, Графъ и др. и ученые, какъ Ферри, Ломброзо, Ферреро и т. д. сдѣлались активными членами социалистической партіи. Женщины также приняли дѣятельное участіе въ движеніи, и въ послѣднихъ земледѣльческихъ стачкахъ, какъ и въ миланскихъ событіяхъ, оказались даже болѣе мужественными и энергичными въ борьбѣ, чѣмъ мужчины. Такимъ образомъ, лица, которыя, казалось, живутъ еще традиціями среднихъ вѣковъ, увлекались революціоннымъ потокомъ. Доведенные до скотскаго состоянія, рабочіе полей и рудниковъ дѣлались людьми, а природныя способности и наследственная живость латинскаго ума возмѣщали недостатокъ образованія.

Пролетаріи громадними массами стали входити въ соціалістическія организаціи и рабочіе союзы, изъ которыхъ многіе, какъ напр., союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ или союзъ типографскихъ рабочихъ, могутъ смѣло тягаться съ рабочими союзами самыхъ передовыхъ странъ.

Переломъ рабочаго и соціалістическаго движенія въ Италіи начался со времени несчастныхъ событій въ Сициліи и репрессивной политики, характеризовавшей министерство Крипси и рѣзко осуждавшейся людьми разныхъ политическихъ лагерей съ безсознательнымъ скотомъ г. Рудини во главѣ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ послѣднему прикладывать свою руку къ такимъ репрессіямъ, въ сравненіи съ которыми репрессіи Крипси кажутся дѣтскою игрой.

Но преслѣдованія Крипси не достигли цѣли. Выборъ избирателей палъ на большое число осужденныхъ въ Палермо; въ концѣ концовъ династія поняла, что она вступаетъ на опасный путь, рѣшаясь задерживать ихъ въ тюрьмѣ, и была вынуждена общественнымъ мнѣніемъ возвратити имъ свободу.

Какъ во время этихъ преслѣдованій, такъ и въ послѣдующіе годы соціалисты упорно продолжали вести пропаганду всѣми средствами среди промышленныхъ рабочихъ, среди сельскаго пролетаріата и среди буржуазіи. Цѣлые университеты были завоеваны соціализмомъ, какъ напр., университеты въ Болоніи, въ Павіи и т. д.

Именно во время усиленія пропаганды, явившейся слѣдствіемъ сицилійскихъ событій и состраданія къ ихъ жертвамъ, какъ масло въ огонь, подоспѣли скандалы съ Римскимъ банкомъ, безстыдные поступки министерства Крипси и африканскія неудачи.

Встревоженный народъ возсталъ по полученіи извѣстій съ театра войны, занялъ станціи желѣзныхъ дорогъ, помѣшалъ отходу поѣздовъ съ рекрутами и принудилъ правительство, которое увидало себя на порогѣ революціи, заключить миръ съ Менеликомъ.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, среди нарастающаго ненависти и нужды, вносящихъ смятеніе въ народъ, происходили постоянныя вспышки, предвѣстья бури, которая непреклонно надвигалась.

Стачки сельскихъ рабочихъ, замѣчательныя по стойкости, которую проявляли въ этомъ случаѣ рабочіе, взволновали цѣлыя провинціи. Это было настоящее социалистическое движеніе: крестьяне упорно отказывались работать до завоеванія лучшихъ условій жизни. Не отступая ни передъ угрозами, ни передъ массовыми заключеніями въ тюрьму, они одержали побѣду. Какъ только движеніе прекращалось въ одной области, оно начинало распространяться на сосѣдную. Это было похоже на пороховой фвтиль, который зажегся по всему полуострову, свидѣтельствуя о новой силѣ сопротивленія, объ удивительномъ спокойствіи и стойкости тѣхъ крестьянъ, которые разсматривались до тѣхъ поръ ихъ господами и правительствомъ, какъ часть населенія, платящая подати, но не стоящая вниманія.

Въ этихъ стачкахъ выказалась въ неприкрашенномъ видѣ вся грубость жандармовъ и полиціи. Они безъ малѣйшаго основанія били толпу, какъ изступленные бросались на женщинъ и дѣтей, наносили раны и убивали за одно слово, за одинъ жестъ. Ни въ одной странѣ, быть можетъ, не убили въ одинъ годъ столько людей съ такой радостью, какъ въ Италіи. Всякій разъ, когда собирался народъ, въ него стрѣляли, а умирающіе и раненые оставались въ мученіяхъ на землѣ.

Все это только накопило страшную ненависть и давало предлогъ для жестокой мести. Народъ помнилъ ту грубость, съ которой съ нимъ обращались и только ждалъ обостренія событій, чтобы возстать.

Такимъ образомъ, революціонныя движенія, которыя въ маѣ текущаго года покрыли Италію кровью, не были социалистическими движеніями въ собственномъ смыслѣ этого слова. Народъ, противясь властямъ, защищаясь револьверами и баррикадами, очень хорошо зналъ, что не сдѣлаетъ въ этомъ случаѣ никакой социальной рево-

люцін. Поэтому, не было ничего заранее приготовленнаго, предустановленнаго. Это была внезапная, неудержимая, бессознательная вспышка. Голодъ вызвалъ первыя демонстраціи, рѣзня на югѣ и въ Павіи возмутили миланскихъ пролетаріевъ. Это былъ энергичный, совершенно естественный и непреодолимый протестъ, который вспыхнулъ въ самыхъ нѣдрахъ народной души. Народъ оказалъ сопротивление прекрасное, спокойное и героическое. Онъ сопротивлялся впродолженіе четырехъ дней, не смотря на нерѣшительность социалдемократическихъ депутатовъ, которые, въ вознагражденіе, были брошены въ тюрьму, какъ подстрекатели во время возмущенія. Подъ градомъ пуль и картечи, бросая въ солдатъ камни изъ разбитой мостовой и черепицы съ крышъ, народъ безстрашно наблюдалъ, какъ сотни несчастныхъ падали съ головой, пробитой пулею, какъ умирали женщины, мужественно стоявшія у баррикады. Народу удалось противостоятъ двадцатитысячной арміи.

Но въ концѣ концовъ Миланъ сдался. Оффиціальныя цифры убитыхъ и раненыхъ были постыдно поддѣланы. Правда заключается въ томъ, что было больше 600 убитыхъ и 2000 раненыхъ, не считая тѣхъ, кто участвовалъ въ возстаніяхъ въ другихъ мѣстахъ; среди нихъ было не меньше 300 убитыхъ и тысячи раненыхъ.

Подавленіе возстанія было ужасно. Всѣ политическія или экономическія общества всего итальянскаго королевства были закрыты; всѣ извѣстные социаллисты были арестованы, по всей Италіи были созваны гнусные военные суды, которые осуждаютъ безъ доказательствъ, по одному приказанію правительства. А между тѣмъ, буржуазія прекрасно знала, что возстаніе это было однимъ изъ наиболѣе внезапныхъ и неудержимыхъ движеній, и что социаллисты употребили всѣ средства, чтобы отговорить народъ отъ безполезной рѣзни.

Несмотря на то, что эти факты должны вызвать сильнѣйшую боль во всякомъ умѣющемъ чувствовать человѣкѣ, ихъ значеніе громадно. Они подписали въ городѣ, который справедливо называется головой Италіи, идей-

ное банкротство Савойской династии, завершение современной системы, ставшей отныне невыносимой. Реакция окажется бессильной в виду революционного движения среди итальянских пролетариев. Человеческие силы не в состоянии подавить потрясения, которое сообщилось всей Италии, до ее крайних границ.

Месть монархической буржуазии только приблизит революцию и сделает ее более жестокой. Социалисты, более спокойные во время этой бури, продолжают пока пропаганду своих идей, презирают грозящую им опасность тюремного заключения и домашнего обыска и, готовые на все, ждут событий.

Они очень хорошо знают, что не их революция, не Италия, страна, в экономическом отношении отсталая, по крайней мере, на подолжия, первая подымет красное знамя освобождения пролетариата всего мира. Но от них зависит приобретение более свободной формы государственного строя, облегчения пропаганды, словом, более свежего воздуха. Итак, пусть они предвидят будущия сражения, пусть надеются на скорое избавление от настоящих невыносимых условий жизни своего народа. В Италии не забывают пролитой крови.

Д-ръ Оливетти.

Некоторые черты рабочего движения в Швеции.

Общественные условия мало благоприятствовали быстрому росту социалдемократического движения в Швеции, так как крупная промышленность сосредоточена в ней в очень немногих центрах и развита пока слабо. Даже в самых населенных местностях 80 % населения живет в деревнях, занимается земледельческим трудом или работает около какой-нибудь небольшой фабрики, расположившейся у водопада, для удешевления производства,

Все рабочее движение сосредоточено в городах, и

первый толчекъ къ его развитію данъ былъ либеральной буржуазіей, которая, добиваясь расширенія политическихъ правъ, способствовала распространенію образованія въ народѣ, путемъ устройства лекцій, чтеній и т. д. При этомъ особенныя усилія употреблялись на то, чтобы затушевать противоположность классовыхъ интересовъ; доказывалось, напр., что только благочестіемъ, богобоязненностью да бережливостью и прилежаніемъ рабочіе могутъ улучшить свое положеніе. Насколько такая проповѣдь вліяла на рабочихъ — благодаря экономическому строю общества, въ которомъ не было еще рѣзкой разницы между классами и каждый думалъ сдѣлаться послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы и копенія хозяйномъ мастерской, — видно, напр., изъ первой стачки въ Сюдсвалѣ (Syndswall) въ 1879 году. Этотъ городъ расположенъ въ сѣверной Швеціи на берегу моря и составляетъ центръ лѣсной торговли. Рабочіе принуждены были прекратить работу, такъ какъ дѣны на съѣстные припасы повысились до невозможности существовать на скудный заработокъ. Эта первая стачка носила какой-то религіозный оттѣнокъ. Рабочіе собирались и пѣли молитвы и псалмы, вѣруя, что богъ имъ поможетъ.

Однако и эта стачка такъ возмутила буржуазію, что на стачечниковъ двинуты были войска, которыя принудили безоружныхъ рабочихъ приняться за работу на старыхъ условіяхъ.

Но уже въ 1881 году противъ шведской буржуазіи выступила изъ нѣдръ пролетаріата сила, гораздо болѣе грозная, чѣмъ неорганизованные стачечники Сюдсвала. Изъ Германіи вернулся портной Тольма и сгруппировалъ вокругъ себя передовыхъ рабочихъ, подъ общимъ девизомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Въ слѣдующемъ году онъ основалъ социалъдемократическую газету.

Съ этого момента начинается ростъ социалъдемократіи, правда медленный (въ силу выше сказанныхъ условій), но постоянный. А вмѣстѣ съ этимъ ростомъ начались и преслѣдованія лицъ, способствовавшихъ ему.

Однихъ обвиняли въ оскорбленіи короля, другихъ за то, что они оскорбили парламентъ или чиновниковъ, а третьихъ преслѣдовали за богохульство. Такъ, напр., интеллигентъ Даніэльсонъ провелъ полтора года въ тюрьмѣ за отрицаніе догматовъ церкви.

Но не смотря на гоненія и преслѣдованія, социаль-демократія устроила въ 1889 году конгрессъ партіи. Этотъ конгрессъ такъ всполошилъ правительство, что оно внесло въ риксдакъ (парламентъ) законопроектъ противъ новаго и страшнаго врагателя. Но парламентъ отвергъ его, такъ какъ каждая партія опасалась, что новый законъ стѣснитъ ея собственную свободу дѣйствія и будетъ ей вреденъ.

Съ 1890 г. начинается во всей Швеціи рядъ стачекъ и празднованіе перваго мая. Первая майская демонстрація, привлекая до 15 тыс. чел., вынудила многихъ предпринимателей сократить рабочій день, продолжительность котораго раньше простиралась до 13-15 час.

Соціалдемократическая партія располагаетъ въ настоящее время двумя ежедневными и двумя еженедѣльными газетами, не считая изданій (около 20) различныхъ промышленныхъ союзовъ, имѣетъ свои типографіи, народные дворцы и въ Стокгольмѣ магазинъ различныхъ вредметовъ потребленія вплоть до табака и сахара. Партія теперь уже можетъ содержать значительное количество лицъ, всецѣло отдающихъ свое время освобожденному движенію. Нѣсколько рабочихъ, выдвинувшихся своею талантливостью, разъѣзжаютъ теперь изъ одного города въ другой и агитируютъ среди своихъ отсталыхъ братьевъ въ пользу организаціи профессиональных союзовъ и кассъ борьбы. Характеръ этихъ союзовъ не всегда социалистическій, но съ теченіемъ времени рабочіе развиваются и примыкаютъ къ социаль-демократіи.

Число членовъ социальдемократической партіи было по отчету за 1896 годъ 21.261 чел. (въ 1894 — 7 тыс. чел.) А майскія демонстраціи показываютъ, что въ массахъ все больше и больше растетъ пониманіе своихъ

интересовъ и сочувствіе къ партіи. Напр., въ 1897 г. въ майской демонстраціи въ Стокгольмѣ участвовало около 11 тыс. чел., а въ пинѣшнемъ — 28 тыс. чел.

Успѣхи социалдемократіи сильно тревожатъ буржуазію, которая бросила прикрываться красными словечками и выступила теперь во всемъ своемъ непривлекательномъ видѣ. Теперь уже не говорятъ о благѣ рабочихъ, а толкуютъ о необходимости ограничить ихъ право устраивать союзы.

Но рабочее движеніе растетъ на зло врагамъ и оно побѣдитъ ихъ. Теперь все чаще и чаще вспыхиваютъ стачки, которыя, благодаря единенію и стойкости рабочихъ, оканчиваются пораженіемъ капиталистовъ. Даже слабохарактерный рабочий не станетъ работать, разъ рабочая организація высказалась въ пользу стачки: онъ знаетъ, что его объявятъ въ рабочихъ газетахъ измѣнникомъ и что ему не найти работы тамъ, гдѣ имѣются рабочія организаціи.

Стачки сдѣлались теперь обычнымъ явленіемъ. Въ 1897 г. было 90 стачекъ, въ которыхъ принимало участие 5930 чел., потерявшихъ въ общей сложности 80.100 рабочихъ дней. Эти цифры нѣсколько меньше цифръ 1896 года потому, что прошлый годъ былъ употребленъ партіей на расширеніе рабочаго союза и на укрѣпленіе существующихъ организацій. Это было вызвано дѣльнымъ рядомъ случаевъ, въ которыхъ хозяева запрещали своимъ рабочимъ принимать участіе въ профессиональныхъ союзахъ, и членовъ послѣднихъ и агитаторовъ прогоняли. Теперь такое отношеніе къ свободѣ рабочихъ проявляется все чаще и чаще. Но рабочіе не дремлютъ, а сплываются все тѣснѣе и тѣснѣе въ одну большую армію, добывающуюся, какъ ближайшей цѣль, всеобщаго избирательнаго права для парламента. На послѣднемъ конгрессѣ принято рѣшеніе организовать всеобщую стачку, если парламентъ и правительство не уступятъ этому требованію рабочей партіи.

ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВО ФРАНЦІИ *)

I.

Въ великой республикѣ происходятъ странныя вещи. Врядъ ли гдѣ нибудь въ Европѣ реакція дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи, врядъ-ли гдѣ-нибудь общественное мнѣніе настолько провпкнуто человѣконенавистническими, антикультурными идеями, такъ испорчено и извращено.

Изъ трехъ лагерей, на которые разбита теперь Франція, лагерь реакціи разросся до небывалыхъ размѣровъ. Онъ состоитъ изъ разнообразныхъ элементовъ: тутъ и роялисты, и имперіаллисты; хитрые поны, присоединившіеся къ республикѣ, чтобы предать ее; буржуазія, испуганная успѣхами пролетаріата и почти готовая искать спасенія у подножія престола и алтара; грязные демагоги, разжигающіе дурныя страсти нищающаго французскаго мѣщанства; — и, несмотря на кажущуюся пропасть между чонорнымъ президентомъ министерства, Мэлиномъ, и циничнымъ писакой Друмономъ, между бывшимъ политическимъ каторжникомъ Рошфоромъ и агентомъ папы аббатомъ Лемиромъ, — всѣ они одного поля ягоды; вся ихъ отвратительная стѣя съ лаемъ и воемъ старается загнать несчастную республику въ такой закоулокъ, гдѣ любой генералъ сможетъ обуздать и осѣдлать ее.

Второй лагерь составляютъ друзья реформъ — радикалы разныхъ оттѣнковъ. Въ виду надвигающихся черныхъ тучъ реакціи, радикалы, казалось, должны были бы выше поднять свое знамя и настоятельнѣе, чѣмъ когда либо потребовать реформъ. — Ничуть не бывало! Реформаторскій пылъ ихъ вождя, Лаона Буржуа, совсѣмъ охладѣлъ. Отъ его плановъ оста-

*) Корреспонденція эта написана была вскорѣ послѣ выборовъ, о которыхъ въ ней идетъ рѣчь. Редакція.

лясь лишь локотья, которыми сама реакція не прочь прикрыть свою наготу. Радикалы, въ большинствѣ, сами перепугались, видя, что социалисты дѣлають всё логическіе выводы изъ ихъ демократическихъ принциповъ.

Правда, среди нихъ есть и искренніе люди, такъ называемые радикалы-социалисты: эти искренніе возмущены реакціей оппортунистовъ, но и ихъ программа какъ-то блѣдна, а во время самыхъ ужасныхъ проявленій «новыхъ вѣяній» они или молчали, или бормотали что-то не очень вразумительное.

И даже третья армія, — армія сознательнаго пролетаріата, и та, не смотря на таланты своихъ вождей, на свои революціонныя традиціи и свою относительную силу, не проявляетъ достаточно единства и смѣлости. На ряду съ людьми рѣшительными, въ социалистической партіи имѣють вѣсь и слишкомъ осторожныя дипломаты.

Все это стало ясно для всякаго мало мальски внимательнаго наблюдателя послѣ ряда диковинныхъ событій французской жизни, вродѣ безконечнаго ряда панамскихъ процессовъ, тулонскихъ и парижскихъ празднествъ въ честь русскаго царя, поведенія французскаго правительства по отношенію къ испанскимъ и турецкимъ эмигрантамъ, формальнаго союза республиканскаго министерства съ клерикалами и т. п.

Но процессъ Золя превосходитъ всё эти событія, какъ яркій показатель настроенія умовъ во Франціи.

II.

Два года тому назадъ капитанъ Дрейфусъ, богатый еврей, былъ обвиненъ въ предательствѣ. Повидимому, въ военныхъ сферахъ давно были недовольны успѣхами евреевъ въ арміи, потому что слѣдствіе по дѣлу Дрейфуса велось съ неслыханной жестокостью и явнымъ стремленіемъ во что бы то ни стало его засудить. Не смотря на всё уловки слѣдователя Дю-Патт-дю-Клама, не то спирита, не то вовсе рехнувшагося чловѣка, никакихъ доказательствъ виновности Дрейфуса не было, кромѣ компрометирующей записки къ нѣмецкому посланнику, написанной почеркомъ, похождмъ на его дочеркъ.

Нѣкто Бертильонъ, экспертъ, придумалъ цѣлую систему доказательствъ принадлежности записки Дрейфусу. Но система эта до того нелѣпа, что возбудила общій смѣхъ, когда была опубликована. Многихъ она убѣдила въ томъ, что экспертъ Бертильонъ человекъ психически больной.

Кромѣ того выдумали, будто Дрейфусъ признался въ своей винѣ какому-то офицеру. Это позднѣе оказалось ложью.

Недовольствуясь этимъ, г-да генералы передали суду какія-то сомнительныя бумаги, яко-бы обвиняющія Дрейфуса, но ихъ не показали ни ему самому, ни его адвокату, что совершенно противно закону. Осужденіе Дрейфуса, такимъ образомъ достигнутое, вызвало клики радости со стороны католическихъ поповъ и ихъ приверженцевъ, а также со стороны квасныхъ патріотовъ. Многие, однако, указывали на вопіющія несправедливости процесса, но этимъ заканчивается первый актъ драмы.

Въ концѣ прошлаго года уважаемый вице-президентъ сената Шереръ-Кестнеръ случайно удостовѣрился, что записка была писана не Дрейфусомъ. Онъ сообщилъ объ этомъ министрамъ, которые просили его замолчать. Тогда братъ осужденнаго прямо заявилъ, что записка принадлежитъ графу Эстергази, офицеру, извѣстному кутузѣ и картежнику. Открылись его письма, въ которыхъ онъ выражалъ желаніе «задать, во главѣ прусскихъ улановъ, хорошую тренку французской сволочи». Казалось, графъ Эстергази погибъ. Но вѣдь осудить Эстергази значило-бы оправдать Дрейфуса и признать, что военный судъ совершилъ грубую ошибку. И вотъ, вопреки очевиднымъ уликамъ, Эстергази былъ оправданъ. Тогда то заговорила общественная свѣсть и наиболее яркимъ олицетвореніемъ ея явился знаменитый во всемъ образованномъ мірѣ французскій романистъ, Золя, смѣло выступившій на защиту поправныхъ правъ человека и гражданина.

Вокругъ Эстергази и генераловъ собралась вся реакція отъ монархистовъ до антисемитовъ, вокругъ Золя — прогрессивные элементы Франціи. Надо сознаться, что Золя нашель обидно-мало поддержки, что ложится тяжелымъ возроумъ на французское общество.

Сначала генералы притворились, будто презирают нападки Золя, а министерство заявило, что «военное правосудіе» выше всякаго другого. Но Золя осыпалъ оскорбленіями высокопоставленную солдатчину, и снова пришлось судиться. Всѣмъ извѣстно, какъ зажимали ротъ Золя и его адвокатамъ, какъ извращали событія, какъ извращивались г-да офицеры, но все-же міру открылись вопіющія вещи.

Тогда рѣшились на послѣднее средство. Генераль Буадефрѣ, начальникъ французскаго генеральнаго штаба — пригрозилъ суду: «Попробуйте оправдать Золя! Мы почтемъ это за обиду, бросимъ оружіе и пусть нѣмцы приходятъ грабить ваше имущество, жечь дома и насиловать женъ: мы, оскорбленные, будемъ стоять въ сторонѣ!» Вотъ ясный смыслъ его угрозъ. Многіе были возмущены такимъ насиліемъ надъ совѣстью присяжныхъ засѣдателей, но большинство было испугано. Золя присудили къ дѣлому году тюремнаго заключенія. Ожидалось, что министерство сдѣлаетъ внушеніе генералу, направлему своимъ вмѣшательствомъ въ судопроизводство конституцію... Ничуть не бывало. Министры какъ бы молчаливо признали, что граждане подчинены законамъ, а генералы выше законовъ.

А народъ? Что думалъ онъ? Это было неизвѣстно. Что думалъ народъ, стало немного яснѣе только теперь, послѣ выборовъ. Всѣ прислушивались къ мнѣнію народа, но его не было слышно за гикомъ и звономъ продажной прессы. По улицамъ металась какая-то шайка, показывала кулаки Золя, вопила. Юмористическіе журналы дошли до предѣловъ самаго зловоннаго динизма, поны и патриоты оралы: «долой жидовъ!» и многіе, многіе думали, что это и есть народъ.

Да и какъ было думать иначе? Генералы рѣжутъ горло республикѣ при рукоплесканіяхъ черни, а народъ молчитъ! Вожди пролетаріата не бьютъ въ набатъ, не сзываютъ многочисленныхъ митинговъ, не идутъ на встрѣчу крикливымъ прислужникамъ реакціи. Народъ не кричитъ: «вѣтъ! шарлатаны, не смѣйте говорить отъ моего имени!» А вѣдь онъ могъ-бы покрыть своимъ голосомъ весь пискъ и брянчанье газетныхъ скомоховъ.

Народъ оставилъ безъ поддержки Золя и его друзей. Добро-

желатели Франціи со страхомъ смотрѣли въ глаза будущему. Что дадутъ выборы? не ужъ-то и въ правду Франція готова избивать евреевъ, цѣловать лакированные генеральскіе сапоги, радоваться, когда они топчутъ справедливость и проклятіями отвѣчать на всякое разумное слово?

III.

Выборы приобрѣли такимъ образомъ значеніе рѣшительнаго сраженія между шумливой реакціей и, пожалуй, слишкомъ долго молчавшимъ сознательно-революціоннымъ пролетаріатомъ. Избиратели приняли участіе въ выборахъ въ небываломъ числѣ, однако не было никакихъ беспорядковъ или волненій. Выборы прошли сравнительно спокойно.

Всякій кусочекъ забора, всякая тумба и фонарь, стѣны публичныхъ зданій и даже памятники были покрыты красными, желтыми, синими, зелеными и трехцвѣтными афишами, съ именами кандидатовъ, напечатанными жирными черными буквами и съ краснорѣчивыми, чисто французскими программами.

Нигдѣ звонкая фраза и трескучее слово не срывается съ языка съ такою легкостью, какъ во Франціи. И чего только нѣтъ въ этихъ программахъ: то яркими красками описывается порядокъ, миръ и благоденствіе, которое сразу водворилъ бы во Франціи монархъ, то жгучіе упреки сыплются по адресу евреевъ и иностранцевъ и общаются «Францію — французамъ», то показываютъ фантастическія перспективы промышленнаго прогресса, то, наоборотъ, клянутъ капитализмъ и плачутся надъ судьбой мелкихъ собственняковъ. Всѣ буржуазныя партіи постарались разукраситься, набѣлизиться и нарумяниться.

Если афиши пестрятъ красивыми словами и заманиваютъ избирателей сладкими улыбками, то онѣ же выливаютъ съ остервененіемъ упаты помоевъ на конкурентовъ. Конечно, въ этомъ отношеніи всѣхъ превосходятъ демагоги-антисемиты, вѣдь на грязныхъ ругательствахъ и безсовѣстной клеветѣ они и нажились и приобрѣли вѣсъ: это ихъ спеціальность.

Въ школахъ, ресторанахъ, театрахъ съываются народныя собранія. И опять таки вы услышите здѣсь потоки краснорѣ-

ція и площадную. ругавъ. Послѣ кандидатовъ часто перессорятся и слушатели и, иной разъ, дѣло кончается свалкой.

Если хотите, многое въ избирательной агитаціи смѣшно, многое отвратительно: но жалокъ тотъ, кто не разсмотритъ за этой внѣшностью великаго принципа — народовластія! Если впускъ наудренныхъ маркизовъ, буржуазные толстосумы, генералы и ихъ агенты лѣзутъ вонъ изъ кожи, льстятъ народу и ругаютъ другъ друга въ какомъ то неопысуемомъ волненіи, то это потому, что сами они безъ народа ничто. Въ дни выборовъ они занескиваютъ у народа и счастливы малѣйшимъ проявленіемъ его вниманія.

Къ сожалѣнію, народъ еще недостаточно сознаетъ свою мощь, въ его средѣ еще много людей легковѣрныхъ, попадающихся на удочку обманщиковъ, не мало и просто трусливыхъ, продажныхъ людей, которые, составляя довольно компактную массу, обезпечиваютъ иной разъ успѣхъ проходнякамъ и проваливаютъ преданнѣйшихъ друзей эксплуатируемыхъ массъ.

Но социалистическая пропаганда дѣлаетъ свое дѣло. Врядъ ли какая нибудь другая партія держала столько собраній и такъ воодушевленно работала, какъ социалистическая. Я присутствовалъ, между прочимъ, въ собраніи, гдѣ Миллерану пришлось поддерживать кандидатуру Шовьера, которому грозили не только враги, но и свои братья социалисты.

Собралось множество народа, тысячъ до 4-хъ. Между тѣмъ, захъ былъ для этой массы людей недостаточно великъ, поэтому жара стояла невыносимая. Кругомъ меня сплошной толпой стояли рабочіе, пришедшіе прямо изъ мастерскихъ, въ сажѣ, въ краскахъ, утомленные длиннымъ рабочимъ днемъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ они съ глубокимъ вниманіемъ слушали ораторовъ; порою раздавались шумныя рукоплесканія, энергичныя одобренія вырывались то у одного, то у другого, и каждый забывъ и смертельное утомленіе отъ тяжелой работы, и несносную духоту.

Миллеранъ открылъ собраніе большою рѣчью, въ которой излагалъ принципы социализма и ближайшія задачи предстоящей сессіи. «Социалистовъ упрекаютъ, сказалъ онъ, въ томъ,

что они враги собственности и въ тайнѣ стремятся отнять послѣдніе крохи у лавочниковъ, ремесленниковъ и крестьянъ... но это ложь, потому что воръ и разбойникъ, ежедневно лишаящій сотни лицъ ихъ собственности, выгоняющій ихъ изъ дѣдовскихъ домовъ, заставляющій закрывать лавочку или превращающій крестьянина въ закабаленнаго батрака, этотъ воръ и разбойникъ, тайно и явно грабящій мелкихъ собственниковъ — капиталъ! Капиталь есть отрицаніе собственности, онъ всѣхъ стремится низвести до положенія немущаго пролетарія, и всю собственность, тысячекратно возросшую, соединить въ своихъ алчныхъ рукахъ! Соціалисты хотять вырвать изъ этихъ цѣлкихъ рукъ народное имущество, что бы отдать его всей націи. Поэтому соціалисты не только друзья рабочаго люда, но и крестьянъ и мѣщанъ, потому что тѣ и другіе — пролетаріи недалекаго будущаго.

Но существуетъ другой упрекъ: соціалисты-де враги отечества и находятся въ постоянномъ заговорѣ съ иностранцами. И это ложь: дѣйствительно, пролетаріи всѣхъ странъ соединились для борьбы съ интернаціональнымъ капиталомъ, они далеки отъ того, что бы считать отечествомъ генераловъ и дипломатовъ, которые говорятъ велѣдъ за Людовикомъ XIV: «государство это мы», но это не мѣшаетъ соціалистамъ Франціи любить свой родной языкъ, гордиться ея исторіей, и изъ всѣхъ силъ стремиться въ благородномъ соревнованіи осуществить какъ можно скорѣе идеаль справедливости у себя на роднѣ. — Но соціалисты, говорятъ противники наши, вѣчно носятъ съ утопіями, они забываютъ настоящій день; опьяненные зрѣншемъ лучшаго будущаго, они не находятъ для нашего времени ничего, кромѣ проклятій. Неправда! И лучшимъ доказательствомъ этому послужитъ то, что соціалисты потребуютъ двухъ реформъ у правительства: учрежденія кассы пенсій для престарѣлыхъ рабочихъ, средства для которой долженъ дать прогрессивный подоходный налогъ, и уменьшенія срока военной службы съ 3-хъ до 2-хъ лѣтъ. Обѣ реформы пользуются широкой популярностью въ народѣ! обѣ овѣ назрѣли и вполне осуществимы. Если правительство ихъ осуществитъ, если оно уступитъ требованіямъ соціалистовъ, то

кто рѣшится упрекнуть ихъ въ непрактичности? А если правительство отвергнетъ эти необходимыя и разумныя реформы, народъ будетъ знать окончательно, гдѣ друзья и гдѣ враги его!

Всякій сознательный гражданинъ, если онъ не эксплуататоръ, долженъ знать, что ему слѣдуетъ вопиовать за социалиста Шовьера, который въ продолженіе 4-хъ лѣтъ вель въ палатѣ народную политику. Но, къ сожалѣнію, явились другіе, тоже социалистическіе кандидаты, вносящіе смуту въ головы избирателей. Но имъ надо сказать: господа! то, что вы дѣлаете, не честно! Развѣ мало во Франціи мѣсть, еще не завоеванныхъ социализмомъ? Отчего не идете вы туда, на почетную борьбу съ нашими врагами? Ваше мѣсто тамъ, а не здѣсь, гдѣ вы стараетесь вырвать мандатъ изъ рукъ достойнаго товарища!»

Послѣ Миллерана потребовалъ слова простой рабочей, который заявилъ, что хочетъ поставить ему нѣсколько вопросовъ: «я очень уважаю нашихъ представителей, сказалъ онъ, но это не мѣшаетъ мнѣ критически относиться къ ихъ поведенію. Такъ напр., я не понимаю, отчего депутаты Миллеранъ и Шовьеръ не голосовали противъ ассигнованія денегъ на пріемъ русскаго царя, а позднѣе на путешествіе Фора въ Россію? Это недостатокъ мужества! Соціалисты должны были-бы всё, какъ одинъ человѣкъ, протестовать противъ позорнаго союза демократической республики съ восточнымъ деспотомъ. Я сожалѣю о такомъ поведеніи депутатовъ!»

Эти слова были приняты слушателями очень сочувственно. Всегда пріятно слышать такіе упреки, свидѣтельствующіе о внимательномъ отношеніи язбирателей къ парламентской жизни. Пріятнѣе всего было ихъ слышать самимъ депутатамъ. Миллеранъ сейчасъ же отвѣчалъ на запросъ.

«Мы не голосовали ни за, ни противъ союза Франціи съ Россіей! „За“ мы не голосовали потому, что мы не могли и не хотѣли освящать его своимъ согласіемъ, а „противъ“ потому, что въ часъ опасности буржуазія упрекала бы насъ въ томъ, что мы лишили Францію всѣхъ ея союзниковъ и предали врагамъ. Теперь, когда и для ребенка ясно, что за миллиарды франковъ и угодливыхъ нашихъ дипломатовъ мы пи-

чего не получили, и что союз для насъ совершенно бесполезенъ, мы можемъ безповоротно его осудить».

Послѣ короткой рѣчи Шовьера собраніе единогласно рѣшило энергично поддерживать его кандидатуру. Какъ обыкновенно, оно закончилось пѣніемъ. Всѣ 4 тысячи человекъ стройно пропѣли величественную «Интернаціональную пѣсню» и ухарскую «Карманьолу».

IV.

Такія или подобныя собранія, многолюдныя, съ запросами со стороны избирателей и отчетами депутатовъ, держались по всей Франціи сотнями.

Борьба повсюду была жаркая. Подкупъ, лесть, угрозы, обманъ, клевета, все было пущено въ ходъ противъ социалистовъ. Въ Рубэ, округъ Гада, капиталисты пользовались застоємъ въ дѣлахъ и грозили голодомъ рабочимъ, посѣщавшимъ собранія и агитировавшимъ въ пользу социалистическихъ кандидатовъ. Кромѣ того, въ теченіи предыдущей сессіи рабочіе на многихъ фабрикахъ были замѣнены иностранцами (нѣмцами и бельгійцами) изъ которыхъ болѣе 2000 человекъ сдѣланы были французскими гражданами съ тѣмъ, чтобы они вотировали противъ социалистовъ.

Въ Кармо, на прошлыхъ выборахъ, Жоресъ побѣдилъ буржуазнаго кандидата, теперь полиція пустила въ ходъ всякія средства, чтобы провалить социалистическаго кандидата: рядомъ съ агентами правительства и капиталистовъ, противъ рабочихъ кандидатовъ выступили разныя буржуазныя партіи, прикрывающія свои протывнародныя стремленія громкими, красными фразами, и нерѣдко надѣвающія на себя даже социалистическую маску. Это — замаскированные, а потому самые зловредные реакціонеры.

Самой сильной поддержкой реакціи были такъ называемые націоналисты. Это кляка безпринципныхъ демагоговъ, 20 разъ мѣнявшихъ свои воззрѣнія, старающихся держать народъ подъ вѣчнымъ страхомъ небывалой «нѣмецкой» опасности, всегда преклоняющихся передъ солдатчиной и готовыхъ до неба пре-

возносить «великую Францію», въ то же время позора ее въ глазахъ иностранцевъ своимъ чванствомъ и своими такими выходками. Во главѣ ихъ стоитъ опытный старый журналистъ Рошфоръ. Съ кѣмъ и противъ кого онъ только не былъ! Несомнѣнные его заслуги, въ прошломъ, тонуть въ морѣ безирравственныхъ поступковъ. Благодаря своему бульварному остро словію, умѣнью подладиться подъ вкусы невѣжественной черни и своему революціонному прошлому, онъ пользуется извѣстностью и довѣріемъ части населенія. И вотъ онъ напрягъ все усилія, чтобы гдѣ только можно провести своихъ друзей, а гдѣ нельзя, то хоть денежныхъ тузовъ, хоть поповъ, только бы не настоящихъ социалистовъ. Съ его пера текли потоки яду, онъ рылся въ личной жизни социалистовъ, въ ихъ прошломъ и глалъ, глалъ и глалъ.

Рядомъ съ нимъ поддерживали клерикально-феодално-буржуазную реакцію — антисемиты съ Друмономъ во главѣ.

Эти господа взяли на себя обязанность направлять справедливое негодованіе народа противъ сосущаго и разоряющаго его капитала, исключительно на евреевъ. Отдавая евреевъ въ жертву, они надѣются спасти классъ капиталистовъ въ его цѣломъ. При томъ же фактически антисемиты обрушиваются только на бѣдныхъ евреевъ а Ротшильдовъ въ сущности оставляютъ въ покоѣ. Могущественные Ротшильды, поэтому, поглядываютъ съ философскимъ спокойствіемъ на заливающуюся лаемъ антисемитскую моську. Друмонъ и его друзья, подъ предлогомъ борьбы съ Дрейфусистами, всюду поддерживали реакцію, т. е. злѣйшихъ враговъ общенародной свободы и равноправія.

И все же социалисты получили 1.000,000 голосовъ. Почти на 400,000 больше, чѣмъ въ предыдущій разъ. Правда, дружныя усилія тайныхъ и явныхъ враговъ рабочаго класса не пропали даромъ; въ 12 округахъ кандидаты социалистической партіи потерпѣли поражение, и между ними Жорестъ, лучший ораторъ Франціи, и Гедъ, основатель французской социалдемократіи (современной). Но въ то же время социалисты выиграли 23 новыхъ депутатскихъ мѣстъ и въ общемъ число ихъ въ палатѣ поднялось отъ 34 до 45. Несмотря

на частичныя пораженія, социаллисты никогда не были такъ бодры, никогда не были болѣе увѣрены въ своей скорой побѣдѣ и такъ готовы къ борьбѣ и пропагандѣ. Соціализмъ наладилъ союзъ всѣхъ своихъ враговъ. Правительственная партія потеряла 30 мѣстъ, министерство сможетъ держаться лишь при поддержкѣ монархистовъ, а это очень опасно для ея друзей, которые очевидно оставить его безъ поддержки и найдутъ на замѣну ему другое, болѣе приличное, которое согласились бы поддерживать и радикалы*). Это не богъ въстаетъ какой уснѣхъ, по все же прекратится позоръ полицейско-поповской политики.

Съ величайшимъ удовольствіемъ сообщаю, что Рошфоръ и Друмонъ немедленно послѣ выборовъ были жестоко освистаны, одинъ въ Парижѣ, на праздникъ въ честь казенныхъ борцовъ Коммуны, другой въ Марселл. Послѣдній былъ даже избитъ. Вообще съ популярностью этихъ господъ кончено. Долго давали они народу камень вмѣсто хлѣба и змѣю вмѣсто рыбы, наконецъ всѣмъ стало ясно, что это за „друзья народа“. Знакъ послѣдняго паденія: обонхъ охраняетъ полиція.

И если, съ одной стороны, Рошфоръ и Друмонъ провели полтора десятка персонажей въ палату, то, съ другой, они потеряли всякій престижъ среди пролетаріата. Пропасть между прогрессивной Франціей и Франціей реакціонной открылась непроходимая и зіяющая. Темные мостики вродѣ кокетничанія Рошфора съ социализмомъ и т. п. рухнули, и слава богу!

Желательно было бы, чтобы социалистическая партія, освободившись теперь отъ своихъ ложныхъ друзей, выросши количественно, пашла бы въ себѣ силы внести въ свою организацію и тактику болѣе единства. Партія была до сихъ поръ разрозненна на многія секты, руководимыя пустыми честолюбцами, во что бы то ни стало старающимися быть «вождями». Давно пора пролетаріату оставить въ сторонѣ

*) Предсказаніе автора сбылось: Министерство Мелля пало и смѣнено было радикальнымъ министерствомъ Бриссона. Но послѣднее, увы! опять должно было уступить мѣсто менѣе «приличному» преемнику. Редакция.

этихъ господъ считаются между собой мѣстами, и объединяться ради общаго дѣла. Съ радостью констатирую, что все идетъ, повидному, къ такому объединенію.

Недавно въ Парижѣ устроенъ былъ грандіозный митингъ, на которомъ масса парижскаго пролетаріата высказалась за объединеніе. Это фактъ большой важности.

Нельзя не пожелать французамъ и большей рѣшимости. Съ Ромфоромъ и антисемитами порвать было необходимо. Между тѣмъ, до выборовъ съ ними церемонились, и это дало возможность понамъ и генераламъ обдѣлывать свои грязныя дѣлашки почти безъ протеста со стороны социалистовъ.

Но и въ этомъ отношеніи можно ожидать счастливыхъ переменъ, такъ какъ наиболѣе революціонная и сознательная изъ социалистическихъ фракцій, «французская рабочая партія», имѣвшая въ прежнемъ парламентѣ всего 4-хъ представителей, теперь имѣетъ ихъ 13.

Словомъ, все обѣщаетъ успѣшную борьбу, болѣе успѣшную, чѣмъ до сихъ поръ, хотя и до сихъ поръ социалистическая партія была самой дѣятельной, сплотившей въ своихъ рядахъ наиболѣе развитые и сознательно-революціонные слои французскаго пролетаріата.

Антоновъ.

Выборы во Франціи. (Изъ Парижа)*).

Не брезгая плчѣмъ, французская буржуазія, истинная воспитательница іезуитовъ, употребляетъ всё средства для священной борьбы съ краснымъ призракомъ. Жандармерія и полиція, суды и тюрьмы, церкви и аббаты, школы и учителя, — словомъ, все зависящее отъ правительства было пущено въ ходъ для того только, чтобы не дать пролетариату добиться политической власти. Чтобы нанести ударъ социализму, она рѣшила прежде всего освободиться отъ лучшихъ представителей международного социализма, выдающихся борцовъ за освобожденіе рабочаго класса — Жореса и Жюля Гедэ. Ихъ горячая преданность рабочему дѣлу, ихъ непреклонная энергія и неутомимая пропаганда по всей Франціи не давали покоя иному классу. Могучее слово Жореса, краснорѣчивѣйшаго оратора Франціи, съ парламентской трибуны быстро разносилось по всей странѣ, привлекая все больше и больше адептовъ въ социалистическій лагерь. Жоресъ всегда выступалъ въ защиту народныхъ правъ, лишь только реакціонное правительство пыталось посягать на ихъ права и свободу. Особенную ненависть возбуждалъ онъ противъ себя въ капиталистахъ во время стачки стекольщиковъ въ Кармо, отъ котораго онъ былъ депутатомъ въ палатѣ. Жоресъ прямо сталъ во главѣ стачечниковъ, агитировалъ за нихъ повсюду и отстаивалъ ихъ интересы противъ богатѣйшаго заводчика этого округа, Рессегье. Съ тѣхъ поръ этотъ предприниматель поклялся не шадить силъ и средствъ, чтобы не допустить опять избранія Жореса въ парламентъ. И онъ сдержалъ свое слово. Когда Жоресъ пріѣзжалъ въ Кармо, чтобы говорить въ рабочемъ собраніи, городъ находился какъ бы въ осадномъ положеніи: вокзалъ окруженъ жандармами, по улицамъ военные патрули, завѣдомыхъ членовъ рабо-

*) Французскіе выборы представляютъ собою такое крупное событіе, что читатели, надѣясь, не будутъ упрекать насъ за помещеніе двухъ корреспонденцій о немъ.
Редакція.

чей партіи безъ всякаго серьезнаго повода забирали въ тюрьмы. Это было истинное провокаторство. Жореса встрѣчали свистками и камнями подкупленные Рессеге босьякп. Когда онъ приходилъ на собраніе, правительственные и хозяйскіе шпіоны бросали въ него стульями, тушили газъ, устранивали драки, — лишь бы разстроитъ собраніе, чтобы не дать рабочему услышать слово Жореса. Противъ Жореса въ кандидаты выставили маркиза Соляжа. Жена „благороднаго“ маркиза разъѣзжала по семьямъ рабочихъ и одаривала всякими тряпками и бездѣлками женъ рабочихъ, чтобы только онѣ заставляли своихъ мужей вотировать за Соляжа. Когда телеграфъ разнесъ по всей Франціи извѣстіе о поражениі Жореса, то извѣстіе это встрѣчено повсюду было сначала взрывомъ негодованія, а потомъ торжества, — да, торжества, потому что, значить, великой силой сталъ социализмъ, если для борьбы съ однимъ только социалстомъ нужно было столько успѣй со стороны буржуазіи.

Другимъ бѣлымъ въ глазу былъ для буржуазіи Жюль Гедъ, старый боецъ-соціалстъ, принимавшій участіе въ коммунѣ 1871 года. Жюль Гедъ, первый, познакомилъ французскаго рабочаго съ научнымъ социализмомъ; первый, организовалъ рабочихъ въ отдѣльную политическую партію пролетаріата, имѣющую свою программу, свои цѣли, свои способы борьбы. Много социалистическихъ школъ есть во Франціи, но ни одной изъ нихъ французская буржуазія не ненавидитъ такъ, какъ школу *гедистовъ* (или коллективистовъ; такъ называютъ себя французскіе послѣдовательные социалдемократы). Буржуазія не страшна бунтующей рабочей, пассивно борющейся противъ своихъ угнетателей; ей страшна организованный пролетаріатъ, сознающій свои классовые интересы, непреклонно и систематически борющийся съ классомъ эксплуататоровъ. Поэтому-то французская буржуазія такъ жадно стремилась къ тому, чтобы вытѣснить изъ парламента Жюля Геда.

По закону, рабочій вотпруеть за того, за кого онъ

хочетъ, за кого велитъ ему вотировать его совѣсть свободнаго гражданина. Что было бы, однако, еслибы всѣ французскіе рабочіе, у которыхъ уже развито классовое сознание, вотировали по своей совѣсти! Можетъ-ли буржуазія допустить, чтобы всѣ рабочіе — ея враги — вотировали по своей совѣсти, т. е. за социалстовъ. Конечно, нѣтъ, и въ ея рукахъ есть много средствъ для того, чтобы заставить рабочаго вотировать за того, за кого вотируетъ его хозяинъ; могущественнѣйшее изъ нихъ, конечно, голодъ. Хозяинъ угрожаетъ рабочему прогнать его съ фабрики, если послѣдній будетъ вотировать за социалиста. Хозяинъ раздаетъ заранѣе всѣмъ рабочимъ бюллетени, т. е. бумажки, на которыхъ выставлено имя хозяйскаго кандидата, затѣмъ старшій мастеръ или хозяйскій агентъ ведетъ рабочихъ къ урнѣ, чтобы они какъ-нибудь не опустили въ нее другого бюллетеня. Жюль Гедъ рассказываетъ, что когда одинъ рабочій взялъ какъ-то бюллетень, на которомъ было написано имя Жюля Геда и хотѣлъ опустить въ урну, старшій мастеръ немедленно заявилъ рабочему, чтобы онъ больше не приходилъ на фабрику. Гдѣ не дѣйствовала угроза, тамъ пускали въ ходъ подкупъ. Противникомъ Жюля Геда выступилъ миллионеръ-промышленникъ. Въ теченіе всего избирательнаго періода рабочимъ раздавали въ будни по 10 франковъ, а въ праздники по 15 франковъ.

Плохо, однако, разсчитала буржуазія. Жоресъ и Жюль Гедъ останутся и внѣ парламента тѣми же пропагандистами и борцами за освобожденіе рабочаго класса, и несмотря на правительственное и хозяйское давленіе, выборы дали побѣду социалистамъ. Число социалистическихъ депутатовъ увеличилось на 13 чел. (теперь будетъ 46 социалстовъ въ палатѣ), но число поданныхъ за социалстовъ гласовъ при выборахъ увеличилось чуть не вдвое сравнительно съ прежними выборами. Крупнѣйшіе французскіе города, Парижъ, Ліонъ и Марсель будутъ представлены въ палатѣ почти одними только социалистами.

Большее значение, однако, имели эти выборы в принципиальном отношении. Они показали, что единственные истинные республиканцы теперь во Франции — рабочие: кровью своею последние создали республику в 1871 году, вотомъ своимъ охраняютъ она ее теперь отъ буржуазныхъ партій. Безпринципная, ополчившаяся французская буржуазия готова пожертвовать своей республиканскою свободою, лишь бы ее гарантировала отъ надвигающейся на нее грозы; она работаетъ передъ русскимъ десантомъ, она заключаетъ у себя на роднѣ позорные союзы съ монархистами, клерикалами, антисемитами для совместной борьбы съ социализмомъ. Всѣ буржуазныя фракціи слились теперь в одну партію антисоциалстовъ. Передъ общимъ врагомъ тѣмъ же объединились и социалисты. Они очистили себя отъ авантюристовъ, которые, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній, пристають къ той партіи, на сторонѣ которой въ данную минуту сила; къ такимъ авантюристамъ принадлежитъ маркизъ Рошфоръ, называющій себя социалстомъ, а между тѣмъ своимъ антисемитическимъ и шовинистическимъ выходкамъ позорищій знамя социализма. Только тотъ можетъ считать себя социалстомъ, кто стоитъ за достиженіе политической власти пролетариатомъ, за переходъ частной собственности въ общественную и за международное братство рабочихъ. Двѣ партіи оспариваютъ теперь власть другъ у друга: одна — буржуазная, консервативная, другая — рабочая, республиканская, социалистическая. Промежуточная партія радикаловъ, представителей мелкой собственности, мало по малу исчезаетъ, какъ исчезаетъ сама мелкая собственность, побиваемая крупной. Одни изъ радикаловъ, какъ Леонъ Буржуа, переходятъ къ буржуазіи, другіе, какъ Камилль Пельтацъ, пополняютъ ряды социалстовъ. Поле очищается къ послѣдней и рѣшительной битвѣ — социальной революціи.

Виргинъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АВСТРИИ.

(Страничка изъ политической жизни въ Австрии).

28-ое ноября прошлаго года было знаменательнымъ днемъ для Австрии. Въ этотъ день пало министерство графа Бадени, пало по вслѣдствію обычныхъ салонныхъ и придворныхъ интригъ, а подъ напоромъ народа, вышедшаго на улицу, подъ предводительствомъ рабочей партіи, протестовать противъ ненавистнаго министерства. Десятки тысячъ рабочихъ загроудили улицы Вѣны, окружили парламентъ, университетъ, заполнили все аристократическіе кварталы великолѣпной австрийской столицы; цѣлый день длилась эта демонстрація, и море головъ вознозилось на главныхъ улицахъ Вѣны; испуганный императоръ уѣхалъ изъ Вѣны, венгерскіе гусары оцѣпили зданіе парламента, въ воздухѣ вѣяло революціей.... И что-же? Въ тотъ-же день къ вечеру разпелась по городу радостная вѣсть. Народъ побѣдилъ. Ненавистный графъ Бадени, осмѣлявшійся въ пятницу ввести полицію въ парламентъ, въ воскресенье, черезъ два дня, палъ подъ ударами народнаго негодованія; всеобщій министръ, который, вступая на свой постъ, заявилъ парламенту, что не дастъ ему руководить собою а самъ будетъ руководить имъ, министръ „съ желѣзной рукой“, какъ его прозвала рабочая пресса, министръ, который цѣлый годъ оставался на своемъ посту, несмотря на энергичную парламентскую оппозицію со стороны буржуазныхъ партій, который позволялъ себѣ самыя возмутительныя издѣвательства надъ этой оппозиціей, а въ довершеніе всего опозорилъ парламентъ своими полицейскими башибузуками,—этотъ архиреакціонный министръ палъ въ тотъ же день, какъ этого потребовалъ народъ.... Не успѣли еще разойтись демонстранты, не успѣли еще гусары вернуться въ свои казармы, какъ требованіе народа было исполнено.

Всего за восемь мѣсяцевъ до этого знаменательнаго дня представители пролетаріата вступили въ австрийскій парламентъ. Ихъ было немного, всего четырнадцать человекъ: господствующіе классы не рѣшились дать народу всеобщее, прямое и равное избирательное право и предоставили ему всего 75 депутатскихъ мѣстъ

въ парламентъ, тогда какъ остальные 400 лишкомъ депутатовъ избираются, по прежнему, крупными землевладельцами, духовенствомъ, торговыми палатами и т. дал. Нѣкій аббатъ попалъ въ парламента только благодаря тому, что за него голосовало восемь крупныхъ землевладельцевъ, а въ крупныхъ фабричныхъ округахъ, на одного депутата приходится иногда 40 тысячъ избирателей. Но не въ числѣ депутатовъ только дѣло. Четырнадцать социалдемократовъ въ парламентъ были силой, потому что за ними стояла народная масса, не темная крестьянская масса, голосовавшая по приказу своихъ патеровъ за клерикаловъ и дворянъ, а сознательная армія рабочаго пролетаріата. Социалистическіе депутаты представляли въ парламентъ сами по себѣ правительственную силу. Они одни во всемъ парламентѣ не продавали своихъ убѣжденій, не вступали въ сдѣлки съ правительствомъ, какъ это сплошь, да рядомъ случается съ буржуазными партіями. Даже самая демократическая буржуазная партія въ австрійскомъ парламентѣ, младочехи, забыла весь свой демократизмъ и пошла на службу къ графу Баденя, когда онъ посулялъ ей исполненіе ея узконаціональныхъ требованій.

Я былъ свидѣтелемъ народнаго движенія, заставившаго австрійскаго императора уволить своего любимаго министра, и намѣренъ въ настоящемъ очеркѣ позвѣлиться своими впечатлѣніями съ читателями. Обстоятельства, вызвавшія это событіе, въ общихъ чертахъ, слѣдующія.

Австрійская монархія не представляетъ изъ себя такого однороднаго цѣлаго, какъ, напримѣръ, Франція, Германія, Италія, а заселена самыми разнообразными національностями: пѣмцами, чехами (въ провинціи Богемія), поляками, руссинами (въ провинціи Галиція), словаками, евреями и т. д., и весь нестрий составъ держится не внутренней связью своихъ элементовъ, а, напротивъ, какъ это ни странно, взаимной національной враждой и неприязнью, которой ловко умѣетъ пользоваться центральное вѣнское правительство, направляя эти національности одну на другую, дѣлая одной уступки на счетъ другой. Такъ, когда въ 1846 г. поляки въ Галиціи намѣревались отпасть отъ Австріи, правительство направило на нихъ руссинскихъ (малоруссинскихъ) крестьянъ, которые произвели кровавую рѣзню между поляками-попѣшика-

ми; въ 1848 г., когда венгры подъ предводительствомъ Кочута, объявили династію Габсбурговъ лишевною престола и отпали отъ Австріи, имперское правительство послало противъ нихъ словацкія полчища Теллачича, которыя помогли задушить возстаніе; на этотъ разъ правительство воспользовалось національною враждою между венграми и словаками. Австрійское правительство слѣдовало коварной политикѣ древнихъ римлянъ и Макіавелля: раздѣляй и властвуй! Оно пользовалось враждою между различными національностями австрійской имперіи, нарочно сѣяло между ними сѣмена раздора, для того чтобы всегда быть въ состояніи подавить оппозицію одной изъ нихъ съ помощью другой и не допустить ихъ до совместнаго дѣйствія.

То же самое произошло и въ послѣднее время. Графъ Баденн, желая имѣть въ своихъ рукахъ парламентъ, прибѣгнувъ къ излюбленному средству австрійскаго правительства, онъ сравнялъ между собою нѣмцевъ и чеховъ. Онъ бросилъ чехамъ полачку въ видѣ такъ называемыхъ распоряженій о языкахъ, дѣлающихъ чешскій языкъ равноправнымъ съ нѣмецкимъ въ судѣ и администраціи Богеміи, и чешскіе депутаты предались ему душой и тѣломъ за эту чечевичную похлебку. Нѣмецкіе депутаты, въ свою очередь, перешли въ крайнюю оппозицію и сдѣлали невозможными засѣданія парламента*). Тогда графъ Баденн сталъ править

*) Какъ извѣстно, и социалъдемократы были противъ „распоряженія о языкахъ“. Это, на первый взглядъ, странное поведеніе рабочей партіи объясняется прежде всего тѣмъ, что подъ видомъ равноправія языковъ правительство устанавливало въ Богеміи привилегію для чешскаго языка и сдѣлало это *самовластно*, помимо народныхъ представителей, являющихся въ конституціонныхъ странахъ главною законодательною властью. „Распоряженіе о языкахъ“ было, следовательно, противозаконнымъ актомъ со стороны правительства и уже по тому одному должно было вызвать противъ себя рѣшительную оппозицію не только со стороны нѣмецкихъ націоналистовъ, но и всѣхъ искреннихъ друзей народнаго самоуправленія и конституціонныхъ гарантій народной свободы. И въ самомъ дѣлѣ, противъ самовластнаго образа дѣйствія правительства возстали единодушно — вмѣстѣ съ нѣмецкими социалъдемократическими депутатами — польскіе и чешскіе. Рабочая партія требовала единодушно, чтобы вопросъ о языкахъ въ Богеміи и во всей Австріи рѣшенъ былъ дѣйствительно на основа-

безъ парламента; правительство рѣшало путемъ административныхъ распоряженій самые важные вопросы государственной жизни. Славянское большинство въ парламентѣ было послушнымъ работъ польскаго министръ-президента, а нѣмецкая оппозиція была безсмысла, потому что за ней не стояла пародная масса.

Въ то время, какъ всѣ буржуазныя партіи были разражены и парализованы этой національной рознью, разжигаемой правительствомъ, социалъдемократическіе депутаты не поддавались ея развращающему вліянію и не измѣняли принципамъ демократіи и международнаго братства, помня слова Карла Маркса: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединитесь!“ Национальная борьба происходила между чешскою и нѣмецкою буржуазіей, рабочіе стояли въ сторонѣ отъ нея; чешскій рабочій не имѣетъ причины ненавидѣть нѣмецкаго работника, они оба страдаютъ отъ одинаковаго гнета. Что-же касается до чешскою и нѣмецкою буржуазіи, то для нея національная борьба есть только приличная оболочка, подъ которой скрывается экономическая конкуренція фабрикантовъ той и другой націи, имѣющая очень мало общаго съ такъ называемыми „національными идеалами“. Въ парламентѣ представители нѣмецкою буржуазіи — искренно или неискренно — ссылались на преимущества нѣмецкой культуры, на великихъ нѣмецкихъ мыслителей и поэтовъ, на Канта, Шаллера, Гете; самый горячій изъ нѣмецкихъ депутатовъ, Вольфъ, обвинялъ чеховъ въ томъ, что они — второстепенная нація, заимствовавшая у нѣмцевъ всю свою культуру. Чехи, въ свою очередь, ссылались на древность средневѣковаго чешскаго королевства, на древніе памятники національной чешской литературы, чуть-ли не на поэму „Любушу“ и т. д. Но всѣ эти фразы были лишь ширмами, прикрывавшіи истинную, реальную сущность дѣла. А сущность эта заключалась въ слѣдующемъ.

Чешская буржуазія — продуктъ сравнительно позднѣйшаго времени, тогда какъ нѣмецкая буржуазія уже давно стала твердой ногой на чешской почвѣ; почти всѣ крупныя промышленныя и торговныя предпріятія въ Чехіи находятся въ рукахъ нѣмцевъ; такимъ образомъ, нѣмецкая буржуазія является въ Чехіи крупной пн полного равноправія — путемъ всесторонняго обсужденія его парламентомъ и выработки имъ соответствующихъ законовъ. Ред.

буржуазіей, а чешская буржуазія — (пока) мелкой; чешскими предпринимателямъ трудно совладать съ богатыми капиталами нѣмецкихъ фабрикантовъ, поэтому они вводятъ въ экономическую конкуренцію посторонній элементъ—національную вражду, возбуждаютъ толпу (конечно, не сознательныхъ рабочихъ, понимающихъ свои интересы) противъ нѣмцевъ и стараются при помощи различныхъ речистоплотныхъ демагогическихъ приемовъ вытѣснить нѣмцевъ изъ страны. Для иллюстраціи экономической подкладки повѣйшаго конфликта между чехами и нѣмцами, можно указать на тотъ характерный фактъ, что въ самый разгаръ борьбы въ польскомъ городѣ Краковѣ учрежденъ былъ синдикатъ для вспомошествованія и объединенія польской и чешской, вообще молодой славянской промышленности въ ея конкуренціи съ нѣмецкой. Ядро нѣмецкой оппозиціи, главный очагъ такъ называемыхъ нѣмецко-національныхъ „шенеріапцевъ“ (последователей нѣмецкаго шовиниста Шенерера) составляли крупные нѣмецкіе фабриканты въ Рейхенбергѣ, Эгерѣ и другихъ городахъ Богеміи; что національный пылъ этихъ господъ не надо брать въ серьезъ, видно изъ того, что тамъ, гдѣ этого требовали ихъ денежные интересы, они ничтоже сумняшеся, приносили имъ въ жертву высшія „національныя“ соображенія; извѣстно, что славянскіе рабочіе, вслѣдствіе болѣе низкаго уровня ихъ культуры, имѣютъ меньше потребностей, чѣмъ нѣмецкіе рабочіе, и довольствуются поэтому менѣе высокою заработной платой; поэтому нѣмецкіе капиталисты навозятъ фабричные города Богеміи чешскими рабочими, а пресловутые прусскіе юнкеры (дворяне землевладельцы), которымъ Бисмаркъ вѣтрилъ свою свѣжиспеченную Германскую имперію, выписываютъ польскихъ и русскихъ крестьянъ, для того чтобы поппизать цѣны на земледѣльческій трудъ, и такимъ образомъ сами способствуютъ вытѣсненію нѣмецкаго элемента. Ясно, что такъ называемая національная борьба чеховъ и нѣмцевъ имѣетъ въ сущности чисто-экономическую подкладку. Вопросъ о равноправности чешскаго и нѣмецкаго языка въ судѣ и администраціи отступалъ такимъ образомъ на задній планъ.

Когда социалъдемократическіе депутаты, а за ними рабоче населеніе Вѣны, Граца и другихъ городовъ возстало противъ графа Бадени, подцензурныя русскія газеты представляли дѣло такъ,

будто великодушный графъ пострадалъ за свою попытку дать чехамъ равноправность съ нѣмцами, а социалъдемократы дѣйствовали въ интересахъ заядлыхъ нѣмецкихъ шовинистовъ, объявившихъ чеховъ „низкопробной“ нацией. Конечно, дѣло было совсѣмъ не такъ. Ни одному социалъдемократу не приходило въ голову сомнѣваться въ необходимости полной равноправности всѣхъ народностей; наоборотъ, австрійскіе социалъдемократы возмущались тѣмъ, что правительство пользуется великой идеей національной равноправности, для того чтобы сдѣлать всѣ буржуазныя партіи своими послушными рабами (какъ это случилось на этотъ разъ съ младочехами) и тѣмъ самымъ мѣшать прогрессу въ законодательствѣ и во всей политической жизни страны. Поль ширями родного языка и національныхъ идеаловъ чешская и нѣмецкая буржуазія обдѣлывали свои темныя дѣлишки; онѣ скрывали свои классовые интересы, затемняя ихъ красивыми фразами. Ставить напр., свою кандидатуру въ одномъ округѣ при выборахъ въ парламентъ какой то чешскій князь-консерваторъ, а противъ него социалъдемократъ-нѣмецъ; население округа смѣшанное; сопательные чешскіе рабочіе, конечно, голосуютъ за социалъдемократическаго кандидата; но чешская буржуазія открываетъ усиленную агитацію среди непросвѣщенныхъ еще слоевъ чешскаго пролетаріата, объявляетъ на собраніяхъ измѣнникомъ своему народу всякаго чеха, который будетъ голосовать за нѣмца...

Австрійской социалъдемократіи приходилось на каждомъ шагѣ разоблачать эти приемы противниковъ и указывать, какъ на политическую, такъ и на экономическую реакцію, вытекающую изъ національной вражды и травли, этого больного мѣста Австріи.

Разжегши съ новой силой національныя страсти чеховъ и нѣмцевъ, графъ Бадени повергъ Австрію въ какой-то дикій и безотрадный хаосъ реакціи и заустынія. Она стала притчей во языцѣхъ для всего образованнаго міра. Чуть-ли не ежедневно газеты приносили извѣстія о возмутительныхъ спенахъ, разыгрывавшихся въ Австріи; то разъяренная чешская чернь, науськиваемая буржуазіей, нападала на нѣмецкія школы и больницы и разрушала ихъ до тла, то нѣмецкіе фабриканты сотнями разсчитывали своихъ чешскихъ рабочихъ, желая отомстить на ихъ спинѣ за подвиги чешской буржуазіи; то въ парламентѣ депута-

ты разбивали другъ другу лицо въ кровь и ругались площадной бранью. Парламентъ былъ парализованъ. Национальная травля приносила свои плоды. 25-го ноября Бадени въ сообществѣ съ президентомъ палаты, Абрамовичемъ, незаконнымъ образомъ провелъ въ парламентѣ постановленіе, по которому правительству предоставлялось право вводить полицію въ залъ засѣданій парламента и употреблять ее противъ мятежныхъ депутатовъ. Это было покушеніе на свободу парламента. Парламентъ подъ опекой полиціи — это было уже слишкомъ. Теперь настала очередь за социальдемократами дѣйствовать.

Они знали, что буржуазная оппозиція ограничится одними бумажными протестами, — между тѣмъ, здѣсь надо было дѣйствовать не протестами: на насиліе нужно было отвѣтить только силой. Бадени и Абрамовичъ открыто попрали погами законъ и конституцію; социальдемократы рѣшились дать имъ достойную отвѣдь. И действительно, если-бы не они, если бы не смѣлый шагъ социальдемократическихъ депутатовъ въ парламентѣ и не народное возстаніе на улицахъ Вѣны и другихъ городовъ, — кто знаетъ, къ чему привела бы Австрію преступная политика графа Бадени, эта злошастная взаимная травля національностей! Четырнадцать депутатовъ парламента сдѣлали то, чего не могли сдѣлать все полтора ста депутатовъ буржуазной оппозиціи. Бадени наконецъ палъ. Они избавили всю Австрію отъ гнетущаго ее кошмара реакціи, своимъ энергическимъ и рѣшительнымъ поведеніемъ они вызвали народное возстаніе, которое смело преступное правительство, покусившееся на свободу парламента.

Читатель знаетъ теперь, чѣмъ вызвано было возстаніе 28-го ноября. Да проститъ онъ мнѣ бѣглость и скудость моего изложенія. И перехожу къ событіямъ этихъ великихъ дней, въ которыхъ обнаружилась сила организованнаго пролетаріата и связь его съ своими представителями въ парламентѣ.

II

Уже въ четвергъ, въ тотъ самый день, когда Абрамовичъ провелъ въ палатѣ постановленіе на счетъ полиціи, городомъ овладѣло несказанное волненіе. Все предвидѣли важныя событія, въ

воздухъ носилась гроза. Экстренныя вечернія изданія газетъ сообщали о насиліи, совершенномъ надъ конституціей, на всѣхъ перекресткахъ группы людей на расхватъ читали роковую новость. На слѣдующій день парламентъ съ ранняго утра осаждался толпами народа. Все знали, что сегодня въ парламентѣ появится полиція, и хотѣли попасть на историческое засѣданіе. На блестящей Рингъ-штрассе передъ парламентомъ толпа все прибывала. Главные входы въ парламентъ, боковые дворы его были заняты полиціей. Пикто еще не зналъ о рѣшеніи социальдемократическихъ депутатовъ, но все предвидѣлъ пѣчто изъ ряду вопль выходящее. Когда Абрамовичъ появился на трибунѣ, чтобы открыть засѣданіе, его встрѣтилъ громъ проклятій и ругательства. „Вопль его, долой его, долой президента, нарушившаго конституцію!“ — кричали ему социальдемократическіе депутаты. Блѣдный, жолчный Абрамовичъ стоитъ, скрестивъ руки на груди, и вызываете смотреть на депутатовъ. Онъ падетца на своихъ полицейскихъ. Затѣмъ онъ начинаетъ усиленно вопить въ свой предсѣдательскій колокольчикъ. Напрасно. Крикъ возобновляется. Вдругъ съ быстротою молніи социальдемократъ Бернеръ вскакиваетъ со своего мѣста, бѣжитъ къ скамьѣ министровъ, перепрыгиваетъ черезъ ихъ головы, черезъ барьеръ, окружающій предсѣдательскую трибуну, и вырываетъ колокольчикъ у ошеломленнаго Абрамовича. „Измѣнникъ народу и конституціи, вопль отсюда!“ — кричитъ онъ Абрамовичу, грозно заноса цалъ ннмъ свою руку. Въ ту-же минуту около него очутился другой социальдемократъ, Резель; онъ перескочилъ черезъ барьеръ съ другой стороны. Все это совершилось въ одно мгновение. Въ мигъ все бумаги президента летять на головы министровъ и разсыпются по скамьямъ депутатовъ. Общее замѣшательство. Министры спѣшатъ удалиться изъ залы. Абрамовичъ протискивается черезъ толпу, позорно оставивъ свой постъ. Это не Буасси д'Англа, президентъ французскаго Конвента, которому сапжкюты полнесли на пикѣ голову убитаго ими депутата; Буасси д'Англа обнажилъ голову передъ мертвецемъ, но не сошелъ съ своей трибуны, онъ цѣлый день оставался на ней, несмотря на то, что въ Конвентѣ все время прибывали тысячи вооруженнаго народа. . . . Социальдемократическіе депутаты вандали оставленную Абрамови-

чемъ предсѣдательскую трибуну и заявили, что уступать только силѣ. Пока остается у дѣлъ нарушившее конституцію преступное министерство Бадени и его пособникъ Абрамовичъ, они не допустятъ ни одного засѣданія парламента. На силу надо отвѣчать силой. — Тамъ временемъ въ корридорахъ палаты Бадени готовятъ свой преступный замыселъ; онъ ведетъ въ залу засѣданія тридцать полицейскихъ, другіе тридцать спѣшатъ на подмогу. Полиція будетъ разгонять представителей державнаго народа, посланныхъ сюда, въ высшее законодательное учрежденіе страны, десятками тысячъ гражданъ! Когда стекляныя двери парламента пропускаютъ черную роту полицейскихъ съ ихъ черными шляхами и плащами, невообразимое волненіе овладѣваетъ депутатами и публикой. Свистъ, крикъ, проклятія раздаются съ галлерей. Вспоминаются самыя патетическія сцены исторіи: вспоминается Людовикъ XIV, приходившій съ хлыстомъ въ руки въ свой парламентъ, вспоминается Карлъ I, лично явившійся въ палату общинъ, чтобы арестовать оппозиціонныхъ депутатовъ — это былъ канунъ англійской революціи, черезъ нѣсколько лѣтъ голова Карла I лежала на плахѣ, — вспоминается, наконецъ, знаменитое 18-ое брюмера, когда Наполеонъ I штыками разогналъ законодательный корпусъ... Пачинается чистка. Полицейскіе ташутъ съ трибуны социалъдемократическихъ депутатовъ; они ихъ ташутъ по ступенькамъ, волочатъ за руки, паносятъ имъ удары. Младочехи аплодируютъ. Галлерей съ шумомъ выражаютъ свое возмущеніе, всѣ машутъ платками социалъдемократамъ. Социалъдемократы—герои дня. Спокойно смотрятъ на эту сцену величавые мраморныя столбы парламента и идеологическія картины надъ баллюстрадой; никогда еще эти торжественныя своды не были свидѣтелями такого зрѣлища; никогда еще въ этихъ роскошныхъ залахъ не разыгрывалось такой борьбы.

Социалъдемократическихъ депутатовъ силой удалили изъ парламента, но своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствія они заставили и буржуазныхъ оппозиціонныхъ депутатовъ послѣдовать ихъ примѣру. Эти послѣдніе продолжали протестовать такимъ же образомъ, какъ выведенные социалъдемократы, и вынудили бюро парламента прекратить засѣданія. Наконецъ, поведеніемъ своимъ рабочіе депутаты привели въ движеніе и народныя массы.

Въ эти дни блестяще проявилась связь организованнаго пролетаріата со своими представителями въ парламентъ. Громадная Вѣна, въ которой прѣзжій совершенно теряется, словно въ омутѣ, самыя глухія ея предѣстья, забытыя закоулки, въ которыхъ, повидимому, забота о насущномъ хлѣбѣ совѣтъ убила интересъ къ политической жизни,—все это откликнулось на призывъ социалъдемократическихъ депутатовъ; даже старухи, еле двигающія ногами и ожидающія смерти у себя на припечкѣ, шептали холодящими устами, что снова наступаетъ народная буря, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ памятномъ 1848-мъ году; даже ребята, ученики и подмастерья, никогда не читавшіе газетъ, прониклись воодушевленіемъ и гурьбами отправлялись въ центръ города, къ парламенту, кричать „Pfei“ полиціи и Бадени. Всѣ рабочія общества и союзы были немедленно подняты на ноги; съ быстротою молніи, на фабрикахъ, за чертаками, въ мастерскихъ разнеслась вѣсть о неслыханномъ насиліи, причисленномъ рабочимъ депутатамъ. Правительство увидѣло, какая сила стоитъ за спиной четырнадцати социалистовъ въ парламентѣ, оно увидѣло, что конституція существуетъ уже не только на бумагѣ, что она вошла въ плоть и кровь рабочей массы, готовою жизнью своей защищать приобретенныя права. Не въ одной Вѣнѣ вспыхнуло народное возстаніе; волненіе немедленно передѣлось другимъ городамъ. Въ Грацѣ были столкновения съ войскомъ, убиты два рабочихъ, въ Лембергѣ демонстрировали тысячи рабочихъ и студентовъ, въ Краковѣ тысячи рабочихъ ожидали на вокзалѣ своего депутата Дашинскаго, одного изъ героевъ парламентской борьбы; въ Брюннѣ, гдѣ было рабочее собраніе въ 15.000 человекъ, на которое прѣхалъ редакторъ Вѣнской „Рабочей Газеты“ и одинъ изъ основателей партіи, д-ръ Аллеръ, население устроило кошачій концертъ передъ домомъ малочешскаго депутата Странскаго, одного изъ тѣхъ, которые апплодировали полиціи въ парламентѣ; въ Прагѣ демонстрація, кровавыя столкновения народа съ полиціей, въ городахъ Ашѣ, Юденбургѣ, Клагенбургѣ, Циннтау улицы полны народомъ, который до поздняго вечера демонстрируетъ противъ преступнаго правительства и требуетъ отставки министерства. Со всѣхъ сторонъ телеграфъ приноситъ извѣстіе о новыхъ волненіяхъ, о новыхъ демонстраціяхъ. Ни одно

государство не въ состояніи такъ быстро мобилизовать свою армію, какъ это сдѣлала австрійская социалъдемократія въ эти памятные дни; ни одна буржуазная оппозиція не находила такой дружной поддержки въ народѣ, какъ эти четырнадцать социалъдемократическихъ депутатовъ.

Однако возвращаюсь къ Вѣнѣ. Всѣ улицы вокругъ парламента переполнены народомъ. Конная полиція скачетъ взадъ и впередъ по широкимъ улицамъ, дѣлая „порядокъ“. Появляются исключенные изъ засѣданій социалъдемократическіе депутаты, ихъ встрѣчаютъ громкое, несмолкаемое ура; толпа подхватываетъ ихъ на плечи и качаетъ неустрашимыхъ защитниковъ конституціи. Такъ какъ рабочіе еще на работѣ, то въ толпѣ преобладаетъ пока буржуазный элементъ; рабочихъ ждутъ къ вечеру. Центромъ движенія является университетъ. Полиція буквально осаждаетъ его со всѣхъ сторонъ; по закону она не имѣетъ права ступить на университетскій дворъ и потому демонстранты скрываются сюда отъ ея преслѣдованій. На улицѣ конные полицейскіе облачаютъ шашки и рубятъ не разбирая, направо и налѣво; нѣсколько студентовъ ранены. Студентами овлаѣлъ благородный порывъ; казалось, слова наступили времена великаго 1848 года, когда студенты первые взяли за оружіе и подняли знамя возстанія. Въ субботу вечеромъ появились первыя группы рабочихъ. Великолѣпное зрѣлище представляла тогда Вѣна. Среди моря головъ чернѣетъ громадное зданіе университета; парламентъ утопаѣтъ въ волнахъ электрическаго свѣта; кругомъ него скачутъ конные полицейскіе, временами врѣзываясь въ толпу; ярко сверкаютъ ихъ шашки и кожаные шлемы; широкія аллеи Рингъ-Штрассе, смежный Ратгаузъ-Паркъ, Аркады, площадь Бургъ-Театра — все заполнено народомъ. Тысячи голосовъ поютъ „Пѣсню Труда“, марсельезу австрійскихъ рабочихъ; поютъ „Маршъ Ласкаля“, „Маршъ социалистовъ“; побѣдоносные звуки проникаютъ въ раскрытыя двери роскошныхъ ресторановъ и кофеснѣ. Коегдѣ происходитъ стычка съ зазнавшимися полицейскими, рабочіе нигомъ стаскиваютъ ихъ съ лошадей, и гулъ одобренія проносится въ толпѣ; затѣмъ, полиція получаетъ подкрѣпленіе и съ саблями на голо атакуетъ демонстрантовъ — градъ палочныхъ ударовъ сыплется на усердныхъ блюстителей порядка, и они от-

ступаютъ. И такъ до поздней ночи. Много человекъ было арестовано, но черезъ два дня ихъ всѣхъ выпустили.

Главный ударъ нанесенъ былъ въ воскресенье. Въ этотъ день, когда рабочіе освобождаются отъ работы, ожидалась самая грандіозная демонстрація. Утромъ социалдемократы созвали десять громаднѣхъ собраній; на каждое явилось по нѣскольку тысячъ человекъ; помѣщенія были такъ переполнены, что яблоку негдѣ было упасть. Торжественная серьезность и воодушевленіе были написаны на лицахъ рабочихъ; каждый сознавалъ глубокую важность момента; ораторамъ не много пришлось говорить; всѣ знали, что имъ дѣлать; всѣ готовы были жертвовать своей кровью за конституцію и свободу. Только благодаря строгой выдержкѣ и дисциплинѣ вѣнскихъ рабочихъ, въ этотъ день нигдѣ не дошло до кровопролитія. На всѣхъ собраніяхъ присутствовали полицейскіе комиссары, — въ Австріи все еще сохранился этотъ остатокъ былыхъ временъ; комиссары имѣютъ здѣсь право распускать собранія въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ, случаяхъ. Дѣйствительно, изъ девяти собраній семь было распущено полиціей, на томъ основаніи, что возбужденіе присутствующихъ дошло до опаснаго предѣла. Но собранія достигли своей цѣли. Изъ каждаго предместья тысячи рабочихъ сомкнутыми рядами отправились въ центръ города, къ парламенту; по дорогѣ къ нимъ присоединились еще тысячи; грозными волнами приливалъ народъ на Рингъ Штрассе. Въна уже видала не одну крупную народную демонстрацію; ежегодно перваго мая болѣе пятидесяти тысячъ рабочихъ отправляются черезъ весь городъ въ Пратеръ (мѣсто народнѣхъ гуляній), тринадцатаго марта, въ годовщину революціи 1848 года, десятки тысячъ народа отправляются на главное кладбище, къ могилѣ павшихъ на баррикадахъ; были сорокатысячныя демонстраціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права, — но эта демонстрація превзошла все бывшее до сихъ поръ. Такія демонстраціи исторія записываетъ на свои страницы; изъ нихъ рождаются великія событія. Полиція оказалась, конечно, безсилной передъ лицомъ сотенъ тысячъ народа. Къ ней на подмогу вышелъ полкъ конныхъ гусаръ. Это былъ послѣдній подвигъ графа Бадени, послѣднее проявленіе падающей изъ его рукъ власти, онъ и здѣсь проявилъ свою обычную государствен-

ную музрость — на народъ были посланы не нѣмецкіе солдаты, а венгерскіе, ни слова не понимающіе по нѣмецки, не понимающіе, въ чемъ дѣло, изъ-за чего возсталъ народъ, чего онъ требуетъ. Австрійское правительство всегда такъ поступаетъ: когда въ Прагѣ были народныя волненія, оно послало противъ чеховъ нѣмецкія пѣлки, когда въ 1896 году въ Пратерѣ произошла стычка между рабочими и полиціей, оно послало противъ нихъ польскихъ уланъ изъ Галиціи. Оно и здѣсь пользуется равношерстнымъ племеннымъ составомъ Австрійской имперіи, чтобы легче проводить свои преступныя замыслы. Венгерскіе гусары заняли площадь передъ парламентомъ; толпѣ пришлось потѣсниться; многіе взлѣзали на рѣшетки дворцоваго сада и встрѣчали оттуда войска криками: „да здравствуетъ международная социальдемократія! да здравствуетъ рабочій народъ! долой правительство! долой Бадени!“ Тысячеголосовое ура покрываетъ эти крики. Дружно раздаются изъ толпы революціонныя пѣсни. Любо смотрѣть тогда на рабочихъ: лица ихъ горятъ благороднымъ гнѣвомъ и рѣшимостью, каждое лицо — лицо бойца и героя, а такихъ лицъ десятки, сотни тысячъ. На крышахъ омнибусовъ, медленно подвигающихся впередъ черезъ толпу, стоятъ социальдемократы и машутъ толпѣ шляпами; одинъ развернулъ красное знамя... На одномъ имперіалѣ появляются два социальдемократическихъ депутата; толпа съ восторгомъ привѣтствуетъ своихъ представителей. „Долой министерство реакціи“, восклицаютъ депутаты. „Да здравствуетъ пролетаріатъ! да здравствуетъ свобода!“ У Бургъ-Театра рабочіе несутъ на рукахъ редактора „Народной Трибуны“; это любимый ораторъ на рабочихъ собраніяхъ; онъ самъ былъ въ молодости рудокопомъ и навѣдалъ всѣ прелести рабочей жизни. Вдругъ въ толпѣ раздается кличъ: „къ тюрьмѣ, къ тюрьмѣ!“ Тамъ сидитъ депутатъ Вольфъ. Его вчера арестовало правительство, потому что онъ пробрался въ парламентъ, несмотря на то, что президентъ исключилъ его изъ засѣданій, и полиція силою вывела его изъ залы. У зданія тюрьмы толпа устраиваетъ грандіозную демонстрацію и требуетъ освобожденія Вольфа. Рабочіе ограничиваются однако одной демонстраціей и не нападаютъ на зданіе тюрьмы; они знаютъ, что это поведетъ къ кровавому столкновенію съ войсками и будетъ лишь на руку правительству, которое обя-

вить военное положеніе и становъ стрѣлять въ безоружный народъ. Подбодренная приеутствіемъ войска, полиція начинаетъ очищать улицы отъ демонстрантовъ; гусары медленнымъ шагомъ занимають Рингъ-Штрассе; народъ отступаетъ. Къ часу дня около парламента видны только ряды лошадей да цвѣтныя куртки венгерскихъ гусаровъ. Казалось все стихло. Но скоро толпы народа опять начали стекагься со всѣхъ сторонъ. Въ кофейняхъ тѣмъ временемъ нарасхватъ читали газеты, каждый разъ входили новые посѣтители, приносили свѣжія извѣстія, вокругъ нихъ сейчасъ образовывались группы любопытныхъ. „Говорятъ, у Бургъ-Театра стрѣляли“, рассказываетъ одинъ,—и ужасъ и замѣраніе рисуются на лицахъ зрителей; въ окна доносится грозный шумъ лмкующей толпы; иногда въ попыхахъ врывается въ кофейню какой-нибудь пострадавшій буржуа, попавшій подъ копыта лошадей, съ помятымъ цилиндромъ, пальто, забрызганнымъ грязью и т. д. Время отъ времени въ дверяхъ кофейни появляется тучная фигура полицейскаго; онъ пришелъ отобрать конфискованныя газеты; въ эти дни прокуратура усердно конфисковала газеты, чуть-ли не каждая газета подверглась конфискаціи; но пока полицейскіе приходили за ними въ кофейни, ихъ, конечно, успѣвали прочесть уже сотни людей. Наконецъ, стали ходить слухи объ отставкѣ графа Бадени. Въ пять часовъ они подтвердились. Бургомистръ Вѣны подѣхалъ къ парламенту, гдѣ все еще было главное стеченіе народа, и объявилъ радостную вѣсть. Полицейскіе раздавали народу экстренныя изданія официальной „Вѣнской Газеты“, возвѣщающія объ отставкѣ министерства. Народному ликованію не было конца...

Такъ кончился этотъ знаменательный день. Это была *побѣда* улицы, какъ выражались газеты.

Бадени палъ. Его паденіе имѣетъ общее значеніе. Это первое министерство за всѣ тридцать лѣтъ конституціонной жизни Австріи, которое пало подъ непосредственнымъ давленіемъ народной воли. Еще недавно князь Виндишгрець (министръ-президентъ такъ называемой „коалиціи“ консерваторовъ и либераловъ, образовавшейся въ 1893 году, для того чтобы не допустить до осуществленія проэктъ всеобщаго избирательнаго права) презритель-

но отзывался въ парламентѣ о народныхъ демонстраціяхъ; онъ называлъ ихъ „уличными аргументами“. Исторія не замедлила дать ему хорошій урокъ: ненавистная ему улица показала свою силу, она смела „желѣзное“ министерство, какъ буря сметаетъ курятникъ...

Въ демонстраціи противъ Бадени, вмѣстѣ съ рабочими, приняла участіе также часть буржуазіи. Рядомъ съ передовыми элементами буржуазіи, возмущенными посягательствомъ Бадени на парламентъ и всею его реакціонною политикою, въ демонстраціи участвовали буржуазные нѣмецкіе шовинисты, ненавидящіе Бадени за его поблажки чехамъ; но рабочіе, которыхъ было, конечно, громадное большинство, сумѣли взять движеніе въ свои руки и освободить его отъ всякой шовинистской подмѣси.

Демонстрація рабочихъ противъ графа Бадени вызвана была не одними высшими политическими соображеніями, она отвѣчала самымъ непосредственнымъ и настоятельнымъ нуждамъ рабочихъ, — върѣе, нельзя тутъ отдѣлять „политику“ отъ этихъ конкретныхъ народныхъ требованій. Реакціонная политика графа Бадени прежде всего ложилась своею тяжестью на рабочихъ. Я уже не говорю о томъ, что нѣмецкіе фабриканты массами рассчитывали своихъ чешскихъ рабочихъ, о томъ, что безсиліе парламента сдѣлало невозможной никакую законодательную работу, такъ что о развитіи фабричнаго законодательства нельзя было и думать. Заклятый врагъ рабочихъ, графъ Бадени, больше всего подвизался на поприщѣ притѣсненія рабочихъ организацій; онъ душилъ рабочіе союзы, конфисковывалъ ни за что, ни про что рабочія газеты, арестовывалъ, во время выборовъ, рабочихъ кандидатовъ — онъ прославился своими знаменитыми галиційскими выборами, на которыхъ жандармами было убито 7 человекъ, 42 ранены и 288 арестованы; первымъ крупнымъ подвигомъ его, какъ министра, было распушеніе всеобщей австрійской организаціи желѣзнодорожниковъ, насчитывавшей свыше 35000 членовъ. . . . Какъ же могъ тутъ пролетаріатъ бороться за свои экономическія нужды, оставляя въ сторонѣ „политику“!

ХРОНИКА АРЕСТОВЪ

СМЕРТЬ С. С. КОСТРОМИНА

Инженеръ-механикъ Сергѣй Семеновичъ Костроминъ родился въ 1864 году; первоначальное образование получилъ въ одной изъ московскихъ гимназій и въ 1892 году окончилъ курсъ въ Высшемъ Техническомъ училищѣ въ Москвѣ же.

Въ Петербургъ Костроминъ пріѣхалъ въ 1894 г. и, интересуясь статистикой, поступилъ въ статистическое бюро Городской Управы, а на слѣдующій годъ былъ причисленъ къ Департаменту Таможенныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ по статистическому отдѣленію. Здѣсь онъ работалъ главнымъ образомъ надъ введеніемъ новой карточной системы собиранія статистическихъ свѣдѣній, и для лучшаго ознакомленія съ дѣломъ былъ посланъ Департаментомъ въ командировку по гадюжнямъ въ Россіи и заграницей въ концѣ 1896 г. Съ 1897 г., продолжая заниматься въ Департаментѣ, Костроминъ снова поступилъ въ Городскую Управу, гдѣ работалъ по статистикѣ населенія. Въ то же время онъ состоялъ членомъ Общества Охраненія Народнаго Дранія, для котораго въ послѣднее время готовилъ докладъ о необходимости правильной регистраціи народонаселенія Петербурга, и членомъ корреспондентомъ Вольно-Экономическаго Общества. Кромѣ того, съ самаго пріѣзда въ Петербургъ Костроминъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи труда по изслѣдованію народнаго образованія въ Россіи, предпринятаго бывшимъ Комитетомъ Грамотности и перенесеннаго, по его закрытіи, въ статистическую комиссію при Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Будучи однимъ изъ редакторовъ этого труда, Костроминъ привлекъ массу безплатныхъ работниковъ, которые собирались у него на квартирѣ и занимались подъ его руководствомъ разработкой статистическаго матеріала. Эти собранія оказались полиціи подозрительными и послужили, вѣроятно, главной причиною ареста Костромина. Въ ночь на 12-е марта къ нему явились жандармы и хотя при обыскѣ ничего недегальнаго, кромѣ литографированнаго описанія одной профессорской исторіи и литографированнаго же «Приближенія конца» Льва Толстого, не нашли. — все-таки арестовали его.

Убѣждая въ тюрьму и не зная на собой никакихъ данныхъ къ обвиненію, Костроминъ говорилъ женѣ, что дѣло, вѣроятно, выяснится.

и онъ вернется чрезъ нѣсколько дней, самое большее чрезъ недѣлю. Но его надеждѣ не суждено было сбыться.

Жена Костромкина, не получая даже извѣстій отъ мужа, и зная, что онъ человѣкъ очень нервный, стала хлопотать о томъ, чтобы его дѣло было разобрано поскорѣе, и онъ былъ бы выпущенъ на свободу, будучи увѣрена, что мужъ ея взятъ по ошибкѣ, но всѣ ея хлопоты не привели ни къ чему.

Между тѣмъ, самъ Костромкинъ, видя, что его даже не призываютъ къ допросу, отправилъ въ жандармское управленіе запросъ съ просьбой объяснить ему причину его ареста и сказать, въ чемъ его обвиняютъ.

30-го марта онъ былъ привезенъ въ Жандармское Управленіе, гдѣ ему сказали, что никакихъ свидѣній ему не могутъ дать, такъ какъ до сихъ поръ дѣла о немъ еще не получено изъ Департамента Полиціи (оно было получено только 1-го апрѣля). Въ это время въ Жандармское Управленіе случайно прѣехала г-жа Костромкина хлопотать о свиданіи съ мужемъ, которое и было допущено здѣсь же въ присутствіи товарища прокурора Кичина и жандармскаго офицера. Увидѣвъ жену, Костромкинъ бросился къ ней, разрыдался и умолялъ ее похлопотать объ его освобожденіи, говоря, что онъ не въ состояніи выносить одиночнаго заключенія. Видя, что мужъ ея очень разстроенъ, Костромкина подала 1-го апрѣля на имя товарища прокурора прошеніе, въ которомъ, указывая на болѣзненное состояніе своего мужа, просила освидѣтельствовать его и выпустить на поруки одному юриконсульту, который согласился внести и залогъ.

2-го и 4-го апрѣля Костромкинъ приглашалъ къ себѣ доктора Дома Предварительнаго Заключенія Горфинкеля, жалуюсь ему на боль въ сердцѣ и на нервное разстройство, причѣмъ докторъ прописалъ ему бромистый калий и валерьяновыя капли.

Въ то же время г-жа Костромкина, не получая отвѣта на свое прошеніе, 3-го и 4-го апрѣля была у этого же доктора въ Домѣ Предварительнаго Заключенія и спрашивала его, не получаетъ ли онъ ея прошенія и предписанія освидѣтельствовать ея мужа, и, получивъ оба раза отрицательный отвѣтъ, просила наѣстить ся мужа отъ ея имени, но получила отказъ. Тогда она поѣхала на домъ къ Кичину и послѣдній, не смотря на усиленные просьбы г-жи Костромкиной принять ее, отвѣтилъ черезъ сына, что не даетъ на дому никакихъ справокъ, и дома по дѣламъ не принимаетъ; тѣмъ не менѣе, по отвѣздѣ Костромкиной, онъ приказалъ по телефону освидѣтельствовать Костромкина.

Въ этотъ же день, когда вечеромъ дежурный надзиратель зачѣмъ то вошелъ въ камеру Костромкина, послѣдній оттолкнувъ его, выбѣжалъ изъ камеры съ намѣреніемъ броситься внизъ съ 4-го этажа, но былъ удержанъ, при чемъ оказывалъ сильное сопротивленіе, даже кусалъ руки надзирателя и кричалъ: «убейте лучше меня», «я не могу

больше жить». Его заперли въ ту же камеру и дали выпить бромистаго калия, послѣ чего онъ заснулъ; на другой день послѣ прогулки, Костроминна перевели въ нижній этажъ, но также въ одиночную камеру.

Несмотря на приказаніе Кичина освидѣтельствовать Костроминна и на запросъ его 5-го апрѣля о томъ же, послѣ того какъ онъ получилъ отъ Костроминной письмо, въ которомъ она проситъ войти Кичина въ положеніе ея больного мужа, ни 4-го, ни 5-го апрѣля докторъ не освидѣтельствовалъ Костроминна, причемъ неизвѣстно, былъ ли онъ извѣщенъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія объ этомъ приказаніи или нѣтъ. Только 6-го апрѣля утромъ явился докторъ и, освидѣтельствовавъ Костроминна, нашелъ его въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству; несмотря на то, Костроминнѣ не только не былъ вынужденъ на свободу, но даже не былъ переведенъ въ лазаретъ—на томъ основаніи, что лазаретъ общій, а Костроминнѣ — «политическій преступникъ», для перевода котораго въ общій лазаретъ требуется испросить письменное разрѣшеніе отъ жандармскаго управленія.

Въ этотъ же день вечеромъ видѣли Костроминна сидящимъ на постели и моющимъ блюдечко; черезъ нѣсколько времени дежурный надзиратель заглянулъ въ камеру Костроминна и увидѣлъ его спокойно лежащимъ на кровати, прикрытаго одеяломъ и съ краснымъ рубцемъ на шеѣ; онъ поднялъ тревогу, прибѣжалъ фельдшеръ и сталъ промывать рану на шеѣ, которая была незначительна, и замѣтилъ порѣзы на рукахъ изъ которыхъ на правой рукѣ была перерѣзана лучевая артерія тогда, когда было уже поздно; всѣ порѣзы были, очевидно, сдѣланы въ нервномъ припадкѣ половинкой блюдечка, которое Костроминнѣ передъ тѣмъ мылъ.

Костроминнѣ уже не приходилъ въ себя и минуты черезъ двѣ, какъ явился фельдшеръ, скончился, какъ констатировали въ протоколѣ врачи, отъ потери крови.

На другой день только, т. е. 7-го апрѣля, въ 10 часовъ утра объ этомъ происшествіи были извѣщены прокуроръ судебной палаты, который и приказалъ составить протоколъ о смерти Костроминна. Въ 7 часовъ вечера этого же дня жена Костроминна получила бумагу изъ Охраннаго отдѣленія, въ которой сообщалось, что мужъ ея внезапно и опасно заболѣлъ и что ей разрѣшается съ нимъ свиданіе въ 3 час. 30 мин. вечера въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Уже въ тюрьмѣ ей сказали, что мужъ ея умеръ и показали его тѣло въ мертвецкой, гдѣ была отслужена панихида. Г-жѣ Костроминной въ 11 часовъ вечера передали черезъ Начальника Охраннаго Отдѣленія Пирамидова, что завтра же въ 6 часовъ утра тѣло отвезутъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія на вокзалъ для препровожденія на Преображенское кладбище. На просьбы отдать тѣло на домъ или, по крайней мѣрѣ, повременить похоронами, Пирамидовъ

отвѣтилъ, что этого сдѣлать невозможно, такъ какъ учащаяся молодежь непременно устроитъ демонстрацію.

На другой день, т. е. 8 апрѣля, въ 6 часовъ утра, гробъ былъ вывезенъ изъ Дома Предварительнаго Заключенія и, хотя за гробомъ шли всего 7 человекъ, изъ которыхъ 4 были женщины, ихъ сопровождало нѣсколько каретъ съ жандармами. До самаго послѣдняго момента хотѣли даже отъ жены покойнаго скрыть его могилу и не хотѣли поставить на могилѣ креста; только рѣзкое и настойчивое требованіе одного изъ друзей покойнаго заставило Охрану дать знать на владбище по телеграфу о томъ, чтобы тамъ была отслужена панихида, тѣло предано землѣ въ присутствіи жены и близкихъ къ покойному лицъ, и на могилѣ былъ поставленъ крестъ.

Послѣ смерти Костромина остались жена и 3-лѣтняя дочь безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Одесса. По количеству арестованныхъ нынѣшній годъ кажется даже превзошелъ предыдущій.

10 марта 1898 г. были арестованы: Дарголецъ (столяръ на мельницѣ Вайнштейна), Пудельманъ (столяръ изъ Елисаветграда), Рудовскій (слесарь на газовомъ заводѣ), Липовецкая Целя (швея въ мастерской Залюцина) и сестра ея Фрида (чулочница въ мастерской), Бреславскій Пейсахъ и младшій братъ его Аронъ (типографы въ газетѣ «Театръ»), Переплетчикъ Давидъ (хозяинъ сапожной мастерской, освобожденъ), Корфъ и Брацловскій (сапожники; работали у Переплетчика). Коганъ (сапожникъ), Готкинъ (слесарь на фабрикѣ желѣзныхъ издѣлій Вальтуха), Левинсонъ (швея въ мастерской Залюцина), Вольфсонъ (швея; послѣднюю переводятъ на дняхъ въ Кіевъ, такъ какъ ее давно уже разыскиваютъ по кіевскому дѣлу, а теперь она была арестована подъ другимъ именемъ, но узнана была). Полякъ (швея) и братъ ея Айзикъ (Альбертъ) (изъ Кіева), Варшавскій и Бромбергъ (ученики училища «Трудъ»), студенты Майзельсъ, Касимъ и Амбизъ (освобождены въ серединѣ мая), Березинъ (интеллигентъ) Гронковская (интеллигентка), Рабиновичъ Лиза (слушательница акушерскихъ курсовъ) и братъ ея Юлій (учащійся), Мростъ (учительница), Шейнахъ (портной), Гросманъ (портной) съ женой (сейчасъ же были выпущены), Закова (слушательница акушерскихъ курсовъ), Лидерманъ (акушерка), Гольдбергъ (освобожденъ въ началѣ мая), Клушторный (литографъ, у него найдено свыше 100 экземпляровъ нелегальной литературы, данной ему на храненіе), Шапиро (столяръ на фабрикѣ).

27-го марта были арестованы: ученики изъ училища «Трудъ» Григорій Финкельштейнъ, Герцманъ, Лаловскій.

Въ началѣ апрѣля была арестована Клара Берштейнъ (акушерка, въ пятницу 22-го освобождена). Большинство изъ поименованныхъ обвиняются въ пропагандѣ или въ соучастіи, или въ распространѣніи нелегальной литературы. Слѣдствіе по этому дѣлу не закончено.

Наконецъ 19-го апрѣля арестованы: Гохбергъ (бывшій студентъ Кіевскаго университета), Эльцинъ (студентъ мѣстнаго университета), Полѣва Юзефина (интеллигентка). Обвиняются они въ печатаніи и распространѣніи прокламаціи. Прокламаціи эти были распространены въ ночь на 19-е апрѣля (1-го мая нов. стила). 1-го мая (стар. стила) были снова распространены на фабрикахъ и въ нѣсколькихъ мастерскихъ новая прокламаціи, произведшія въ нѣсколькихъ мѣстахъ сильное впечатлѣніе.

Всего мною перечисленно арестованныхъ въ Одессѣ около 40 лицъ; я полагаю, что это число можно увеличить до 50. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ сдѣланному мною предположенію послужить, быть можетъ, слѣдующій фактъ: у одной изъ арестованныхъ недавно былъ найденъ списокъ 30 лицъ арестованныхъ ранѣе. На одномъ изъ допросовъ начальникъ управленія сказалъ упомянутой дѣвицѣ: «Вашъ списокъ неполонъ; его слѣдовало бы увеличить вдвое». Затѣмъ въ нашу тюрьму привезенъ изъ Кіева Лившицъ. Изъ перевезенныхъ изъ Николаева извѣстны лишь: 4 Соколовскихъ, Шыговскій, Францъ и Бронштейнъ (передали, что сюда переведены и рабочіе). Если прибавить къ перечисленнымъ арестованныхъ еще въ 1897 году Гринштейна (привлеченъ теперь по новому дѣлу), Макадлюба и Финкельштейна Якова (отбываютъ наказаніе), Леванскую (привлечена по новому дѣлу), Берковскаго (ждетъ рѣшенія), Кейлеровъ Абрама и Дору (мужъ и жена, 18-го мая освобождены), то окажется, что у насъ въ тюрьмѣ теперь не менѣе 60—80 человекъ. Большинство держатъ себя на допросахъ, если судить по доходающимъ къ намъ «на волю» слухамъ (часто очень разнорѣчивымъ), хорошо.

Арестъ и судъ надъ В. А. Бурцевымъ въ Лондонѣ.

16-го декабря 1897 г. въ Лондонѣ арестованъ былъ русскій политическій эмигрантъ, В. А. Бурцевъ, по обвиненію его англійской прокуратурой въ подстрекательствѣ, путемъ печати, къ убійству русскаго императора. Вещественными доказательствами преступленія послужили три номера издававшася Бурцевымъ революціоннаго органа «Народоволецъ». Съ нимъ же былъ арестованъ польскій эмигрантъ Вержбицкій только потому, что онъ печаталъ этотъ журналъ въ своей типографіи.

Ясно, что все это дѣло было затѣяно по настоянію русскаго правительства.

Во всѣхъ трехъ номерахъ „Народовольца“ Бурцевъ полемизируетъ съ различными фракціями русскаго революціоннаго движенія и ратуетъ за возвращеніе къ террору, какъ къ единственному способу борьбы съ русскимъ правительствомъ, при теперешнихъ условіяхъ. Прямого подстрекательства къ немедленному террору во всѣхъ трехъ номерахъ „Народовольца“ — нѣтъ, и если въ чемъ можно обвинять Бурцева, такъ это въ подстрекательствѣ къ образованію опасной организаціи. Какъ бы то ни было, англійская прокуратура выкопала старый уголовный законъ, по которому за подстрекательство къ убійству подвергаются заключенію на тяжелыя работы, срокомъ не болѣе 10 лѣтъ.

Дѣйствуя подъ несомнѣннымъ вліяніемъ русскаго правительства, прокуроръ и судья всячески старались представить присяжнымъ, состоявшимъ изъ мелкихъ лавочниковъ, агитацію Бурцева въ ужасномъ свѣтѣ, выдергивая изъ каждой статейки, изъ каждой замѣтки „страшныя слова“. Странно было слышать, что даже судья, вмѣсто чисто юридическаго и безпристрастнаго наставленія присяжнымъ, передъ удаленіемъ ихъ изъ залы суда, произнесъ обвинительную рѣчь, по счету третью, да еще едва-ли не самую сильную.

Защита, организованная „Обществомъ Друзей Русской Свободы“, строилась на томъ совершенно вѣрномъ основаніи, что всѣ эти три номера „Народовольца“ ничуть не имѣютъ характера прямого подстрекательства къ убійству кого-нибудь, но что это есть рядъ разсужденій по поводу нѣкоторыхъ программныхъ вопросовъ, что Бурцевъ, какъ и всякій другой, имѣетъ въ Англій право держаться какихъ угодно политическихъ мнѣній до тиранубійства включительно; мало того, что онъ имѣетъ право высказывать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не переходятъ въ дѣйствіе; англійскій законъ никому не воспрещаетъ обсуждать вопросы о политическомъ террорѣ и даже о гораздо худшихъ вѣщахъ, хотя бы просто потому, что если ложныя и крайнія мнѣнія не будутъ высказываться, то они и не могутъ быть опровергаемы.

Если же мнѣнія, высказываемыя Бурцевымъ въ его „Народовольцѣ“, кажутся намъ, съ нашей англійской точки зрѣнія, — продолжалъ защитникъ — страшными и непонятными, то не менѣе непонятны для насъ и та русская дѣйствительность и тотъ русскій политической режимъ, которые породили ихъ. Можемъ-ли мы, напр., понять все прошлое этого человѣка во время его жизни въ Россіи и Сибири? За участіе въ протестѣ противъ поднесенія общестуденческаго благодарственнаго адреса желѣзнодорожному тузу, Нолякову, его держатъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ; по одному подозрѣнію въ сочувствіи революціонному движенію его высылаютъ административнымъ порядкомъ, даже безъ объявленія

причинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями другихъ молодыхъ людей, въ Сибирь. Или такіе факты, какъ бойня политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ, гдѣ было убито нѣсколько его ближайшихъ товарищей и друзей; или засѣченіе на смерть Сигиды на Карѣ, или, наконецъ, самосожженіе Вѣтровой въ Петропавловской крѣпости? Развѣ мы можемъ понять и оцѣнить надлежащимъ образомъ вліяніе всѣхъ этихъ ужасныхъ событій на молодого человека и поручиться, что мы сами, какъ ни далеки мы отъ взглядовъ Бурцева, на его мѣстѣ, не сдѣлали бы того же, что пытался дѣлать онъ самъ и его товарищи? Можемъ-ли мы послѣ этого, спрашиваю я васъ, г.г. присяжные, относиться ко всякому написанному имъ слову такъ, какъ мы сами его понимаемъ. Очевидно, нѣтъ...“

Никакія доводы защиты не могли, однако, подѣйствовать на мѣщанскія головы и сердца мелкихъ лавочниковъ, тѣмъ болѣе, что прокуратура и судья употребляли всѣ мѣры, чтобы сбить съ толку этихъ умственно мало поворотливыхъ присяжныхъ. Къ несчастію, по англійскимъ законамъ защитѣ не дается послѣдняго слова, такъ что всѣ инсинуаціи, которыя ввоздила прокуратура на Бурцева послѣ рѣчи защитника, не могли быть опровергнуты.

Въ результатѣ присяжные вынесли обвинительный приговоръ обоимъ подсудимымъ, и судья приговорилъ Бурцева къ полутора годамъ тюремнаго заключенія, съ употребленіемъ на самыя тяжкія работы, а Вержбицкаго — къ двумъ мѣсяцамъ.

По отзывамъ авторитетныхъ криминалистовъ, очень немногія, особенно крѣпкія природы могутъ выдержать, не рискуя сойти съ ума, болѣе двухъ лѣтъ такого наказанія.

Съ выходомъ въ свѣтъ настоящей книжки Сборника, редактированіе изданій „Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ“ переходитъ въ другія руки.

Группа Освобожденія Труда.

Изданія Русскихъ Соціалдемократовъ

I. Библиотека Современнаго Соціализма.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ

1. Г. Плехановъ. Соціализмъ и политическая борьба (Разошлось).
2. Фридрихъ Энгельсъ. Развитие научнаго социализма. (Второе изданіе). фр. 1.25
3. Г. Плехановъ. Наши разногласія фр. 5.—
4. Карлъ Марисъ. Рѣчь о свободѣ торговли. (Разошлось.) —.—
5. Карлъ Марисъ. Нищета философій. фр. 3.75
6. Г. Плехановъ. Фердинандъ Лассаль. фр. 1.25
7. Чего хотятъ соціалдемократы? (Разошлось) фр. —.—
8. В. И. Засуличъ. Очеркъ исторіи международнаго общества рабочихъ. (Разошлось). фр. —.—
9. Г. Плехановъ. Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомірова. фр. 1.25
10. Г. Плехановъ. Задачи социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи фр. 1.—

ВТОРАЯ СЕРІЯ

1. Фридрихъ Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ фр. 1.50
2. Фридрихъ Энгельсъ о Россіи. фр. 1.—

II. Рабочая Библиотека.

1. П. Аксельродъ. Рабочее движеніе и социальная демократія. (Разошлось). фр. —.—
2. С. Динштейнъ. Кто чѣмъ живетъ? (Второе изданіе). фр. —.30
3. Рѣчь П. А. Алексѣева. фр. —.15
4. В. И. Засуличъ. Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи. фр. —.15
5. Г. Плехановъ. Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ. (Разошлось). фр. —.—
6. Первое мая и адресъ петербургскихъ рабочихъ Шелгунову, съ предисловіемъ Г. Плеханова. (Разошлось.)
7. П. Аксельродъ. Задачи рабочей интеллигенціи (Второе изданіе). фр. —.50
8. Рабочій день, передѣлка съ польскаго. (Разошлось). —.—
9. Д. Кольцовъ. Машина. фр. —.—

III. Соціально-Революціонная Библиотека.

1. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Манифестъ Коммунистической Партіи (Готовится новое изданіе).
2. К. Марксъ. Наемный трудъ и капиталъ. (Разошлось.)
3. Ф. Лассаль. Программа работниковъ. (Разошлось.)

